

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2070-1381

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal (Russia)

97

2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Редакция:

Никонов В.А. — главный редактор, доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова;

Петрунин Ю.Ю. — зам. главного редактора, доктор философских наук;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук;

Ребрикова А.Г. — технический редактор.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Ван Слайк Д. — PhD (Сиракузский университет, США);

Ван Яарсвелд Л.С. — PhD (Университет Южной Африки, ЮАР);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Дубровская Ю.В. — кандидат экономических наук (ПНИПУ, Россия);

Зайцева Т.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Зуб А.Т. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Купряшин Г.Л. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Лексин И.В. — доктор юридических наук (МГУ, Россия);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Логинов А.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Машкова А.Л. — кандидат технических наук (ОГУ, Россия);

Михайлова О.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук (РУДН, Россия);

Осипов В.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Осипов Е.М. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Певная М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Полюшкевич О.А. — кандидат философских наук (ИГУ, Россия);

Попова С.С. — кандидат юридических наук (МГУ, Россия);

Сидоров А.В. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Смакотина Н.Л. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Сторчевой М.А. — кандидат экономических наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Судас Л.Г. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Россия);

Угнич Е.А. — кандидат экономических наук (ДГТУ, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Россия);

Халиков М.С. — доктор социологических наук (РАНХиГС, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года). Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: e-journal.spa.msu.ru/.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons:: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701. Тел.: +7 (495) 930-85-71.

E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — Editor-in-chief, DSc (History), Dean of School of Public Administration;

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy);

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD;

Maria V. Fedko — Editor, PhD;

Anastasia G. Rebrikova — Layout editor.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy) (HSE, Russia);

Sergey Yu. Glaziev — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Julia V. Dubrovskaya — PhD (PNRPU, Russia);

Tatyana V. Zaytseva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Anatoliy T. Zub — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Liza Ceciel van Jaarsveld — PhD (University of South Africa, RSA);

Manir S. Khalikov — DSc (Sociological Sciences) (RANEP, Russia);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Gennady L. Kupryashin — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Vladimir I. Leksin — DSc (Juridical Sciences) (MSU, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Russia);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Andrey V. Loginov — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Aleksandra L. Mashkova — PhD (OSU, Russia);

Olga V. Mikhailova — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Nikolay P. Narbut — DSc (Sociological Sciences) (RUDN, Russia);

Vladimir S. Osipov — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Egor M. Osipov — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Russia);

Maria V. Pevnaya — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Russia);

Oxana A. Polyushkevich — PhD (ISU, Russia);

Svetlana S. Popova — PhD (MSU, Russia);

Alexander V. Sidorov — DSc (History) (MSU, Russia);

David Van Slyke — PhD (Syracuse University, USA);

Natalia V. Smakotina — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Maxim A. Storchevov — PhD (Political Sciences) (MSU, Russia);

Larisa G. Sudas — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Russia);

Ekaterina A. Ugnich — PhD (DSTU, Russia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Russia).

The journal is officially registered with the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation. International serial number of the magazine is ISSN 2070-1381.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The goal of “E-journal. Public Administration (Russia)” is to use the possibilities of Internet to promote cutting-edge theoretical and practical developments in public, municipal and corporate administration. All issues are available on the website: ee-journal.spa.msu.ru/.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701. Telephone: + 7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Содержание

Экономические вопросы управления Economic issues in administration

- Андреев Павел Андреевич; Лаврентьев Игорь Андреевич; Сидорович Максим Анатольевич*
Определение современной отраслевой специализации регионов Дальнего Востока..... 7
Pavel A. Andreev; Igor A. Lavrentiev; Maksim A. Sidorovich
Identification of Modern Industry Specialization of Far East Regions

Социология управления Management sociology

- Калабихина Ирина Евгеньевна; Максимов Михаил Антонович*
Гендерный разрыв демографических потерь во время пандемии коронавируса: почему в России потери женщин в ожидаемой продолжительности жизни больше, чем у мужчин..... 26
Irina E. Kalabikhina; Mikhail A. Maksimov
The Gender Gap in Demographic Losses during the Coronavirus Pandemic: Why the Female Life Expectancy Losses Are More than the Male Ones in Russia
- Панова Екатерина Александровна; Андриюшина Евгения Владимировна*
Социально-трудовые конфликты в современном российском обществе..... 42
Ekaterina A. Panova; Eugenia V. Andryushina
Social and Labor Conflicts in Modern Russian Society
- Сажина Варвара Андреевна*
Понятие «российская нация» и формирование гражданской идентичности в восприятии молодежи Северного Кавказа..... 56
Varvara A. Sazhina
The Concept of «Russian Nation» and Formation of Civic Identity in the Perception of the North Caucasus Youth
- Саркисова Анна Юрьевна; Петров Евгений Юрьевич; Дунаева Дарья Олеговна*
Разработка системы лингвистических маркеров для автоматизированной выгрузки тематических текстовых данных из социальной сети..... 70
Anna Yu. Sarkisova; Evgeny Yu. Petrov; Daria O. Dunaeva
Development of a System of Linguistic Markers for Automated Unloading of Thematic Text Data from a Social Network

Правовые и политические аспекты управления Legal and political aspects of administration

- Васильев Дмитрий Андреевич*
Государственное тарифное и антимонопольное регулирование электроэнергетического комплекса: институциональный аспект..... 85
Dmitry. A. Vasilyev
State Tariff and Antimonopoly Regulation of the Electric Power Complex: Institutional Aspect

Харитоновна Наталья Ивановна

Перспективы интеграции Молдовы в НАТО 98

Natalya I. Kharitonova

Prospects for Moldova's Integration into NATO

**Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice**

Грушина Ольга Валерьевна; Русановский Владимир Алексеевич

Управление агломерационными процессами в развитии субурбанизированных территорий на примере Иркутского региона..... 112

Olga V. Grushina ; Vladimir A. Rusanovsky

Managing Agglomeration Processes in the Development of Suburbanized Territories: A Case of Irkutsk Region

Исаева Айгуль Эрнстовна; Воронов Александр Сергеевич

Бизнес-экосистема и ее влияние на государственное управление предпринимательской деятельностью: теоретический обзор предметной области..... 138

Aigul E. Isaeva; Aleksandr S. Voronov

Business Ecosystem and Its Impact on Public Administration of Business Activities: Theoretical Overview of the Subject Area

Косоруков Артём Андреевич

Нейроинтерфейсы в государственном управлении: возможности и ограничения 155

Artem A. Kosorukov

Neurointerfaces in Public Administration: Opportunities and Limitations

Купряшин Геннадий Львович

Политико-административные способности государственного управления в условиях турбулентности и неопределенности 174

Gennady L. Kupryashin

Political-Administrative Capacities of Governance in Conditions of Turbulence and Uncertainty

Судас Лариса Григорьевна

«Long COVID» в мировом общественном мнении 190

Larisa G. Sudas

«Long COVID» in World Public Opinion

Штода Анна Евгеньевна

Участие СССР в строительстве металлургических заводов в Индии..... 206

Anna E. Shtoda

Soviet Participation in Construction of Indian Metallurgical Plants

**Подготовка управленческих кадров
Administration personnel training**

Батоврина Екатерина Викторовна; Черняева Галина Владимировна

Тренинговые инструменты в современной HR-аналитике 214

Ekaterina V. Batovrina; Galina V. Cherniaeva

Training and Its Instruments in Modern HR analytics

Швыряев Павел Сергеевич

Кадровая обеспеченность в сфере информационных технологий в России: проблемы и перспективы 231

Pavel S. Shvyriaev

Staffing in the Field of Information Technology in Russia: Problems and Prospects

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-7-25

Определение современной отраслевой специализации регионов Дальнего Востока

Андреев Павел Андреевич¹

Руководитель сектора «Макроэкономическое планирование и прогнозирование», Восточный центр государственного планирования, Москва, РФ.

E-mail: p.andreev@vostokgosplan.ru

SPIN-код РИНЦ: [2643-6242](#)

ORCID ID: [0000-0003-4110-7958](#)

Лаврентьев Игорь Андреевич

Руководитель направления «Макроэкономические исследования и прогнозирование», Восточный центр государственного планирования, Москва, РФ.

E-mail: i.lavrentiev@vostokgosplan.ru

SPIN-код РИНЦ: [4035-6938](#)

ORCID ID: [0000-0003-3729-6020](#)

Сидорович Максим Анатольевич

Старший аналитик, Восточный центр государственного планирования, Москва, РФ.

E-mail: msidorovich60@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [4246-5303](#)

ORCID ID: [0000-0002-0194-0921](#)

Аннотация

Одним из факторов, определяющих стратегические направления социально-экономического развития региона, является его отраслевая специализация и формируемые на ее основе отраслевые приоритеты. Однако в стратегических документах как на федеральном, так и на региональном уровнях результаты попыток определить приоритеты отраслевого развития территорий, в том числе дальневосточных, содержат методологические и содержательные пробелы. Первый шаг на пути к формированию приоритетов отраслевого регионального развития включает поиск и определение текущего портфеля специализаций. В настоящей статье с использованием подхода Российской кластерной обсерватории и данных Росстата за 2019–2021 годы идентифицированы текущие отраслевые специализации 11 регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО), произведена оценка уровня развития отраслей специализации и дана характеристика региональных отраслевых портфелей. Определено, что специализацию Дальнего Востока формируют 29 отраслей, в них занято 34,5% работников ДФО. Самыми распространенными и развитыми являются «Добыча металлических руд» и «Добыча угля». Регионы ДФО относятся к специализированным (не полиотраслевым), так как обладают небольшими отраслевыми портфелями, и существенно различаются по числу специализаций: максимальное — в Республике Саха (Якутия) (16 ед.), минимальное — в Камчатском крае (5). Результаты данного исследования могут стать основой для дальнейшего определения отраслевых приоритетов (перспективных отраслей специализации) регионов Дальнего Востока в рамках совершенствования положений документов стратегического планирования федерального и регионального уровней.

Ключевые слова

Отраслевая специализация, региональная специализация, отраслевые приоритеты, диверсификация, региональная экономика, Дальний Восток.

Identification of Modern Industry Specialization of Far East Regions

Pavel A. Andreev²

Head of Sector of Macroeconomic Planning and Forecasting, Eastern State Planning Center, Moscow, Russian Federation.

E-mail: p.andreev@vostokgosplan.ru

ORCID ID: [0000-0003-4110-7958](#)

Igor A. Lavrentiev

Head of Department of Macroeconomic Research and Forecasting, Eastern State Planning Center, Moscow, Russian Federation.

E-mail: i.lavrentiev@vostokgosplan.ru

ORCID ID: [0000-0003-3729-6020](#)

Maksim A. Sidorovich

Senior Analyst, Eastern State Planning Center, Moscow, Russian Federation.

E-mail: msidorovich60@gmail.com

ORCID ID: [0000-0002-0194-0921](#)

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

Abstract

One of the factors that determines the strategic directions of the socio-economic development of the region is its industry specialization and the industry priorities formed on its basis. However, in strategic documents both at the federal and regional levels, the results of attempts to determine the priorities of industrial development of territories, including the Far East, contain methodological and substantive gaps. The first step towards the formation of priorities for regional industrial development includes the search and identification of the current portfolio of specialization. In this article the authors identified the current industry specializations of 11 regions of the Far Eastern Federal District, assessed the level of development of industries and characterized the regional industry portfolios, using the approach of the Russian Cluster Observatory and Rosstat data for 2019–2021. It is determined that the specialization of the Far East is formed by 29 industries. These industries employ 34.5% of workers of the Far Eastern Federal District. The most widespread and developed ones are «Metal Mining» and «Coal Mining». The regions of the Far Eastern Federal District are «specialized» (not «multi-industry»), because they have small industry portfolios. The regions differ significantly in the number of specializations: the maximum — in the Republic of Sakha (Yakutia) (16 units), the minimum — in the Kamchatka Krai (5). The results of this research can be the basis for further determining the industry priorities (perspective industries of specialization) in the regions of the Far East in the framework of improving the provisions of strategic planning documents at the federal and regional levels.

Keywords

Industry specialization, regional specialization, sectoral specialization, industry priorities, diversification, regional economy, Far East.

Введение

Отраслевая специализация является важным фактором, который определяет возможности и темпы регионального социально-экономического развития. Достижение целей социально-экономического развития в Дальневосточном федеральном округе (далее — ДФО, макрорегион) (превышение среднероссийских темпов роста показателей качества жизни населения и экономического развития до 2024 года, превышение среднероссийских показателей качества жизни населения и экономического развития до 2035 года)³ требует концентрации ограниченных ресурсов и управленческих усилий на обоснованном и ограниченном наборе направлений. Это возможно только после определения отраслевых портфелей регионов и формирования на их основе приоритетов отраслевого развития.

Однако в стратегических документах как на федеральном, так и на региональном (в рамках разработки стратегий социально-экономического развития) уровнях результаты попыток определить приоритеты отраслевого развития конкретных территорий (не только Дальнего Востока) содержат методологические и содержательные пробелы. При этом, определяя приоритетные отрасли для конкретного региона, как правило, не учитываются такие аспекты, как межрегиональное сотрудничество, координация развития в рамках макрорегиона и потенциальные позиции на международных рынках.

В 2019 году в рамках целеполагания по территориальному принципу была утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»⁴ (далее — Стратегия пространственного развития / Стратегия), в которой 11 регионов ДФО отнесены к приоритетным геостратегическим территориям.

Стратегия устанавливает для каждого региона Дальнего Востока перспективные экономические специализации (по классам ОКВЭД⁵), которые «обусловлены благоприятным сочетанием конкурентных преимуществ»⁶. Однако после публикации положения Стратегии, в том числе в части перспективных экономических специализаций, стали критиковаться

³ Указ Президента Российской Федерации от 26.06.2020 г. № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006260029> (дата обращения: 19.12.2022).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/6b41146739377_6e01cbff569935e2beba3c02df2/ (дата обращения: 20.12.2022).

⁵ «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 20.12.2022).

⁶ См. сноску 4.

в академическом сообществе [Иванов, Бухвальд 2019; Минакир 2019; Козырь 2021; Козырь 2022]. Стратегия не содержит обоснования отбора перспективных специализаций, а каждый отдельный набор региональных специализаций является простым перечислением статистически наблюдаемых на данной территории видов экономической деятельности [Минакир 2019]. Кроме того, перспективные специализации соседних регионов зачастую дублируются: например, 9 из 11 перспективных отраслей специализации Республики Бурятия совпадают с отраслями Забайкальского края. С одной стороны, такое дублирование специализаций может привести к их взаимному усилению, с другой — к неэффективному распределению ресурсов [Еферин, Куценко 2021].

По мнению ряда авторов [Куценко и др. 2018; Котов и др. 2019; Котов 2020], одним из механизмов, позволяющих повысить эффективность экономик российских регионов, может стать концепция умной специализации, разрабатываемая около 15 лет [Foray et al. 2011] и получившая наибольшее распространение в странах Европейского союза [Foray et al. 2012]. Концепция предполагает фокусировку инструментов государственной политики на инновационном развитии отраслей, конкурентоспособных на региональном, национальном и международном уровнях. Применение правил по выбору приоритетов в рамках подхода умной специализации «позволяет увидеть, что регион делает лучше всего с точки зрения сочетания собственных отраслевых и научно-технологических компетенций и где он потенциально может занять новые рыночные ниши» [Котов и др. 2019, 4].

Одним из первых шагов на пути к формированию отраслевых приоритетов регионального развития в рамках умной специализации является поиск и определение текущей отраслевой специализации региона.

В 2021 году по результатам исследования, проведенного Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, опубликован «Атлас экономической специализации регионов России» [Абашкин и др. 2021], где идентифицированы отраслевые специализации всех регионов России, в том числе регионов ДФО.

Целью настоящей работы является определение текущей отраслевой специализации 11 регионов ДФО с учетом их специфики на основе данных за 2019–2021 годы, оценка уровня развития отраслей специализации и характеристика отраслевых портфелей макрорегиона.

Методологический подход

Инструментальной основой идентификации отраслей специализации региона в рамках настоящего исследования является подход Российской кластерной обсерватории⁷ (РКО) [Куценко и др. 2018; Куценко и др. 2019; Куценко, Еферин 2019; Еферин, Куценко 2021; Абашкин и др. 2021], который представляет собой сочетание адаптированной к российским данным методологии определения значимых кластерных групп М.Портера [Porter 2003; Delgado et al. 2016] и основанной на ней методологии выявления специализаций Европейской кластерной обсерватории⁸ [Ketels, Protsiv 2014; Ketels, Protsiv 2016]. Комплексный подход РКО позволяет унифицировать процедуру выявления отраслей специализации разных регионов и проводить сравнения регионов как на внутрироссийском, так и на международном уровне.

⁷ Российская кластерная обсерватория (РКО) создана в 2012 году в структуре Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

⁸ Европейская кластерная обсерватория (The European Cluster Observatory) в 2014 году предложила методологию выявления и оценки развития отраслей специализации, в 2016 году был внесен ряд изменений в части фильтрующих условий.

Определение отраслевого портфеля происходило на основе выбора из 56⁹ кластерных групп (отраслей), состоящих из связанных друг с другом торгуемых видов экономической деятельности (ВЭД). Торгуемость отрасли означает, что ее продукция, работы и услуги реализуются или могут реализовываться в других регионах или странах, в отличие от неторгуемых отраслей, которые ориентированы на местный спрос.

Расчет производился на основе данных по среднесписочной численности работников и фонду заработной платы в разрезе групп (четвертый уровень детализации) видов экономической деятельности в соответствии с ОКВЭД2 за 2019–2021 годы.

Для определения отраслевой специализации регионов произведен расчет четырех коэффициентов (критериев): концентрация (S), локализация (LQ), производительность труда или уровень заработной платы (Productivity) и динамизм (Dynamism). Критерий считался выполненным, если регион вошел в топ-20% субъектов Российской Федерации по указанному критерию для данной отрасли (например, в топ-20% среди всех регионов по критерию LQ для отрасли «Производство и транспортировка нефти и газа»). Для обеспечения межотраслевого и межрегионального сопоставления расчет производился по каждой отрасли и по каждому региону.

В рамках методологии использовались также дополнительные фильтры (условия). Предполагается, что регион специализируется на отрасли, если выполняется хотя бы одно из условий:

- 1) концентрация — регион относится к субъектам, которые формируют 80% общестрановой занятости в данной отрасли;
- 2) локализация — регион соответствует критерию локализации (LQ).

Выполнение хотя бы одного из предлагаемых условий позволило определить отрасли специализации не только для крупных региональных экономик (с большим количеством занятых), но и для небольших (например, для Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области), при исследовании которых строгое выполнение одновременно двух условий привело бы к отсутствию отраслей специализации.

Формулы расчета коэффициентов [Абашкин и др. 2021, 232–233]:

Концентрация (S) — удельный вес численности занятых в отрасли региона в численности занятых по данной отрасли в стране в целом:

$$S_{ij} = \frac{E_{ij}}{\sum_{i=1}^m E_{ij}}, \quad (1)$$

где i — порядковый номер региона ($i = 1 \dots m$), $m = 85$; j — порядковый номер отрасли ($j = 1 \dots n$), $n = 56$; E — численность работников в отрасли в регионе (средняя за 2020–2021 годы).

Локализация (LQ) — отношение удельного веса численности занятых в отрасли региона в численности занятых по данной отрасли в стране в целом к доле всех занятых региона в численности занятых в стране в целом:

$$LQ_{ij} = \frac{\frac{E_{ij}}{\sum_{i=1}^m E_{ij}}}{\frac{TE_i}{\sum_{i=1}^m TE_i}}, \quad (2)$$

где TE — общая численность работников в регионе (средняя за 2020–2021 годы).

⁹ В рамках «Атласа экономической специализации регионов России» и данной работы отрасль «Медицинские услуги» учитывается при определении специализации регионов, но не относится к торгуемому сектору, то есть число торгуемых отраслей составляет 55 ед.

Производительность труда — для ее отражения рассчитывается размер заработной платы в отрасли в регионе:

$$Productivity_{ij} = \frac{W_{ij}}{12 \cdot E_{ij}}, \quad (3)$$

где W — объем фонда заработной платы в отрасли в регионе (средний за 2020–2021 годы).
Динамизм — динамика роста численности занятых в отрасли в регионе:

$$Dynamism_{ij} = \frac{E_{ij}^{2020} + E_{ij}^{2021}}{E_{ij}^{2019} + E_{ij}^{2020}}. \quad (4)$$

Результатом проведения расчетов четырех коэффициентов для каждой отрасли и каждого региона (в регионе могут не присутствовать все 56 отраслей) и проверки их на соответствие указанным выше критериям и условиям стал набор отраслей специализации для каждого региона ДФО. На основании данной оценки также определены типы отраслей специализации по степени их значимости (Таблица 1).

Таблица 1. Типы отраслей специализации¹⁰

Значимость	Условия		Критерии			
	Концентрация	Локализация	S	LQ	Productivity	Dynamism
Национальная и локальная	+	+	+/-	+	+/-	+/-
Национальная	+	-	+/-	+/-	+/-	+/-
Локальная	-	+	+/-	+	+/-	+/-

- отрасли национальной и локальной значимости (оба условия и хотя бы один критерий) — имеют высокое значение как для отрасли в стране в целом, так и для всей экономики региона;
- отрасли национальной значимости (только условие концентрации и минимум один критерий) — имеют более высокое значение для всей отрасли, чем для региональной экономики;
- отрасли локальной значимости (только условие локализации и хотя бы один критерий) — значимы для региональной экономики, но не для отрасли в целом.

Помимо классификации отраслей по типам значимости, авторы, используя подход РКО, распределили регионы по группам в зависимости от числа отраслей специализации, входящих в отраслевые портфели (Рисунок 1). Для этого на основе результата выполненных ранее действий было посчитано, сколько у региона отраслей специализации, и определена доля отраслей национальной и локальной значимости в общем числе отраслей специализации региона.

¹⁰ Составлено авторами по [Абашкин и др. 2021].

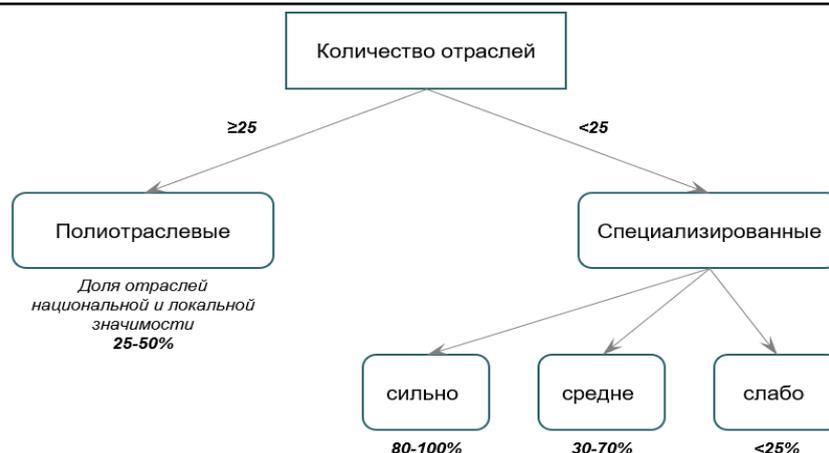

Рисунок 1. Распределение регионов по количеству отраслей специализации¹¹

Определив, к какой группе относится исследуемый регион, можно более точно выбрать необходимую стратегию в отношении дальнейшего развития отраслевой структуры региональной экономики: специализация (развитие существующих отраслей специализации) или диверсификация (создание новых отраслей, связанных или не связанных с текущим отраслевым портфелем).

Выполненные ранее расчеты коэффициентов позволили не только идентифицировать отрасли специализации того или иного региона, но и оценить уровень их развития: чем большему количеству критериев соответствует отрасль, тем выше уровень ее развития.

В оригинальной методике РКО оценка производится по 4 критериям (концентрация, локализация, производительность труда и динамизм). Динамика оценивается только по изменению числа работников, занятых в организациях отрасли. Однако в силу специфики российского рынка труда (вероятно, более типичной реакцией российского рынка труда на кризисы является механизм ценовой подстройки, то есть за счет снижения реальной заработной платы, а не количественной — в форме снижения занятости и роста безработицы [Гимпельсон и др. 2017]) в рамках настоящего исследования добавлен еще один критерий, необходимый для определения уровня развития отрасли, — реальная заработная плата, которая позволяет оценить динамику начисленной заработной платы работнику отрасли с учетом изменения цен на потребительские товары и услуги. Критерий аналогичен обозначенным ранее — вхождение в первые 20% регионов по данному показателю.

Реальная заработная плата — отношение индекса номинальной начисленной заработной платы к индексу потребительских цен за один и тот же временной период:

$$T_{ij}^{y_t - y_1} = \frac{\frac{T_{ном\ ij}^{y_t}}{T_{ном\ ij}^{y_1}}}{I_i^{y_t - y_1} \times 100\%}, \quad (5)$$

где T — реальная заработная плата в отрасли в регионе; $T_{ном}$ — номинальная заработная плата в отрасли в регионе.

$$T_{ном} = Productivity. \quad (6)$$

¹¹ Составлено авторами по [Абашкин и др. 2021]. Граница между полиотраслевыми и специализированными регионами по количеству отраслей — 25 единиц.

I — индекс потребительских цен (ИПЦ) на товары и услуги в регионе или стране, если рассматривается отрасль страны в целом. За период рассчитывается цепным методом:

$$I_i^{y_t-y_1} = \frac{I_i^{y_1+1} \times I_i^{y_1+2} \times \dots \times I_i^{y_t}}{100^{(y_t-y_1)}}, \quad (7)$$

где y_1 — год начала периода (базовый); y_t — год окончания периода (отчетный).

В итоге оценка развития отраслей специализации проведена по 5 критериям, то есть максимальный балл, который могла набрать отрасль специализации, — 5, минимальный — 1. Чем выше балл, тем выше уровень развития отрасли специализации. Такая оценка позволяет, с одной стороны, произвести сравнение отрасли специализации в исследуемом регионе с другими регионами, с другой стороны, увидеть отрасль в динамике (уменьшается или увеличивается количество баллов, то есть угасает или усиливается отрасль).

Отдельное внимание необходимо уделить неполноте доступных данных: не по всем необходимым группам ВЭД, из которых состоят отрасли специализации, публикуется информация, например по группе «Строительство кораблей, судов и плавучих конструкций» (код 30.11), входящей в отрасль «Судостроение». Другой пример связан с отраслью «Киноиндустрия». Росстат публикует данные в целом по подклассу «Производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ» (код 59.1), куда вместе с торгуемыми ВЭД попадает и неторгуемый — «Деятельность в области демонстрации фильмов» (код 59.14). Указанные особенности данных могут сильно исказить отраслевые профили регионов ДФО. Поэтому анализ отраслей дополнялся экспертной оценкой, которая является вынужденной из-за наличия недостатков в доступных статистических данных.

Торгуемый сектор экономики Дальнего Востока

По итогам 2021 года торгуемый сектор ДФО представлен 51 отраслью, в которых занято 42,9% от общего числа работников организаций (по России — 46,3% в 55 отраслях) — 6 место среди федеральных округов; номинальная заработная плата составляет 77,4 тыс. руб. (2 место среди федеральных округов; по России — 65 тыс. руб.), что на 16,7% больше, чем по экономике макрорегиона в целом.

Наибольшая занятость наблюдается в таких отраслях, как «Строительство и строительные материалы» и «Транспорт и логистика»¹², — 12,6 и 12,2% работников торгуемого сектора Дальнего Востока соответственно (Таблица 2), что объясняется большими объемами строительства в макрорегионе, в том числе в рамках реализации масштабных инвестиционных проектов, и традиционной ролью ДФО в качестве транспортного хаба между западной частью России и странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Вместе с тем при значительной трудоемкости номинальная заработная плата в этих отраслях ниже, чем в среднем в торгуемом секторе макрорегиона (64,7 и 76,4 тыс. руб. соответственно). Максимальная заработная плата отмечена в «Производстве и транспортировке нефти и газа» — 159,3 тыс. руб., минимальная, как и по стране в целом, — в отрасли «Одежда» (15,5 тыс. руб.).

¹² По России в целом эти отрасли занимают 2 и 3 место по числу работников в торгуемом секторе страны [Абашкин и др. 2021].

Таблица 2. Топ-5 отраслей торгуемого сектора ДФО по численности работников и заработной плате¹³

Численность работников	% от торгуемого сектора	Зарплата	Тыс. руб.
Строительство и строительные материалы	12,6	Производство и транспортировка нефти и газа	159,3
Транспорт и логистика	12,2	Добыча неметаллических руд	133,2
Оптовая торговля и электронная коммерция	7,8	Рыболовство и рыбоводство	122,1
Добыча металлических руд	7,3	Добыча металлических руд	121,7
Образование	6,9	Финансовые услуги	116,7

Распределение торгуемых отраслей по заработной плате и числу занятых в них работников (Рисунок 2) демонстрирует, что в ДФО, по сравнению с Россией в целом, происходит смещение в сторону «выживающих отраслей» — 31 единица против 25 по стране [Абашкин и др. 2021, 28], где наблюдается ограниченная занятость (17,5% торгуемого сектора) и оплата труда ниже среднего по торгуемому сектору (в среднем 50,8 тыс. руб.). Помимо отраслей легкой промышленности («Одежда», «Обувь», «Текстильное производство»), пищевой промышленности и сельского хозяйства («Растениеводство», «Мясная продукция», «Животноводство и смешанное сельское хозяйство», «Продукты питания», «Сельскохозяйственные услуги и производство удобрений»), в эту группу попали высокотехнологичные отрасли: «Авиастроение и космос», «Микроэлектроника и приборостроение», «Фармацевтическая продукция» и др.

Следующая группа состоит из 6 «трудоемких отраслей», на которые приходится 45,2% занятых, но только 36,7% фонда оплаты труда. Эту группу в основном формируют отрасли, представляющие сферу услуг: «Транспорт и логистика», «Оптовая торговля и электронная коммерция», «Образование» и «Туризм».

Лидерами торгуемого сектора являются «локомотивы производительности» с большой занятостью (32,7%) и высокой заработной платой (107,9 тыс. руб.). 3 отрасли из 7 в данной группе в основном ориентированы на добычу минерально-сырьевых ресурсов (уголь, нефть, газ и металлы), и только 1 относится к сфере услуг («Деловые и ИТ-услуги»). В этой группе присутствуют также традиционные для Дальнего Востока отрасли «Судостроение и водный транспорт» и «Рыболовство и производство рыбпродуктов». Четвертую группу составляют 7 «конкурентных отраслей» с низкой занятостью (4,6%), но высокой оплатой труда (107,5 тыс. руб.). Из них 3 совпадают с теми, что попали в аналогичную группу по России в целом: «Добыча неметаллических руд», «Финансы» и «Деятельность в области связи» [Абашкин и др. 2021, 28].

¹³ Составлено авторами по данным Росстата.

Отрасли специализации Дальнего Востока

К текущей специализации ДФО относятся 29 отраслей (Рисунок 3), которые встречаются в регионах федерального округа 107 раз (лидер — Центральный федеральный округ с 334 отраслями [Абашкин и др. 2021, 31]). В них занято 34,5%¹⁵ работников всей экономики Дальнего Востока.

Наиболее распространенными отраслями специализации являются «Добыча металлических руд», «Строительство и строительные материалы» и «Добыча угля» (по 9 регионов), далее идут «Лесная промышленность» и «Транспорт и логистика» (7 регионов), за ними — «Производство и передача электроэнергии», «Рыболовство и производство рыбпродуктов» и «Судостроение и водный транспорт» (по 6 регионов). Набор основных отраслей специализации еще раз подчеркивает ориентацию экономики Дальнего Востока на использование природных ресурсов (минеральных, лесных, водных биологических) и роль в транспортной системе страны.

По типам в ДФО преобладают отрасли локальной значимости — 51 единица (Рисунок 3), которые более значимы для экономик регионов, чем для отраслей в целом. Отраслей национальной и локальной значимости 35 единиц. В качестве локальной чаще всего встречается «Добыча угля», в качестве национальной и локальной — «Добыча металлических руд». Меньше всего в макрорегионе отраслей национальной значимости — 21 единица.

По совокупному уровню развития лидирует «Добыча угля» — 33 балла (Таблица 3), далее идет «Добыча металлических руд» с 32 баллами. Примечательно, что отрасль «Строительство и строительные материалы», которая распространена в качестве специализации также в 9 регионах ДФО, отстает от лидеров по уровню развития и имеет только 21 балл. Похожая ситуация складывается в группе отраслей, на которых специализируются по 6–7 регионов: «Рыболовство и производство рыбпродуктов» имеет 19 баллов, в то время как «Производство электроэнергии» и «Лесная промышленность» — по 11 и 10 баллов соответственно. Наименьший совокупный уровень развития наблюдается в таких отраслях, как «Издательское дело, дизайн и маркетинг», «Растениеводство», «Тяжелое машиностроение» и «Целлюлозно-бумажные изделия» — по 1 баллу.

¹⁵ Работники региона учитывались, только если отрасль для конкретного региона является специализацией. Например, для отрасли «Обувь» учитывались работники только Еврейской АО.

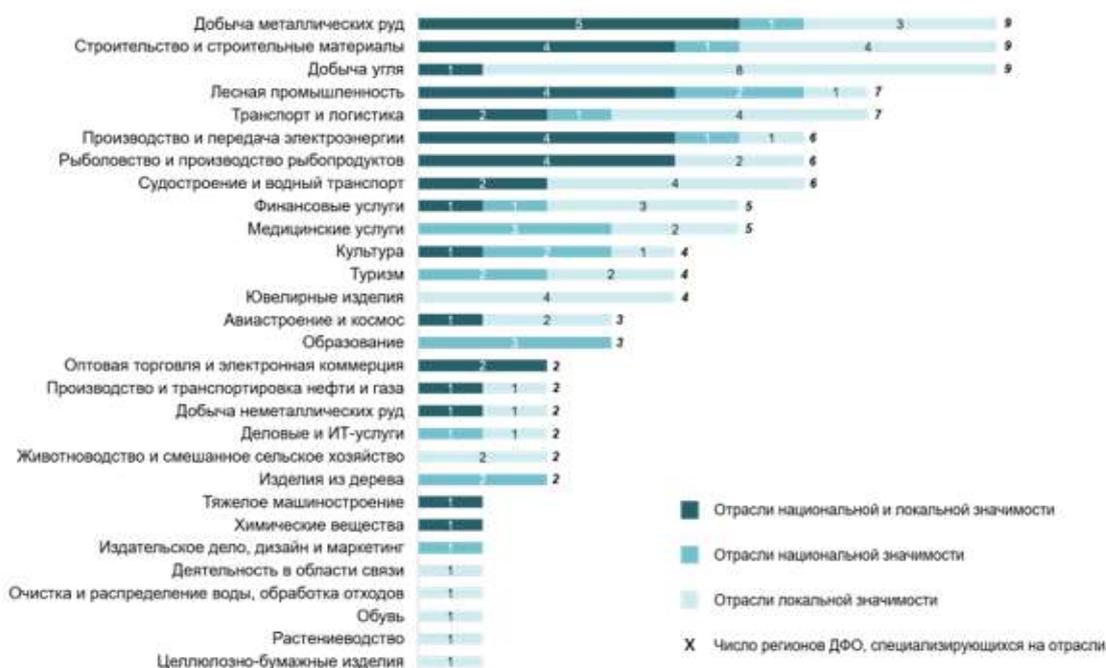

Рисунок 3. Распределение отраслей специализации Дальнего Востока по типам значимости¹⁶

Средний уровень развития отраслей специализации дальневосточных регионов (Таблица 3) невысокий — 2,4 балла (при возможном максимуме в 5 баллов). Из 29 специализаций 8 имеют средний балл выше уровня по ДФО, на них приходится 10% работников экономики макрорегиона. На специализации с более низким уровнем развития — 24,5% работников.

Таблица 3. Уровень развития отраслей специализации Дальнего Востока¹⁷

Отрасль специализации	Средний балл	Совокупный балл	Доля в экономике ДФО по занятости, %
Добыча угля	3,7	33	1,0
Добыча металлических руд	3,6	32	3,0
Ювелирные изделия	3,5	14	0,02
Добыча неметаллических руд	3,5	7	0,5
Рыболовство и производство рыбных продуктов	3,2	19	1,9
Судостроение и водный транспорт	3,0	18	1,8
Производство и транспортировка нефти и газа	3,0	6	1,0
Авиастроение и космос	2,7	8	0,8
Строительство и строительные материалы	2,3	21	4,7
Транспорт и логистика	2,0	14	4,3
Туризм	2,0	8	0,9
Деловые и ИТ-услуги	2,0	4	0,6
Животноводство и смешанное сельское хозяйство	2,0	4	0,1
Деятельность в области связи	2,0	2	0,007
Обувь	2,0	2	0,002
Очистка и распределение воды, обработка отходов	2,0	2	0,1
Химические вещества	2,0	2	0,2
Производство и передача электроэнергии	1,8	11	1,5

¹⁶ Составлено авторами по данным Росстата. Подход по [Абашкин и др. 2021].

¹⁷ Составлено авторами по данным Росстата.

Финансовые услуги	1,8	9	0,2
Культура	1,8	7	0,5
Изделия из дерева	1,5	3	0,3
Оптовая торговля и электронная коммерция	1,5	3	2,0
Лесная промышленность	1,4	10	1,0
Образование	1,3	4	1,7
Медицинские услуги	1,2	6	5,9
Издательское дело, дизайн и маркетинг	1,0	1	0,1
Растениеводство	1,0	1	0,2
Тяжелое машиностроение	1,0	1	0,2
Целлюлозно-бумажные изделия	1,0	1	0,1

В среднем относительно других отраслей специализации наиболее развиты «Добыча угля» (средний балл — 3,7) и «Добыча металлических руд» (3,6 балла). При этом в этих специализациях занято 4% работников экономики ДФО и наблюдается высокий уровень заработных плат (87,5 и 123,7 тыс. руб. соответственно)¹⁸. Высокий средний балл также фиксируется в «Добыче неметаллических руд» (3,5 балла), в которой занято всего около 0,5% работников при заработной плате в 158,8 тыс. руб. Данная отрасль в основном представлена добычей алмазов в Республике Саха (Якутия). Аналогичный уровень развития у отрасли «Ювелирные изделия» (4 региона), однако ее вклад в занятость незначителен — всего около 0,02% работников в ДФО при относительно низкой заработной плате — 64,9 тыс. руб.

Необходимо также отметить отрасль «Производство и транспортировка нефти и газа», которая является одной из наименее распространенных специализаций (представлена в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области), но обладает высоким уровнем развития (3 балла) и лидирует по размеру заработной платы (159,3 тыс. руб. в целом по торгуемому сектору, как отмечалось выше, и 180,6 тыс. руб. в регионах с данной специализацией).

Из наиболее распространенных среди регионов Дальнего Востока отраслей специализации минимальный уровень развития у «Лесной промышленности», средний балл — 1,4. В 5 регионах, в которых «Лесная промышленность» относится к специализации, в 2020–2021 годах произошло сокращение числа работников. Отрицательная динамика в отрасли связана с приостановкой работ в связи с последствиями действий по ограничению распространения COVID-19 и ограничениями экспорта необработанных лесоматериалов.

Довольно низкий средний уровень развития наблюдается и в отрасли «Транспорт и логистика» — 2 балла, несмотря на то что данная специализация относится к одной из основных в макрорегионе.

Отраслевые портфели регионов ДФО

Среднее количество специализаций на 1 регион Дальнего Востока составляет 9,7 единицы, что меньше значения по стране в целом — 15,8 единицы [Абашкин и др. 2021, 31]. Лидирует по данному показателю Приволжский федеральный округ — 21,5 единицы, ДФО занимает предпоследнее место перед Северо-Кавказским федеральным округом — 6,9 единицы.

По количеству специализаций регионы Дальнего Востока распределены неравномерно (Таблица 4). В 4-х регионах (Республиках Бурятия и Саха (Якутия), Приморском и Хабаровском краях), где занято 58% работников в ДФО, число специализаций больше среднего по федеральному

¹⁸ В тех регионах, где отрасли относятся к специализации.

округу. Большую часть специализаций данных регионов составляют отрасли национальной и локальной, национальной значимости. У 7 регионов специализаций меньше среднего уровня по ДФО, основу их специализации составляют локальные отрасли.

Необходимо отметить, что некоторые специализации корректировались экспертно с учетом особенностей регионов.

Например, для Камчатского края, Магаданской области и Чукотского автономного округа в качестве специализации идентифицирована отрасль «Производство и распределение электроэнергии». Однако структура энергетического комплекса ДФО разнородна: только часть регионов подключена к Единой энергетической системе (ЕЭС) России (регионы, расположенные вдоль Транссиба и БАМа). Энергосистемы указанных выше субъектов территориально изолированы. При этом энергосистема Магаданской области отпускает значительную часть электроэнергии для обеспечения энергоснабжения Оймяконского улуса Республики Саха (Якутия)¹⁹ — около 7,4% производимой в области электроэнергии. В Камчатском крае энергосистема не имеет связи с другими регионами²⁰, а энергосистема Чукотского автономного округа за пределами своей территории связана только с п. Черский Республики Саха (Якутия) (менее 2% производимой в округе энергии)²¹. Таким образом, динамика выпуска данной отрасли в Камчатском крае и Чукотском автономном округе полностью определяется конъюнктурой спроса в самих регионах, поэтому в силу специфики их энергосистем мы классифицируем отрасль «Производство и передача электроэнергии» в качестве местной (неторгуемой) и не относим к текущей специализации данных регионов.

Скорректирован также отраслевой портфель Забайкальского края, который является одним из лидеров по объемам продукции животноводства ДФО. Отрасль «Животноводство и смешанное сельское хозяйство» была отнесена к специализации локальной значимости данного региона, так как почти 90% продукции животноводства в крае производится хозяйствами населения, которые не учтены в использованной статистике по количеству работников и фонду оплаты труда, что вызвало значительное занижение рассчитываемых коэффициентов.

Для Забайкальского и Хабаровского краев, Магаданской и Сахалинской областей, а также Чукотского автономного округа исключена из специализаций «Киноиндустрия», которая была идентифицирована в качестве отрасли локальной значимости из-за искажения, вызванного попаданием в статистику данных по местному ВЭД «Деятельность в области демонстрации фильмов» (деятельность кинотеатров).

«Растениеводство» добавлено в отраслевой портфель Амурской области, где сложилась соответствующая специализация, ориентированная на производство сои. Область занимает первое место среди всех регионов страны по валовому сбору сои, производя более 20% сельскохозяйственной культуры в стране. Кроме того, коэффициент локализации по «Растениеводству» в Амурской области составляет 1,7, что формально также позволяет отнести отрасль к специализации региона.

¹⁹ «Схема и программа развития электроэнергетики Магаданской области на 2020–2024 годы» (утв. Распоряжением Губернатора Магаданской области 30.04.2020 № 83-у) // АРВЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://rreda.ru/sipr> (дата обращения: 05.01.2023).

²⁰ «Схема и программа развития электроэнергетики Камчатского края на 2022–2026 годы» (утв. Распоряжением Губернатора Камчатского края от 29.04.2022 № 285-Р) // Правительство Камчатского края [Электронный ресурс]. URL: <https://kamgov.ru/minzkh/shema-i-programma-razvitia-energetiki-kamcatskogo-kraa> (дата обращения: 05.01.2023)

²¹ Схема и программа развития электроэнергетики Чукотского автономного округа на 2020–2024 годы (утв. Распоряжением Губернатора Чукотского автономного округа от 15.05.2020 № 171-пр) // Чуколка.рф [Электронный ресурс]. URL: https://чукотка.рф/upload/iblock/42d/-171_rg.doc (дата обращения: 05.01.2023).

Наиболее диверсифицированы отраслевые портфели (с точки зрения количества специализаций) у Республики Саха (Якутия), Приморского и Хабаровского краев — по 16, 15 и 15 отраслей соответственно, наименее — у Еврейской автономной области и Камчатского края (по 6 и 5 отраслей соответственно). При этом, несмотря на значительное число отраслей специализации относительно других регионов ДФО, в Якутии 4 отрасли относятся к добывающему сектору экономики, который формирует около 50% ВРП. В данном случае степень диверсификации экономики региона в целом остается на низком уровне.

Наибольшую занятость в отраслях специализации Дальнего Востока также формируют Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский край. При этом вклад Якутии в занятость в отраслях специализации в 1,9 раза больше, чем вклад в экономику макрорегиона в целом, — 19,8% против 10,3% соответственно. В Приморском и Хабаровском краях подобное соотношение составляет 1,2 и 1,1 соответственно. Обратная ситуация сложилась в Еврейской автономной области, Забайкальском крае и Сахалинской области, где вклад в занятость в отраслях специализации меньше вклада в общую занятость — в 0,4, 0,6 и 0,6 раза соответственно.

Уникальные для ДФО специализации, которые не повторяются в других регионах федерального округа, имеют Республика Бурятия («Тяжелое машиностроение» и «Целлюлозно-бумажные изделия»), Республика Саха (Якутия) («Издательское дело, дизайн и маркетинг»), Забайкальский край («Химические вещества»), Магаданская область («Деятельность в области связи»), Сахалинская область («Очистка и распределение воды, обработка отходов») и Еврейская автономная область («Обувь»).

В 7 региональных отраслевых портфелях присутствуют отрасли высокотехнологичной промышленности, однако их разнообразие невелико: «Судостроение и водный транспорт» (в 6 регионах), «Авиастроение и космос» (в 3 регионах) и «Тяжелое машиностроение (в 1 регионе).

Таблица 4. Отраслевые портфели регионов Дальнего Востока²²

Отрасль специализации	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская АО	Чукотский АО
Авиационное и космическое	Л				Л	НЛ					
Деловые и ИТ-услуги		Н						Л			
Деятельность в области связи								Л			
Добыча металлических руд	Л	НЛ	НЛ	Л		Н	НЛ	НЛ		Л	НЛ
Добыча неметаллических руд		НЛ								Л	
Добыча угля	Л	НЛ	Л		Л	Л	Л	Л	Л		Л
Животноводство и смешанное сельское хозяйство			Л								Л
Издательское дело, дизайн и маркетинг		Н									
Изделия из дерева					Н	Н					
Культура	Л	НЛ			Н	Н					
Лесная промышленность	НЛ	Н	НЛ		НЛ	НЛ	Н			Л	
Медицинские услуги	Л	Н	Л		Н	Н					
Образование		Н			Н	Н					
Обувь										Л	
Оптовая торговля и электронная коммерция					НЛ	НЛ					
Очистка и распределение воды, обработка отходов									Л		
Производство и передача электроэнергии	НЛ	НЛ	НЛ			Н	НЛ	Л			
Производство и транспортировка нефти и газа		НЛ							Л		
Растениеводство							Л				
Рыболовство и производство рыбных продуктов				НЛ	НЛ	НЛ		Л	НЛ		Л
Строительство и строительные материалы		НЛ	ЛН	Л	НЛ	Н	НЛ	Л		Л	Л
Судостроение и водный транспорт		Л		Л	НЛ	НЛ			Л		Л
Транспорт и логистика		Н			НЛ	НЛ	Л	Л	Л		Л
Туризм				Л	Н	Н			Л		
Тяжелое машиностроение	НЛ										
Финансовые услуги		НЛ	Л		Н					Л	Л
Химические вещества			НЛ								
Целлюлозно-бумажные изделия	Л										
Ювелирные изделия	Л	Л			Л			Л			
Всего отраслей специализации	10	16	9	5	15	15	7	9	7	6	8

²² Составлено авторами. Л — локальная значимость, Н — национальная значимость, НЛ — национальная и локальная значимость.

Все регионы Дальнего Востока отнесены к специализированным. Доля отраслей национальной и локальной значимости в отраслевых портфелях варьируется от 0% (Еврейская автономная область) до 56% (Забайкальский край).

Распределение регионов по группам сложилось следующим образом:

- среднеспециализированные: Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Приморский край и Хабаровский край;
- слабоспециализированные: Камчатский край, Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Магаданская область и Еврейская автономная область.

Приоритетными для данных групп регионов могут быть стратегии развития, направленные на формирование новых отраслей локальной значимости и увеличение числа отраслей национальной значимости за счет трансформации текущих отраслей локальной значимости [Абашкин и др. 2021, 39].

Заключение

Обоснованная идентификация текущих специализаций регионов Дальнего Востока является необходимой частью верификации приоритетов отраслевого развития, так как выявляются отрасли, в которых регионы ДФО уже имеют некоторые конкурентные преимущества по сравнению с другими регионами России (кадровые, технологические, научные и т.д.).

Особенностью торгуемого сектора экономики Дальнего Востока является то, что его ведущие отрасли ориентированы на добычу полезных ископаемых: металлических руд, угля, нефти и газа — и на обеспечение деятельности по их добыче («Производство и передача электроэнергии»). Среди лидеров только одна отрасль относится к сфере услуг («Деловые и IT-услуги») и одна — к высокотехнологичной промышленности («Судостроение и водный транспорт»). Среди лидеров торгуемого сектора отличительной для макрорегиона является также отрасль «Рыболовство и производство рыбных продуктов».

Специализацию Дальнего Востока формируют 29 отраслей, которые имеют средний балл развития, равный 2,4 из 5 возможных. Самыми распространенными и самыми развитыми (как в среднем, так и совокупно) являются «Добыча металлических руд» и «Добыча угля», которые представлены в большинстве регионов ДФО. При этом «Добыча угля» в большей степени имеет локальную значимость. Примечательно, что другие наиболее распространенные специализации, за исключением «Рыболовства и производства рыбных продуктов» и «Судостроения и водного транспорта», демонстрируют уровень развития ниже среднего по макрорегиону.

Регионы ДФО обладают небольшими отраслевыми портфелями и по числу специализаций распределены неравномерно: максимальное число специализаций — 16 (Республика Саха (Якутия)), минимальное — 5 (Камчатский край). При этом отраслевые портфели соседних Приморского и Хабаровского краев совпадают на 87%, 13 из 15 специализаций дублируются.

Таким образом, для максимизации стимулирующего эффекта мер государственной поддержки экономики регионов необходимо учитывать их специализации. Важным элементом реализации стратегий экономического развития в ДФО должна стать приоритетная поддержка межрегиональной кооперации как для развития смежных отраслей, так и для взаимного усиления и формирования отраслей на надрегиональном уровне, а также поддержка диверсификации отраслевых региональных портфелей. Для этого при определении перспективных специализаций необходимо рассматривать регионы не изолированно, а принимать во внимание региональные портфели соседних регионов (в том числе зарубежных).

Результаты данного исследования в сочетании с «Атласом экономической специализации регионов России» могут стать основой для дальнейших шагов по определению отраслевых приоритетов (перспективных отраслей специализации) регионов Дальнего Востока в рамках совершенствования положений документов стратегического планирования федерального и регионального уровней.

Список литературы:

Абашкин В.Л., Гохберг Л.М., Еферин Я.Ю., Иванова Е.А., Куценко Е.С., Нечаева Е.Г., Тюрчев К.С. Атлас экономической специализации регионов России. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. DOI: [10.17323/978-5-7598-2379-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2379-7)

Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л., Ощепков А.Ю., Роцин С.Ю., Смирных Л.И., Травкин П.В., Шарунина А.В. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. М.: Центр стратегических разработок, 2017.

Еферин Я.Ю., Куценко Е.С. Адаптация концепции умной специализации для развития регионов России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 75–110.

Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. «Перспективная экономическая специализация» как новация политики регионального развития // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 6. С. 49–65. DOI: [10.24411/2071-6435-2019-10122](https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10122)

Козырь Н.С. Стратегия пространственного развития: проблемы идентификации перспективных экономических специализаций субъектов РФ // Экономические стратегии. 2021. № 2. С. 16–21. DOI: [10.33917/es-2.176.2021.16-21](https://doi.org/10.33917/es-2.176.2021.16-21)

Козырь Н.С. Стратегия пространственного развития России: белые пятна в специализациях регионов // Вестник университета. 2022. № 1. С. 43–49. DOI: [10.26425/1816-4277-2022-1-43-49](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-43-49)

Котов А.В. Методический подход к определению умной специализации регионов России // Регион: экономика и социология. 2020. № 2. С. 22–45. DOI: [10.15372/REG20200202](https://doi.org/10.15372/REG20200202)

Котов А.В., Гришина И.В., Польшин А.О. Умная специализация региона – вариант решения для России. М.: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 2019.

Куценко Е., Еферин Я. «Водовороты» и «тихие гавани» в динамике отраслевой специализации регионов России // Форсайт. 2019. Т. 13. № 3. С. 24–40. DOI: [10.17323/2500-2597.2019.3.24.40](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.3.24.40)

Куценко Е., Исланкина Е., Киндрас А. Можно ли быть умным в одиночестве? Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте умной специализации // Форсайт. 2018. Т. 12. № 1. С. 25–45. DOI: [10.17323/2500-2597.2018.1.25.45](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.1.25.45)

Куценко Е.С., Абашкин В.Л., Исланкина Е.А. Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 65–89. DOI: [10.32609/0042-8736-2019-5-65-89](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89)

Минакир П.А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. 2019. № 4. С. 967–980. DOI: [10.17059/2019-4-1](https://doi.org/10.17059/2019-4-1)

Delgado M., Porter M.E., Stern S. Defining Clusters of Related Industries // Journal of Economic Geography. 2016. Vol. 16. Is. 1. P. 1–38. DOI: [10.1093/jeg/lbv017](https://doi.org/10.1093/jeg/lbv017)

Foray D., David P., Hall B. Smart Specialization from Academic Idea to Political Instrument, The Surprising Career of a Concept and the Difficulties Involved in Its Implementation // MTEI Working Paper-2011–001. 2011. URL: <https://infoscience.epfl.ch/record/170252?ln=en>

Foray D., Goddard J., Beldarrain X.G., Landabaso M., McCann P., Morgan K., Nauwelaers C., Ortega-Argiles R. *Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialisation (RIS 3)*. Brussels: European Commission. 2012.

Ketel C., Protsiv S. *Methodology and Findings Report for a Cluster Mapping of Related Sectors*. Stockholm: Stockholm School of Economics, 2014.

Ketels C., Protsiv S. *European Cluster Panorama*. Stockholm: Stockholm School of Economics. 2016.

Porter M. *The Economic Performance of Regions // Regional Studies*. 2003. Vol. 37. Is. 6–7. P. 549–578. DOI: [10.1080/0034340032000108688](https://doi.org/10.1080/0034340032000108688)

References:

Abashkin V., Gokhberg L., Eferin Y., Ivanova E., Kutsenko E., Nechaeva E., Tyurchev K. (2021) *Atlas ekonomicheskoy spetsializatsii regionov Rossii [Atlas of economic specialisation of russian regions]*. Moscow: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki". DOI: [10.17323/978-5-7598-2379-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2379-7)

Delgado M., Porter M.E., Stern S. (2016) Defining Clusters of Related Industries. *Journal of Economic Geography*. Vol. 16. Is. 1. P.1 –38. DOI: [10.1093/jeg/lbv017](https://doi.org/10.1093/jeg/lbv017)

Eferin Y., Kutsenko E. (2021). Adjusting Smart Specialization Concept for Russian Regions. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 3. P. 75–110.

Foray D., David P., Hall B. (2011) Smart Specialization from Academic Idea to Political Instrument, The Surprising Career of a Concept and the Difficulties Involved in Its Implementation. *MTEI Working Paper-2011-001*. Available: <https://infoscience.epfl.ch/record/170252?ln=en>

Foray D., Goddard J., Beldarrain X.G., Landabaso M., McCann P., Morgan K., Nauwelaers C., Ortega-Argiles R. (2012) *Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialisation (RIS 3)*. Brussels: European Commission.

Gimpelson V., Zudina A., Kapelyushnikov R., Lukyanova A., Oshchepkov A., Roshchin S., Smirnykh L., Travkin P., Sharunina A. (2017) *Rossiyskiy rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnyye izmeneniya [Russian labor market: Trends, institutions, structural changes]*. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok.

Ivanov O.B., Buchwald E.M. (2019). «Perspective Economic Specialization» as the Innovation of the Regional Development Policy. *Etap: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika*. No. 6. P. 49–65. DOI: [10.24411/2071-6435-2019-10122](https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10122)

Ketels C., Protsiv S. (2014) *Methodology and Findings Report for a Cluster Mapping of Related Sectors*. Stockholm: Stockholm School of Economics.

Ketels C., Protsiv S. (2016) *European Cluster Panorama*. Stockholm: Stockholm School of Economics.

Kozyr N.S. (2021) Spatial Development Strategy: Identification Problems of the Russian Promising Economic Specializations. *Ekonomicheskiye strategii*. No. 2. P. 16–21. DOI: [10.33917/es-2.176.2021.16-21](https://doi.org/10.33917/es-2.176.2021.16-21)

Kozyr N.S. (2022) Russian Spatial Development Strategy: Blind Spots in Regional Specialisations. *Vestnik Universiteta*. No. 1. P. 43–49. DOI: [10.26425/1816-4277-2022-1-43-49](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-43-49)

Kotov A.V. (2020) Methodological Approach to Smart Specialization for the Russian Regions. *Region: Ekonomika i sotsiologiya*. No. 2. P. 22–45. DOI: [10.15372/REG20200202](https://doi.org/10.15372/REG20200202)

Kotov A.V., Grishina I.V., Polynev A.O. (2019) *Umnaya spetsializatsiya regiona – variant resheniya dlya Rossii [Smart specialization of the region – a solution option for Russia]*. Moscow: Vserossiyskaya akademiya vneshney trgovli Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii.

Kutsenko E., Eferin Y. (2019) "Whirlpools" and "Safe Harbors: in the Dynamics of Industrial Specialization in Russian Regions. *Forsayt*. Vol. 13. No. 3. P. 24–40. DOI: [10.17323/2500-2597.2019.3.24.40](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.3.24.40)

Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. (2018) Smart by Oneself? An Analysis of Russian Regional Innovation Strategies within the RIS 3 Framework. *Forsayt*. Vol.12. No.1. P.25–45. DOI: [10.17323/2500-2597.2018.1.25.45](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.1.25.45)

Kutsenko E., Abashkin V., Islankina E. (2019) Focusing Regional Industrial Policy via Sectoral Specialization. *Voprosy Ekonomiki*. No. 5. P. 65–89. DOI: [10.32609/0042-8736-2019-5-65-89](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89)

Minakir P.A. (2019) Russian Economic Space: Strategic Impasses. *Ekonomika regiona*. No. 4. P. 967–980. DOI: [10.17059/2019-4-1](https://doi.org/10.17059/2019-4-1)

Porter M. (2003) The Economic Performance of Regions. *Regional Studies*. Vol. 37. Is. 6–7. P. 549–578. DOI: [10.1080/0034340032000108688](https://doi.org/10.1080/0034340032000108688)

Дата поступления/Received: 26.01.2023

Социология управления
Management sociology

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-26-41

**Гендерный разрыв демографических потерь во время пандемии коронавируса:
почему в России потери женщин в ожидаемой продолжительности жизни больше,
чем у мужчин**

Калабихина Ирина Евгеньевна

Доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: ikalabikhina@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 4797-0588

Максимов Михаил Антонович

Магистрант, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: mihailmaximov000@gmail.com

Аннотация

Россия — практически единственная страна с надежной статистикой, в которой ожидаемая продолжительность жизни при рождении в годы пандемии коронавируса в 2020–2021 гг. у женщин упала сильнее, чем у мужчин. Авторы на основе региональных данных с использованием МНК-модели обсуждают связь между женским демографическим проигрышем в годы пандемии в регионах России и демографическими и социальными детерминантами — факторами, ассоциированными с гендерным равенством (на рынке труда в зарплате и в занятости), с профессиональной сегрегацией (работа в медицинских организациях на позициях медперсонала различного уровня), демографическим развитием региона (успехи в увеличении продолжительности жизни у мужчин и женщин за последние годы), показателями цифровизации (доля людей, пользующихся электронными государственными сервисами, доля людей, использующих интернет для покупок товаров). Результат исследования — более высокая, по сравнению с мужской, женская сверхсмертность в регионах России связана с наличием гендерного неравенства, что, однако, требует дополнительного изучения, поскольку в других странах не фиксируется эта связь с гендерным неравенством. Фактор цифровизации (использование цифровых государственных услуг) показал незначимую связь. Фактор модернизации (участие в онлайн-торговле) — контринтуитивную: модернизация способствует сверхсмертности. Демографический фактор показал значимость только для мужчин: возможно, это связано с более высокой смертностью мужской части населения. Полученный нами результат лишь частично дает ответ на вопрос, почему в России ОПЖ₀ женщин упала в пандемию значительно сильнее, чем ОПЖ₀ мужчин; в других странах, видимо, эти показатели были скомпенсированы адресной государственной социальной политикой или строгостью исполнения введенных ограничительных правил, что требует дополнительных исследований.

Ключевые слова

Пандемия коронавируса, избыточная смертность, гендерное неравенство, ожидаемая продолжительность жизни, факторы смертности.

**The Gender Gap in Demographic Losses during the Coronavirus Pandemic:
Why the Female Life Expectancy Losses Are More than the Male Ones in Russia**

Irina E. Kalabikhina

DSc (Economics), Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ikalabikhina@yandex.ru

Mikhail A. Maksimov

Master's degree student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: mihailmaximov000@gmail.com

Abstract

Russia is practically the only country with reliable statistics in which life expectancy at birth during the coronavirus pandemic in 2020–2021 fell more for women than for men. Based on regional data and using an OLS model, the authors discuss the relationship between women's demographic loss during the pandemic years in the regions of Russia and demographic and social determinants — factors associated with gender equality (in the labor market in wages and employment), with occupational segregation (work in medical organizations in the positions of medical staff at various levels), the demographic development of the region (success in increasing life expectancy for men and women in recent years), digitalization indicators (the share of people using electronic government services, the share of people using the Internet to buy goods). The result of the study is that higher compared to male female supermortality in the regions of Russia is associated with the presence of gender inequality, which, however, requires additional study, since this relationship with gender inequality is not recorded in other countries. The digitalization factor (use of digital public services) showed a non-significant relationship. The modernization factor (participation in online trading) is counter-intuitive — modernization contributes to excess mortality. The demographic factor showed significance only for men — perhaps this is due to the higher mortality of the male part of the population. The result we obtained only partially answers

the question why in Russia LEO of women fell during the pandemic much more than LEO of men — in other countries, apparently, they were compensated by the targeted state social policy or the strict enforcement of the introduced restrictive rules, which requires additional research.

Keywords

Coronavirus pandemic, excess mortality, gender inequality, life expectancy, mortality factors.

Введение

Пандемия коронавируса и связанные с ней ограничения со стороны государства могли по-разному влиять на представителей разного пола [Калабихина 2022]. Во время пандемии коронавируса ожидаемая продолжительность жизни сократилась в большинстве стран мира. При этом следует отметить, что практически во всех странах с надежной статистикой смертности, кроме России, смертность мужчин в пандемию была выше, чем у женщин (за исключением Болгарии, где наблюдается незначительное превышение женской смертности, и некоторых стран Северной Европы, где разрывы практически не наблюдались) [Aburto et al. 2022].

Более того, во всех странах, имеющих гендерную статистику смертности в пандемию (без оценки ее надежности), мы замечаем преимущественно мужской перевес в смертности. На каждые 10 случаев у женщин в среднем в мире мы имеем следующее число случаев у мужчин: 13 смертей, 12 госпитализаций, 17 ИВЛ, 10 случаев заболеваний, 15 случаев заболеваний, приведших к смерти (при почти равном числе тестов и вакцинаций (8 тестов и 10 вакцинаций))¹.

В России гендерный разрыв в падении ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ₀) был значительным: женщины потеряли 3,66 лет за два года пандемии, мужчины — 2,73 года (данные Росстата, 2022). Почти год жизни — это существенное отличие между полами.

Целью этой работы является выявление факторов, которые могли бы повлиять на гендерный разрыв в падении продолжительности жизни во время пандемии коронавируса в России. Задачами этой работы последовательно являются:

- описание гендерного разрыва в потерях ОПЖ₀ в период пандемии коронавируса; при этом особая ситуация отмечена в России;
- систематизация факторов мужской, женской и общей сверхсмертности во время пандемии коронавируса на основе литературы;
- определение возможных детерминант, связанных с гендерным разрывом демографических потерь во время пандемии коронавируса в российских регионах;
- выявление связи между найденными детерминантами и разницей в размерах падения ОПЖ₀ у мужчин и женщин в России.

Гендерный разрыв демографических потерь во время пандемии коронавируса

Первые волны пандемии коронавируса показали, что у женщин вероятность умереть от коронавируса несколько ниже, чем у мужчин, хотя при этом уровень заражения у женщин был в среднем выше, чем у мужчин. По данным для развитых стран с хорошей статистикой, у мужчин смертность от коронавируса в среднем была в 1,8 раз выше, чем у женщин, на протяжении первых волн [Калабихина 2022]. Однако при этом не было выявлено значительных отличий пандемии коронавируса от эпидемий других вирусных заболеваний с точки зрения тенденций в гендерном разрыве смертности. Исследование по 27 странам Европы за 2016–2020 гг. показало, что мужская сверхсмертность в периоды повышенной активности вирусов растет сильнее, чем женская и общая

¹ The COVID-19 Sex-Disaggregated Data Tracker // Global Health 50:50 [Электронный ресурс]. URL: <https://globalhealth5050.org/the-sex-gender-and-covid-19-project/the-data-tracker/?explore=variable> (дата обращения: 18.02.2023).

сверхсмертность, а соотношение между ростом мужской и женской сверхсмертности примерно одинаковое во все эпидемии за рассматриваемый период, при этом COVID-19 не представлял собой нечто особенное в этом смысле [Nielsen et al. 2021].

Отметим, что, поскольку из-за неточностей в фиксации смертей из-за коронавирусной инфекции как причины смертности, говорить следует именно об избыточной смертности от всех причин. Тем не менее можно утверждать, что избыточная смертность в целом отражает смертность от коронавируса: так, на данных по США было показано, что в 2020 г. вклад всех причин, кроме коронавируса, в общую смертность не превышал 30% [Aburto et al. 2022]. Однако в ряде исследований указывается, что во время пандемии коронавируса смертность от нековидных причин среди мужчин также выросла. Исследование на данных 2020–2021 гг. по США показало, что смертность от всех причин, кроме коронавируса, в США выросла в 2020 г. по сравнению с 2015–2019 гг., а в 2021 г. еще сильнее для всех возрастных групп, кроме детей и пожилых (возможное объяснение — те, кто мог умереть в 2021 г. от непандемических причин, умерли от коронавируса в 2020 г.), причем у мужчин она выросла сильнее, чем у женщин [Ludden et al. 2022].

Более высокие потери мужского населения во время пандемии коронавируса подтверждаются также и наблюдениями по ожидаемой продолжительности жизни при рождении. По данным Евростата, в 2020 и 2021 гг. в более чем половине стран Европы падение ОПЖ₀ было сильнее у мужчин, чем у женщин, но при этом различие в падении ОПЖ₀ не составило больше 0,3 года². В остальных странах различий, как правило, не наблюдалось. В то же время в России падение ОПЖ₀ имело иной характер: в 2021 г., по сравнению с 2019 г., ОПЖ₀ у мужчин упал на 2,73 года (с 68,24 года до 65,51 года), а у женщин почти на один год больше — на 3,66 года (с 78,17 года до 74,51 года) (по данным Росстата, 2022). Такая большая разница в падении ОПЖ₀ требует объяснения, учитывая, что в странах с надежной статистикой смертности гендерная разница в потерях лет жизни либо отсутствует, либо существенно ниже. И что важно — в отличие от России, в худшем положении находятся мужчины. Что происходит в российских регионах с демографическими потерями в период пандемии в гендерном ракурсе?

В 77 регионах падение ОПЖ₀ у женщин было выше, чем у мужчин, при этом в 57 из них падение у женщин было более чем на 30% существеннее, чем у мужчин. Исходя из расположения наиболее пострадавших регионов, нельзя сделать вывод, что на масштаб разрыва влияет географическое расположение или иные особенности региона (Рисунок 1). Регионы с большим разрывом есть и в Европейской, и в Азиатской части страны, в разных федеральных округах, с разным уровнем экономического развития. Следовательно, важно понять природу гендерного разрыва в демографических потерях.

² Life expectancy at birth by sex // Eurostat [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TPS00205/default/table?lang=en&category=demo.demo_mor (дата обращения: 06.02.2023).

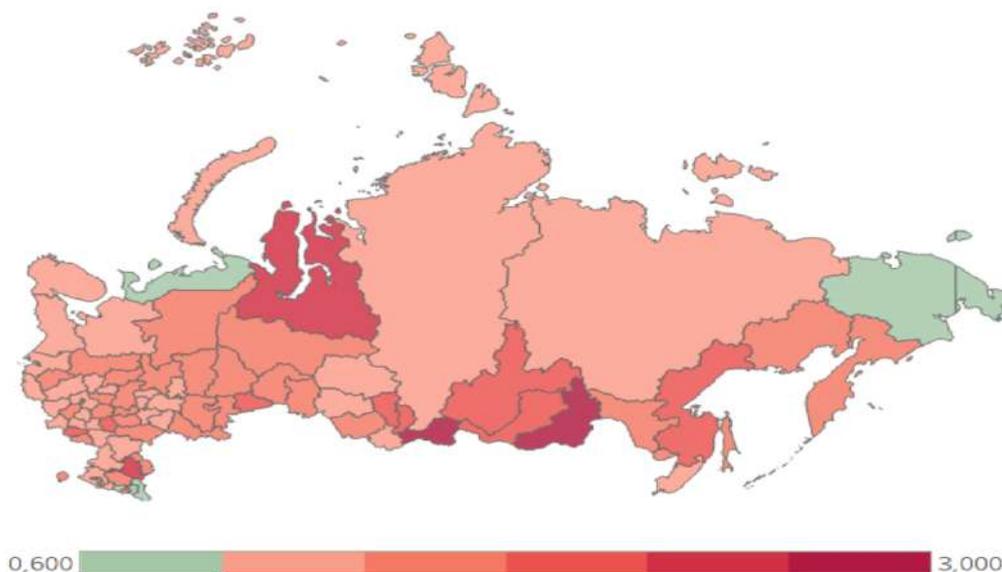

Рисунок 1. Соотношение величины падения ОПЖ женщин к величине падения ОПЖ у мужчин, 2021 к 2019 г. ³

Факторы, влияющие на избыточную смертность

Прежде чем переходить к обсуждению факторов, которые могут влиять на гендерный разрыв в падении ОПЖ₀ во время пандемии коронавируса, рассмотрим факторы избыточной смертности без привязки к полу.

Поиск демографических и социально-экономических факторов, которые влияли на избыточную смертность от коронавируса, на данный момент продолжается, разные исследователи дают иногда противоположные выводы по поводу одних и тех же факторов. В исследовании по данным первых месяцев пандемии в России было выявлено, что высокие доходы населения положительно влияют на распространение коронавируса [Земцов, Бабурин 2020]. Аналогичный результат был получен и в исследовании по данным регионов России всех месяцев 2020 года (март-декабрь) [Kolosnitsyna, Chubarov 2022]. К такому же выводу приходят в исследовании по 50 странам с самыми высокими числами подтвержденных случаев к маю 2020 г. [Chaudhry et al. 2020]. Однако в некоторых исследованиях как по России [Dokhov, Torpikov 2021], так и, например, по Германии [Ettensperger 2021] делается вывод об отрицательной связи дохода с избыточной смертностью. В еще одном исследовании на данных российских регионов доход оказывается незначимым [Пилясов и др. 2021].

Такие же противоречивые результаты получают авторы исследований по поводу влияния миграции: в одних работах на данных по России связь положительная [Kolosnitsyna, Chubarov 2022], в других оказывается незначимым фактором [Земцов, Бабурин 2020]. Противоречивое влияние выявлено и у безработицы: положительная связь на данных из Англии и России [Sun et al. 2021; Kolosnitsyna, Chubarov 2022], отрицательная связь на данных по Ирану [Mirahmadizadeh et al. 2022].

Многие авторы обращают также внимание на влияние факторов, связанных с системой здравоохранения. В исследовании на российских [Степанов 2020; Kolosnitsyna, Chubarov 2022] и итальянских [Vuja et al. 2022] данных и в целом по Европейскому союзу [Cifuentes-Faura 2021] выявлена положительная взаимосвязь между обеспеченностью врачами и избыточной смертностью, тогда как лучшая доступность больниц, наоборот, снижает избыточную смертность [Sun et al. 2021].

³ Составлено авторами на основе данных Росстата.

Среди факторов, влияющих на избыточную смертность, авторы выделяют самоизоляция (положительное влияние), климатическую влажность (как положительное, так и отрицательное влияние), численность пенсионеров (отрицательное влияние) [Sun et al. 2021; Земцов, Бабурин 2020; Naito et al. 2021; Kolosnitsyna, Chubarov 2022].

Поскольку ситуация в России уникальная (женская сверхсмертность в период пандемии), мы опираемся на имеющиеся в литературе факторы общей сверхсмертности в период пандемии для выбора факторов для своего исследования.

Гипотезы и данные

В целях данной работы мы разделили факторы, которые могут влиять на разницу в падении ОПЖ₀ у мужчин и женщин в России, на 3 большие группы: социальные факторы (гендерное неравенство), демографические факторы (в первую очередь компенсационный эффект) и биологические факторы.

Социальные факторы выражены в существующем (базовом, накопленном за предыдущие годы и/или текущем ситуационным) гендерном неравенстве между мужчинами и женщинами:

- 1) неравенство в доходах, в доступе к занятости или наличие высокого уровня безработицы. Более низкий доход или отсутствие работы может приводить к тому, что человеку не будет хватать финансовых ресурсов для того, чтоб защитить себя в полной мере от коронавирусной инфекции — недоступность платной части медицинских услуг, недостаток сбалансированного питания, которое важно для отсутствия хронических заболеваний, невозможность передвигаться в безопасном личном транспорте из-за его отсутствия и т.п. Таким образом, из-за более низких заработных плат у женщин и меньшей занятости на рынке труда у них может быть больший риск контакта с вирусом и меньше возможностей получить квалифицированную помощь при заболевании;
- 2) сегрегация на рынке труда. В контактной сфере услуг (например, в торговле, медицине, образовании, индустрии красоты), которую нельзя полностью перевести в дистанционный формат, выше риски заразиться коронавирусом. При этом женщины сверхпредставлены в таких контактных отраслях. В частности, исследование на российских данных показало, что уровень занятости в торговле положительно связан с избыточной смертностью [Пилясов и др. 2021]. Многие профессии в этих сферах феминизированы [Калабихина 2022], таким образом, у женщин больший риск заразиться коронавирусом в рамках своей трудовой деятельности и, соответственно, может быть выше смертность от коронавируса;
- 3) более низкий уровень навыков цифровизации у женщин. Женщины меньше пользуются цифровыми государственными сервисами, онлайн-банком, возможностями онлайн-покупок, из-за чего у них также может увеличиваться риск контактов с вирусом из-за более частого посещения общественных мест во время пандемии.

Таким образом, наше предположение состоит в том, что гендерное неравенство в доходах, на рынке труда и в цифровой сфере прямо или косвенно связано с большими потерями в продолжительности жизни у женщин в период пандемии.

Демографические факторы. Как показал наш анализ декомпозиции роста ОПЖ₀ по причинам смерти в течение 15 лет накануне пандемии (по методу Е.М. Андреева [Андреев 1982]) и исследования коллег [Grigoriev et al. 2014], ОПЖ₀ у мужчин и женщин в России существенно росла за счет снижения смертности в первую очередь от внешних причин у мужчин и болезней системы кровообращения у женщин. Мы предполагаем, что во время пандемии коронавируса умирали женщины, жизни которых были «сбережены» в результате снижения смертности от болезней системы кровообращения. Они были более ослаблены, сильнее подвержены влиянию тяжелого

течения заболевания. Тогда как у мужчин такой «компенсации» не наблюдается. Возможно, предотвращение смертей от внешних причин чаще происходит в более молодых возрастах, при этом сохраняются жизни относительно здоровых людей.

Кроме того, из-за более низкой продолжительности жизни мужчин в России меньше пожилых мужчин доживает до возраста, в котором могут активно проявляться хронические заболевания, которые, в свою очередь, обостряются на фоне перенесенной коронавирусной инфекции.

Существует еще гендерное неравенство в самосохранительном поведении. Мужчины отличаются предрасположенностью к алкоголизму и курению табака, игнорированию ими врачей и откладыванию визита к ним в случае болезни, тогда как у женщин более развиты ежедневные гигиенические привычки [Kalabikhina 2020]. Доступные данные в этом списке факторов можно использовать только в области потребления алкоголя (табак имеет отложенное влияние на смертность, остальные факторы «не видит» статистика).

Биологические факторы. Эти факторы активно рассматриваются в литературе в попытках объяснить типовую мужскую сверхсмертность в период пандемии генетическими, гормональными факторами, разным иммунным ответом [Kalabikhina 2020]. Однако их мы решили исключить из рассмотрения: и в России, и в остальных странах мира живут одни и те же с точки зрения биологического вида люди, соответственно, биологический фактор не может объяснять специфичное именно для России «перевернутое» соотношение гендерных потерь.

Для проверки указанных выше гипотез мы использовали в нашей работе данные Росстата по 85 российским регионам по следующим основным переменным:

- переменные гендерного неравенства. Это соотношение численности занятых мужчин и женщин (2020 г.), соотношение средней заработной платы женщин к средней зарплате мужчин (2019 г.), уровень безработицы отдельно по полу (2019 г.). В этой части мы брали переменные за период накануне пандемии или в первый год пандемии, предполагая, что базовое гендерное неравенство заранее формирует дефицит ресурсов у женщин в пандемию;
- переменные сегрегации на рынке труда. Поскольку в открытом доступе нет данных о соотношении полов среди занятых во всех контактных профессиях, мы ограничились использованием показателей занятости в феминизированной отрасли, имеющей ключевое значение в пандемию, — в системе здравоохранения. Рассматриваем число врачей и число среднего медицинского персонала на 10 тыс. населения в регионе в 2021 г. Эти данные дадут нам представление о концентрации врачей и медицинского персонала в регионе, то есть о концентрации женщин в период пандемии на переднем фронте в борьбе с вирусом. И о возможном профессиональном канале заражений. В данном случае мы используем данные самого тяжелого пандемийного года с точки зрения гендерного разрыва в сверхсмертности;
- в качестве переменной для демографического фактора — компенсации за сбережение жизней в предшествующие годы — мы использовали абсолютный прирост ОПЖ₀ с 2007 по 2019 гг. отдельно для мужчин и для женщин. Дополнительно мы смотрели на заболеваемость алкоголизмом накануне пандемии как на фактор, способствующий сверхсмертности в период пандемии, и проверяли связь сверхсмертности с возрастной структурой населения в регионе (связь не выявлена);
- в качестве переменных цифровизации мы использовали долю населения в возрасте 15–72 лет, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг по полу (2021 г.), и долю населения в возрасте 15 лет и старше, использовавшего сеть Интернет для заказов товаров и/или услуг по полу (2021 г.).

В нашем предположении чем выше эти доли у женщин или мужчин, тем меньше должно быть падение ОПЖ₀;

- дополнительно мы также добавили ряд контрольных переменных. Например, долю населения субъекта, проживающую в городах с населением более 1 млн человек. Интуитивно предсказать влияние данной переменной сложно. С одной стороны, в «миллионниках» вероятность заразиться коронавирусом выше (плотность населения выше), следовательно, в регионах с высокой долей такого населения падение ОПЖ₀ может быть сильнее, но, с другой стороны, города-«миллионники» сильнее модернизированы, соответственно, заболевшие там люди имеют лучший доступ к передовым услугам системы здравоохранения и поддержки. Мы использовали также число коек в больницах на душу населения как показатель, отвечающий за уровень готовности системы здравоохранения к вызовам пандемии, очищенный от влияния гендерного фактора (сегрегации на рынке труда).

В качестве зависимой переменной использовали изменение ОПЖ₀ в 2021 году по сравнению с 2019 годом. Основной гендерный разрыв в падении ОПЖ₀ пришелся на 2021 год, но, поскольку может быть накопленный эффект факторов гендерного разрыва, мы будем рассматривать совокупное снижение ОПЖ₀ за 2 пандемических года.

Существует дискуссия в литературе о способах измерения сверхсмертности (соотносить смертность в пандемийные годы со смертностью предпандемийного года; соотносить смертность в пандемийные годы со смертностью за предыдущие 5 лет для устранения годовых колебаний: например, сверхсмертности в определенные годы из-за сильной жары или, наоборот, сильного холода, как, к примеру, в Москве 2010 года; отделять тренд изменения смертности от флуктуационных изменений для выявления именно шоковых эффектов). Единого мнения о способах измерения сверхсмертности не сформировалось, каждый метод имеет свои преимущества и недостатки. Мы выбрали наиболее простой способ оценки сверхсмертности [Timonin et al. 2022; Shkolnikov et al. 2022]. В Таблице 1 приведена описательная статистика для рассматриваемых нами переменных.

Таблица 1. Описательные статистики переменных, использовавшихся в исследовании⁴

	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Разница в ОПЖ ₀ женщин в 2021 и 2019 гг.	3,5	3,6	0,8	1,6	5,2
Разница в ОПЖ ₀ мужчин в 2021 и 2019 гг.	4,4	4,2	1,0	1,6	7,9
<i>Социальные переменные, отвечающие за влияние гендерного неравенства</i>					
Базовое гендерное неравенство					
Соотношение числа занятых мужчин к числу занятых женщин (2020)	1,3	1,3	0,1	1,0	1,4
Соотношение средней заработной платы женщин к средней заработной плате мужчин (2019)	76,0	75,4	7,1	59,8	98,0
Безработица у женщин (в %) (2019)	5,4	4,4	3,7	1,2	29,7
Безработица у мужчин (в %) (2019)	6,0	5,2	3,3	1,4	22,7

⁴ Составлено авторами.

Профессиональная сегрегация					
Численность среднего мед. персонала на 10 тыс. населения (2021)	105,8	105,0	15,9	72,9	153,5
Число врачей на 10 тыс. населения (2021)	37,8	36,7	7,6	23,5	64,0
Цифровизация					
Процент мужчин, пользующихся государственными онлайн-сервисами (2021)	81,6	82,3	9,2	57,6	97,6
Процент женщин, пользующихся государственными онлайн-сервисами (2021)	80,9	82,1	9,5	54,0	97,5
Процент мужчин, пользующихся онлайн-покупками (2021)	43,3	42,6	13,8	14,3	79,7
Процент женщин, пользующихся онлайн-покупками (2021)	51,1	50,3	12,5	23,4	85,0
Демографические переменные					
Рост ОПЖ ₀ с 2007 к 2019 г (жен.)	2,5	2,6	0,7	-0,1	4,0
Рост ОПЖ ₀ с 2007 к 2019 г (муж.)	6,7	6,6	1,4	4,2	12,9
Заболеваемость алкоголизмом (жен.) (2019)	31,2	28,3	23,3	0,0	167,0
Заболеваемость алкоголизмом (муж.) (2019)	104,5	101,0	56,3	0,9	377,7
Контрольные переменные					
Доля населения региона, проживающего в городах-«миллионниках» (2021)	0,199	0	0,27	0	1
Число коек в больницах на 10 тыс. населения (2021)	294,9	78,7	949,7	4,4	6476,0

Результаты

Чтоб выявить возможные факторы, которые повлияли на столь нетипично большой «перевернутый» гендерный разрыв в падении ОПЖ₀ в России, мы построили несколько регрессионных моделей (обычный МНК) отдельно для мужчин и отдельно для женщин. Мы последовательно построили 4 модели для каждого пола, поэтапно добавляя в модель переменные, отвечающие за определенную группу переменных.

В первую модель были включены только переменные базового гендерного неравенства, во второй модели были добавлены демографические переменные, в третьей модели — переменные сегрегации на рынке труда и системы здравоохранения, и, наконец, в четвертую модель были включены переменные цифровизации. Значения коэффициентов указанных переменных приведены в Таблице 2 (модели для женских потерь) и Таблице 3 (модели для мужских потерь). В итоге мы получили следующий результат:

- у мужчин оказался значимым и отрицательным коэффициент при переменной, отвечающей за компенсацию прошлых успехов в росте ОПЖ₀, тогда как у женщин этот коэффициент незначим. То есть быстрый и существенный рост продолжительности жизни у мужчин в предшествующие пандемии годы привел к компенсации: часть

сбереженных хрупких жизней мы потеряли в пандемию. У женщин этот эффект не выявлен. Значит, у женщин в России должны быть социальные факторы, которые значительно влияют на падение ОПЖ₀ и перекрывают влияние демографического фактора на мужчин. Заболеваемость алкоголизмом незначимый фактор. Возможно, такой диагноз ставится в крайнем случае, охватывает небольшую часть населения, поэтому слабо влияет на результат. При оценке степени влияния потребления алкоголя на смертность часто используют учет смертности от причин, ассоциированных с алкогольной смертностью, а не только непосредственно смертность от отравления алкоголем (см., например, [Nemtsov, Fattakhov 2021]).

- гендерное неравенство (разрывы в занятости и заработной плате) соответствует большим потерям от коронавируса. Оно плохо влияет на дожитие в пандемию и для женщин, и для мужчин. Причем для женщин эффект в целом больше, хотя и у мужчин связь оказывается значимой. Гендерное неравенство на рынке труда приводит не только к меньшим экономическим ресурсам у женщин, влияющим на риск заражения и смертности в пандемию, но и к худшим условиям труда, большим нагрузкам у мужчин, также отрицательно сказывающимся на дожитии мужчин в пандемию. Гендерное неравенство на рынке труда и в сфере материального благополучия губительно для обоих полов. Такой результат для России ставит вопрос о том, чем отличается ситуация с гендерным неравенством в России от ситуации в других странах в контексте его влияния на пандемию. Гендерное неравенство в оплате труда и в уровне занятости характерно для всех стран (в большей или в меньшей степени). Почему только в России эти детерминанты приводят к женской сверхсмертности? Возможно, гендерное неравенство в других странах компенсировалось мерами адресной социальной и/или экономической политики и поэтому не привело к таким различиям в падении благополучия (см., например, [Banzragch et al. 2022]), а следовательно, и в падении ОПЖ₀;
- контринтуитивный результат мы получили с безработицей: она отрицательно связана с падением ОПЖ₀ в период коронавируса и для женщин, и для мужчин. Возможно, дополнительная поддержка безработных со стороны государства в период пандемии позволила им избегать контактов в поисках работы в этот период;
- и для мужчин, и для женщин оказалась значимой и положительной связь падения ОПЖ₀ и концентрации врачей в регионе, это подтверждает нашу гипотезу, что работа врачом в системе здравоохранения — профессиональный канал заражения. Поскольку женщин больше в системе здравоохранения, сегрегация на рынке труда для женщин в первую очередь является фактором риска для жизни и здоровья в пандемию;
- уровень цифровизации государственных сервисов оказался незначимым фактором для обоих полов. В то же время выявлена положительная и значимая связь с процентом людей, участвующих в онлайн-торговле. По нашему мнению, эта переменная скорее отвечает за уровень развития (модернизации) региона, а не за уровень изолированности индивидуумов от социальных контактов, то есть на самом деле в регионе с более высоким процентом пользователей онлайн-магазинов выше и уровень офлайн-мобильности и досуговых контактных привычек обеспеченных людей, что может приводить к более высоким уровням заболеваемости и смертности. При этом существующие исследования показывают, что в офлайн-магазины в пандемию в семейных парах ходили преимущественно мужчины, а не женщины [Калабихина, Ребрей 2020], поэтому этот результат не объясняет сверхсмертность женщин в пандемию.

В дополнение мы строили регрессии МНК, добавляя в них и иные переменные урбанизации и модернизации: численность населения в городах, средний размер домохозяйств в регионе. Мы предполагали, что в городах выше риск распространения инфекции, а значит, и

смерти от коронавируса, однако после добавления этих переменных модель существенно ухудшалась, наше предположение не подтвердилось.

Аналогичный незначимый результат получался при добавлении в модель доли пенсионеров и накопленной вакцинации к концу 2021 года. Мы не выявили значимой связи между этими переменными и падением ОПЖ₀ в России у женщин и мужчин. Возможно, в отношении вакцинации важно соотносить помесичный календарь вакцинации населения с волнами заболеваемости и смертности. Низкий и несвоевременный уровень охвата вакцинацией не сформировал в населении иммунитет в период пиковых значений заболеваемости.

Кроме того, в нашем исследовании оказался незначим индекс самоизоляции, что мы и предполагали изначально. Незначимость данного показателя в наших моделях связана с тем, что мы использовали годовые данные, а динамика индекса самоизоляции менялась по месяцам, даже по дням.

Таблица 2 Результаты моделей для демографических потерь женщин⁵

Во всех моделях зависимая переменная — разница в ОПЖ ₀ женщин в 2021 и 2019 гг. (n=85, обычный МНК, робастные оценки стандартных ошибок)					
		(1) (R²=0,148)	(2) (R²=0,264)	(3) (R²= 0,301)	(4) (R²=0,344)
	Константа	0,403	-0,897	-2,716	-4,363 *
Гендерное неравенство (базовое) и безработица	Соотношение числа занятых мужчин к женщинам (2020)	2,859 **	3,900 ***	4,65 ***	5,26 ***
	Соотношение средней заработной платы (женщины/мужчины) (2019)	-0,003	-0,004	-0,003	<0,001
	Безработица женщин (2019)	-0,049 **	-0,065 ***	-0,068 ***	-0,061 **
Демографические факторы	Рост ОПЖ ₀ с 2007 к 2019 г.		0,067	0,051	0,029
	Заболеваемость алкоголизмом (2019)		-0,003	-0,005	-0,003
Концентрация мед. персонала в регионе (прокси-фактора сегрегации на рынке труда) и факторы здравоохранения	Число врачей на 10 тыс. населения (2021)			0,02*	0,021 *
	Численность среднего мед. персонала на 10 тыс. населения (2021)			0,003	<0,001
	Число коек на 10 тыс. населения (2021)			<0,001	<0,001
Цифровизация или модернизация (с учетом гендерного неравенства)	Процент женщин, пользующихся государственными онлайн-сервисами (2021)				0,004
	Процент женщин, пользующихся онлайн-покупками (2021)				0,011 *
	Доля населения, живущего в городах-«миллионниках»				-0,293

⁵ Составлено авторами.

Таблица 3. Результаты моделей для демографических потерь мужчин⁶

Во всех моделях зависимая переменная — разница в ОПЖ ₀ мужчин в 2021 и 2019 гг. (n=85, обычный МНК, робастные оценки стандартных ошибок)					
		(1) (R2=0,115)	(2) (R2=0,359)	(3) (R2= 0,416)	(4) (R2=0,455)
	Константа	-0,379	-5,468 ***	-4,606	-5,978 *
Гендерное неравенство (базовое) и безработица	Соотношение числа занятых мужчин к женщинам (2020)	1,974	4,139 ***	4,141 **	4,601 ***
	Соотношение средней заработной платы (женщины/мужчины) (2019)	0,010	0,022 *	0,016	0,018
	Безработица мужчин (2019)	-0,059 *	-0,075 ***	-0,074***	-0,048 *
Демографические факторы	Рост ОПЖ ₀ с 2007 к 2019 г.		0,234 ***	0,19 ***	0,175 *
	Заболеваемость алкоголизмом (2019)		0,0003	<0,001	0,001
Концентрация мед. персонала в регионе (прокси-фактора сегрегации на рынке труда) и факторы здравоохранения	Число врачей на 10 тыс. населения (2021)			0,0244 **	0,019 *
	Численность среднего мед. персонала на 10 тыс. населения (2021)			-0,01	-0,008
	Число коек на 10 тыс. населения (2021)			<0,001	<0,001
Цифровизация и модернизация (с учетом гендерного неравенства)	Процент мужчин, пользующихся государственными онлайн-сервисами (2021)				0,001
	Процент мужчин, пользующихся онлайн-покупками (2021)				0,01
	Доля населения, живущего в городах-«миллионниках»				0,275

Ограничения модели и перспективы исследования

Наша модель рассматривает демографические потери в разрезе одного года (годовые данные), в то время как пандемия коронавируса развивалась волнами, в связи с чем кажется, что следует расширить анализ рассмотрением помесечных данных, так как в таком случае мы сможем зафиксировать все флуктуации мужской и женской смертности. Можно в перспективе использовать помесечные стандартизированные коэффициенты смертности для мужчин и для женщин.

Ограничением нашего анализа является также использование региона в качестве единицы анализа — регионы могут значительно отличаться по локализации смертности внутри них, соответственно, логично перейти на уровень городов или муниципалитетов (такой подход используют многие авторы исследований по зарубежным странам). К сожалению, подробной и качественной информации о смертности по полу по муниципалитетам на данный момент нет, но в случае ее появления это могло бы привести нас к интересным результатам.

⁶ Составлено авторами.

С точки зрения расширения набора факторов, которые могли бы влиять на разницу в демографических потерях у мужчин и женщин, нам кажется, что следует двигаться в сторону поиска помесечных факторов, то есть, чтобы перейти к месячным данным о смертности, следует также озаботиться и вопросом наличия данных о меняющихся факторах сверхсмертности с месячным шагом. В дальнейшем кажется разумным дополнить набор рассматриваемых переменных группой управленческих региональных факторов — строгость вводимых ограничений, строгость контроля за исполнением этих ограничений, скорость реакции органов государственной власти на волны пандемии в регионах. Все эти факторы могли оказать влияние как на избыточную смертность, так и на разрыв в потерях у мужчин и женщин. Например, многие ограничения затрагивали контактные сферы, в которых, как мы упомянули выше, работает много женщин. Например, если в первую волну заболевания школы закрывались безоговорочно, то в следующие волны ограничения часто носили рекомендательный характер во многих регионах, при этом учителя-женщины находились на рабочем месте.

Возможно, на гендерный разрыв повлияли некоторые факторы в их комбинации: например, управленческие факторы, помноженные на сегрегацию на рынке труда, или же рискованное поведение людей (отказ от ношения масок и пр.) в сочетании с сегрегацией на рынке труда и т.д.

Подчеркнем также, что в 2020 году гендерные отличия в смертности в России не наблюдались, разрыв стал заметен в 2021 году. Сверхсмертность, ассоциированная с пандемией, в ряде стран наблюдалась преимущественно в 2020 году, в ряде стран — и в 2021 году. Например, в 2021 году страны Западной Европы уже восстанавливались после снижения ожидаемой продолжительности жизни в 2020 году, а в Восточной Европе и США наблюдался устойчивый и существенный дефицит ожидаемой продолжительности жизни [Aburto et al. 2022]. Причины различий в календаре сверхсмертности в разных странах надо также искать в помесечных факторах: это может быть интересным вкладом в объяснение сверхсмертности в пандемию. В России на несколько месяцев позже, чем в западных странах, разворачивалась пандемия. Кроме того, как мы указывали, строгость правил и исполнения правил социальной изоляции могли отличаться в 2020 и 2021 гг. в России.

Заключение

В нашем исследовании мы привели несколько возможных групп факторов, которые могли повлиять на нетипичный разрыв в демографических потерях мужчин и женщин во время пандемии коронавируса: фактор накопленного в прошлом гендерного неравенства, сегрегации на рынке труда, неравенства в снижении смертности до пандемии (разный профиль снижения смертности у мужчин и женщин), факторы цифровизации и модернизации регионов.

Нами выявлено, что существует определенная взаимосвязь между уровнем гендерного неравенства в социально-экономической сфере и женской сверхсмертностью во время пандемии. Однако требует дополнительного изучения вопрос, почему базовые накопленные и существующие в настоящее время различия между мужчинами и женщинами на рынке труда проявили себя в России. Подобные гендерные различия характерны в той или иной степени для всех стран, однако они не стали фактором женской сверхсмертности в других странах. В частности, нами выявлен профессиональный канал заражения коронавирусом: больший удельный вес врачей в регионе положительно связан с падением ОПЖ₀. Фактор цифровизации (использование цифровых государственных услуг) показал незначимую связь. Фактор модернизации (участие в онлайн-торговле) — контринтуитивную связь: модернизация

способствует сврхсмертности. Хотя последний результат повторил результаты ряда исследований, когда богатые (они же часто и модернизированные) регионы больше страдали от коронавируса [Земцов, Бабурин 2020; Kolosnitsyna, Chubarov 2022; Chaudhry et al. 2020].

Полученный нами результат лишь частично дает ответ на вопрос, почему в России ОПЖ₀ женщин упала в пандемию значительно сильнее, чем ОПЖ₀ мужчин: базовое гендерное неравенство (разрыв в доходах и занятости накануне пандемии) и сегрегация на рынке труда, сохранившаяся и в пандемию, негативно влияли на продолжительность жизни женщин в период пандемии. Однако те же самые факторы в других странах, видимо, были скомпенсированы адресной государственной социальной политикой или строгостью исполнения введенных ограничительных правил (например, в отношении масок, вакцинации, закрытия школ и проч.), что требует дополнительных исследований.

Список литературы:

- Андреев Е.М. Метод компонент в анализе продолжительности жизни // Вестник статистики. 1982. № 9. С. 42–47.
- Земцов С.П., Бабурин В.Л. COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. Т. 84. №. 4. С. 485–505. DOI: [10.31857/S2587556620040159](https://doi.org/10.31857/S2587556620040159)
- Калабихина И.Е., Ребрей С.М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65–77. DOI: [10.21064/WinRS.2020.3.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.6)
- Калабихина И.Е. Последствия пандемии COVID-19 в гендерном ракурсе // Женщина в российском обществе. 2022. №. 3. С. 60–76. DOI: [10.21064/WinRS.2022.3.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.4)
- Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., Котов Е.А. Распространение пандемии COVID-19 в регионах России в 2020 году: модели и реальность // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 4. С. 1079–1095. DOI: [10.17059/ekon.reg.2021-4-3](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-3)
- Степанов В.С. Зависимость уровня смертности в регионах от распространенности активных носителей SARS-CoV-2 и ресурсов организаций здравоохранения // Анализ риска здоровью. 2020. №. 4. С. 12–22. DOI: [10.21668/health.risk/2020.4.02](https://doi.org/10.21668/health.risk/2020.4.02)
- Aburto J.M., Schöley J., Kashnitsky I., Zhang L., Rahal Ch., Missov T.I., Mills M.C., Dowd J.B., Kashyap R. Quantifying Impacts of the COVID-19 Pandemic through Life-Expectancy Losses: A Population-Level Study of 29 Countries // International Journal of Epidemiology. 2022. Vol. 51. Is. 1. P. 63–74. DOI: [10.1093/ije/dyab207](https://doi.org/10.1093/ije/dyab207)
- Banzragch O., Zagdbazar M., Gankhuyag U., Tumurtogoo D., Avirmed A., Davaatsersen D., Lkhagva U., Mashir O., Javkhlan G., Tumor B., Galbat A. Gendered Impacts of the COVID-19 in Mongolia: Results from Big Data Research // Population and Economics. 2022. Vol. 6. Is. 4. P. 123–145. DOI: [10.3897/popecon.6.e86434](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e86434)
- Buja A., Paganini M., Fusinato R., Cozzolino C., Cocchio S., Scioni M., Rebba V., Baldo V., Boccuzzo G. Health and Healthcare Variables Associated with Italy's Excess Mortality during the First Wave of the COVID-19 Pandemic: An Ecological Study // Health Policy. 2022. Vol. 126. Is. 4. P. 294–301. DOI: [10.1016/j.healthpol.2022.03.002](https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2022.03.002)
- Chaudhry R., Dranitsaris G., Mubashir T., Bartoszko J., Riaz Sh. A Country Level Analysis Measuring the Impact of Government Actions, Country Preparedness and Socioeconomic Factors on COVID-19 Mortality and Related Health Outcomes // EclinicalMedicine. 2020. Vol. 25. DOI: [10.1016/j.eclinm.2020.100464](https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2020.100464)
- Cifuentes-Faura J. Factors Influencing the COVID-19 Mortality Rate in the European Union: Importance of Medical Professionals // Public Health. 2021. Vol. 200. DOI: [10.1016/j.puhe.2021.09.003](https://doi.org/10.1016/j.puhe.2021.09.003)

Dokhov R., Topnikov M. Everyday Mobility as a Vulnerability Marker: The Uneven Reaction to Coronavirus Lockdown in Russia // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2021. Vol. 53. Is. 4. P. 612–615. DOI: [10.1177/0308518X20968564](https://doi.org/10.1177/0308518X20968564)

Ettensperger F. The Relationship Between Poverty and COVID-19 Infection and Case-Fatality Rates in Germany during the First Wave of the Pandemic // *Statistics, Politics and Policy*. 2021. Vol. 12. Is. 2. P. 299–321. DOI: [10.1101/2020.08.09.20171207](https://doi.org/10.1101/2020.08.09.20171207)

Grigoriev P., Meslé F., Shkolnikov V.M., Andreev E., Fihel A., Pechholdova M., Vallin J. The Recent Mortality Decline in Russia: Beginning of the Cardiovascular Revolution? // *Population and Development Review*. 2014. Vol. 40. Is. 1. P. 107–129. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2014.00652.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2014.00652.x)

Kalabikhina I.E. Demographic and Social Issues of the Pandemic // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4. Is. 2. P. 103–122. DOI: [10.3897/popecon.4.e53891](https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53891)

Kolosnitsyna M.G., Chubarov M.Y. Spread of COVID-19 in the Russian Regions in 2020: Factors of Excess Mortality // *Population and Economics*. 2022. Vol. 6. Is. 4. P. 1–20. DOI: [10.3897/popecon.6.e87739](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e87739)

Ludden I.G., Jacobson S.H., Jokela J.A. Excess Deaths by Sex and Age Group in the First Two Years of the COVID-19 Pandemic in the United States // *Health Care Management Science*. 2022. Vol. 25. P. 515–520. DOI: [10.1007/s10729-022-09606-3](https://doi.org/10.1007/s10729-022-09606-3)

Mirahmadizadeh A., Shamooshaki M.T.B., Dadvar A., Moradian M.J., Aryaie M. Unemployment and COVID-19-Related Mortality: A Historical Cohort Study of 50,000 COVID-19 Patients in Fars, Iran // *Epidemiology and Health*. 2022. Vol. 44. DOI: [10.4178/epih.e2022032](https://doi.org/10.4178/epih.e2022032)

Naito R., Leong D.P., Bangdiwala Sh.I., McKee M. et al. Impact of Social Isolation on Mortality and Morbidity in 20 High-Income, Middle-Income and Low-Income Countries in Five Continents // *BMJ Global Health*. 2021. Vol. 6. Is. 3. DOI: [10.1136/bmjgh-2020-004124](https://doi.org/10.1136/bmjgh-2020-004124)

Nemtsov A.V., Fattakhov T.A. Diagnostic and Age Composition of Excess Mortality Associated with the New Year Holidays in Russia // *Population and Economics*. 2021. Vol. 5. Is. 4. P. 1–20. DOI: [10.3897/popecon.5.e72550](https://doi.org/10.3897/popecon.5.e72550)

Nielsen J., Nørgaard S.K., Lanzieri G., Vestergaard L.S., Moelbak K. Sex-Differences in COVID-19 Associated Excess Mortality Is Not Exceptional for the COVID-19 Pandemic // *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. DOI: [10.1038/s41598-021-00213-w](https://doi.org/10.1038/s41598-021-00213-w)

Shkolnikov V.M., Klimkin I., McKee M., Jdanov D.A., Alustiza-Galarza A., Németh L., Timonin S.S., Nepomuceno M.R., Andreev E.M., Leon D.A. What Should Be the Baseline When Calculating Excess Mortality? New Approaches Suggest That We Have Underestimated the Impact of the COVID-19 Pandemic and Previous Winter Peaks // *SSM-Population Health*. 2022. Vol. 18. DOI: [10.1016/j.ssmph.2022.101118](https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2022.101118)

Sun Y., Hu X., Xie J. Spatial Inequalities of COVID-19 Mortality Rate in Relation to Socioeconomic and Environmental Factors across England // *Science of the Total Environment*. 2021. Vol. 758. DOI: [10.1016/j.scitotenv.2020.143595](https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.143595)

Timonin S., Klimkin I., Shkolnikov V.M., Andreev E., McKee M., Leon D.A. Excess Mortality in Russia and Its Regions Compared to High Income Countries: An Analysis of Monthly Series of 2020 // *SSM-Population Health*. 2022. Vol. 17. DOI: [10.1016/j.ssmph.2021.101006](https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.101006)

References:

Andreev E.M. (1982) Metod komponent v analize prodolzhitel'nosti zhizni [Component method in life expectancy analysis]. *Vestnik statistiki*. No. 9. P. 42–47.

Zemtsov S.P., Baburin V.L. (2020) COVID-19: Spatial Dynamics and Diffusion Factors across Russian Regions. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. Vol. 84. No. 4. P. 485–505. DOI: [10.31857/S2587556620040159](https://doi.org/10.31857/S2587556620040159)

- Kalabikhina I.E., Rebrey S.M. (2020) Household Chores amid Pandemic: Russia's Case. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. No. 3. P. 65–77. DOI: [10.21064/WinRS.2020.3.6](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.6)
- Kalabikhina I.E. (2022) Consequences of the COVID-19 Pandemic from a Gender Perspective. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. No. 3. P. 60–76. DOI: [10.21064/WinRS.2022.3.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.4)
- Pilyasov A.N., Zamyatina N.Ju., Kotov E.A. (2021). The Spread of the Covid-19 Pandemic in Russian Regions in 2020: Models and Reality. *Ekonomika regiona*. Vol. 17. No. 4. P. 1079–1095. DOI: [10.17059/ekon.reg.2021-4-3](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-3)
- Stepanov V.S. (2020) Dependence between Mortality in Regions and Prevalence of Active SARS-COV2 Carriers and Resources Available to Public Healthcare Organizations. *Analiz riska zdorov'yu*. No. 4. P. 12–22. DOI: [10.21668/health.risk/2020.4.02](https://doi.org/10.21668/health.risk/2020.4.02)
- Aburto J.M., Schöley J., Kashnitsky I., Zhang L., Rahal Ch., Missov T.I., Mills M.C., Dowd J.B., Kashyap R. (2022) Quantifying Impacts of the COVID-19 Pandemic through Life-Expectancy Losses: A Population-Level Study of 29 Countries. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 51. Is. 1. P. 63–74. DOI: [10.1093/ije/dyab207](https://doi.org/10.1093/ije/dyab207)
- Banzragch O., Zagdbazar M., Gankhuyag U., Tumurtogoo D., Avirmed A., Davaatsersen D., Lkhagva U., Mashir O., Javkhlan G., Tumor B., Galbat A. (2022) Gendered Impacts of the COVID-19 in Mongolia: Results from Big Data Research. *Population and Economics*. Vol. 6. Is. 4. P. 123–145. DOI: [10.3897/popecon.6.e86434](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e86434)
- Buja A., Paganini M., Fusinato R., Cozzolino C., Cocchio S., Scioni M., Rebba V., Baldo V., Boccuzzo G. (2022) Health and Healthcare Variables Associated with Italy's Excess Mortality during the First Wave of the COVID-19 Pandemic: An Ecological Study. *Health Policy*. Vol. 126. Is. 4. P. 294–301. DOI: [10.1016/j.healthpol.2022.03.002](https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2022.03.002)
- Chaudhry R., Dranitsaris G., Mubashir T., Bartoszko J., Riazi Sh. (2020) A Country Level Analysis Measuring the Impact of Government Actions, Country Preparedness and Socioeconomic Factors on COVID-19 Mortality and Related Health Outcomes. *EClinicalMedicine*. Vol. 200. DOI: [10.1016/j.puhe.2021.09.003](https://doi.org/10.1016/j.puhe.2021.09.003)
- Cifuentes-Faura J. (2021) Factors Influencing the COVID-19 Mortality Rate in the European Union: Importance of Medical Professionals. *Public Health*. Vol. 200. DOI: [10.1016/j.puhe.2021.09.003](https://doi.org/10.1016/j.puhe.2021.09.003)
- Dokhov R., Topnikov M. (2021) Everyday Mobility as a Vulnerability Marker: The Uneven Reaction to Coronavirus Lockdown in Russia. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 53. Is. 4. P. 612–615. DOI: [10.1177/0308518X20968564](https://doi.org/10.1177/0308518X20968564)
- Ettersperger F. (2021) The Relationship Between Poverty and COVID-19 Infection and Case-Fatality Rates in Germany during the First Wave of the Pandemic. *Statistics, Politics and Policy*. Vol. 12. Is. 2. P. 299–321. DOI: [10.1101/2020.08.09.20171207](https://doi.org/10.1101/2020.08.09.20171207)
- Grigoriev P., Meslé F., Shkolnikov V.M., Andreev E., Fihel A., Pechholdova M., Vallin J. (2014) The Recent Mortality Decline in Russia: Beginning of the Cardiovascular Revolution? *Population and Development Review*. Vol. 40. Is. 1. P. 107–129. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2014.00652.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2014.00652.x)
- Kalabikhina I.E. (2020) Demographic and Social Issues of the Pandemic. *Population and Economics*. Vol. 4. Is. 2. P. 103–122. DOI: [10.3897/popecon.4.e53891](https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53891)
- Kolosnitsyna M.G., Chubarov M.Y. (2022) Spread of COVID-19 in the Russian Regions in 2020: Factors of Excess Mortality. *Population and Economics*. Vol. 6. Is. 4. P. 1–20. DOI: [10.3897/popecon.6.e87739](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e87739)
- Ludden I.G., Jacobson S.H., Jokela J.A. (2022) Excess Deaths by Sex and Age Group in the First Two Years of the COVID-19 Pandemic in the United States. *Health Care Management Science*. Vol. 25. P. 515–520. DOI: [10.1007/s10729-022-09606-3](https://doi.org/10.1007/s10729-022-09606-3)
- Mirahmadizadeh A., Shamooshaki M.T.B., Dadvar A., Moradian M.J., Aryaie M. (2022) Unemployment and COVID-19-Related Mortality: A Historical Cohort Study of 50,000 COVID-19 Patients in Fars, Iran. *Epidemiology and Health*. Vol. 44. DOI: [10.4178/epih.e2022032](https://doi.org/10.4178/epih.e2022032)

Naito R., Leong D.P., Bangdiwala Sh.I., McKee M. et al. (2021) Impact of Social Isolation on Mortality and Morbidity in 20 High-Income, Middle-Income and Low-Income Countries in Five Continents. *BMJ Global Health*. Vol. 6. Is. 3. DOI: [10.1136/bmjgh-2020-004124](https://doi.org/10.1136/bmjgh-2020-004124)

Nemtsov A.V., Fattakhov T.A. (2021) Diagnostic and Age Composition of Excess Mortality Associated with the New Year Holidays in Russia. *Population and Economics*. Vol. 5. Is. 4. P. 1–20. DOI: [10.3897/popecon.5.e72550](https://doi.org/10.3897/popecon.5.e72550)

Nielsen J., Nørgaard S.K., Lanzieri G., Vestergaard L.S., Moelbak K. (2021) Sex-Differences in COVID-19 Associated Excess Mortality Is Not Exceptional for the COVID-19 Pandemic. *Scientific Reports*. Vol. 11. DOI: [10.1038/s41598-021-00213-w](https://doi.org/10.1038/s41598-021-00213-w)

Shkolnikov V.M., Klimkin I., McKee M., Jdanov D.A., Alustiza-Galarza A., Németh L., Timonin S.S., Nepomuceno M.R., Andreev E.M., Leon D.A. (2022) What Should Be the Baseline When Calculating Excess Mortality? New Approaches Suggest That We Have Underestimated the Impact of the COVID-19 Pandemic and Previous Winter Peaks. *SSM-Population Health*. Vol. 18. DOI: [10.1016/j.ssmph.2022.101118](https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2022.101118)

Sun Y., Hu X., Xie J. (2021) Spatial Inequalities of COVID-19 Mortality Rate in Relation to Socioeconomic and Environmental Factors across England. *Science of the Total Environment*. Vol. 758. DOI: [10.1016/j.scitotenv.2020.143595](https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.143595)

Timonin S., Klimkin I., Shkolnikov V.M., Andreev E., McKee M., Leon D.A. (2022) Excess Mortality in Russia and Its Regions Compared to High Income Countries: An Analysis of Monthly Series of 2020. *SSM-Population Health*. Vol. 17. DOI: [10.1016/j.ssmph.2021.101006](https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.101006)

Дата поступления/Received: 20.02.2023

Социально-трудовые конфликты в современном российском обществе¹

Панова Екатерина Александровна

Кандидат социологических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент, НИТУ МИСиС, Москва, РФ.

E-mail: Panova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5512-6859](#)

ORCID ID: [0000-0001-8119-1299](#)

Андрюшина Евгения Владимировна

Кандидат политических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент, НИТУ МИСиС, Москва, РФ.

E-mail: eugenie80@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [9026-8148](#)

ORCID ID: [0000-0003-2443-5677](#)

Аннотация

Социально-трудовые конфликты как разновидность социальных конфликтов оказывают непосредственное влияние на общественное развитие, являясь негативным фактором при реализации трудовой деятельности и нарушая социальное благополучие в целом. Однако неизбежность и перманентное наличие социально-трудовых конфликтов в любом современном обществе требуют постоянного обновления как теоретико-методологической базы их интерпретации, так и практик урегулирования. Данная статья посвящена обзору теоретических подходов к трактовкам понятия «конфликт» в различных науках, специфике определения сущности и атрибутов социально-трудового конфликта в современных условиях, а также выявлению особенностей социально-трудовых конфликтов в современной России в ретроспективе и в начале 2020-х гг. Целью статьи является выявление и описание характеристик, факторов, интенсифицирующих социально-трудовые конфликты в современном российском социуме. В работе выявлены и описаны традиционные и новые драйверы социально-трудовых конфликтов, определены и охарактеризованы этапы их развития, источники возникновения конфликтов и формы выражения требований на протяжении последних 30 лет, выявлены и исследованы типы российских социально-трудовых конфликтов. Особое внимание уделено влиянию современных тенденций (цифровизация, использование искусственного интеллекта, распространение пандемии, возможности и ограничения потенциала нового человеческого ресурса в виде поколения Z в профессиональной деятельности) на драйверы и формы протекания социально-трудовых конфликтов. В работе продемонстрировано несоответствие приоритетов современной образовательной политики и запроса со стороны работодателей в части определенных, необходимых реальному сектору экономики компетенций. В статье также исследована динамика способов урегулирования противоречий в трудовой сфере в современном российском обществе.

Ключевые слова

Социальный конфликт, социально-трудовой конфликт, драйверы социально-трудовых конфликтов, цифровизация трудовой деятельности, образовательная политика.

Social and Labor Conflicts in Modern Russian Society²

Ekaterina A. Panova

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Panova@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0001-8119-1299](#)

Eugenia V. Andryushina

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russian Federation.

E-mail: eugenie80@mail.ru

ORCID ID: [0000-0003-2443-5677](#)

Abstract

Social and labor conflicts as a kind of social conflicts have a direct impact on social development, being a negative factor in the implementation of labor activity and violating social well-being in general. However, the inevitability and permanent presence of social and labor conflicts with any modern society requires constant updating of both the theoretical and methodological basis for their interpretation and the practices of their settlement. This article is devoted to a review of theoretical approaches to the interpretation of the concept of “conflict” in various sciences, the specifics of determining the essence and attributes of a social and labor conflict in modern conditions, as well as identifying the features of social and labor conflicts in modern Russia in retrospect and in the early 2020s. The purpose of the article is to identify and describe the characteristics, factors that intensify social and labor conflicts in modern Russian society. The paper identifies and describes traditional and new drivers of social and labor conflicts, identifies and characterizes the stages of their development, sources of conflicts and forms of expressing demands

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

² This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

over the past 30 years, identifies and investigates the types of Russian social and labor conflicts. Particular attention is paid to the influence of modern trends (digitalization, the use of artificial intelligence, the spread of the pandemic, the opportunities and limitations of the potential of a new human resource in the form of generation Z in professional activities) on the drivers and forms of social and labor conflicts. The paper demonstrates the discrepancy between the priorities of modern educational policy and the request from employers in the form of certain competencies necessary for the real sector of the economy. The article also explores the dynamics of ways to resolve conflicts in the labor sphere in modern Russian society.

Keywords

Social conflict, social and labor conflict, drivers of social and labor conflicts, digitalization of labor activity, educational policy.

Введение

Социальные конфликты традиционно являются неотъемлемой составляющей любого этапа развития общества. Конфликт — явление повсеместное, порождаемое самой природой общественной жизни, выступающее константной и неизбежной компонентой общественной эволюции. Конфликтные ситуации возникают во всех сферах общественной жизни — экономической, политической, культурной, военной, семейной, трудовой и др.

Конфликты как вид и проявление формы взаимодействия людей являются постоянным объектом исследования представителями разных наук и научных дисциплин: философии, истории, права, психологии, социологии и ряда других наук. Научные подходы к изучению социальных конфликтов, то есть конфликтов, происходящих в социальной среде (социуме) и между ее членами (индивидами), связывают с появившейся в XIX веке теорией социального дарвинизма как направления, сторонники которого объясняли развитие общества биологическими законами естественного отбора наиболее приспособленных к выживанию и борьбы за существование. Исследованию в XIX веке с точки зрения выявления причин конфликтов в социальной среде были посвящены работы представителей экономики и социологии. В социологии XX века вопрос о связи между противоречием и конфликтом ярко рассматривается английским социологом Э. Гидденсом [Giddens 1989], акцентирующим внимание на анализе различий между конфликтом и противоречием.

Непосредственно осознанное, осмысленное противоречие несовпадающих или противостоящих друг другу интересов сторон, готовых предпринять или уже предпринявших определенные действия, основанные на платформе данного противостояния, выступает, по мнению Э. Гидденса, фактором формирования и развития социального конфликта [Ibid.]. Второй фактор, определяющий причины социальных конфликтов, по П. Сорокину [Сорокин 1992], заключается во влиянии уровня неудовлетворенности базовых потребностей людей (а именно подавленных базовых инстинктов, а также невозможности даже минимального их удовлетворения) на риск возникновения и эскалации социальных конфликтных ситуации как своеобразных вариаций удовлетворения потребностей. В развитие темы о социальных потребностях, притязаний и интенсивности (количественной и качественной) нарастания социальных конфликтов можно привести мнение Р. Даренфорда о том, что уровень социальных притязаний определяется не вечными инстинктами, а сопоставлением с другими людьми [Dahrendorf 1959].

С этой точки зрения непосредственно неравенство (в благосостоянии, возможностях и других аспектах общественного пространства) порождает запрос одних социальных групп на вступление с конфликт с членами других социальных групп, точнее, запрос на необходимость социальных изменений. Несовпадение интересов людей или социальных групп как призма социальных конфликтов отражена в работах Э. Дюркгейма [Дюркгейм 1991] и других представителей социологии конца XIX – первой половины XX века.

В указанных выше примерах подходов к интерпретации природы и черт социального конфликта прослеживается подчеркнутость его деструктивного общественного влияния. Как антипод данной позиции можно привести мнение Л. Козера [Coser 1956], согласно которому социальные конфликты — это не нечто чужеродное, аномальное для общества, а базовая составляющая социальной системы, часть существующего в ней порядка вещей и самих отношений между отдельными личностями и социальными группами. Конфликты, по его мнению, выполняют важную функцию разрядки напряженной социальной обстановки, решения коллизий и противоречий между отдельными людьми и социальными группами.

В этом смысле социальный конфликт способствует социализации индивидов и образованию социальных групп, установлению и поддержанию относительно стабильной структуры внутригрупповых и межгрупповых отношений, созданию и сохранению баланса сил, сигнализации о тех или иных социальных проблемах и недостатках.

В качестве представителя отечественной школы социологии, рассматривающего социальные конфликты как конструктивное явление, можно назвать А.Г. Здравомыслова. По его мнению, «конфликт — вполне нормальное явление общественной жизни, его выявление и развитие являются полезным и нужным делом... Общество, органы власти и отдельные лица будут достигать более эффективных результатов в своих действиях, если не будут закрывать глаза на конфликты и конфликтные ситуации, а последуют определенным правилам, направленным на регулирование конфликтов» [Здравомыслов 1996, 57]. Целостную научную теорию конфликта как вездесущего явления, неотъемлемой составляющей самой природы человека разработал К.Э. Боулдинг [Boulding 1962]. Наряду с анализом неизбежности конфликта как социального явления К.Э. Боулдинг обращался к теме разработки механизмов «социальной терапии», направленной на полное или частичное предотвращение социального конфликта либо снятие его напряженности. Составляющие данных антиконфликтных механизмов ученый видел в области понимания причин возникающих конфликтных ситуаций, обоснованного выбора способа их нивелирования, а также параллельного развития нравственного уровня людей. Несмотря на существующие различные подходы и интерпретации влияния социальных конфликтов на участников социума и общественную жизнь в целом, можно наблюдать тенденцию к преимущественному восприятию социального конфликта как деструктивного социального явления, некой формы «социальной болезни», нарушающей состояние общественного равновесия и сотрудничества.

Представленная выше палитра научных мнений относительно источников возникновения конфликтов в целом и социальных конфликтов в частности не носит завершенный характер. Проблема исследования природы происхождения конфликтов, разнообразия форм их реализации, а также механизмов управления конфликтами до сих пор находится в поле внимания представителей социологии (в частности, социологии конфликта как отрасли социологии), психологии (психологии конфликта), политологии (политической конфликтологии), экономики (экономической конфликтологии) и др. При этом конфликты вряд ли можно рассматривать как явление монодисциплинарное в силу комплексности и сложности причин его происхождения и параметров проявления. Более того, разнообразные виды конфликтов часто носят межвидовой характер из-за широты разнообразия факторов, детерминирующих их состояние. Одним из примеров подобного межвидового конфликта выступает социально-трудовой конфликт.

Объектом статьи выступает социально-трудовой конфликт как особый тип конфликта; предметом — ряд основных драйверов развития социально-трудовых конфликтов в современной России. В рамках текущего исследования мы исходим из установки о невозможности существования бесконфликтного общества, рассматривая социально-трудовые конфликты как его неотъемлемый элемент, обладающий в разных ситуациях дифференцированной степенью интенсивности его проявления и эскалации. Целью статьи является выявление и описание характеристик ряда факторов (драйверов), интенсифицирующих социально-трудовые конфликты в современном российском социуме. Задачи — уточнение понятия «социально-трудовой конфликт», выявление его источников /драйверов, традиционных и новых типов, характеристика основных этапов социально-трудовых конфликтов в современной России и форм урегулирования противоречий.

Типы и источники/драйверы современных социально-трудовых конфликтов

Социально-трудовой конфликт как объект исследования требует операционализации данного понятия. В научной литературе термины «социально-трудовой конфликт» и «трудовой конфликт» регулярно используются как синонимичные. Попытки четкого разграничения между данными понятиями или же обоснования их идентичности пока весьма лимитированы — в качестве исключения можно привести позицию А.С. Здравомыслова, указывающего на то, что социально-трудовыми конфликтами можно считать конфликты, возникающие между работниками и работодателями по поводу распределения социальных благ [Здравомыслов 1996, 72].

В англоязычной литературе используются исключительно термины «трудовой конфликт» (labour conflict) и «социальный конфликт» (social conflict), которые не считаются синонимами. Конфликты, в основе которых лежат трудовые отношения, в англоязычной литературе именуется исключительно как labour conflicts. Мы разделяем мнение о том, что под трудовыми конфликтами может пониматься столкновение интересов и мнений, оценок между представителями различных групп по поводу трудовых отношений (условий, содержания, организации труда и его оплаты). В рамках текущей ситуации мы будем исходить из постулатов о том, что, во-первых, социальный конфликт — явление большего охвата, чем трудовой конфликт («поле действия» социального конфликта — все общество, а трудового — «поле» трудовых отношений); во-вторых, трудовой конфликт не возникает сам по себе без воздействия социальной среды, окружающей и наполняющей трудовые отношения.

В существенной степени трудовой конфликт является продуктом общественной жизни с наполняющими ее позитивными и негативными характеристиками социального, политического, экономического и других порядков [Панова 2021а]. На базе этого мы исходим из использования в публикации понятия «социально-трудовой конфликт» как явления, возникшего под существенным воздействием социальной среды макро- и микроуровня, но проистекающего и проявляющегося в существенной степени в области трудовых отношений.

К числу драйверов социально-трудовых конфликтов (далее — СТК), наиболее стабильно и ярко проявляющихся в современной России, можно отнести: существенное социальное расслоение населения страны по уровню зарплатного дохода, трансформацию характера и форм трудовых отношений, несоответствие имеющихся у трудовых ресурсов характеристик требуемым работодателем профессионально-квалификационным качествам, особенности картины трудовых ценностей и ориентаций нового поколения трудовых ресурсов.

Заработок как ориентация и хороший заработок как ценность всегда выступают важнейшими факторами поведения людей, средствами удовлетворения их материальных потребностей. Не исключением является и картина ценностей и черт трудового сознания россиян [Магун 2006]. При этом значимость уровня заработной платы актуализируется экономическим аспектом ситуации, сложившейся в современной России. Доходы от оплаты труда традиционно и в том числе на протяжении последних лет являлись основным источником денежных доходов населения России. По данным Росстата РФ, в среднем по стране в 2021 году оплата труда составила 57,3% от общей суммы денежных доходов населения³, что формирует выраженную зависимость между материальной обеспеченностью граждан и наличием у них трудовых отношений (работы). В этом плане сбои в сроках выплаты заработной платы выступают мощными факторами образования и эскалации социально-трудовых конфликтов. По данным сайта «Онлайнинспекция.рф», задержка заработной платы и невыплата расчета при увольнении составляют самые популярные темы обращения граждан: их тематическая доля в общем объеме обращений на данный портал Роструда РФ за 2021 год составила 25 и 21% соответственно.

По итогам второго квартала 2022 года на долю 10% самых обеспеченных россиян приходилось 30% денежных доходов населения⁴. Традиционно сильная пропасть между богатыми социальными группами и группами малообеспеченных граждан, имеющих доход ниже утвержденной правительством РФ «границы бедности», способствует росту социальной напряженности и недовольства населения. Поляризация в доходах различных социальных групп наблюдается не только на уровне всего современного российского общества, но также представляет собой в равной степени распространенное явление на организационном уровне. Многочисленные исследования показывают, что в зависимости от размера и профиля деятельности компании разница в зарплатах рядовых сотрудников и топ-менеджеров может составлять 100–200 раз и более⁵. Исследование НКР («Национальные кредитные рейтинги»), проведенное в 2021 году, показало, что соотношение вознаграждения топ-менеджеров российских предприятий в управляющей компании и подчиненных им работников в остальных компаниях группы, образующей соответствующий холдинг, имеет соотношение от 4 до 29 раз⁶.

Проблема и без того низкого уровня зарплаты работников низшего и среднего звена существенного числа организаций, оперирующих в России, обостряется суммой сверхвысоких доходов топ-менеджеров, что усиливает уровень и частоту возникновения по данным причинам социально-трудовых конфликтов.

В области разнонаправленности векторов зарплатных доходов разных социальных групп населения России можно также выделить проблему существенной дифференциации заработной платы работников организации, что вызвано не разницей в наборе трудовых функций, условиях труда, требуемом уровне профессионально-квалификационной подготовки персонала, а в значительной степени принадлежностью компании к определенному виду экономической деятельности. По данным обзоров Росстата РФ за 2017–2021 гг.⁷, разница средних зарплатных доходов сотрудников организаций, занимающихся финансовой и страховой деятельностью, по сравнению с их «коллегами» из компаний сферы образования, сельского хозяйства и

³ Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>. (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>. (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Зарплатное неравенство продолжает расти // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/586434> (дата обращения: 10.02.2023).

⁶ Сколько платят гиганты. Рэнкинг средних зарплат в крупнейших российских компаниях реального сектора // НКР [Электронный ресурс]. URL: https://ratings.ru/files/research/macro/Wages_Dec2021.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

⁷ Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 10.02.2023).

ряда других, составляет более 300%. Существующая дифференциация в оплате труда работников в разных регионах России еще сильнее увеличивает риски возникновения социально-трудовых конфликтов в относительно «бедных» отраслях экономики, а также дотационных регионах РФ, обладающих ограниченным количеством высокооплачиваемых рабочих мест. Несмотря на фиксируемый Росстатом РФ низкий уровень безработицы в стране (3,7% по итогам 2022 года), существующие различия в части более высоких показателей безработицы на уровне субъектов РФ, а также отдельных территориальных образований (например, моногородов) формируют основания для появления локальных СТК.

Декорпоративизация трудовых отношений, развитие на практике управления как явления и юридическое закрепление как понятия «удаленная (дистанционная) работа»⁸, автоматизация и цифровизация, активное использование алгоритмов и возможностей искусственного интеллекта — эти и другие трансформационные процессы характера и форм трудовых отношений в последние годы породили ряд оснований для возникновения новых видов СТК. Здесь речь идет о таких мерах оптимизации затрат на персонал, как заключение договоров подряда вместо трудовых договоров, переход от бессрочных к срочным трудовым контрактам, заключение договоров на выполнение определенного перечня работ услуг с самозанятыми и т.п.

Подобные вариативные формы выхода из стабильных бессрочных трудовых отношений в область краткосрочных отношений гражданско-правового характера уменьшают у людей чувство уверенности в завтрашнем дне с его гарантиями занятости и определенного уровня оплаты труда. Благоприятной почвой для произрастания и развития СТК одновременно выступают создаваемые декорпоративизацией трудовых отношений чувства неуверенности и незащищенности перед будущим.

Помимо СТК, порожденных новыми типами «трудовых» отношений, ряд СТК возникли по причине формирования в последние (пандемийные и постпандемийные) годы неравных условий организации труда для персонала одного и того же предприятия, когда отдельные категории работников получали возможность работы «из дома», или даже из иного территориального образования в РФ, или из-за рубежа (при этом с гибким графиком), другие же группы сотрудников были поставлены в ситуацию необходимости строго соблюдения трудового графика и нахождения в офисно-производственном пространстве.

Стабильная занятость, гарантия трудоустройства по полученной специальности, относительная статичность спектра трудовых функций и константность связанных с ними необходимых компетенций работника — эти и подобные им явления уходят в прошлое под напором цифровой среды. В среде представителей теории и практики все более активно обсуждается тема рабочих мест, исчезающих вследствие автоматизации, роботизации, машинного обучения, развития возможностей искусственного интеллекта. В последние годы сфера влияния «умной автоматике» расширилась и охватила не только рабочие профессии, но и высококвалифицированные рабочие места. Многие трудовые функции оказались заменены алгоритмами, а «риски автоматизации стали реальными не только для физического или ручного труда, опасных или рутинных операций. Под угрозой ликвидации оказались многие виды деятельности, связанные с интеллектуальными задачами» [Пинчук и др. 2020, 46].

⁸ Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. N 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070/ (дата обращения: 10.02.2023).

Под влиянием цифровизации процессы высвобождения персонала распространились не только на рабочие профессии среднего звена, но и на высококвалифицированные рабочие места (например, в сфере бухгалтерского учета, финансов и банковского дела, юриспруденции, медицины и др.) и даже творческие профессии из сферы искусств. Иными словами, сегодня цифровые технологии могут заменить не только мускулы, но и мозги работников [Freeman 2015]. Сотрудники, функции которых стало возможным алгоритмизировать и цифровизировать с высокой степенью успешности, перешли в «красную зону риска» потенциальных безработных [Панова 2021b].

Отдельные исследователи постулируют, что в условиях XXI века цифровизация рабочей деятельности идет так быстро, что способна вызвать радикальные преобразования рынка труда, выходящие за рамки всего того, что было ранее [Brynjolfsson, McAfee 2012].

На сегодняшний день в научно-исследовательском дискурсе не сложилось единого мнения относительно того, какого рода эффекты (положительные или отрицательные) в социально-трудовой сфере порождаются цифровизацией рабочих. С одной стороны, вследствие цифровизации снижается доля рутинного труда и увеличивается его содержательно-интеллектуальная насыщенность, набор функциональных обязанностей работника обогащается нестандартными и творческими задачам; с другой стороны, под воздействием цифровизации усиливается практика поляризации. Речь идет как о поляризации в зарплатном аспекте (низкие зарплаты у неквалифицированных работников и сверхвысокие зарплаты у работников с высоким уровнем квалификации), так и в соотношении спроса/предложения на рабочую силу: цифровизация стимулирует снижение спроса на работников среднего уровня квалификации и рост ценности работников высокой квалификации.

Расхождения между имеющимися у трудовых ресурсов качествами и требуемыми работодателям профессионально-квалификационными характеристиками текущих и потенциальных сотрудников выступают значимым драйвером развития СТК. В данном случае можно говорить о картине взаимных разочарований работников и работодателей: работников — финансовой и иной отдачей от уровня реализации их профессиональных компетенций; работодателей — результатами трудовой деятельности персонала и достигнутыми профессиональными достижениями сотрудников. Рассогласования между характеристиками отечественной образовательной системы и рынком труда приводят к регулярно возникающим у работодателей претензиям к уровню профессиональной компетентности сотрудников, что, в свою очередь, создает почву для межличностных и формальных трудовых конфликтов. Картина дисбаланса навыков и компетенций сотрудников (особенно молодых специалистов) с требованиями работодателей характерна практически для всех профессиональных групп, а также в равной степени типична как для выпускников вузов, так и ссузов. Даже актуализировавшийся в последние годы в силу политико-экономической ситуации запрос работодателей на ИТ-специалистов отличается тем, что при объективно требуемом росте их количества предприятия оценивают профессиональную компетентность существенной части представителей данной профессиональной группы как весьма посредственную [Климова 2021].

В российском трудовом законодательстве существует возможность для прекращения трудовых отношений (расторжение трудового договора) при несоответствии работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации⁹. Данное основание достаточно редко используется в силу сложности и комплексности процедуры ее реализации на практике. Поэтому различие

⁹ Пункт 3 части 1 статьи 81 Трудового кодекса РФ.

мнений работодателей о профессионально-квалификационных характеристиках персонала и картина профессиональных компетенций работников хотя и может выступать фактором трудовых конфликтов, но, с нашей точки зрения, поле ее действия более широкое и распространяется на всю систему общественной жизни. Разочарования работодателя уровнем профессионализма сотрудников при текущей ситуации количественного дефицита целого ряда групп трудовых ресурсов стимулируют предприятия проводить активную политику по обучению и переобучению персонала. При этом организации на все время обучения работников и их «вхождения» в спектр новых профессиональных задач регулярно придерживаются политики более низкого уровня оплаты труда, чем у состоявшихся профессионалов. При всей логичности данной схемы, как показывает управленческая практика, у представителей молодого поколения она регулярно порождает неудовлетворенность, приводящую к увольнению, снижению качества трудовой деятельности, а на общественном уровне — к падению социальной престижности и привлекательности той или иной профессии. В данном случае возникает ситуация, при которой совокупность локальных трудовых конфликтов создает предпосылку для появления социального конфликта — конфликта между потребностями работодателей в кадрах определенной профессиональной специальности и низким уровнем готовности представителей каждого следующего поколения трудовых ресурсов проходить обучение и выстраивать длительную карьерную траекторию по полученной профессии [Панова, Андрюшина 2020]. Как результат, одним из проявлений данного типа СТК является нехватка на российском рынке труда целого ряда профессиональных трудовых ресурсов — квалифицированных рабочих кадров, ИТ, инженеров, технологов и ряда других.

Наряду с указными выше факторами, усилению конфликтности в сфере социально-трудовых отношений способствуют специфические ожидания трудовых ресурсов, значительная часть которых выросла уже в условиях новой реальности с составляющими ее специфическими ценностями в сфере труда [Панова 2019]. Исследования социологов показывают, что наряду с традиционными ценностями работников в сфере труда, такими как хороший заработок, интересная работа, возможность профессиональной и социальной самореализации, каждое новое поколение трудовых ресурсов вносит в картину трудовых ориентаций новые элементы. К поколению Z принято относить родившихся с 1995 по 2010 гг. По данным отдельных исследований, численность работников поколения Z на мировом рынке труда достигает практически 73 млн человек. Значительная часть молодых специалистов поколения Z или поколения миллениалов рассматривает работу в целом и трудовые отношения в частности как вариативный, гибкий по модификации, но не исключительно доминирующий компонент жизни.

Разность взглядов на значимость и формат трудовых отношений между работодателями и молодыми специалистами нового поколения, их существенный дисбаланс создает основу для конфликтов, связанных с неприятием представителями поколения Z необходимости четко и неукоснительно следовать корпоративным правилам и регламентам, их желанием «вырваться» из традиционных моделей управления, основанных на вертикальных иерархиях власти и руководства, низкой привлекательностью долговременной и постепенной карьеры и другими ценностями молодой части трудовых ресурсов. При всей выраженной антагонистической позиции представителей поколения Z по отношению к классическим подходам и форматам трудовых отношений непосредственно они как социальная группа достаточно редко оказываются вовлечены в значимые СТК — более распространенной является модель «ухода» от конфликта путем смены работодателя или сферы профессиональной деятельности. На базе проведенных социологических исследований И.М. Козина [Козина 2020] делает вывод, что тип отношений, актуальный для

российского социально-трудового контекста последних нескольких лет, можно называть «латентно-конфронтационным», при котором в случае трудового конфликта работники либо ничего не предпринимают, либо увольняются, но при этом ситуация сопровождается открытой или скрытой (латентной) конфронтацией.

Молодые специалисты реже выступают участниками забастовок или иных форм реализации СТК, чем их более опытные и старшие коллеги; вместо групповых конфликтов они предпочитают режим индивидуальных переговоров. С нашей точки зрения, подобная ситуация возникла, с одной стороны, под влиянием наличия у молодежи большей независимости в построении и реализации своей карьеры, выраженной готовности, по сравнению с более старшим поколением, к смене работодателя, места работы или профиля профессионально-трудовой деятельности. Постулаты про одно предприятие на всю карьеру, одну профессию на всю жизнь и т.п. разделяются ограниченной частью современной молодежи. Исследования показывают, что длительность пребывания современного молодого сотрудника в одной организации в целом вписывается в рамки, которые характерны для работников других поколений, но при этом приверженность молодых специалистов организации сочетается с ориентацией на минимизацию своих трудовых усилий [Эфендиев, Чермошнцева 2020].

Еще одним важнейшим фактором является несоответствие получаемых компетенций российскими обучающимися требуемой работодателями квалификации. Так, например, существующая на сегодняшний день в России система организации высшего образования (ВО) характеризуется комбинированием традиционного для нее специалитета и двухзвенной системы первого уровня ВО в виде 4-летнего бакалавриата и 2-летней магистратуры. Статистика доказывает, что после завершения первой ступени высшего образования бакалавра уровень подготовки выпускников не соответствует требованиям рынка труда¹⁰, а количество таких выпускников велико. В 2020 г. выпускниками российских вузов стали около 850 тыс. чел, из которых диплом бакалавра получили почти 558 тыс. чел., магистра — 185 тыс.¹¹

Эволюция социально-трудовых конфликтов в современном российском обществе

Если суммировано обратиться к трансформациям в конфигурации СТК в России последних десятков лет, можно выделить ряд основных исторических этапов социально-трудовых конфликтов в современной России [Лобок и др. 2020]. Первый этап приходится на 1990-е годы, когда переход к рыночной экономике, изменения в социально-политической структуре, падение жизненного уровня и социального благополучия населения, перераспределение собственности и власти, а также, как следствие, возникновение в стране серьезного экономического кризиса привели к развитию первых массовых социально-трудовых конфликтов. В основе данных конфликтов лежало недовольство населения постоянным падением реального уровня заработной платы, ее задержкой, банкротством или сменой собственника у предприятия, влекущего за собой увольнение персонала. В ряде случаев, как, например, в забастовке шахтеров 1991 года, экономические требования по повышению заработной платы сопровождались требованиями политического характера — отставки правительства. Конфликтное движение в России 1990-х – начала 2000-х годов реализовывалось в основном в формате забастовок представителей определенных профессиональных групп — шахтеров, учителей, авиадиспетчеров, работников автопредприятий. Федеральные власти с разной степенью готовности реагировали

¹⁰ Во все российские вузы вернется специалитет // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/05/24/923454-vo-vse-vuzi-vernetsya-spetsialitet> (дата обращения: 10.02.2023).

¹¹ Что известно о Болонской системе и истории участия в ней России // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/14650777> (дата обращения: 09.02.2023).

на ситуацию и вмешивались в забастовочные конфликты, предпочитая отдавать решение вопроса на уровень региональной власти и менеджмента отдельных предприятий, что регулярно форсировало эскалацию социально-политических конфликтов, например, в моногородах [Панова, Андрюшина 2021].

В качестве примера можно привести 2009 год, когда в г. Пикалево сложилась ситуация, при которой трудовые конфликты породили значимый социально-политический конфликт. Закрытие трех градообразующих предприятий города вызвало массовый социальный протест, к решению которого пришлось активно подключиться тогдашнему премьер-министру РФ В.В. Путину. Подобная персонификация первых лиц государства как модераторов социально-трудовых конфликтов и усиление интерактивности в федеральной власти с участниками СТК стала набирать интенсивность с середины 2010-х годов. Примерно с этого времени можно определить второй этап изменений конфигураций СТК — они характеризуются, во-первых, приоритетным прямым обращением конфликтующих к первому лицу государства (минуя иные государственные структуры и уровни власти); во-вторых, интенсивным использованием видеобращений (видеозаписи обращения отдельных лиц, групп работников, представителей определенных профессий). Данные мониторинга «Центра социально-трудовых прав»¹² показывают, что в период с середины 2010-х и до наступления времени пандемии в 2019 году общее число СТК в России сокращалось, но вместе с тем выросла их социальная острота и социальная яркость протекания. Исследования показывают, что в России число коллективных трудовых протестов, происходящих в рамках, предписываемых для них законом (коллективных трудовых споров, забастовок), традиционно является достаточно низким показателем, практически не увеличивающимся в кризисные периоды. При этом параллельно наблюдается рост форм протестного поведения работников в различных формах без использования процедур, прямо предусмотренных законодательством для разрешения трудовых конфликтов [Герасимова 2016].

Введение и снятие ограничительных мер в 2019–2020 гг., режима самоизоляции, а также массовый перевод работников на удаленный (дистанционный) режим работы привели к ухудшению ситуации в социально-трудовой сфере и появлению дополнительных источников роста конфликтности и напряженности. Перечень традиционных факторов развития СТК, таких как невыплата (задержка с выплатами) заработных плат работникам, увольнение (сокращение) персонала, дополнился фактором нарушения работодателями условий труда, в том числе режимов работы и техники безопасности. Особенно остро последнее проявилось в сфере здравоохранения, которая непосредственно в 2019–2021 гг. характеризовалась резко возросшим числом СТК — в частности, только в 2019 г. медики организовали более 100 акций в 35 регионах страны¹³. Особенность приведенного примера состоит в том, что ни в одной из бюджетных отраслей никогда не было ни такого количества акций, ни такого их резкого роста.

Главным способом выражения протеста для медиков в рассматриваемый период СТК стало собрание или конференция, на которых они озвучивали и выдвигали свои требования.

¹² Трудовые протесты в 2022 г. 3 часть «Отраслевая структура протестов». 4 часть «Причины трудовых протестов» // Мониторинг трудовых протестов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trudprotest.org/2023/02/09/> (дата обращения: 19.01.2023).

¹³ Социально-трудовые конфликты в России и их влияние на развитие трудовых отношений в условиях продолжающейся пандемии COVID-19 (итоги 2021 года) // РосПрофПром. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosprofprom.ru/wp-content/uploads/2022/01/Социально-трудовые-конфликты-2021.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).

Второй по распространенности формой, которая является акселератором первой, выступили контакты в формате групповых протестов или записи видеообращений «через голову» непосредственного начальства к властям, то есть вынос проблем за пределы локальной организации на более высокий управленческий уровень.

Анализ результатов СТК в последние двадцать лет в современной России показывает, что менее чем в 30% случаев они оканчиваются полным или существенным удовлетворением требований бастующих. Более регулярной является практика частичного удовлетворения властью требований участников СТК либо признание судом забастовок работников предприятий незаконными, что позволяет не выполнять менеджменту организаций и локальным властям условия, на которых на тот момент был закончен конфликт.

Новая реальность современного этапа развития СТК, во многом возникшая и сформировавшаяся под влиянием пандемии за последние несколько лет, внесла свои изменения и в сферу трудовых отношений, и в характер социально-трудовых конфликтов.

С нашей точки зрения, в данных вопросах можно выделить следующие яркие тенденции: во-первых, внутрикорпоративные трудовые конфликты все реже перерастают в обширные, социально значимые конфликты. Руководство предприятий, а также региональные и местные власти активно включаются в решение трудовых конфликтов, не позволяя им выйти на межорганизационный, межпрофессиональный уровни или на уровень федеральной власти. При этом все равно в 2022 г. главной формой протеста стало обращение к властям — 66%, в то время как другие формы, такие как выдвижение требований к работодателю (25%), полная или частичная остановка работ (24%), митинги и пикеты (8%), фигурировали значительно реже¹⁴.

При этом «большинство обращений к властям в последние годы носят характер не требований, а жалоб и просьб прийти на помощь и заступиться», они адресованы «властям, правоохранительным органам, депутатам и другим властным акторам»¹⁵. Во-вторых, оплата труда стабильно расположилась на первом месте в списке причин трудовых конфликтов работников и работодателей, но элементы содержания споров, помимо взыскания заработной платы, в равной мере дополнились спорами по вопросам предоставления гарантий и выплаты финансовых компенсаций. По данным Верховного суда РФ, «в 2021 году было рассмотрено 200 тыс. дел в сфере защиты трудовых прав граждан — по ним было удовлетворено 96% требований об оплате труда, 83% — о предоставлении предусмотренных трудовым законодательством гарантий и компенсаций и 53% — о восстановлении на работе»¹⁶. В-третьих, СТК все чаще стали заканчиваться судебными решениями в пользу граждан. Предпосылками данного обстоятельства стало усиление юридической грамотности работников, повышение эффективности разнообразных институтов защиты трудовых прав населения, а также рост внимания представителей власти к соблюдению заявленных юридических правил и норм в области социально-трудовых отношений. Голодовки, перекрытия дорог, массовые забастовки заменились диалоговыми формами взаимодействия, активным участником которых выступают государственные структуры.

¹⁴ Трудовые протесты в первой половине 2022 г. // Мониторинг трудовых протестов [Электронный ресурс] URL: <http://www.trudprotest.org/2022/08/30/трудовые-протесты-в-первой-половине-2022/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁵ Там же.

¹⁶ ВС РФ обобщит судебную практику по спорам, связанным с заключением трудового договора // Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1526858/> (дата обращения: 08.02.2023).

Заключение

Социально-трудовые конфликты как общественное явление, возникшее под воздействием социальной среды макро- и микроуровня, но протекающее и проявляющееся в существенной степени в области трудовых отношений, являются неотъемлемым атрибутом современного общества. Поименованные традиционные источники или драйверы СТК в России (высокий уровень социальной дифференциации населения страны по уровню зарплатного дохода, трансформация характера и форм трудовых отношений, несоответствие имеющихся у трудовых ресурсов навыков и требуемых работодателям профессионально-квалификационных характеристик сотрудников как результат противоречия приоритетов в образовательной политике и запросов реального сектора, особенности картины трудовых ценностей и ориентаций нового поколения трудовых ресурсов), новыми драйверами становятся цифровизация трудовой деятельности, использование технологий искусственного интеллекта, а также потенциал вовлечения нового уникального трудового ресурса в ближнесрочной перспективе — поколения Z с его специфическими профессиональными ориентациями и трудовыми стратегиями, а также способами участия в конфликтах и их решения. Примечательно, что за новейший период существования России СТК эволюционировали от конфликтов высокой интенсивности в виде забастовок, голодовок, протестов и т.п. к видеообращениям, непосредственной апелляции к представителям политической элиты, в целом к институциональным технологиям разрешения СТК на основе законодательства РФ, чему способствовали как объективные процессы (пандемия, введение и снятие режимов удаленной работы), так и повышение юридической грамотности работников.

Список литературы:

- Герасимова Е.С. Коллективные трудовые споры, забастовки и протесты в России: влияние законодательства и правоприменительной практики на их распространенность и применение // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 55–65. DOI: [10.12737/21221](https://doi.org/10.12737/21221)
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект-пресс, 1996.
- Климова Ю.О. Анализ соответствия уровня компетенций выпускников ИТ специальностей требованиям работодателей // Вопросы территориального развития. 2021. Т.9. № 1. DOI: [10.15838/tdi.2021.1.56.5](https://doi.org/10.15838/tdi.2021.1.56.5)
- Козина И.М. Человек на работе: мир труда в оценках россиян // Социодиггер. 2020. Август. Т. 1. № 1. С. 5–15.
- Лобок Д.В., Громова О.Н., Ильинская Е.А., Ладоха А.В., Морозов В.Б., Соколова С.Н. Исторический опыт преодоления социально-трудовых конфликтов в России. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2020.
- Магун В.С. Динамика трудовых ценностей экономически активного населения России, 1991–2004 гг. Препринт WP3 /2006 /09. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Панова Е.А. Мотивация работников поколения «Z» // Устойчивое развитие российской экономики: сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции (18 июня 2019 г.). М: ООО «Издательский дом КДУ», «Университетская книга», 2019. С. 74–84.
- Панова Е.А. Технологии моделирования и нейтрализации политических конфликтов в современном дискурсе // Власть. 2021а. Т. 29. № 2. С. 155–160. DOI: [10.31171/vlast.v29i2.8037](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8037)
- Панова Е.А. Безработица на высокотехнологичном рынке труда // Социально-трудовые конфликты в России и в мире: VI Международная научно-практическая конференция, 1 октября 2021 года. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2021б. С. 100–106.

Панова Е.А., Андриюшина Е.В. Профессиональная ориентация молодежи в повестке дня российской государственной политики // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2020. № 2. С. 36–60.

Панова Е.А., Андриюшина Е.В. Российские моногорода: факторы развития социально-политических конфликтов // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 88. С. 134–145. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-88-134-145](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-134-145)

Пинчук А.Н., Кареева С.Г., Тихомиров Д. А. Социально-гуманитарные профессии в цифровом обществе: восприятие и профессиональная адаптация московских студентов // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 43–60. DOI: [10.19181/vis.2020.11.3.662](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.662)

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.

Эфендиев А.Г., Чермошнцева Е.С. Трудовое поведение современной работающей молодежи: духовно-нравственные основы и практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 4. С. 40–73.

Boulding K. *Conflict and Defense: A General Theory*. New York: Harper and Brothers, 1962.

Brynjolfsson E., McAfee D. *Race against the Machine: How the Digital Revolution is Accelerating Innovation, Driving Productivity, and Irreversibly Transforming Employment and the Economy*. Lexington, MA: Digital Frontier Press, 2012.

Coser L.A. *The Functions of Social Conflict*. New York: The Free Press, 1956.

Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, California: Stanford University Press, 1959.

Freeman R.B. Who Owns the Robots Rules the World // IZA World of Labor. 2015. № 5. URL: <https://wol.iza.org/uploads/articles/5/pdfs/who-owns-the-robots-rules-the-world.pdf>

Giddens A. *The Constitution of Society*. Cambridge: Polity Press, 1989.

References:

Boulding K. (1962) *Conflict and Defense: A General Theory*. New York: Harper and Brothers.

Brynjolfsson E., McAfee D. (2012) *Race against the Machine: How the Digital Revolution is Accelerating Innovation, Driving Productivity, and Irreversibly Transforming Employment and the Economy*. Lexington, MA: Digital Frontier Press.

Coser L.A. (1956) *The Functions of Social Conflict*. New York: The Free Press.

Dahrendorf R. (1959) *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, California: Stanford University Press.

Durkheim E. (1991) *De la division du travail social*. Moscow: Nauka.

Efendiyev A.G., Chermoshentseva E.S. (2020) Labor Behavior of Modern Working Youth: Values and Practices. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. Vol. 23. Is. 4. P. 40–73.

Freeman R.B. (2015) Who Owns the Robots Rules the World. *IZA World of Labor*. No 5. Available: <https://wol.iza.org/uploads/articles/5/pdfs/who-owns-the-robots-rules-the-world.pdf>

Gerasimova E.S. (2016) Collective Labor Disputes, Strikes and Protests in Russia: Relevant Laws and Practices. *Zhurnal rossiyskogo prava*. No. 9. P. 55–65. DOI: [10.12737/21221](https://doi.org/10.12737/21221)

Giddens A. (1989) *The Constitution of Society*. Cambridge: Polity Press.

Klimova Yu.O. (2021) Correspondence Analysis of the Competence Level of Graduates of IT Specialties with Employers' Requirements. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. Vol. 9. No. 1. DOI: [10.15838/tdi.2021.1.56.5](https://doi.org/10.15838/tdi.2021.1.56.5)

- Kozina I.M. (2020) Chelovek na rabote: mir truda v otsenkakh rossiyan [Man at work: The world of work in the assessments of Russians]. *SotsioDigger*. August. Vol. 1. No. 1. P. 5–15.
- Lobok D.V., Gromova O.N., Il'inskaya E.A., Ladokha A.V., Morozov V.B., Sokolova S.N. (2020) *Istoricheskiy opyt preodoleniya sotsial'no-trudovykh konfliktov v Rossii* [Historical experience of overcoming social and labor conflicts in Russia]. Saint Petersburg: SPbGUP.
- Magun V.S. (2006) Changes in Work Values in Russia, 1991–2004 evidence. *Working Paper WP3 /2006 /09*. Moscow: GU VShE.
- Panova E.A. (2019) Motivatsiya rabotnikov pokoleniya "Z" [Motivating Generation Z Workers]. *Ustoychivoye razvitiye rossiyskoy ekonomiki: sbornik statey po materialam VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (June 18, 2019)*. Moscow: OOO "Izdatel'skiy dom KDU", "Universitetskaya kniga". P. 74–84.
- Panova E.A. (2021a) Technologies for Modeling and Neutralizing Political Conflicts in Modern Discourse. *Vlast'*. Vol. 29. No. 2. P. 155–160. DOI: [10.31171/vlast.v29i2.8037](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8037)
- Panova E.A. (2021b) Bezrobotitsa na vysokotekhnologichnom rynke truda [Unemployment in the high-tech labor market]. *Sotsial'no-trudovyye konflikty v Rossii i v mire: VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. October 1, 2021. Saint Petersburg: SPbGUP. P. 100–106.
- Panova E.A., Andryushina E.V. (2020) Professional orientation of youth on the agenda of the tasks for Russian state policy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 2. P. 36–60.
- Panova E.A., Andryushina E.V. (2021) Russian Monotowns: Factors of Socio-Political Conflicts Extension. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 88. P. 134–145. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-88-134-145](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-88-134-145)
- Pinchuk A.N., Karepova S.G., Tikhomirov D.A. (2020) Social-Humanitarian Trades in a Digital Society: The Perceptions and Professional Adaptation of Moscow's College Students. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 11. No. 3. P. 43–60. DOI: [10.19181/vis.2020.11.3.662](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.662)
- Sorokin P. (1992) *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Person, civilization, society]. Moscow: Politizdat.
- Zdravomyslov A.G (1996). *Sotsiologiya konflikta* [Sociology of conflict]. Moscow: Aspekt-press.

Дата поступления/Received: 11.02.2023

Понятие «российская нация» и формирование гражданской идентичности в восприятии молодежи Северного Кавказа

Сажина Варвара Андреевна

Кандидат социологических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: sazhina@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5151-4260](https://elibrary.ru/5151-4260)

Аннотация

В статье представлены результаты опроса молодежи Северо-Кавказского федерального округа относительно понимания смыслового содержания понятия «российская нация», а также факторов, которые положительно или деструктивно влияют на формирование общероссийской гражданской идентичности в молодежной среде. Показано, что, несмотря на распространенную практику использования в официальном общественно-политическом дискурсе понятия «российская нация», в том числе в повестке молодежной политики, полного понимания среди молодых людей смысла этого догматического словосочетания до сих пор не сложилось. Оно лишь фрагментарно сопоставимо с дефиницией, зафиксированной в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, часто соответствует одному из формальных критериев (наличие гражданства страны, проживание или факт рождения на ее территории, этническая принадлежность к русским). Восприятие себя субъектом, наделенным не только набором признаков, присущих членам российской нации, но и полнотой осознания ответственности за судьбу страны и ее будущее, практически не характерно для рефлексии молодежи относительно смыслового содержания рассматриваемого понятия. Результаты опроса показали также, что наиболее значимыми для формирования гражданской идентичности молодежь считает: образование, государственную политику и конкретные действия властей (эти факторы имеют сегодня, по мнению молодежи, очень важное, но неоднозначное по последствиям влияние), СМИ (деструктивное влияние). Кроме того, в статье представлен обзор основных субъектов, реализующих исследования по вопросам формирования национального единства и укрепления гражданской идентичности на региональном и федеральном уровнях.

Ключевые слова

Общероссийская гражданская идентичность, российская нация, гражданское единство, национальная политика, молодежная политика, Северный Кавказ.

The Concept of «Russian Nation» and Formation of Civic Identity in the Perception of the North Caucasus Youth

Varvara A. Sazhina

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: sazhina@spa.msu.ru

Abstract

The article presents the results of a survey conducted among the North Caucasus youth regarding the understanding of the semantic content of the «Russian nation» concept, as well as factors that affect the formation of the all-Russian civic identity (positively or destructively). It is shown that despite the widespread practice of using the concept of «Russian nation» in the official socio-political discourse, including on the agenda of youth policy, a full understanding among young people of this dogmatic phrase meaning has not developed yet. It is only fragmentally comparable with the definition fixed in the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025, and it has the character of compliance with one of the formal criteria of some kind (the presence of citizenship of the country, residence or the fact of birth on its territory, ethnicity to Russians). The perception of oneself as a subject endowed not only with a set of characteristics inherent in the members of the Russian nation, but also with a full awareness of responsibility for the fate of the country and its future is practically not typical for the reflection of young people regarding the semantic content of the concept under consideration. The survey results show that young people consider that the most significant for forming civic identity are education, state policy and specific actions of the authorities (these factors have a very important, but ambiguous in terms of consequences influence today), the media (destructive influence). The article also provides an overview of the main subjects implementing research on the formation of national unity and strengthening of civic identity at the regional and federal levels.

Keywords

All-Russian civic identity, Russian nation, civic unity, national policy, youth policy, North Caucasus.

Введение

Укрепление гражданского единства, гражданского самосознания является одним из приоритетов государственной национальной политики. Содержательный смысл словосочетаний «гражданское единство», «российская нация» наряду с другими понятиями, принципиально важными для проведения слаженной государственной политики в сфере гармонизации межнациональных отношений в стране, зафиксирован в доктринальном

пространстве очень четко. Так, в текст Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года благодаря редакции 2018 года были добавлены дефиниции основных понятий (в Стратегии 2012 года, то есть в предыдущей редакции, терминологический блок отсутствовал вообще).

Согласно Стратегии, общероссийская гражданская идентичность (или гражданское самосознание) — это осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества¹. Гражданское единство, трактовка сущностного наполнения которого также зафиксирована в упоминаемом документе, является основой российской нации. При этом понятие «российская нация», исходя из текста Стратегии, может быть использовано равнозначно словосочетанию «многонациональный народ Российской Федерации».

Несмотря на четко сформулированные дефиниции в формальных (стратегических нормативных правовых) документах, в повседневной жизни представители общества, незнакомые со спецификой профессиональной сферы знаний, часто затрудняются дать определение тем или иным явлениям, идеологическим конструктам. В попытках разъяснить смысл терминов люди используют различные подходы, опираясь на свой личный опыт, на сформированное внешними субъектами (членами семьи, СМИ, представителями политической элиты и др.) мнение и прочее. В результате один и тот же термин может быть трактован совершенно по-разному, а расхождение в интерпретации понятий приводит к спорам, недопониманиям в дискурсе, а также к снижению эффективности работы в решении различных задач и достижении цели. Неоднозначность трактовок в повседневном обыденном восприятии одних и тех же явлений и понятий наблюдается при этом в различных сферах жизни: экономике, праве, социальной сфере, межличностных отношениях и др. Особенно важным видится искоренение неоднозначных вольных трактовок понятий, составляющих фундамент проведения политики в государстве, в том числе в вопросах регулирования межнациональных отношений, укрепления гражданского единства. В связи с этим актуализируется задача исключения дискуссий (вне научного поля) по вопросам интерпретации и ценностно-смысловых наполнений базовых понятий в широких слоях общества в период политической нестабильности, социальных потрясений и в целом условий, когда для единства государства и его народа крайне значимыми становятся не допускающие сомнений и разночтений ценностные ориентиры.

Практика проведения автором данной статьи многочисленных обсуждений² со студенческой молодежью вопросов, касающихся реализации национальной политики в стране, показывает, что большинству молодых людей сложно дать самостоятельно объяснение указанным терминам, раскрыть смысловое содержание понятий, однозначно коррелирующих с официально закрепленными. В случаях, когда молодежь все же дает или пытается как-то сформулировать те или иные трактовки терминам, проявляется множественность их восприятия, вскрывается искажение смыслов, отход от «эталонных» определений, зафиксированных в Стратегии. При этом такое недопонимание, а иногда и подмена (полная или частичная)

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703) // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 15.02.2023).

² Обсуждения проводились в рамках обучающих семинаров, круглых столов, мастер-классов и т. д. на площадках молодежных форумов, просветительских мероприятий и т.п., организованных профильными НКО, работающими с молодежью в регионах России, а также ФАДМ, ФАДН РФ.

дефиниций проявляется, несмотря на то, что ими (терминами) сейчас пестрят программы различных молодежных мероприятий, о них говорят с экранов телевидения, а всероссийские и региональные организации, работающие с молодежью, на регулярной основе включают в свою повестку мероприятия, способствующие укреплению гражданского единства и российской нации.

В рамках образовательных семинаров проекта «Точки роста», организованных для молодежи Северо-Кавказского федерального округа по инициативе Централизованной религиозной организации «Международная Исламская Миссия» совместно с Общероссийским общественным движением «Всероссийский межнациональный союз молодежи», Фондом поддержки Исламской культуры, науки и образования, автором был проведен опрос в форме анкетирования участников семинаров. Цель опроса — выяснить и зафиксировать смысловое наполнение понятия «российская нация» в восприятии молодежи Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), а также выявить мнения респондентов относительно положительных и негативных факторов, влияющих на гражданское единство в Российской Федерации. СКФО был выбран как территория со сложной историей и полиэтническим составом населения, где сохраняются риски возникновения противоречий и конфликтов на этнополитической почве, а регионы округа «выступают определенным “лакмусом” для оценки состояния общероссийской гражданской идентичности, эффективности реализуемой государственной национальной политики» [Адиев, Щербина 2021, 55].

Основные субъекты исследования национального единства и гражданской идентичности в России

Изучением гражданской идентичности (наряду с этнической, региональной и др.), единства российской нации и последующей рефлексией, связанной с полученными результатами, на основе социологических методов в России занимается довольно широкий круг профильных организаций разного уровня, а также отдельные исследователи из научной среды. При этом гражданскому единству и гражданской идентичности как одной из форм групповой идентичности уделяется большое внимание в рамках национальной политики, соответственно, ее исследования зачастую идут бок о бок и/или являются составной частью исследований межнациональных и межконфессиональных отношений. То же совершенно логично и закономерно касается исследований российской нации (многонационального народа Российской Федерации). Так, на федеральном уровне всероссийские опросы населения проводятся, например, по заказу Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России). С 2015 года в полномочия агентства вошло проведение мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, который, помимо прочего, должен предоставлять ежегодные данные по целевым индикаторам реализации Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». На сегодняшний день программа социологического мониторинга, с одной стороны, отвечая принципам преемственности, с другой — необходимости соответствовать актуальным запросам времени, частично изменена и расширена: в рамках исследования фиксируются среди прочего коллективные идентичности населения, одной из которых выступает как раз общероссийская гражданская идентичность. К сожалению, для научного сообщества, методика, программа исследования, как и полученные в ходе этого мониторинга сведения, не являются общедоступными, а официальные публикации лишь частично открывают результаты. При этом основной акцент, конечно, смещается на публикацию итогов оценки межконфессиональных и межнациональных отношений, уровень конфликтности и т.д., а

не на оценку единства нации или отдельных характеристик формирования гражданской идентичности в тех или иных возрастных или этносоциальных группах (поэтому вычлнить результаты для такой категории, как молодежь, не представляется возможным). Так, например, одной из немногих и широко известных публикаций по результатам соответствующего социологического мониторинга 2016 года стала статья сотрудников ФАДН России С.Р. Хайкина и С.Б. Бережковой, раскрывающая отношение россиян к полиэтничности, равноправию этноконфессиональных групп и т.д. [Хайкин, Бережкова 2016]. При этом о российской нации и упрочнении гражданского самосознания в статье речь шла только в общем контексте задач государства и целей национальной политики [Там же, 99]. Отметим, что позже подобных научных публикаций с итогами мониторинга ФАДН России в широком открытом доступе не размещало, а материалы распространялись выборочно, в основном для представителей власти и отдельных экспертов, задействованных в реализации национальной политики.

На федеральном уровне для оценки состояния общества по вопросам гражданского самосознания, целостности российской нации в рамках исследования межнациональных и межконфессиональных отношений, безусловно, имеют серьезное значение также и социологические мониторинги, проводимые Службой специальной связи и информации Федеральной службы охраны России (ФСО). Однако результаты исследований являются еще более закрытыми для использования широким кругом лиц, и опять же крайне редко публикуются лишь фрагментарные сведения, которые периодически озвучиваются на различных заседаниях профильных комиссий, экспертных советов и т.д. (например, публикации об итогах заседаний Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям³).

Регулярные широкомасштабные опросы населения проводит «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (ВЦИОМ). Темы опросов совершенно различны, и среди них в открытом доступе можно встретить прямо или косвенно связанные с проблематикой единства нации, гражданской идентичности. Результаты подобных исследований представлены в рамках подраздела «Межнациональные отношения. Национализм» рубрики «Общество» тематического каталога на сайте организации⁴. Однако данную рубрику нельзя назвать информационно «полезной» для широкого круга исследователей: за последние 5 лет опубликовано всего несколько опросов (более активным был, например, 2013 год с всплеском публикаций опросов по миграционной проблематике). Единственной публикацией в рубрике, связанной с исследованиями молодежи Северного Кавказа, при этом содержательно относящейся скорее к тематике социально-экономического развития, остается публикация 2016 года⁵. По запросу ключевого слова «единство» на сайте также можно найти несколько публикаций 2019, 2018, 2016, 2015 и 2012 годов (по одной в год в разделе инфографики), посвященных народному и национальному единству. В них кратко представлены результаты опросов относительно мнения об уровне единения народа страны, причинах и факторах сплочения; также освещены вопросы, касающиеся наличия противоречий в обществе и праздника народного единства⁶.

³ Состоялось заседание президиума Совета по межнациональным отношениям от 25 декабря 2019 г. // Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики [Электронный ресурс]. URL: <https://sovetnational.ru/information-support/news/sostoyalos-zasedanie-prezidiuma-soveta-po-mezhnacionalnym-otnosheniyam-ot-25-dekabrya-2019-g.html> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴ Тематический каталог. Межнациональные отношения. Национализм // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/tematicheskii-katalog/interethni-relations-nationalism> (дата обращения: 05.02.2023).

⁵ Молодежь Северного Кавказа: традиции и современность // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-severnogo-kavkaza-tradiczii-i-sovremennost> (дата обращения: 05.02.2023).

⁶ Народное единство: мечта или реальность // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-mechta-ili-realnost> (дата обращения: 05.02.2023).

Отметим, что такая содержательная «дефицитность» в открытом информационном пространстве крупной государственной организации не является отражением ее реальной включенности в часть методологического и исследовательского интереса в проблемном поле изучения межнациональных и межконфессиональных отношений, единства нации и т.д. До 2021 года ВЦИОМ являлся главным подрядчиком при проведении уже упоминаемого социологического мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений ФАДН России. На текущий период аналогичные исследования по заказу федерального агентства проводит негосударственная организация «Институт социологических исследований и мониторинга общественного мнения»⁷. Еще одной крупной негосударственной исследовательской организацией, в поле интересов которой попадает изучение гражданского общества, уровня единства народа России, является «Левада-Центр»⁸. Однако в 2016 году Центр был внесен Министерством Юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, что ставит под сомнение достоверность публикуемых им материалов.

Большая научная работа по изучению процессов консолидации полиэтнического пространства России, исследованию гражданской идентичности ведется «Центром исследования межнациональных отношений» Института социологии ФНИСЦ РАН. В 2006 году Центр возглавила Л.М. Дробижева — выдающийся ученый социолог, она внесла огромный вклад не только в теорию, но и в методологию изучения межнациональных отношений, структуры идентичности. Как отмечают коллеги, ею была сформулирована и разработана концепция государственно-гражданской идентичности, выявлены «типы “нового национализма” в пространстве современной России» [Тощенко 2021, 127]. Безусловно, методологические подходы, разработанные учеными и коллегами, стали базой в тематических исследованиях Центра, а отточенный на практике инструментарий вошел не только в исследования конкретной организации, но и был взят на вооружение широким кругом научных исследователей многих организаций.

Региональный контекст. В рамках нашего исследования резонно будет назвать те субъекты, которые в значительной мере сосредоточены на изучении именно региональной специфики формирования общероссийской гражданской идентичности и единства российской нации среди народов, проживающих на территории Северного Кавказа. Изучению общероссийской гражданской идентичности (в разных аспектах) среди населения Северного Кавказа посвящается сегодня множество как чисто теоретических, так и прикладных исследований, основанных на эмпирических данных. Среди научно-исследовательских организаций, в поле профессиональных интересов которых попадают данные вопросы на Северном Кавказе, следует, на наш взгляд, выделить в первую очередь Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону), а также исследовательские центры и институты в республиках: «Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН» (г. Махачкала), «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований» (г. Нальчик), «Центр этнополитических исследований Пятигорского государственного университета» (г. Пятигорск), «Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований» (г. Черкесск).

⁷ Результат определения поставщика (подрядчика, исполнителя) // ЕИС. Закупки [Электронный ресурс]. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/supplier-results.html?regNumber=0195100001022000010> (дата обращения: 05.02.2023).

⁸ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Некоторые исследования также проводятся экспертами из Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) и Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ).

Благодаря исследовательской деятельности и публикациям ее результатов отдельными экспертами и авторскими коллективами уже накоплен и находится в свободном доступе обширный материал по проблематике. Постоянно появляются новые публикации, в том числе наиболее «маститых» авторов — признанных экспертов. Например, оценка состояния, рисков и ресурсов укрепления общероссийской идентичности в субъектах Российской Федерации на территории Северо-Кавказского федерального округа, углубленный анализ структуры «портфеля идентичностей» представлены в публикации коллектива авторов ЮНЦ РАН [Авксентьев и др. 2022]. Экспертный дискурс по проблеме укрепления российской гражданской идентичности в северокавказских республиканских социумах отражен в недавней публикации коллектива, объединившего представителей нескольких институтов и центров [Адиев и др. 2022]. Экспертное мнение по вопросам об уровне сформированности общероссийской идентичности у населения в отдельных субъектах региона, отразившее при этом полярность мнений экспертов, представлено также в публикации сотрудников «Дагестанского федерального исследовательского центра РАН» и «Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР». В этой же публикации приводится экспертная оценка влияния на процессы формирования общероссийской идентичности, укрепления гражданского самосознания относительно таких факторов, как патриотизм, волонтерство, пропаганда российской символики и др. [Адиев, Щербина 2021]. Сотрудниками Северо-Кавказского федерального университета опубликованы результаты эмпирического исследования содержания ценностных оснований иерархии групповых идентичностей у молодежи региона [Авдеев, Ерохина 2022]. Экспертные оценки проводимой на Северном Кавказе политики идентичности, вывод о характерной для нее непоследовательности и необходимости в структуризации и систематизации представлены в публикации Г.Д. Гриценко [Гриценко 2022]. В коллективной статье сотрудников этого же университета на основе анализа результатов научного исследования «Этнополитические процессы на Кавказе в оценках и представлениях современной молодежи» представлены эмпирические данные о соотношении общероссийской гражданской, региональной, этнической и религиозной идентичности в «портфеле идентичностей» молодежи Северного Кавказа. В этой же публикации можно найти выводы авторов о главных акторах формирования основ общероссийской идентичности, значении патриотизма и гражданской активности для молодежи, об оценке роли государства в процессе формирования общероссийской идентичности [Авдеев, Воробьев 2021]. С учетом исторически сложившейся полиэтничности СКФО, находящей отражение во всех сферах общественной жизни и социокультурных процессов в регионе, крайне интересной видится работа М.А. Аствацатуровой и Л.Х. Дзаховой о практиках этнических коллективов в СКФО — активных участников синкретизации содержания и структуры российской гражданской идентичности [Аствацатурова, Дзахова, 2021].

Методологические подходы и инструментарий исследования

Осмысление феномена самоидентификации для человека становится возможным благодаря определению себя через принадлежность к группе, осознанию специфики взаимодействия между личностями и социальными группами [Social Identity and Intergroup Relations 1982; Turner 1987]. При этом в процессе социальных взаимодействий происходит включение человека в различные сообщества, будь то этнокультурные, религиозные или другие, и

соотношение самого себя с разнообразными референтными группами, в связи с чем формируется множественная идентичность [Goffman 1959]. В повседневном опыте россиян общероссийская гражданская идентичность является интегрирующей и может быть совмещена с этнической при условии негиперболизации обеих [Дробижева 2020]. Одной из самых популярных исследовательских задач в связи с этим становится выяснение соотношения разного уровня идентичностей (прежде всего этнической, гражданской, а для представителей СКФО еще и религиозной). В современных идентитарных исследованиях распространено применение количественных методов, в особенности социологического инструментария (различные формы анкетирования, интервьюирования). Большинство ученых для решения этой задачи используют схожие формулировки вопросов к респондентам: предлагается выбрать из закрытого списка ту группу населения, с которой чаще или в наибольшей степени себя ассоциирует респондент, может сказать «это мы» и т.п. Предложенные для выбора в ответе группы при этом формируются по различным признакам: принадлежности к территории, профессии, возрасту, экономическому и/или социальному положению в обществе и т.д. Например, в масштабном опросе, проведенном учеными-социологами среди студентов ведущих вузов СКФО, также были использованы подобные формулировки вопросов: «Какие из идентичностей для вас являются наиболее важными?» (закрытый вопрос, множественный выбор), «Насколько важно для вас осознавать свою связь с...» (закрытый вопрос, множественный выбор) [Авдеев, Воробьев 2021, 75–76].

Принимая во внимание, во-первых, наличие на сегодняшний день немало числа количественных исследований (основанных на «статистическом» подходе) по вопросам формирования национальной идентичности, гражданского самосознания в СКФО, во-вторых, некоторую противоречивость (в эмпирических оценках) и неоднозначность их результатов [Полунов 2023, 127–128], настоящее исследование мы основываем на «гуманитарном» подходе и применении в первую очередь качественных («понимающих») методов. Качественные методы направлены на аккумуляцию мнений респондентов и их изучение (в этом случае важно мнение каждого), они ориентированы на поиск смыслов, которые респонденты вкладывают в изучаемое явление [Кишинская 2011, 366–367]. В рамках реализации проекта «Точки роста»⁹, как уже было отмечено во введении, нами был проведен опрос среди участников семинаров — молодежи из субъектов СКФО. В опросе приняло участие 247 человек, из них 54,3% девушек и 45,7% юношей в возрасте от 16 до 35 лет. Опрос проводился в форме очного анкетирования по вопросам, касающимся родного языка и его использования, восприятия ислама и современных религиозных лидеров, формирования картины мира относительно межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе и стране и др. Среди прочих участникам были заданы открытые вопросы (без вариантов выбора): 1) «Сформулируйте своими словами, что Вы понимаете под “российской нацией?”»; 2) «Что, на Ваш взгляд, положительно влияет на укрепление общероссийской гражданской идентичности в молодежной среде?»; 3) «Что, на Ваш взгляд, деструктивно влияет и не способствует укреплению общероссийской гражданской идентичности в молодежной среде?». Полученные трактовки сущностного содержания термина «российская нация» мы сравнили с его официальной дефиницией, зафиксированной в Стратегии. Ответы на два других вопроса позволили выделить наиболее значимые факторы, влияющие на процесс формирования гражданской идентичности и единства нации в субъективном восприятии молодежи.

⁹ «Точки роста» — проект, направленный на выявление молодежных лидеров, обучение их навыкам социального проектирования, развитие лидерских качеств и обучение навыкам общественной деятельности. К участию в проекте приглашались студенты, аспиранты, молодые журналисты, блогеры, исламоведы, активисты общественных организаций, лидеры неформальных сообществ молодежи.

Результаты и выводы

Анализ содержания ответов респондентов позволил выделить среди них некоторые группы, которые объединяются по соответствию какому-либо смысловому признаку, критерию, наиболее часто упоминаемому самими участниками опроса.

Самым сложным для молодежи стал вопрос о понимании термина «российская нация»: 23,5% не смогли дать на него никакого ответа, просто пропустив. В наиболее многочисленную группу (32,8%) вошли те, кто выделяет *многонациональность как основной признак (чаще всего синоним) российской нации*: «это многонациональная совокупность людей в РФ», «многонациональный народ», «многонациональная страна», «многонациональная, мультикультурная страна» и т.д.

Почти столько же человек, сколько пропустило вопрос, (23,2%) сошлось в трактовках российской нации как совокупности разных народов (этнических групп), проживающих *на территории одной страны*, то есть выделили территорию государства как ключевой и консолидирующий признак: «люди, рожденные и живущие в России», «население России», «все, кто живут в России».

Среди молодежи оказалась популярна также версия трактовки понятия «российская нация» в привязке к *признаку гражданства Российской Федерации* (14,8%): «люди, имеющие паспорт гражданина РФ», «граждане РФ», «обозначение представителями других государств граждан России», «граждане, проживающие на территории Российской Федерации», «все граждане России», «все люди, независимо от национального происхождения, проживающие на территории РФ и имеющие ее гражданство».

Около 7% участников семинара, ответивших на вопрос, однозначно связали понятие «российская нация» с *этнической идентификацией и русским языком*: «русские», «совокупность всех народов, проживающих на территории России, считающих русский язык своим родным», «на данный момент русские, и обрусевшие, иначе ты не русский, а значит — представитель не российской нации», «все люди, которые причисляют себя к русским, составляют российскую нацию», «человек с русскими традициями», «люди, у которых мама или папа представитель русского этноса».

5,3% респондентов в объяснении того, что они понимают под термином «российская нация», говорили о гражданско-политической общности: «я понимаю это как гражданская и политическая общность всех народов страны», «приходится понимать гражданскую и политическую общность всех народов страны, многочисленных мигрантов и представителей зарубежных стран, проживающих в Российской Федерации», «социально-экономическая и территориальная общность разноплеменных граждан одного государства, объединенных государственно-политическим патриотизмом», «российская нация — это гражданско-политическая общность».

В совокупности около 4% ответов приходится на различные комментарии, отражающие скепсис молодежи относительно правомерности термина «российская нация» или вовсе его непонимание: «Россия — многонациональная страна, поэтому данная формулировка некорректна», «российской нации не существует. Это попытка преобразовать концепт «многонационального народа» Б.Н. Ельцина в нечто, что могло бы объединить разные народы, проживающие на территории Российской Федерации и ближнего зарубежья», «для меня не существует понятия “российская нация”. Есть “русский” и “россиянин”. Русский — представитель русской национальности, россиянин — гражданин России», «что за российская нация? Не могу сформулировать, потому что не понимаю!».

Среди иных немногочисленных ответов были те, которые выстраивали определение российской нации через *проявление патриотизма* (в том числе «чрезвычайный патриотизм», «народ с крепкой волей и патриотическим духом»), определенные *отношения между народами*, необходимость мирного проживания в границах одного государства («общество, которое проявляет уважение друг к другу», «объединение народов, у каждой нации свои ценности, открытие для себя чего-то нового», «дружба народов» и др.).

Сравнивая полученные от респондентов трактовки «русской нации» с эталонным определением из Стратегии, можно заключить, что, с одной стороны, серьезных разночтений в восприятии участников опроса этого ключевого понятия нет, но, с другой стороны, нельзя говорить и о тождестве ответов с официальной дефиницией. Например, признак гражданства, по мнению опрошенных, существенен, но одновременно с этим, заметим, не идет речи о наличии гражданского самосознания, рефлексии восприятия себя как гражданина с правами и обязанностями и т.д. Признак же наличия гражданства Российской Федерации может быть получен, например, в результате натурализации иностранных граждан, однако не иметь отношения к полной реальной интеграции их в российское общество (особенно с социокультурной точки зрения). Отсюда и упоминание о «многочисленных мигрантах» в ответах, сухая привязка к наличию гражданства де-юре. Объединяющий признак территории страны как места проживания русской нации, который выделили респонденты, в большинстве ответов также никак не связан с рефлексией об ответственности за эту территорию, о разделении каких-то ценностей, характерных для ее жителей, и т.д. При этом гражданская идентичность как раз, согласно определению в Стратегии, и выражается в осознании и принадлежности к государству, народу, обществу и в том числе ответственности за судьбу страны. Складывается ситуация, когда для того, чтобы воспринимать себя частью русской нации (в том числе поддерживая этим данные социологических опросов о росте уровня общероссийской гражданской идентичности среди населения), молодежь может считать минимальным и достаточным условием номинальное соответствие лишь какому-либо признаку (жить в России, иметь гражданство Российской Федерации, говорить на русском языке и т.д.), но не считать обязательным при этом наличие специфического взаимодействия с обществом, социальными группами. Из плюсов такой неполной осознанности, во-первых, назовем положительные результаты в статистике укрепления общегражданской идентичности, во-вторых, уход (скорее неосознанный, невольный) таким образом молодежи от проблемы самоидентификации, то есть, говоря словами А. Гидденса, ситуации постоянного выбора жизненного пути [Giddens 1991], принятия всех смысловых «ответственностей», которыми наделена идентичность общности «русская нация». Из минусов, очевидно, — несоответствие декларируемых отчетами результатов действительности, а также эфемерное ощущение у власти наличия значительной части общества, обладающей реальным гражданским самосознанием, по смыслу соотносящимся с трактовкой, зафиксированной в Стратегии.

Тревожными с точки зрения достижения целей государственной национальной политики, в частности укрепления гражданского единства, на наш взгляд, является не только наличие ответов, пронизанных неким нигилизмом относительно концепта «русская нация», но и указание на необходимость соответствия членов русской нации признаку русской этничности. Хотя многие респонденты так или иначе обращали внимание на признак многонациональности, совокупности разных народов и т.д., тем не менее наличие ответов с подчеркнутой значимостью принадлежности к русскому этносу в рамках русской нации отражает существование реальной опасности формирования и распространения среди

нерусской молодежи ощущения якобы исключенности из российской нации, как следствие — потенциала для развития националистических настроений и т.д. Являются ли такие ответы респондентов недопониманием сути тезиса о сохранении русской культурной доминанты как основы общероссийской гражданской идентичности, зафиксированной в Стратегии, или это следствие наличия опыта субъективного ощущения дискриминации по национальному признаку среди участников опроса, имеют ли место иные причины — по итогам результатов опроса сказать сложно. Понимание природы данных рассуждений может стать целью отдельного исследования. Однако наличие подобных умозаключений даже в небольшой группе молодежи СКФО, очевидно, несет в себе угрозу единству общества и на руку ряду лидеров и организаций, стремящихся повлиять (в том числе извне) на стабильность внутривнутриполитической ситуации и межэтнических отношений как в регионе, так и в стране.

Что же, по мнению респондентов, положительно и, наоборот, деструктивно влияет на укрепление гражданской идентичности в молодежной среде? Во-первых, анализ ответов показал, что почти для трети молодежи, участвующей в опросе, оказалось затруднительным дать ответ на эти вопросы. Подчеркнем, что в исследовании принимали участие прошедшие некоторый отбор для проекта «Точки роста» представители наиболее инициативной и образованной молодежи СКФО (активисты, лидеры общественных молодежных организаций и т.д.), а участие в опросе было добровольным. Едва ли можно объяснить невысокий результат возвратности по вопросам простым нежеланием респондентов отвечать, некой халатностью в заполнении анкеты. На наш взгляд, это еще одно свидетельство недопонимания со стороны молодежи реальных смыслов догматических словосочетаний, их содержательной наполненности, дополненного низким уровнем привычки рефлексии о причинах их формирования, значении их в своей личной жизни, жизни общества региона, страны и т.д.

В отличие от ответов о трактовке российской нации, полученные мнения относительно вопросов о факторах укрепления гражданской идентичности оказалось гораздо сложнее сгруппировать по каким-либо объединяющим признакам, выделить категории или типы ответов. Так, почти половина респондентов (48%) высказалась крайне разносторонне о факторах укрепления гражданской идентичности, указывая и на поиск своего «я», особенно свойственного молодежи, и на субъективную оценку уровня жизни, материального благополучия, ощущение гордости за страну, за земляков и проч.: «видимость того, что с врагом России никто не желает бороться, кроме самой молодежи», «гордость за земляков, совершающих подвиги», «осознание личности, поиск интересов», «самосознание как русского гражданина», «бесплатная медицина, благополучная семья, бесплатное качественное образование» и др.

Значительное число участников семинаров считает, что «проведение мероприятий» (20% ответов), а также «образование и знания» (11%) имеют ключевое значение в укреплении общероссийской гражданской идентичности: «конкурсы, форумы, съезды, соревнования, олимпиады и общие победы», «культурно-просветительские мероприятия», «различные общественные мероприятия, как день национальностей, где будут знакомить одних граждан РФ с культурой других, позволяя найти то, что нас, граждан РФ, объединяет», «образовательные программы», «изучение обществознания и культурологии», «изучение культурного многообразия своей страны. Человек боится того, чего он не знает, не до конца понимает, поэтому появляются различные домыслы, которые подпитывают СМИ и нечестная политическая игра». В качестве деструктивного фактора относительно гражданского единства, соответственно, молодежь указывала отсутствие достаточных знаний, правда, без уточнения в какой области или незнание

чего конкретно (упоминается в 4% ответов): «недостаток знаний», «низкий уровень политической грамотности», «незнание» и т.д. Еще в примерно 6% ответов о значимых факторах шла речь о воспитании (особенно выделялось патриотическое): «правильное воспитание и окружение», «хорошее семейное и школьное воспитание», «патриотическое воспитание», «правильное патриотическое (не националистическое!) воспитание», «патриотическая мотивация», «содействие в поднятии духа патриотизма».

Весьма логичным видится, что наибольшее число респондентов в ответах указало именно некие мероприятия (просветительской и образовательной направленности). Эксперты в сфере национальной политики неоднократно отмечали, что ее реализация, в том числе в молодежной среде, носит событийный характер, зачастую принимает «фестивальные», «демонстрационные» (проведение форумов, национальных праздников и т.д.) форматы, в то время как более глубокая и постоянная работа с сознанием молодежи на уровне школьных образовательных программ (причем с едиными четкими подходами) и работа со студентами в высших образовательных учреждениях практически не ведется.

Чаще других среди деструктивных факторов молодежь выделяет влияние СМИ, в частности социальных сетей, телевидения (12%): «разделение на национальности, например: где-то что-то сделал человек с Кавказа, это обязательно подмечают и делают на это акцент», «телевидение и националистические высказывания», «недостовверные информационные каналы». Некоторая часть (4%) ответивших назвала в качестве деструктивного фактора пропаганду западной культуры, а также экстремизма: «пропаганда западного образа жизни», «пропаганда экстремизма», «пропаганда европейского взгляда жизни».

На роль государства, политической деятельности в своих ответах обратили внимание менее 10% опрошенных. При этом меньшая доля (около 5%) указывала на потенциально положительное влияние государства: «стабильная внутривнутриполитическая ситуация, международный авторитет», «адекватная политика в области государства», «взаимодействие религиозных организаций с государственными структурами и содействие последующих. Взаимные проекты. Доверие народа!». В 8% ответов внимание молодежи сосредоточилось на проводимой политике или конкретных политических мерах, носящих деструктивный характер для укрепления общероссийской гражданской идентичности: «внутри- и внешнеполитический кризис», «попытка навязать той самой молодежи устаревшие культурные продукты, не получившие в свое время должной оценки. Введение нежизнеспособных концептов по типу “российской нации” и пр.», «отказ власти от материального диалога, диалога по существу», «поддержка лидерами общества разделения общества на своих (например, в республиках) и на чужих», «коррупция, дискриминация по национальному признаку», «политика государства по отношению к Кавказу и мигрантам», «неизменность власти, применение “клюквы” в представлении культуры», «агрессивная пропаганда патриотизма» и др. Разнообразные комментарии, так или иначе касающиеся деятельности государства, показывают нам, что молодежь признает в государстве важного актора, влияющего на формирование общегражданской идентичности. При этом действия этого актора, по субъективной оценке той же молодежи, несут не только положительный характер, способствующий укреплению единства, но зачастую приводят к обратному, то есть к негативным для единства общества последствиями, провоцируя его раскол по социальным, экономическим, культурным и иным линиям.

Заключение

Идеологемы современной национальной политики, прочно вошедшие в повестку молодежной политики, тем не менее не сформировались и не закрепились окончательно в сознании самих представителей молодежи. Трактовка базовых понятий, сущностного содержания важнейших основ построения современного гражданского общества России (в первую очередь понимание российской нации) среди опрошенной молодежи СКФО оказалась, во-первых, неоднозначной; во-вторых, зачастую носила характер соответствия одному из формальных критериев (наличие гражданства страны, проживание или факт рождения на ее территории, этническая принадлежность к русским). Таким образом, восприятие себя субъектом, наделенным не только набором признаков, присущих членам российской нации, но и полнотой осознания ответственности за судьбу страны и ее будущее практически не характерно для рефлексии молодежи относительно смыслового содержания рассматриваемого понятия.

Результаты исследования показали также, что в молодежной среде СКФО в полной мере проявляется свойство динамичности ценностно-смысловых наполнений словосочетаний «российская нация», «общегражданская идентичность», а также входящих в их состав представлений о территории, ценностных общностях, культуре, языке, проводимой государственной политике и т.д. Незакрепленность базовых понятий, невозможность доступным языком объяснить основы создают в сознании молодежи некую ментальную лакуну, которая, очевидно, будет заполнена или собственными домыслами (потенциально как положительного, так и нейтрального или деструктивного характера), или сформированными смыслами, которые до сих пор не удалось четко сформировать реализуемыми мерами национальной и молодежной политик. Стратегическая коннотация, принятая сегодня в официальной повестке, в такой ситуации может быть заменена на любую другую деструктивную. Автор вполне признает, что проведенное исследование в силу объема и параметров выборки нельзя считать достаточным для того, чтобы проектировать полученные выводы на всю молодежь СКФО, однако позволяет увидеть тренды и выявить проблемные аспекты относительно конкретной весьма обширной группы активной молодежи региона.

На наш взгляд, не столько количественные, сколько качественные подходы в исследовании смысловых наполнений понятий «российская нация», «общероссийская гражданская идентичность», а также исследование восприятия и субъективной оценки молодежью политики на федеральном и региональном уровнях по отношению к задачам укрепления единства многонационального народа Российской Федерации требуют пристального внимания экспертного сообщества и глубокого изучения с дальнейшей выработкой рекомендаций по эффективному информационному сопровождению этой политики. Крайне важно сегодня, особенно учитывая условия геополитической нестабильности, создать единое и четкое, доступное для понимания представление о тех идеологических конструктах и терминах, которые были введены относительно недавно в общественно-политический дискурс, закрепились в официальном лексиконе, но до сих пор остаются крайне неустойчивыми в сознании самой молодежи.

Список литературы:

- Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 1. С. 69–86. DOI: [10.21638/spbu23.2021.106](https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.106)
- Авдеев Е.А., Ерохина М.Е. Ценностные основания идентичности молодежи Северного Кавказа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1(65). С. 56–65. DOI: [10.52452/18115942_2022_1_56](https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_56)
- Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18. № 1. С. 72–86. DOI: [10.21638/spbu23.2022.105](https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.105)
- Адиев А.З., Бийжанова Э.К., Щербина Е.А. Российская гражданская нация: взгляд из Северного Кавказа // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 1. С. 119–133. DOI: [10.18522/2227-8656.2022.1.9](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.9)
- Адиев А.З., Щербина Е.А. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: pro et contra // Вестник Российской нации. 2021. № 3. С. 54–63.
- Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х. Содержательно-структурная этнополитическая синкретизация российской гражданской идентичности (некоторые северокавказские практики) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 8(72). С. 2243–2255. DOI: [10.35775/PSI.2021.72.8.005](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.72.8.005)
- Гриценко Г.Д. Политика идентичности на Северном Кавказе: экспертное сообщество об успехах и проблемах ее реализации // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87–7. С. 138–140.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9)
- Полунов А.Ю. Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 124–133. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-96-124-133](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-124-133)
- Кишинская В.С. Качественные данные и методы социологического исследования // Петербургская социология сегодня. 2011. Т. 1. С. 366–373.
- Тощенко Ж.Т. Памяти Л.М. Дробижевой (13.01.1933–11.04.2021) // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 127–128.
- Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 97–110. DOI: [10.14515/monitoring.2016.5.07](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.07)
- Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Goffman E. *Presentation of Self in Everyday Life*. New York, Garden City: Doubleday, 1959.
- Social Identity and Intergroup Relations* / ed. by H. Tajfel. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Turner J. *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory*. Oxford: Basil Blackwell, 1987.

References:

- Adiev A.Z., Biyzhanova E.K., Shcherbina E.A. (2022) Russian Civil Nation: A Vision from the North Caucasus. *Gumanitariy Yuga Rossii*. Vol. 11. No. 1. P. 119–133. DOI: [10.18522/2227-8656.2022.1.9](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.9)
- Adiev A.Z., Shcherbina E.A. (2021) All-Russian Identity in the North Caucasus: Pro et Contra. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. No. 3. P. 54–63.

Avdeev E.A., Vorobev S.M. (2021) Russian Civic Identity of Youth in the North Caucasus: The Main Challenges and Risks of Conflict. *Politicheskaya ekspertiza. POLITEKS*. Vol. 17. No. 1. P. 69–86. DOI: [10.21638/spbu23.2021.106](https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.106)

Avdeev E.A., Erokhina M.E. (2022) Value-Semantic Basis of the North Caucasus Youth Identity. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki*. No. 1(65). P. 56–65. DOI: [10.52452/18115942_2022_1_56](https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_56)

Avksentev V.A., Aksiumov B.V., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. (2022) Formation of Russian Identity in the North Caucasus: Institutional and Sociocultural Framework. *Politicheskaya ekspertiza. POLITEKS*. Vol. 18. No. 1. P. 72–86. DOI: [10.21638/spbu23.2022.105](https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.105)

Astvatsaturova M.A., Dzakhova L.H. (2021) Content-Structural Ethnopolitical Syncretization of Russian Civil Identity (Some North Caucasian Practices). *Voprosy politologii*. Vol. 11. No. 8(72). P. 2243–2255. DOI: [10.35775/PSI.2021.72.8.005](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.72.8.005)

Drobizheva L.M. (2020) All-Russian National Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 8. P. 37–50. DOI: [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9)

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.

Gritsenko G.D. (2022) Politika identichnosti na Severnom Kavkaze: ekspertnoe soobshchestvo ob uspekhakh i problemakh ee realizatsii [Identity politics in the North Caucasus: Expert community on the successes and problems of its implementation]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. No. 87–7. P. 138–140.

Goffman E. (1959) *Presentation of Self in Everyday Life*. New York, Garden City: Doubleday.

Kishinskaya V.S. (2011) Qualitative Data and Methods of the Sociological Research. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. Vol. 1. P. 366–373.

Toshchenko Zh.T. (2021) L.M. Drobizheva. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 4. P. 127–128.

Khaykin S.R., Berezhkova S.B. (2016) Sociological Monitoring of Inter-Ethnic and Inter-Confessional Relations of the Federal Agency for Ethnic Affairs. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*. 2016. No. 5. P. 97–110. DOI: [10.14515/monitoring.2016.5.07](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.07)

Polunov A.Yu. (2023) All-Russian Civic Identity: Conceptual Foundations and Regional Implementation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 96. P. 124–133. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-96-124-133](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-124-133)

Tajfel H. (ed.) (1982) *Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 532 p.

Turner J. (1987) *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory*. Oxford: Basil Blackwell.

Дата поступления/Received: 01.03.2023

Разработка системы лингвистических маркеров для автоматизированной выгрузки тематических текстовых данных из социальной сети¹

Саркисова Анна Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

SPIN-код РИНЦ: [1212-0879](https://elibrary.ru/1212-0879)

ORCID ID: [0000-0001-5674-0962](https://orcid.org/0000-0001-5674-0962)

Петров Евгений Юрьевич

Техник, суперкомпьютерный центр, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, РФ.

E-mail: petrov@data.tsu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6469-0644](https://elibrary.ru/6469-0644)

ORCID ID: [0000-0002-7140-7882](https://orcid.org/0000-0002-7140-7882)

Дунаева Дарья Олеговна

Научный сотрудник, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: ddo@data.tsu.ru

SPIN-код РИНЦ: [7164-7368](https://elibrary.ru/7164-7368)

ORCID ID: [0000-0002-6622-9882](https://orcid.org/0000-0002-6622-9882)

Аннотация

Автоматизированный поиск и отбор текстов по определенной теме в целевом источнике для формирования репрезентативной тематической текстовой коллекции (текстового датасета) большой размерности, будучи частным случаем получения и структурирования первичных данных, остается одной из наиболее востребованных прикладных задач обработки естественного языка. В статье представлен опыт разработки системы лингвистических маркеров, позволяющей извлекать автоматизированными методами тексты, связанные с тематикой вакцинации от COVID-19, на материале социальной сети «ВКонтакте». Для формирования итогового датасета использовалась комбинация лингвистических методов с методами сбора и обработки текстовых данных. Тестовый список маркеров сформирован на основе фоновых знаний, работы со словарями и специальными лингвистическими сервисами. Ставилась задача сформировать список слов, объединенных общим концептуальным признаком, спрогнозировать совместную встречаемость слов в текстах о вакцинации от COVID-19 или найти специфичные слова, маркирующие данную тему: окказионализмы, обозначения специфичных реалий. Контент выгруженных с помощью тестового списка маркеров тематических сообщений в сети «ВКонтакте» стал источником автоматизированного и экспертного извлечения основного массива маркеров (354 единицы). Подробно описана процедура автоматизированной фильтрации промежуточной текстовой выборки (12,8 млн текстов); приведена методика формирования стоп-слов. За период с 01.01.2020 по 01.03.2023 извлечено 4,5 млн релевантных сообщений; валидность маркеров подтвердилась незначительным в масштабе больших данных количеством шума. Систематизированы общие принципы подготовки лингвистических маркеров для автоматизированной выгрузки больших текстовых данных; отмечены сильные и слабые стороны данного инструмента; предложены рекомендации по формированию списка лингвистических маркеров.

Ключевые слова

Лингвистический маркер, большие данные, автоматизированный сбор данных, выгрузка данных, текстовая коллекция, полнотекстовый поиск, социальные сети, «ВКонтакте», открытый API, вакцинация, COVID-19.

Development of a System of Linguistic Markers for Automated Unloading of Thematic Text Data from a Social Network²

Anna Yu. Sarkisova

PhD, Associate Professor, Research Associate, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

ORCID ID: [0000-0001-5674-0962](https://orcid.org/0000-0001-5674-0962)

Evgeny Yu. Petrov

Technician, Supercomputer Center, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

E-mail: petrov@data.tsu.ru

ORCID ID: [0000-0002-7140-7882](https://orcid.org/0000-0002-7140-7882)

Daria O. Dunaeva

Research Associate, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ddo@data.tsu.ru

ORCID ID: [0000-0002-6622-9882](https://orcid.org/0000-0002-6622-9882)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект 23-28-01025 «Исследование нарративов в социальных медиа с применением технологии анализа больших данных (на примере нарративов о вакцинации от COVID-19)».

² The study was carried out with the financial support of the RSCF, project 23-28-01025 “Research of narratives in social media using big data analysis technology (using the example of narratives about vaccination against COVID-19)”.

Abstract

Automated search and selection of texts on a specific topic in the target source to form a representative thematic text collection (text dataset) of large dimensions, being a special case of obtaining and structuring primary data, remains one of the most demanded applied tasks of natural language processing. The article presents the experience of developing a system of linguistic markers that allows automated extraction of texts related to the topic of vaccination against COVID-19 on the material of the VKontakte social network. A combination of linguistic methods with methods for collecting and processing text data allows forming the final dataset. The test list of markers forms is based on background knowledge, work with dictionaries and special linguistic services. The task was to create a list of words united by a common conceptual feature, to predict the joint occurrence of words in texts about vaccination against COVID-19, or to find specific words that mark this topic: occasionalisms, designations of specific realities. The content of the VKontakte thematic communities uploaded using the test list of markers became the source of automated and expert extraction of the main array of markers (354 units). The procedure for automated filtering of an intermediate text sample (12.8 million texts) is in detail. The technique of formation of stop-words is given. For the period from 01.01.2020 to 03.01.2023, 4.5 million relevant messages were retrieved; the validity of the markers was confirmed by an insignificant amount of noise on the scale of big data. The general principles of preparing linguistic markers for automated unloading of large text data are systematized; the strengths and weaknesses of this tool are noted; recommendations for the formation of a list of linguistic markers are suggested.

Keywords

Linguistic marker, big data, automated data collection, data upload, text collection, full-text search, social networks, VK, open API, vaccination, COVID-19.

Введение

В исследованиях социальных явлений и процессов на материале больших данных, которые становятся все более заметными как в зарубежном, так и в отечественном научном поле, первым и, как правило, обязательным техническим этапом является этап сбора данных. В случае текстовых данных — а значительная доля данных в сети Интернет имеет текстовый формат — возникает необходимость подготовить репрезентативную текстовую коллекцию, на материале которой будет осуществляться анализ данных. Критерием отбора текстов часто становится тематический: на материале больших текстовых коллекций, сформированных по тематическому принципу, изучаются в актуальном временном срезе, например, такие важные социальные явления, как субъективное качество жизни населения [Shchekotin et al. 2021], факторы, влияющие на склонность населения к профилактическим мероприятиям для защиты здоровья [Huang et al. 2020], отношение к планированию семьи [Deng et al. 2021], экстремистская деятельность [Ahmad et al. 2019] и др.

В практиках в области обработки естественного языка известны два основных способа автоматизированного формирования тематической текстовой коллекции: с помощью лингвистических маркеров и с помощью обучающей выборки. В первом случае текст попадает в выборку, если он содержит заданный маркер. Во втором — готовится экспертно размеченная вручную коллекция текстов, на основании которой алгоритмы ищут похожие тексты в определенном источнике данных: в основе операций сравнения, классификации, кластеризации текстов оказывается не детекция формального маркера, а семантическое сходство текстов.

Главное преимущество поиска с помощью обучающей выборки заключается в меньшей степени субъективизма при получении результата (но не абсолютной, так как тексты, отобранные в обучающую выборку, также не могут охватить все семантическое пространство заданной тематики). Однако поиск текстов с помощью обучающей выборки трудоемкий, дорогой, требующий высокого качества разметки, заточенный под конкретную тематику (модель нельзя использовать для других тематик), а результаты также требуют серьезной валидации, поэтому метод достаточно редко используется именно на стадии сбора первичных данных. Чаще всего данное решение становится результатом специального исследования, а не вспомогательным этапом.

Лингвистические маркеры, таким образом, сегодня остаются основным инструментом автоматизированного отбора текстов определенной тематики из всей совокупности текстов интернет-источника. При этом данный инструмент требует ряда сопроводительных процедур и по факту обычно используется как одна из фаз выгрузки данных (см., например, [Карпова и др. 2020]).

Маркером называется знак, наличие которого свидетельствует об определенных свойствах, признаках, функциях более крупной единицы, частью которой он является. В лингвистике маркерами могут выступать морфемы, лексемы, формализованные аспекты значения (например, особенности коннотации), на синтаксическом уровне — маркеры модусных и диктумных смыслов и др.

Для автоматизированного поиска и отбора текстов по заданной теме наиболее востребованными оказываются лексические маркеры: слова и их комбинации.

В научном дискурсе встречаются термины «лингвистические маркеры» [Cohen et al. 2014; Мишланов и др. 2020; Карпова и др. 2020; Erseghe et al. 2022], «психолингвистические маркеры» [Сбоев и др. 2013], «вербальные маркеры» [Колмогорова и др. 2019]³, «ключевые слова» [Карпова и др. 2020], «языковые маркеры» [Колмогорова и др. 2016], «лингвистические предикторы» [Liu et al. 2022]. Близкими оказываются и термины из области информационного поиска: «поисковые запросы», «маркерные запросы», «семантические запросы», «семантические маркеры». Размытость и неконвенциональность термина уже констатировалась исследователями ранее [Горностаева 2018].

При этом можно наблюдать, что термин «вербальные маркеры» чаще используется в контексте отбора текстов не по тематическому, а по лингвопрагматическому критерию (манипулятивные тексты, разного рода эмотивные характеристики и др.). Термины «поисковые запросы», «маркерные запросы», «семантические запросы», «семантические маркеры» обычно связаны с запросами пользователей в поисковых системах. Термин «психолингвистические маркеры» является более узким и связан с психологическим состоянием коммуниканта в момент продуцирования текста. Термин «ключевые слова» (keywords) в англоязычной научной литературе, как правило, относится к операции извлечения ключевых слов (keyword extraction), а не к поиску по словам (см., например, [Nuh 2018]).

Под лингвистическим маркером будем понимать в данной работе слово или комбинацию слов, наличие которых в тексте будет свидетельствовать о принадлежности данного текста к текстам определенной тематики (в нашем случае к дискурсу вакцинации от COVID-19).

В статье решены следующие задачи: систематизированы принципы разработки списка лингвистических маркеров; рассмотрен пример формирования системы лингвомаркеров по теме вакцинации от COVID-19 и автоматизированной выгрузки тематических текстов из социальной сети «ВКонтакте» за период с 1 января 2020 г. по 1 марта 2023 г.; предложены рекомендации по формированию лингвистических маркеров.

Актуальность работы обусловлена значимостью больших данных и социальных сетей как источника современных эмпирических изысканий в социальных науках; востребованностью инструментария лингвистических маркеров и слабой освещенностью данной темы в качестве самостоятельного исследования; практическим характером работы, уточнением методологии автоматизированного сбора неструктурированных данных; актуальной проблематикой вакцинации от COVID-19.

³ См. также Горностаева Ю.А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018.

Материал и методы

Источником данных выбрана социальная сеть «[ВКонтакте](#)» по причине ее популярности среди российских интернет-пользователей (97 млн посетителей ежемесячно), а также открытого API, отличающего ее от ряда других социальных сетей и позволяющего свободно извлекать данные в исходном виде. Извлекались только открытые данные, все данные обезличены. Контент извлекался за период с 01.01.2020 по 01.03.2023, то есть с момента распространения пандемии COVID-19 по настоящее время.

Использовались следующие общенаучные методы исследования: анализ, синтез, обобщение, классификация, описание, эксперимент. Использовались также методы лингвистического анализа: работа с лексикографическими источниками, лексический и словообразовательный анализ слова, оценка тематической значимости лексемы, элементы дистрибутивного анализа. Кроме того, применялись следующие методы сбора и обработки данных: выгрузка с помощью API, фильтрация нерелевантных данных, статистический, валидация.

Для автоматизированной обработки данных использовалась платформа текстовой аналитики [PolyAnalyst](#) (разработчик — российская компания Megaputer Intelligence), доступная через Центр коллективного пользования Национального исследовательского Томского государственного университета [Петров, Саркисова 2021].

Общие принципы подготовки лингвистических маркеров

Задача — сформировать список маркеров, которые позволят не потерять значимые тексты, но при этом не собрать лишние.

Сама специфика лексической системы языка (неограниченность количества слов, зыбкость границ между лексико-тематическими группами, темпоральная подвижность значений, проницаемость) делает задачу автоматического отбора текстов по словам достижимой только в весьма относительной степени: лексика — самая открытая система языка и в наибольшей степени зависимая от внеязыковых факторов. Поэтому реальная задача при отборе тематических текстов состоит лишь в получении максимально большой, репрезентативной выборки.

Обозначим основные ограничения лингвомаркеров как инструмента сбора больших текстовых данных:

1. маркеры формируются исследователем, поэтому изначально субъективны, не абсолютны и не претендуют на полную идентификацию тематического контента;
2. неизбежно частичное попадание в выборку нерелевантного контента. Маркеры могут характеризоваться полисемантической, иметь омонимы, входить в состав разного рода онимов (названия фильмов, товаров и т.д., что является часто обсуждаемым в соцсетях контентом).
3. при использовании выборки релевантных текстов как источника извлечения новых лингвомаркеров необходимо иметь в виду, что каждое слово, помимо актуальных сем (реализуемых в конкретном контексте), обладает трудно прогнозируемым набором потенциальных сем (которые возможно учесть, только просматривая другие контексты).

Несмотря на названные ограничения, принципиальная возможность разделить слова по семантическим полям, с одной стороны, и достижения дистрибутивной семантики, с другой стороны, позволяют успешно решать задачи автоматизированного формирования тематических текстовых коллекций большой размерности.

Выработаны следующие меры по предупреждению ошибок в составлении списка лингвомаркеров, рекомендации и процедурные этапы.

1. Маркеры подвергаются тщательному лингвистическому анализу на предмет полисемии, омонимии, особенностей словообразования и словоизменения, функциональности (употребляемость, частотность, темпоральность, стилистическая окраска и др.), парадигматических связей, включенности в устойчивые словосочетания и прецедентные высказывания, ограничений в сочетаемости. Рекомендуется избегать маркеров, представляющих частотные в языке слова, которые могут встретиться в текстах любой тематики. При необходимости включения подобного слова в список маркеров рекомендуется приводить его в составе словосочетаний или в паре с другим словом (словами), которые должны присутствовать в тексте одновременно. Количество таких наборов слов технических ограничений не имеет. Грамматическая связь слов и непосредственное соседство в тексте также не являются обязательными условиями.

Другие маркеры, напротив, будучи слишком узкими (имеют специализированные значения, стилистические ограничения, окказиональное происхождение, обозначают уникальные реалии (например, названия вакцин) и т.д.), часто удобны и рекомендуются к включению для точной идентификации целевого контента, но должны быть дополнены другими маркерами во избежание потери существенной части контента, не содержащего их.

Таким образом, учет средней частоты употребления слова в языке является одним из ключевых факторов (соотносится с метрикой тематической значимости слова в теории обработки естественного языка). Анализ значимости слов в текстовой коллекции может представлять и исследовательский интерес с точки зрения «оценки близости и глубины пересечения индивидуальных лексиконов с обобщенным лексиконом сообщества» [Карпова 2020, 170].

2. Необходимо тщательно прорабатывать список стоп-слов, в том числе словосочетаний и комбинаций, одновременно встречающихся в тексте слов. Стоп-слово — это маркер, при наличии которого текст в искомую выборку не попадет.

3. Источниками маркеров в первой итерации, помимо фоновых знаний исследователя по искомой тематике, могут служить разного рода словари, научная литература, запросы к экспертам, предварительное выборочное ознакомление с целевыми источниками (если источником выступают социальные сети, полезно предугадывать маркеры, соответствующие жанрово-стилевым параметрам свойственной им коммуникации), а также интернет-сервисы.

С одной стороны, формируются тематические группы слов на основе лексем, объединенных единым концептуальным признаком. С другой стороны, полезно спрогнозировать совместное употребление слов в общих контекстах. Синтагматическое структурное значение слова характеризует совокупность всех окружений, в которых употребляется данная лексическая единица, то есть ее дистрибуция. Оно опирается на сочетаемость смыслов (наличие в понятийных значениях слова общих сем). Однако в данном случае интерес представляет не только непосредственная (в пределах двух слов) семантическая валентность слова, а множество всех окружений (смысловых контекстов), в которых встречается некоторая лексическая единица.

Для подбора слов, которые часто могут встречаться в одних контекстах, то есть маркировать одну и ту же тематику, существуют специальные сервисы. Для работы с русскоязычными текстами, в частности, могут быть рекомендованы сервисы «[RusVectōrēs: семантические модели для русского языка](#)» (см. о нем также [Концевой 2022]) и «[Картаслов.ру](#)». Сервис RusVectōrēs основан на закономерностях дистрибутивной семантики и позволяет устанавливать

семантически близкие слова при помощи дистрибутивных моделей: семантически связанные слова вычислены на основе совместной встречаемости в схожих контекстах. Сервис «Картаслов.ру» позволяет увидеть примеры парадигматических (синонимы) и синтагматических (сочетаемость, примеры употреблений в контексте) связей слова, изучить сеть словесных ассоциаций для построения номинативного поля концепта.

Могут быть также полезны сервисы, показывающие частоту поисковых запросов по некоторой теме. Отслеживая поисковый спрос, сервисы одновременно обнаруживают ключевые слова, обозначающие актуальные для пользователей предметы и явления. Сервис «[ЯндексВордстат](#)» при вводе пользователем слова или словосочетания показывает статистику запросов в поисковой системе «Яндекс» данного слова и похожих запросов. Сервис особенно удобен для формирования списка стоп-слов, позволяя увидеть однозначно нерелевантные словосочетания с искомым словом (например, одноименные названия фильмов или видеоигр). Сервис [GoogleTrends](#) показывает графики, визуализирующие то, как часто пользователи поисковой системы Google ищут данное слово по отношению к общему объему поисковых запросов в динамике. Сервис позволяет сравнивать частоту конкретных поисковых запросов (например, «вакцинация от ковида» и «вакцинация от гриппа») (см., например, [Kessel et al. 2023]).

4. Первый список лингвомаркеров носит, как правило, тестовый характер. На основе тестовых лексических маркеров извлекается контент, который, с одной стороны, частично просматривается вручную — список маркеров и стоп-слов корректируется; с другой стороны, из контента автоматизированно извлекаются ключевые слова (наиболее частотные и значимые одновременно) — список лингвомаркеров обновляется и за счет них. На основе обновленных списков лингвомаркеров и стоп-слов контент выгружается повторно. Процедура повторяется до тех пор, пока есть прирост качества.

5. Извлечение контента с помощью API позволяет отследить, какой маркер идентифицировал конкретное сообщение. На основе случайной выборки маркеры могут быть подвергнуты ручной валидации: исследователь проверяет, насколько релевантный контент попал в выборку по каждому маркеру в отдельности. Имеет место статистическая экспертиза валидности выявленных маркеров.

Опыт формирования системы лингвистических маркеров для выгрузки контента из социальной сети «ВКонтакте» по тематике вакцинации от COVID-19 за период с 01.01.2020 по 01.03.2023

Полная осуществленная процедура разработки системы лингвистических маркеров, выгрузки, фильтрации и валидации целевых текстовых данных отражена на Рисунке 1.

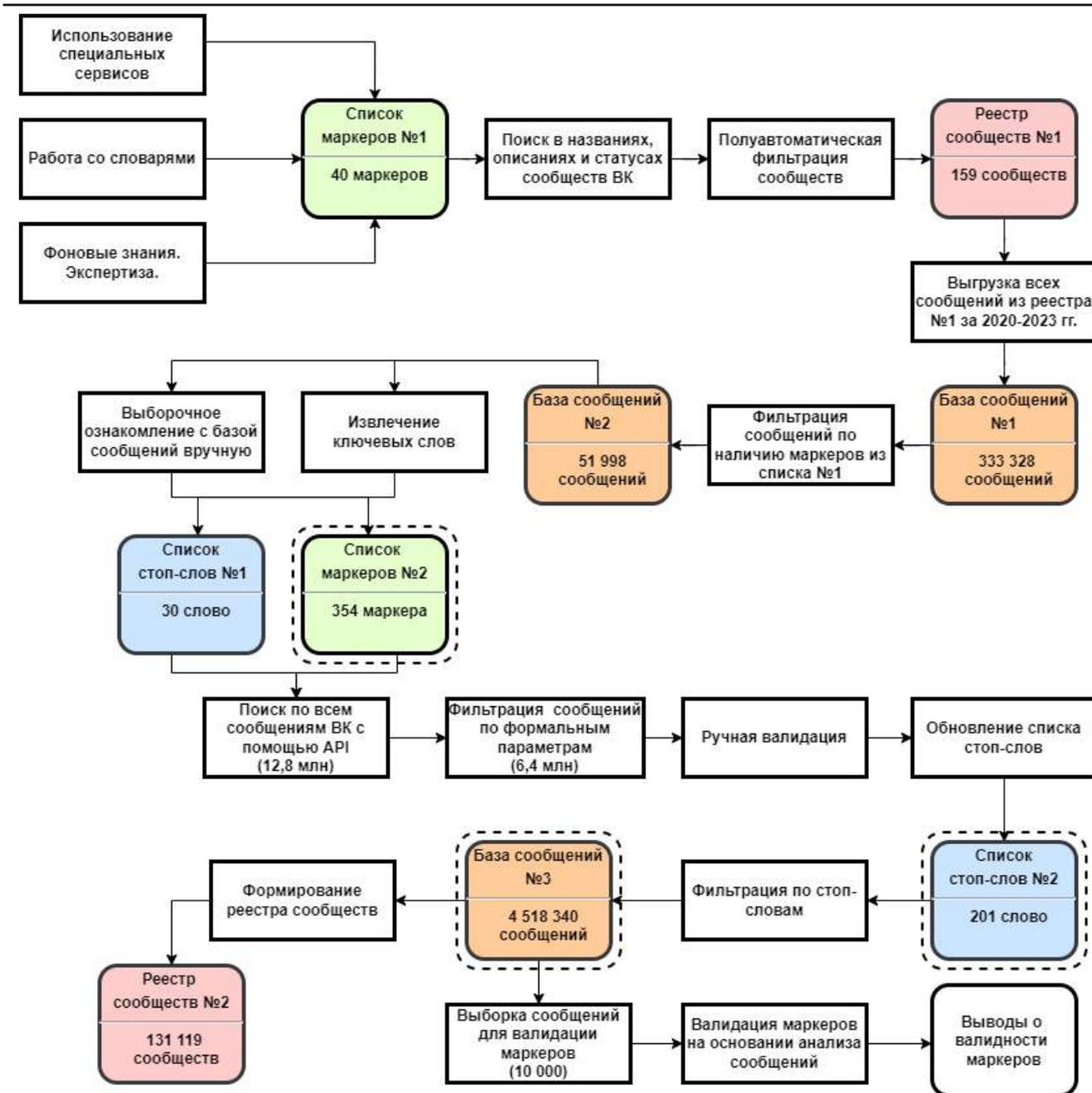

Рисунок 1. Схема разработки системы лингвомаркеров, извлечения и фильтрации тематических текстов из социальной сети «ВКонтакте»⁴

Описание процедуры формирования списка лингвомаркеров. На первоначальном этапе стояла задача погрузиться в предметное поле исследования и сформировать первичный (тестовый) список лингвистических маркеров по тематике вакцинации от COVID-19 для идентификации и выгрузки релевантных текстовых данных из социальной сети «ВКонтакте».

Для составления первичного списка лингвомаркеров была проведена выборочная экспертная оценка тематического контента в социальных медиа, работа с аналитическими сервисами «ЯндексВордстат» и GoogleTrends, с помощью которых были выявлены наиболее часто используемые слова и словосочетания по тематике вакцинации в поисковых запросах, а также работа со словарями.

⁴ Составлено авторами на основе проведенного исследования.

В частности, использовался «Словарь русского языка коронавирусной эпохи»⁵ — собрание пандемийных неологизмов 2020–2021 гг. (ок. 3500 единиц), выявленных составителями на основе мониторинга русскоязычных СМИ и Интернета. Словарь является историческим, привязан к короткому периоду (2020–2021 гг.). Он оптимален как дополнительный источник, содержащий некоторые точные узкие маркеры (барановирус, ковидобесие и др.). Необходимо, однако, как и при составлении списка маркеров в целом, иметь в виду обилие в источнике слов-«ярлыков» (например, антиваксер, мракобес, вакцинатор, ковидятел), маркирующих оценку оппонентов, а не тексты самих сторонников / противников вакцинации, и предупредить уклон в сторону преобладания подобных «легких» маркеров.

Сервис «ЯндексВордстат» позволил обнаружить комбинации, точно маркирующие дискурс вакцинации от COVID-19 (вакцинация & госуслуги; вакцинация & ковид & купить и др.), а также некоторые стоп-слова (вакцинация щенков, вакцинация & АКДС и др.).

Был составлен тестовый список лингвомаркеров, в который вошли 40 слов и комбинаций слов. По отобранным лингвомаркерам был осуществлен полнотекстовый поиск не по контенту, а сначала по названиям, описаниям и статусам всех сообществ социальной сети «ВКонтакте».

Одновременно сообщества прошли процедуру автоматической фильтрации для предварительного исключения сообществ, нерелевантных задачам исследования. Критерии фильтрации: 1) сообщество имеет 1000 и более подписчиков; 2) сообщество не является «событием/мероприятием» (event). В результате в первичный реестр сообществ вошли 159 сообществ в сети «ВКонтакте» — коммуникативных площадок по обсуждению вакцинации. Примеры извлеченных сообществ: «[Ваша мама в секте](#)», «[Прививка от мракобесия 18+](#)», «[Все о Чипизации и Биометризации](#)», «[ПВО — поствакцинальные осложнения](#)» и др.

Далее с помощью открытого API «ВКонтакте» были выгружены все сообщения из первичного реестра сообществ за 2020–2023 гг. (333 328 постов). Полученные сообщения проверялись на наличие тестовых лингвомаркеров. Если в сообщении встречался хотя бы один из лингвомаркеров, оно включалось в базу тематических сообщений. Таким образом, был сформирован датасет из 51 998 сообщений.

Для расширения списка лингвомаркеров и фильтрации нерелевантных постов из этого датасета автоматически с помощью узла «Извлечение ключевых слов» аналитической системы PolyAnalyst извлекались ключевые слова (слова с наибольшим весом по отношению к остальным словам в текстах). Посредством ручной валидации часть извлеченных слов и словосочетаний добавлялась в список лингвистических маркеров (например, при необходимости в комбинациях с другими словами: Минздрав, цифровой пропуск, Роспотребнадзор, штамм, псевдоученый и др.).

Параллельно велось выборочное экспертное ознакомление с выгруженными текстами, на основании их анализа извлекались новые лингвомаркеры, а также был составлен первый список стоп-слов (30 единиц). Изучение контента «вручную» спровоцировало такие новые маркеры (при необходимости — в комбинациях с другими словами), как биооружие, биологический материал, коллективный иммунитет, ИВЛ, тайный мировой, фармделец, невежество, вакханалия и др. Таким образом, был разработан основной список лингвистических маркеров (354 единицы). Ниже приведена его характеристика.

Характеристика основного списка лингвистических маркеров. Слово вакцина относится к терминологической (медицинской), специальной лексике, поэтому отличается конкретной семантикой. У него нет общеузуальных производных значений, оно достаточно

⁵ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников и др. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.

слабо подвержено метафоризации. Можно предположить, что слово будет маркировать именно тексты, связанные с тематикой вакцинации. Это же касается производных от слова вакцина слов (*вакцинировать, вакцинироваться, вакцинация, вакцинатор, антивакцинатор, вакцинный* и т.д.). При словоизменении и словообразовании фузии на стыке морфем, а также внутренней флексии не наблюдается, поэтому для всей группы слов данного словообразовательного гнезда в качестве инварианта возможно выбрать основу «вакцин». (Особняком стоят возникшие в результате калькирования слова *ваксер, антиваксер* и их русские разговорные дубликаты *вакер, провакер, антивакер*. Эти слова и их производные имеют другой корень, поэтому должны быть включены в список маркеров отдельно.)

Среди синонимов слова *вакцина* широкоупотребительным является слово *прививка*, оно должно быть учтено при поиске как равнозначное. Однако глагол *прививать* (в отличие от *вакцинировать*) является многозначным и частотным, поэтому не может служить удачным маркером. В данном случае в качестве основного маркера приходится выбрать основу «прививк», при этом не соответствующие ей слова данного словообразовательного гнезда (*прививаться, антипрививочник* и др.) включать позже в качестве отдельных маркеров, при необходимости — в конструкциях (*прививать от* и др.), одновременно вводя в список стоп-слов словосочетания типа *прививать уважение, прививать интерес* и др.

Задача заключалась в том, чтобы выгрузить данные, связанные с вакцинацией именно от COVID-19. Поэтому, с одной стороны, основы «вакцин» и «прививк» требуют уточнений при формировании поискового запроса. С другой стороны, исключить попадание в выборку нерелевантных данных помогают стоп-слова. Существенным внеязыковым фактором выступил и период, за который было необходимо собрать данные, — период пандемии: обсуждение вакцинации от COVID-19 в это время является доминирующим по отношению к другим болезням. В качестве уточнений добавлены маркеры, полученные на основе разного рода источников (словари, сервисы, ключевые слова, предварительное знакомство с контентом и др.). 30 сформированных стоп-слов составили в первую очередь слова, отсылающие к вакцинации животных, и названия ряда других болезней (не коронавирусная инфекция).

Итоговые маркеры данной группы имеют вид поискового запроса: «*вакцин или прививк & концлагерь*», «*вакцин или прививк & всеобщий*», «*вакцин или прививк & принуждать*», «*вакцин или прививк & бизнес*» и т.д. Использовано 308 маркеров, построенных по данной схеме.

Во избежание потери контента, релевантного теме, но не включающего элементы «вакцин» и «прививк», была подготовлена вторая группа маркеров. Это слова, которые будут маркировать искомый контент в любых контекстах (изолированные маркеры). В данном случае это названия вакцин от COVID-19 (*Sputnik V, гам-ковид-вак* и др.), некоторые окказионализмы (*барановирус, фармфашизм, вакцинопроповедник, СПутник* и др.). Использовано 22 маркера.

Третью группу маркеров составили слова, интересные авторам с точки зрения исследовательских задач, но не способные выполнять функцию фильтра ввиду многозначности, частотности и широкой употребляемости в нерелевантных контекстах. Данные слова были включены в конструкции не только с основами «вакцин» или «прививк», но и одновременно с основами «ковид», или «корон», или «covid». Таким образом, итоговый вид маркера следующий: «*прививк или вакцин & ковид или корон или covid & американский*», «*прививк или вакцин & ковид или корон или covid & ребенок*», «*прививк или вакцин & ковид или корон или covid & антинаучный*» и т.д. Подготовлено 24 маркера. Общий список маркеров составил 354 единицы.

Извлечение текстовых данных и их фильтрация. С помощью методов API «ВКонтакте» был произведен поиск всех сообщений, опубликованных в период 01.01.2020–01.03.2023, включающих хотя бы один из 354 маркеров и не содержащих при этом ни одного из 30 стоп-слов. Таким образом, методом полнотекстового поиска было обнаружено и извлечено 12,8 млн сообщений. Их распределение по годам отражает актуальность темы вакцинации от COVID-19 в России, пик которой пришелся на 2021 год, когда уже имелась выпущенная в оборот вакцина и в стране стартовала массовая вакцинация: 2020 — 2,3 млн, 2021 — 7,8 млн, 2022 — 2,5 млн, 2023 — 202 тыс. сообщений. Дальнейшая обработка текстов осуществлялась с помощью аналитической платформы PolyAnalyst (Рисунок 2).

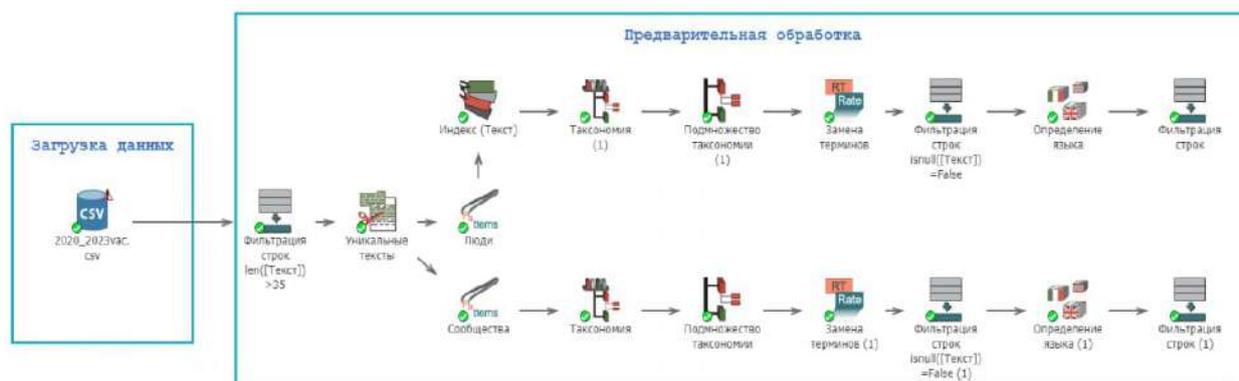

Рисунок 2. Этапы автоматической фильтрации выгруженных текстовых данных на платформе PolyAnalyst⁶

Стояла задача удалить сообщения, не отвечающие исследовательским целям: посты без текста, повторяющиеся посты, однословные и несодержательные по причине лаконичности, тексты на иностранных языках (попавшие в выборку из-за маркеров на латинице: Gam-COVID-Vac, Sputnik V и т.п.), посты, состоящие только из хештегов или ссылок.

После удаления пустых значений и абсолютных дублей осталось 6,4 млн сообщений: сокращение выборки сразу наполовину отражает факт огромной доли «несамостоятельного» контента, свойственного социальным сетям в целом, в том числе вбросов и репостов.

Далее были удалены сообщения меньше 35 символов — на основе построения распределения предварительно было установлено, что такие посты малоинформативны для исследовательских задач; после их фильтрации осталось 6,3 млн текстов.

Следующим этапом стало удаление текстов, схожих более чем на 80% (сохранялся самый длинный): это скопированные тексты, в которые пользователь добавлял незначительное изменение — например, ссылку на искомый текст. После данного этапа осталось 6,1 млн текстов.

Полученные тексты были разделены на тексты, опубликованные от лица сообщества, и тексты, опубликованные непосредственно пользователями. Разделение связано с дальнейшими целями исследования, а также с целью сокращения вычислительной нагрузки каждой дальнейшей операции. Выявлено, что 1 692 000 текстов было опубликовано от лица сообществ, 4 430 000 — от лица пользователей.

⁶ Составлено авторами на основе проведенного исследования.

Далее стояла задача удаления тематически нерелевантного контента. Для этого был обновлен список стоп-слов следующим образом. Была создана случайная выборка из 10 000 сообщений: по 2 000 сообщений за каждый год, за исключением наиболее активного 2021 года, по которому было отобрано 4000 сообщений. Выборка была просмотрена вручную. Экспертно выделялись слова и словосочетания, генерирующие шум. Например, обнаружено, что изначально выбранное в качестве лингвистического маркера слово *ПЦР* сгенерировало большой массив рекламного контента о поездках и путешествиях. Изначальное включение стоп-слов *собака, пес, щенок* оказалось явно недостаточным: выборка показала, что необходимо также перечислять отдельные породы. Обилие постов о вакцинации животных в сети, как обнаружилось, связано прежде всего с многочисленными объявлениями о продаже породистых животных, включающими указание на уже сделанные прививки. Объявления о купле-продаже всегда составляют большой процент контента социальной сети, их фильтрация должна быть тщательно продумана применительно к каждой конкретной теме. Термин полиомиелит, изначально введенный в список стоп-слов, как оказалось, имеет в текстах пользователей множество вариантов написания, что в существенной степени нейтрализовало данное стоп-слово. Выявлялись также случайные генерирующие шум слова. Список стоп-слов пополнился на текущем этапе на 171 слово. На основе обновленного списка стоп-слов (201 единицы) посты подвергались повторной фильтрации, после чего осталось 4 557 315 сообщений (из них 1 081 125 постов от лица сообществ, 3 476 190 постов от лица пользователей).

Последним этапом стало удаление ссылок, хештегов, текстов на иностранных языках. С помощью регулярных выражений были составлены правила для поиска ссылок и хештегов, после чего найденные в текстах ссылка или хештег заменялись на пустые значения. Далее повторялась процедура удаления пустых значений и постов меньше 35 символов (так как после удаления ссылок длина текстов изменилась). Заключительной операцией фильтрации стало определение языка текста и фильтрация всех, кроме русского.

Таким образом, итоговая текстовая коллекция составила 4 518 340 сообщений (в том числе 1 066 759 текстов от лица сообществ, 3 451 581 текст от лица пользователей).

Данные сообщения оказались размещены на страницах 131 119 сообществ и на страницах 1 145 360 пользователей «ВКонтакте».

Валидация маркеров. Для валидации маркеров из итоговой коллекции текстов (4 518 340 единиц) было рандомно отобрано 10 000 сообщений (по 2000 за каждый год, за 2021 год — 4000). В данной выборке был осуществлен поиск каждого из 354 маркеров, тексты были сгруппированы по критерию включенности каждого маркера (если текст включал два и более маркеров, он отображался в каждой группе). Просмотр текстов по каждому маркеру подтвердил несущественное количество шума.

Полученная статистика частотности маркеров в социальной сети показала, что наиболее популярными (Рисунок 3) оказались маркеры, отсылающие к вакцинации от коронавируса в целом; большое количество контента посвящено вакцине российского производства «Спутник V»; много текстов содержит маркеры о вакцинации в сочетании со словами лексико-тематической группы «Здоровье» (*заболеть, умереть, здоровье* и др.). Некоторые популярные маркеры диагностируют ведущие нарративы: качество испытаний / исследований вакцины, доверие к власти, право на выбор, поствакцинальные осложнения и последствия, наличие антител и необходимость вакцинации, проблемы российского здравоохранения, эффективность/ неэффективность вакцинации и др.

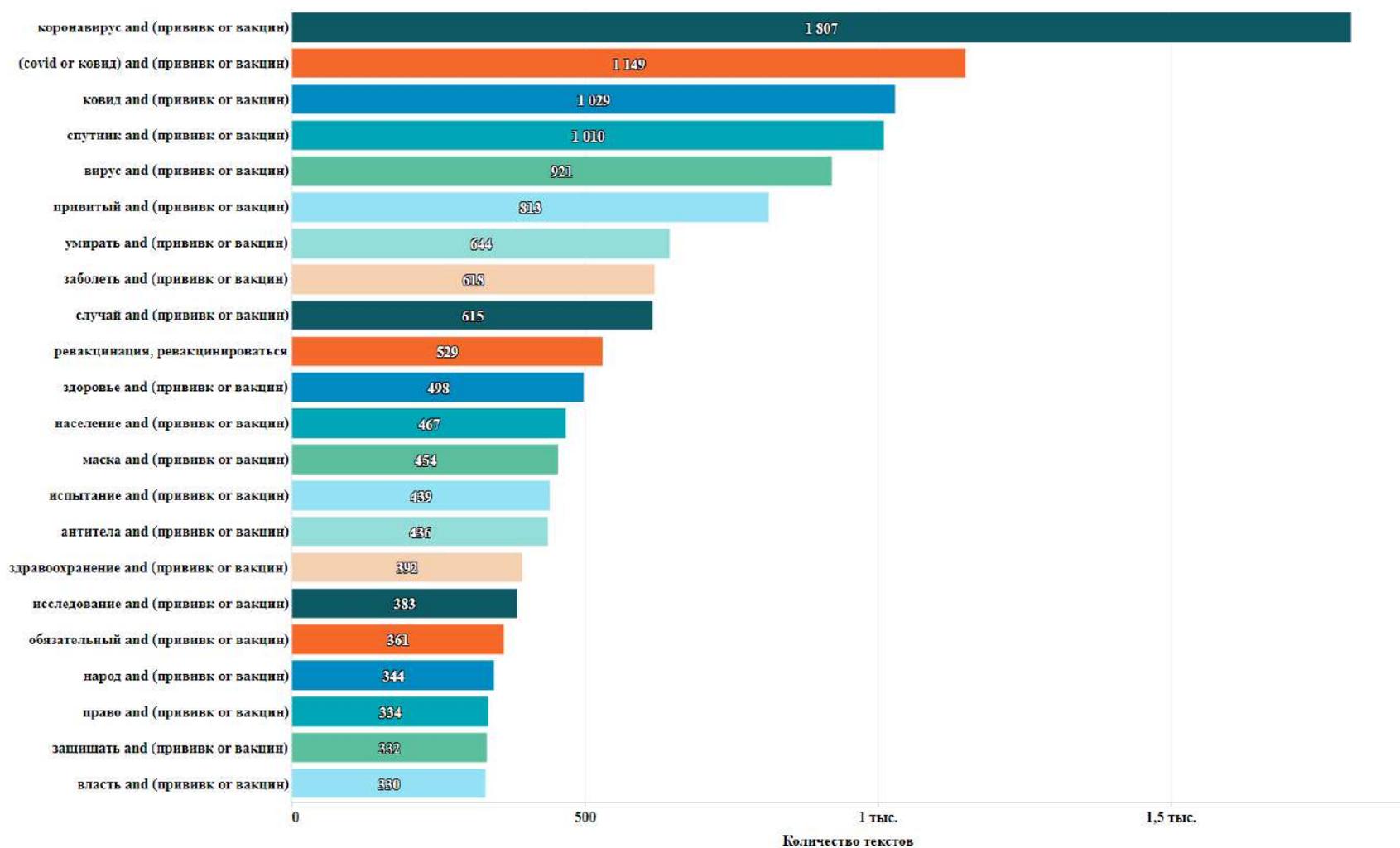

Рисунок 3. Маркеры, сгенерировавшие наибольшее количество сообщений в итоговой текстовой коллекции⁷

⁷ Составлено авторами на основе проведенного исследования.

Заключение

Представленный пример использования лингвистических маркеров в качестве инструмента автоматизированного сбора неструктурированных тематических данных отражает основные стадии, возможности и ограничения реализации данного инструмента для решения подобного рода задач.

Сформированная текстовая коллекция (4,5 млн сообщений) будет использована в качестве эмпирических данных для всестороннего аналитического исследования общественного отношения и поляризации мнений о вакцинации от COVID-19 в российском цифровом обществе.

Список литературы:

Горностаева Ю.А. Опыт выявления вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов в лингвистике: к истории вопроса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 91–94. DOI: [10.30853/filnauki.2018-8-1.21](https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.21)

Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С.159–181. DOI: [10.14515/monitoring.2020.3.1585](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585)

Колмогорова А.В., Талдыкина Ю.А., Калинин А.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4(58). С. 194–199.

Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тональностей в интернет-текстах на русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 48–58. DOI: [10.17223/15617793/448/6](https://doi.org/10.17223/15617793/448/6)

Концевой М.Р. Онлайн-вычисления семантические на платформе RusVectoRēs в преподавании компьютерной лингвистики // Дистанционное обучение — образовательная среда XXI века: материалы XII Международной научно-методической конференции, Минск, 26 мая 2022 г. Минск: БГУИР, 2022. С. 75.

Мишланов В.А., Каджая Л.А., Кузнецова Ю.М. Лингвистические маркеры эмоционального состояния субъекта речи (к проблеме автоматического мониторинга текстов сетевой коммуникации) // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 4. С. 428–444. DOI: [10.21638/spbu22.2020.405](https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.405)

Петров Е.Ю., Саркисова А.Ю. Ресурс аналитической платформы PolyAnalyst в социогуманитарных научных исследованиях // Открытые данные — 2021: материалы форума / под ред. А.Ю. Саркисовой. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 94–104.

Сбоев А.Г., Гудовских Д.В., Молошников И.А., Кукин К.А., Рыбка Р.Б., Иванов И.И., Власов Д.С. Автоматическое выделение психолингвистических характеристик текстов в рамках концепции Big Data // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2013. № 9. С. 433–438.

Ahmad S., Asghar M.Z., Alotaibi F.M., Awan I. Detection and Classification of Social Media-Based Extremist Affiliations Using Sentiment Analysis Techniques // Human-centric Computing and Information Sciences. 2019. Vol. 9. DOI: [10.1186/s13673-019-0185-6](https://doi.org/10.1186/s13673-019-0185-6)

Cohen K., Johansson F., Kaati L., Clausen Mork J.C. Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media // Terrorism and Political Violence. 2014. Vol. 26. Is. 1. P. 246–256. DOI: [10.1080/09546553.2014.849948](https://doi.org/10.1080/09546553.2014.849948)

Deng W., Hsu J.-H., Löfgren K., Cho W. Who Is Leading China's Family Planning Policy Discourse in Weibo? A Social Media Text Mining Analysis // Policy & Internet. 2021. Vol. 13. Is. 4. P. 485–501. DOI: [10.1002/poi3.264](https://doi.org/10.1002/poi3.264)

Erseghe T., Badia L., Dzanko L., Suitner C. PLMP: A Method to Map the Linguistic Markers of the Social Discourse onto Its Semantic Network // 2022 IEEE / ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM). November 10–13, 2022, Istanbul, Turkey. Istanbul: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2022. P. 247–251. DOI: [10.1109/ASONAM55673.2022.10068643](https://doi.org/10.1109/ASONAM55673.2022.10068643)

Huang F., Ding H., Liu Z., Wu P., Zhu M., Li A., Zhu T. How Fear and Collectivism Influence Public's Preventive Intention towards COVID-19 Infection: A Study Based on Big Data from the Social Media // BMC Public Health. 2020. Vol. 20. DOI: [10.1186/s12889-020-09674-6](https://doi.org/10.1186/s12889-020-09674-6)

Huh J-H. Big Data Analysis for Personalized Health Activities: Machine Learning Processing for Automatic Keyword Extraction Approach // Symmetry. 2018. Vol. 10. Is. 4. DOI: [10.3390/sym10040093](https://doi.org/10.3390/sym10040093)

Kessel R. van, Kyriopoulos I., Wong B.L.H., Mossialos E. The Effect of the COVID-19 Pandemic on Digital Health–Seeking Behavior: Big Data Interrupted Time-Series Analysis of Google Trends // Journal of Medical Internet Research. 2023. Vol. 25. DOI: [10.2196/42401](https://doi.org/10.2196/42401)

Liu T., Giorgi S., Yadeta K., Schwarts H.A., Ungar L.H., Curtis B. Linguistic Predictors from Facebook Postings of Substance Use Disorder Treatment Retention versus Discontinuation // The American Journal of Drug and Alcohol Abuse Encompassing. 2022. Vol. 48. Is. 5. P. 573–585. DOI: [10.1080/00952990.2022.2091450](https://doi.org/10.1080/00952990.2022.2091450)

Shchekotin E.V., Goiko V.L., Myagkov M.G., Dunaeva D.O. Assessment of Quality of Life in Regions of Russia Based on Social Media Data // Journal of Eurasian Studies. 2021. Vol. 12. № 2. DOI: [10.1177/18793665211034185](https://doi.org/10.1177/18793665211034185)

References:

Ahmad S., Asghar M.Z., Alotaibi F.M., Awan I.(2019) Detection and Classification of Social Media-Based Extremist Affiliations Using Sentiment Analysis Techniques. *Human-centric Computing and Information Sciences*. Vol. 9. DOI: [10.1186/s13673-019-0185-6](https://doi.org/10.1186/s13673-019-0185-6)

Cohen K., Johansson F., Kaati L., Clausen Mork J.C. (2014) Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 26. Is. 1. P. 246–256. DOI: [10.1080/09546553.2014.849948](https://doi.org/10.1080/09546553.2014.849948)

Deng W., Hsu J.-H., Löfgren K., Cho W.(2021) Who Is Leading China's Family Planning Policy Discourse in Weibo? A Social Media Text Mining Analysis. *Policy & Internet*. Vol. 13. Is. 4. P. 485–501. DOI: [10.1002/poi3.264](https://doi.org/10.1002/poi3.264)

Erseghe T., Badia L., Dzanko L., Suitner C. (2022) PLMP: A Method to map the linguistic markers of the social discourse onto its semantic network. 2022 IEEE / ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM). November 10–13, 2022, Istanbul, Turkey. 2022. Istanbul: Institute of Electrical and Electronics Engineers. P. 247–251. DOI: [10.1109/ASONAM55673.2022.10068643](https://doi.org/10.1109/ASONAM55673.2022.10068643)

Huang F., Ding H., Liu Z., Wu P., Zhu M., Li A., Zhu T. (2020) How Fear and Collectivism Influence Public's Preventive Intention towards COVID-19 Infection: A Study Based on Big Data from the Social Media. *BMC Public Health*. Vol. 20. DOI: [10.1186/s12889-020-09674-6](https://doi.org/10.1186/s12889-020-09674-6)

Huh J-H. (2018) Big Data Analysis for Personalized Health Activities: Machine Learning Processing for Automatic Keyword Extraction Approach. *Symmetry*. Vol. 10. Is. 4. DOI: [10.3390/sym10040093](https://doi.org/10.3390/sym10040093)

Gornostaeva Yu.A. (2018) Attempt of Identifying Verbal Markers of Psychological and Cognitive Processes in Linguistics: On the Issue History. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 8(86). Part 1. P. 91–94. DOI: [10.30853/filnauki.2018-8-1.21](https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.21)

Karpova A.Yu., Savelev A.O., Vilnin A.D., Chaykovskiy D.V. (2020) Studying Online Radicalization of Youth through Social Media (Interdisciplinary Approach). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskoye i sotsial'nyye peremeny*. No. 3. P. 159–181. DOI: [10.14515/monitoring.2020.3.1585](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585)

Kessel R. van, Kyriopoulos I., Wong B.L.H., Mossialos E. (2023) The Effect of the COVID-19 Pandemic on Digital Health–Seeking Behavior: Big Data Interrupted Time-Series Analysis of Google Trends. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 25. DOI: [10.2196/42401](https://doi.org/10.2196/42401)

- Kolmogorova A.V., Taldykina Yu.A., Kalinin A.A. (2016) Linguistic Markers of Manipulation in Polarized Discourse: Parametric Study. *Politicheskaya lingvistika*. No. 4(58). P. 194–199.
- Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V. (2019) The Types and Combinatorics of Verbal Markers of Different Emotional Tonalities in Russian-Language Internet Texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 448. P. 48–58. DOI: [10.17223/15617793/448/6](https://doi.org/10.17223/15617793/448/6)
- Kontsevoy M.P. (2022) Onlaynovyye semanticheskiye vychisleniya na platforme RusVectōrēs v prepodavanii komp'yuternoy lingvistiki [Online semantic calculations on the RusVectōrēs platform in teaching computational linguistics]. *Distantcionnoye obuchenije — obrazovatel'naya sreda XXI veka: materialy XII Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii*. Minsk, May 26, 2022. Minsk: BGUIR. P. 75.
- Liu T., Giorgi S., Yadeta K., Schwartz H.A., Ungar L.H., Curtis B. (2022) Linguistic Predictors from Facebook Postings of Substance Use Disorder Treatment Retention versus Discontinuation. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse Encompassing*. Vol. 48. Is. 5. P. 573–585. DOI: [10.1080/00952990.2022.2091450](https://doi.org/10.1080/00952990.2022.2091450)
- Mishlanov V.A., Kadzhaya L.A., Kuznetsova Yu.M. (2020) Linguistic Markers of Emotional State of the Speech Subject (on the Problem of Automatic Monitoring of Network Communication Texts). *Medialingvistika*. Vol. 7. No. 4. P. 428–444. DOI: [10.21638/spbu22.2020.405](https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.405)
- Petrov E.Yu., Sarkisova A.Yu. (2021) Resource of Software Platform “Polyanalyst” in Social Science and Humanities Research. *Otkrytyye dannyye — 2021: materialy foruma*. Ed. by A.Yu. Sarkisova. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. P. 94–104.
- Sboev A.G., Gudovskikh D.V., Moloshnikov I.A., Kukin K.A., Rybka R.B., Ivanov I.I., Vlasov D.S. (2013) Avtomaticheskoye vydeleniye psikholingvisticheskikh kharakteristik tekstov v ramkakh kontseptsii Big Data [Automatic selection of psycholinguistic characteristics of texts within the concept of Big Data]. *Sovremennyye informacionnyye tehnologii i IT-obrazovanie*. No. 9. P. 433–438.
- Shchekotin E.V., Goiko V.L., Myagkov M.G., Dunaeva D.O. (2021) Assessment of Quality of Life in Regions of Russia Based on Social Media Data. *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 12. No. 2. DOI: [10.1177/18793665211034185](https://doi.org/10.1177/18793665211034185)

Дата поступления/Received: 01.03.2023

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-85-97

Государственное тарифное и антимонопольное регулирование
электроэнергетического комплекса: институциональный аспект

Васильев Дмитрий Андреевич

Начальник Управления регулирования электроэнергетики, Федеральная антимонопольная служба (ФАС России), Москва, РФ.

E-mail: vasilyev@fas.gov.ru

SPIN-код РИНЦ: 3232-6174

ORCID ID: [0000-0002-5901-9414](https://orcid.org/0000-0002-5901-9414)

Аннотация

Электроэнергетика является базовой отраслью, определяющей вектор развития национальной экономики в целом. При этом электроэнергетика в настоящее время является одной из самых реформированных и реформируемых отраслей, сферой государственного регулирования. Повышение эффективности реализации мер антимонопольного и тарифного регулирования электроэнергетики является важным направлением государственной политики по развитию конкуренции в этой отрасли. Основной акцент делается на переходе к долгосрочному регулированию как основе стабильного устойчивого роста экономики и успешного функционирования всех участников рынка. Объектом исследования является государственная тарифная и антимонопольная политика; предмет исследования — организационно-экономические и управленческие отношения между государством и предприятиями электроэнергетического комплекса, возникающие в процессе реализации государственной тарифной и антимонопольной политики. Цель исследования заключается в разработке и обосновании институциональных механизмов регулирования и повышения эффективности функционирования электроэнергетического комплекса. В работе представлены такие методы исследования, как контент-анализ теоретических концепций, экономико-математические и статистические методы, метод алгоритмизации. На основе этих методов экономически обоснованы институциональные изменения при реализации государственной тарифной и антимонопольной политики. Информационной базой исследования послужили материалы Федеральной службы государственной статистики и Федеральной антимонопольной службы (ФАС России). Основные результаты исследования заключаются в 1) обосновании необходимости разработки метода регулирования тарифов в сфере электроэнергетики, учитывающего баланс интересов всех участников экономических процессов и повышающего эффективность их экономической деятельности; 2) формировании долгосрочной тарифной и антимонопольной политики и конкретных механизмов ее реализации (применение метода эталонов при обосновании затрат, заключение долгосрочных регуляторных контрактов на основе уровня зрелости внутренних бизнес-процессов предприятий электроэнергетического комплекса).

Ключевые слова

Государственное регулирование, тарифная политика, антимонопольная политика, электроэнергетический комплекс, регуляторное соглашение, антимонопольный комплаенс.

State Tariff and Antimonopoly Regulation of the Electric Power Complex:
Institutional Aspect

Dmitry. A. Vasilyev

Head of the Department for Regulation over Electric Power Industry, Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: vasilyev@fas.gov.ru

ORCID ID: [0000-0002-5901-9414](https://orcid.org/0000-0002-5901-9414)

Abstract

The electric power industry is a basic branch setting the vector for the development of the national economy. The electric power industry is one of the most reformed industries. Improving the efficiency of the antimonopoly and tariff regulation is an important direction of state policy. The antimonopoly and tariff regulation is known to form competition in electric power industry. The main emphasis is made on the transition to long-term regulation as the basis for stable sustainable economic growth and the successful functioning of all market participants. The object of the study is the state tariff and antimonopoly policy; the subject of the study is organizational, economic and managerial relations between state and manufactures arising in the process of the state tariff and antimonopoly policy. The aim of the study is to develop and justify institutional mechanisms for regulating and improving efficiency of the electric power complex. The article presents such research methods as content analysis of theoretical concepts, economic-mathematical and statistical methods, an algorithmization method. Based on these methods, institutional changes in the implementation of the state tariff policy are economically justified. The data of the Federal State Statistics Service and the Federal Antimonopoly Service (FAS Russia) constitute the information base of the article. The main results of the study are 1) justifying the need to develop a method for regulating tariffs in the electric power industry, taking into account the balance of interests of all participants in economic processes and increasing the efficiency of their economic activity; 2) the formation of a long-term tariff policy and specific mechanisms for its implementation (application of the method of standards in justifying costs, conclusion of long-term regulatory contracts based on the maturity level of internal business processes of enterprises of the electric power complex).

Keywords

State regulation, tariff policy, antimonopoly policy, electric power complex, regulatory agreement, antimonopoly compliance.

Введение

Обеспечение устойчивого экономического роста национальной экономики и повышение благосостояния граждан требуют от государственного регулирования своевременного и эффективного реагирования на новые вызовы экономики и адаптацию к изменениям, создание новых точек роста. В этой связи антимонопольное и тарифное регулирование играет важную роль не только для предупреждения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, соблюдения баланса экономических интересов поставщиков и потребителей электрической энергии, но и для создания условий для повышения эффективности производства и стимулирования инвестиций в перспективные и новые инновационные технологии, решения экологических и социальных задач. При регулировании электроэнергетического комплекса тарифная политика определяет протекание главных экономических процессов — формирование издержек производства и передачи электроэнергии, а также показателей эффективности работы электроэнергетического комплекса и его влияния на развитие других отраслей и всей национальной экономики.

Объединение двух направлений регулирования — тарифной и антимонопольной политики — является объективной необходимостью, так как конкретные механизмы антимонопольного и тарифного регулирования сильно взаимосвязаны, одновременно реализуются в рамках регулирования конкурентной среды Федеральной антимонопольной службой России.

Целью исследования является разработка и обоснование институциональных механизмов регулирования и повышения эффективности функционирования электроэнергетического комплекса, для чего необходимо решить следующие задачи:

- выявить и обобщить основные тенденции развития электроэнергетического комплекса, оценить существующие механизмы тарифного и антимонопольного регулирования;
- сформировать концептуальную модель трансформации тарифной политики;
- разработать ряд рекомендаций по определению новых институциональных условий реализации тарифных и антимонопольных соглашений.

Тенденции развития, механизмы тарифного и антимонопольного регулирования электроэнергетического комплекса

Для решения поставленных задач исследования были применены междисциплинарный и системный подходы, позволяющие более глубоко изучить проблемы функционирования электроэнергетического комплекса Российской Федерации и направления его регулирования. На основе контент-анализа теоретических концепций были определены и структурированы генезис проблемы и существующие подходы к ее решению; экономико-математические и статистические методы использовались для изучения, обработки, сопоставления и интерпретации массива аналитических и эмпирических данных. Метод алгоритмизации действий применялся для определения последовательности этапов организационно-управленческих трансформаций при реализации государственной тарифной политики. Информационную базу исследования составили нормативно-правовые акты, регулирующие направления государственной политики по развитию конкуренции, тарифной политики; материалы Федеральной службы государственной статистики и Федеральной антимонопольной службы (ФАС России).

Проблемы тарифного и антимонопольного регулирования структурированы в достаточно большом количестве исследований. Фундаментальные исследования антимонопольной политики связаны с развитием теорий конкуренции и обоснованием степени государственного вмешательства в эти процессы. И если в более ранних исследованиях обосновывались механизмы саморегуляции рынка и невмешательства государства [Ротбард 2010; Стиглер 2017], то современной тенденцией является обоснование необходимости государственного участия в экономических процессах для разрешения рыночных противоречий [Тириоль 2020; Depoorter 2000; Васильев, Орлова 2022].

Тарифная политика является важным элементом государственной регуляторной политики, так как через установление тарифов государство может изменять динамику и структуру национальной экономики, ускорять технико-технологическую модернизацию базовых отраслей, повышать эффективность деятельности промышленных предприятий, осуществлять соблюдение баланса интересов в обществе и экономике [Васильев 2019; Рыкова, Табуров 2018]. В последнее время тарифная политика рассматривается не только как механизм контроля над ценообразованием в отрасли, но и как инструмент «подталкивания» к зеленой экономике [Labeaga et al. 2021; Lechthaler 2017]. Тарифы могут послужить основой стимулирования производства электроэнергии из возобновляемых источников [Сушкевич 2018], изменить инвестиционную политику электроэнергетических предприятий, стать частью программно-целевых документов по декарбонизации экономики [Артемьев, Косарев 2021].

В свою очередь, антимонопольная политика направлена на поддержание добросовестной конкуренции и усиление экономической безопасности страны за счет координации действий экономических субъектов всех уровней [Чугуевская 2020]. Государственная защита принципов конкуренции является основой антимонопольной политики, формирующей правила добросовестного экономического поведения на рынке, в том числе за счет реализации антимонопольного комплаенса [Савина 2019]. Антимонопольный комплаенс представляет собой систему устранения негативных последствий рисков нарушений конкурентного законодательства и по своей сути должен являться эффективным инструментом профилактики нарушений [Князева, Дозмаров 2020]. Однако в практической деятельности инструменты антимонопольного комплаенса пока еще находятся в стадии формирования, а предприятия часто демонстрируют формальный подход по его использованию [Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений 2019; Плетешков 2018].

Электроэнергетический комплекс требует особого подхода к регулированию, так как обладает рядом специфических особенностей и имеет важное значение для развития всей экономики. Степень монополизации в электроэнергетике является очень высокой [Королев 2020]. По данным Федеральной службы государственной статистики¹ и ФАС России², в 2019 году индекс концентрации для 50 предприятий по производству, передаче и распределению электроэнергии (из 884) составляет 84,2%, индекс Херфиндаля-Хиршмана — 291,29; более половины рынка (56,6%) приходится на долю 15 предприятий, а локальные индексы (на уровне регионов) могут достигать 100%. В 2020 году ситуация немного изменилась в сторону снижения уровня концентрации:

¹ Перечень показателей, характеризующих состояние конкурентной среды // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/concurrent_s.htm (дата обращения 26.12.2022).

² Анализ состояния конкуренции на розничных рынках электрической энергии (мощности) в 2021 году // Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/688513> (дата обращения 27.12.2022).

индекс Херфиндаля-Хиршмана составил 235,7, индекс концентрации для 50 предприятий — 80,2%, до 50,8% снизилась доля 15 крупных предприятий. В 2021 году показатели снова выросли до отметки 242,2, 81% и 51,6% соответственно.

Модели организации экономических отношений, функционирования конкурентной среды, основные участники экономических отношений, механизмы взаимодействия между ними, формы и методы государственного регулирования — все эти аспекты определяются с учетом региональной и отраслевой специфики электроэнергетического комплекса [Karitonov et al. 2018; Abramov et al. 2018]. Потребление электроэнергии по регионам Российской Федерации и электроёмкость ВРП имеют значительную дифференциацию, обусловленную климатическими, технологическими и производственными особенностями субъектов РФ (Таблицы 1 и 2).

Таблица 1. Энергоёмкость валового регионального продукта, кг условного топлива / на 10 тыс. рублей (по отдельным регионам)³

2019 год			2020 год	
Субъект РФ	Энергоёмкость региона (кг условного топлива / на 10 тыс. руб.)		Энергоёмкость региона (кг условного топлива / на 10 тыс. руб.)	Субъект РФ
Кемеровская область	342,59	1	355,52	Кемеровская область
Вологодская область	316,16	2	314,88	Вологодская область
Липецкая область	313,26	3	282,31	Липецкая область
Республика Хакасия	257,59	4	248,10	Республика Хакасия
Челябинская область	237,39	5	225,27	Челябинская область
Республика Тыва	217,94	6	199,12	Республика Тыва
Чеченская Республика	215,91	7	196,92	Иркутская область
Рязанская область	199,43	8	195,42	Чеченская Республика
Иркутская область	182,23	9	188,90	Рязанская область
Карачаево-Черкесская Республика	181,52	10	184,99	Республика Коми
...
Магаданская область	68,06	76	67,86	Чукотский автономный округ
Московская область	66,47	77	65,84	Московская область
Республика Калмыкия	64,54	78	65,68	г. Севастополь
Камчатский край	62,15	79	63,49	Республика Саха (Якутия)
Республика Саха (Якутия)	58,42	80	55,76	Камчатский край
Калининградская область	57,62	81	53,78	Магаданская область
Ямало-Ненецкий автономный округ;	57,29	82	52,83	Калининградская область
г. Санкт-Петербург	48,45	83	51,21	Сахалинская область
Сахалинская область	44,32	84	42,38	г. Санкт-Петербург
г. Москва	23,92	85	23,02	г. Москва

³ Составлено автором на основе: Технологическое развитие отраслей экономики // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения 10.12.2022).

Таблица 2. Потребление электроэнергии по субъектам Российской Федерации, млн кВт.час (по отдельным регионам)⁴

2019 год			2020 год	
Субъект РФ	Потребление электроэнергии		Потребление электроэнергии	Субъект РФ
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	75071,9	1	71534,2	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
г. Москва	56642,2	2	55146,9	Иркутская область
Иркутская область	56546,1	3	54734,2	Красноярский край
Красноярский край	54173,8	4	52706,2	г. Москва
Московская область	49089,6	5	48737,2	Московская область
Свердловская область	48813,5	6	48649,4	Свердловская область
Челябинская область	37765,2	7	37441,3	Челябинская область
Кемеровская область	35312,9	8	34165,5	Кемеровская область
Республика Татарстан	30952,5	9	28928,2	Республика Татарстан
Республика Башкортостан	27781,7	10	25280,2	Республика Башкортостан
...
Кабардино-Балкарская Республика	1629,4	76	1669,4	Кабардино-Балкарская Республика
Республика Северная Осетия — Алания	1501,3	77	1649	Республика Адыгея
Республика Адыгея	1434,6	78	1500,3	Республика Северная Осетия — Алания
Карачаево-Черкесская Республика	1364,5	79	1443,6	Еврейская автономная область
Еврейская автономная область	1289,8	80	1309,2	Карачаево-Черкесская Республика
Республика Тыва	825,2	81	829,6	Республика Ингушетия
Республика Ингушетия	807,3	82	824,3	Республика Тыва
Чукотский автономный округ	749	83	779,5	Чукотский автономный округ
Республика Алтай	602,6	84	731,9	Республика Калмыкия
Республика Калмыкия	573,2	85	688,6	Республика Алтай

От эффективности функционирования электроэнергетического комплекса зависит эффективность экономики в целом. Но, как и в любой другом секторе экономики, в электроэнергетике предприятия сталкиваются с рядом проблем и угроз, которые проявляются в увеличении рисков хозяйственной деятельности: у компаний электроэнергетического комплекса наблюдается ряд системных проблем, выраженных в сокращении использования мощностей, низких темпах прироста фондоотдачи и производительности [Современная рыночная электроэнергетика 2017]. При этом возрастает регуляторная нагрузка на комплекс. Частота изменений в законодательстве и подзаконных актах, регулирующих отношения в сфере электроэнергетики, за последние несколько лет (2018–2020 гг.) постоянно увеличивается (Таблица 3).

⁴ Составлено автором на основе: Промышленное производство // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения 10.12.2022).

Таблица 3. Динамика и частота изменений нормативных актов, регулирующих сферу электроэнергетики⁵

Наименование Федерального закона или нормативного акта	Количество изменений в год		
	2018	2019	2020
Федеральный закон «Об электроэнергетике»	6	4	5
Правила оптового рынка (ППРФ 1172 ⁶)	10	16	17
Основы ценообразования в электроэнергетике (ППРФ 1178 ⁷)	8	14	11
О функционировании розничных рынков (ППРФ 442 ⁸)	8	4	10
Правила недискриминационного доступа (ППРФ 861 ⁹)	6	6	8
Количество изменений в ППРФ итого:	32	40	46

Государственное регулирование экономики должно базироваться на ряде принципов, определяющих его эффективность: принципе целеполагания и ориентации на результат; принципах справедливости, объективной беспристрастности и распределения ответственности за работу регуляторов и снижение регуляторной нагрузки; принципе согласованности регуляторной политики на макро- и мезоуровне; принципах информационной прозрачности решений, механизмов контроля и регулирования, цикличности государственного регулирования; принципе подталкивания и принципе учета двусторонних рисков. Однако в настоящее время государственное регулирование электроэнергетического комплекса не всегда соответствует декларируемым принципам, существует достаточно большое количество диспропорций между уровнями регулирования, пониманием цели и задач регулирования, обеспечением прозрачности, открытости и эффективности регуляторной политики (Таблица 4).

Таблица 4. Особенности реализации принципов государственного регулирования¹⁰

Принцип государственного регулирования	Действующие практики государственного регулирования и институциональные нормы	Недостатки государственного регулирования электроэнергетического комплекса
Принцип целеполагания и ориентации на результат	Реализуемые в экономике национальные проекты и программы формируются исходя из целей долгосрочного развития, содержат ключевые индикаторы, позволяющие определить результаты реализации программ и проектов.	Размытость целеполагания в рамках реализации национальных проектов, влияние внешних геополитических факторов на приоритеты развития.

⁵ Составлено автором.

⁶ Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 14 от 4 апреля 2011 г. Ст. 1916.

⁷ Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 4 от 23 января 2012 г. Ст. 504.

⁸ Постановление Правительства РФ от 4.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 23 от 4 июня 2012 г. Ст. 3008.

⁹ Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52 (часть II) от 27 декабря 2004 г. Ст. 5525.

¹⁰ Составлено автором.

Принципы справедливости, объективной беспристрастности и распределения ответственности за работу регуляторов	Реализация действий по учету интересов всех социально-экономических групп в рамках реализации государственной политики.	Перекрестное субсидирование как форма учета интересов населения перераспределяет регуляторную нагрузку на промышленные предприятия. Нарушения со стороны региональных регуляторов в части реализации норм тарифной политики.
Принцип снижение регуляторной нагрузки	Декларирование принципа снижения регуляторной нагрузки.	Увеличение количества регуляторных норм, правил и положений.
Принцип согласованности регуляторной политики на макро-и мезоуровне	Декларирование согласованности мер и направлений регуляторной политики: обязательное отражение национальных приоритетов в региональных стратегиях.	В разных субъектах РФ регуляторы используют различные подходы: полнота экспертных заключений, формируемых региональными регуляторами, отличается в различных субъектах РФ.
Принцип информационной прозрачности решений, механизмов контроля и регулирования	Обеспечение открытости и доступности для потребителя, в том числе населения, процесса тарифного регулирования является принципом государственного регулирования и контроля в электроэнергетике.	По данным ФАС России, ежегодному охвату со стороны федерального контроля за тарифами подлежит не более 5% предприятий.
Принцип цикличности государственного регулирования	Выражается в разработке планов развития, дорожных карт их реализации и механизмов контроля.	В настоящее время формирование тарифов осуществляется практически вручную.
Принцип подталкивания	Реализация ESG-повестки, направленной на стимулирование предприятий к экологическим инновациям, переходу к зеленой энергетике, социально-ответственному поведению и т.д.	Завышенные тарифы, приводящие к X-неэффективности (низкой заинтересованности энергетических предприятий в снижении издержек).
Принцип учета двусторонних рисков	Внедрение риск-ориентированного подхода в практику государственного регулирования, в том числе определение направлений построения системы управления рисками.	Разнообразие и сложность объектов регулирования, разнонаправленное понимание сути риск-ориентированного подхода регулирующими органами.

Обобщая возможности и необходимости реализации данных принципов, можно определить набор действующих политик и инструментов государственного регулирования, успешно реализующих эти принципы, а также выявить пробелы государственного регулирования.

Концептуальная модель трансформации тарифной политики

Обобщение сформировавшихся тенденций развития электроэнергетического комплекса и тарифных механизмов его регулирования, определение паттернов основных проблем позволили сформировать проблемно-управленческую матрицу, определяющую пути и перспективы их решений (Таблица 5).

Таблица 5. Концептуальная модель трансформации тарифной политики (проблемно-управленческая матрица)¹¹

Тенденции	Паттерны проблем	Пути решения	Перспективы
Потребность в многофакторной макроэкономической модели расчета допустимых темпов роста тарифов.	«Ручное» формирование тарифов, низкий охват предприятий тарифной кампанией. Тарифная дискриминация.	Применение метода эталонов при обосновании тарифов.	Повсеместное применение методов эталонов.
Исчерпание потенциала роста тарифов.	X-неэффективность (провалы) государственного регулирования. Высокий уровень регуляторной нагрузки.	Использование методов экономико-математического моделирования (метод DEA).	100% охват предприятий электроэнергетического комплекса при проведении тарифных кампаний.
Усиление государственного вмешательства в экономические процессы предприятий электроэнергетического комплекса.	Перекрестное регулирование — «серая» зона государственного регулирования.	Политика долгосрочных тарифов.	Формирование долгосрочных инвестиционных программ.
Неиспользование предприятиями возможностей снижения издержек и увеличения производительности труда.	Частые нарушения со стороны региональных регуляторов. Утверждения региональных тарифов без согласования с ФАС.	Регуляторный контракт.	Долгосрочное прогнозирование цен на энергоносители для крупных промышленных предприятий.
Низкая эффективность деятельности инфраструктурных организаций.	Низкая эффективность деятельности промышленных предприятий электроэнергетического комплекса.	Обязательное исполнение механизма согласования тарифных решений.	Повышение прозрачности антимонопольных решений. Снижение регуляторной нагрузки на предприятия. Снижение рисков регуляторного воздействия.
Низкие стимулы предприятий электроэнергетического комплекса к технологической и экологической модернизации.	Высокая энергоемкость экономики.	Цифровизация процессов установления, согласования и применения тарифов.	
Конфликт интересов бизнеса и населения из-за роста цен на энергоносители.	Формальное соблюдение ESG-повестки и целей устойчивого развития.		
Выход крупных промышленных предприятий из единой энергетической системы (строительство собственных источников электрогенерации).			

В рамках реализации долгосрочной государственной тарифной политики, закрепленной в том числе в Федеральном законе от 02.08.2019 № 300-ФЗ¹², автором были разработаны основания для заключения с предприятиями электроэнергетического комплекса долгосрочных регуляторных соглашений (Таблица 6). Основания для заключения соглашений представляют

¹¹ Составлено автором.

¹² Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 02.08.2019 N 300-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330697/ (дата обращения: 25.12.2022).

собой достижение определенных характеристик зрелости бизнес-процессов предприятий электроэнергетического комплекса и их соответствие регуляторным требованиям антимонопольной и тарифной политики.

Таблица 6. Матрица оценки зрелости внутренних бизнес-процессов предприятий электроэнергетического комплекса с точки зрения реализации тарифной и антимонопольной политики¹³

Процесс/ характеристика деятельности	Уровни зрелости процесса и соответствия регуляторным требованиям		
	1	2	3
Выполнение требований ФЗ и регулирующих положений	Частые нарушения антимонопольного законодательства и нормативных актов в части тарифного регулирования.	Требования ФЗ соблюдаются, но на предприятии отсутствует система антимонопольного комплаенса.	Выполняются полностью. На предприятии внедрена и реализуется система антимонопольного комплаенса.
Соответствие регулируемых затрат эталонным	Регулируемы затраты значительно выше эталонных.	Регулируемы затраты равны эталонным.	Регулируемые затраты ниже эталонных. Предприятие участвует в тарифной кампании, реализует политику информационной прозрачности.
Реализация ESG-принципов	ESG-принципы реализуются декларативно, в планах развития предприятий не отражены возможности перехода на «зеленую» энергетику.	ESG-принципы реализуются частично. Затраты на экологию минимальны.	Предприятие осуществляет ESG-политику и реализует конкретные проекты по декарбонизации.
Технологическая модернизация производства	Предприятие не осуществляет технологическую модернизацию, использует устаревшие технологии.	Предприятие реализует средние инвестиционные проекты по технической модернизации, осуществляет незначительные технологические инновации.	Предприятие реализует крупные инвестиционные проекты по технической модернизации, осуществляет технологические инновации.
Возможность заключения долгосрочного тарифного соглашения	Краткосрочное тарифное регулирование, контроль со стороны ФАС процессов установления тарифов.	Заключение регуляторного соглашения сроком на 3–5 лет.	Заключение регуляторного соглашения сроком до 10 лет.

Регуляторное соглашение — это механизм, который позволяет определить и зафиксировать долгосрочные параметры экономической деятельности регулируемых предприятий электроэнергетического комплекса (объем инвестиций, тарифы). Регуляторное соглашение заключается между регулятором и регулируемой организацией на добровольной основе; его могут заключать только квалифицированные предприятия, которые готовы брать на себя обязательства и исполнять их в течение периода регулирования.

Заключение долгосрочных соглашений возможно в рамках реализации эталонного метода регулирования тарифов в сфере электроэнергетики. Этот метод регулирования направлен на исключение «тарифной дискриминации» и предполагает определение эталонов, то есть выведенных расчетным путем экономически обоснованных параметров, которые должны применяться для регулируемых организаций. В рамках реализации эталонного регулирования автором было предложено использовать метод DEA (Data Envelopment Analysis) — метод свертки данных — для обоснования тарифов, определяющих не только затраты, но и эффективность функционирования предприятий электроэнергетического комплекса. В основу метода DEA, базовые разработки которого изложены в трудах зарубежных авторов [Cooper et al. 2006; Farrell 1957], заложена идея построения границы эффективности для всех предприятий отрасли. При этом эффективность/неэффективность деятельности каждого конкретного предприятия

¹³ Составлено автором.

отрасли определяется его собственным решением, достижением оптимума Парето и рассчитывается как отношение суммы взвешенных результатов к сумме используемых ресурсов.

Для определения последствий применения метода эталонов был проведен расчет основных экономических параметров (операционных затрат) для сетевых организаций электроэнергетического комплекса (АО «Дагестанская сетевая компания», ПАО «Сахалинэнерго, Филиал ОАО «МРСК Сибири» — «Бурятэнерго», ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат», ПАО «МРСК Северо-Запада» — Архэнерго, ООО «АСЭП», ОАО «РЖД» и другие — всего 227 организаций) (Таблица 7).

Таблица 7. Расчет последствий применения метода эталонов (млн рублей) (фрагмент)¹⁴

Группа регионов	Территориальная сетевая организация (ТСО)	Эталонные операционные затраты (ОРЕХ), всего	Затраты (ОРЕХ) по регулированию, за год	Отклонение ОРЕХ от эталонного («+» к увеличению, «-» к уменьшению)
1	ТСО 1	1546628,95	1792202,43	-245573,48
5	ТСО 2	1996566,82	1347677,73	648889,09
4	ТСО 3	1705480,61	1946857,07	-241376,47
...
3	ТСО 4	202863,05	304333,56	-101470,51
5	ТСО 5	2188024,70	1996719,24	191305,46
5	ТСО 6	211970,34	141692,84	70277,50
5	ТСО 7	405504,33	56472,17	349032,16
ИТОГО		287566698,39	298736056,7	11169358,31

Из 227 организаций более половины (114) имеют отклонения операционных затрат от эталонных со знаком «-», то есть к уменьшению, что в сумме составляет — 11 169 358,31 млн рублей. Это доказывает эффективность применяемого метода, который позволяет более обоснованно подходить к установлению затрат, включаемых в регулируемый тариф, снижать объемы перекрестного субсидирования.

Заключение

Как национальная экономика в целом, так и энергетический комплекс на современном этапе развития сталкиваются с рядом системных вызовов, что обуславливает потребность в многофакторной макроэкономической модели расчета допустимых темпов тарифов на макроуровне; необходимость снижения административного давления и необходимость обеспечения предпринимательской уверенности в стабильности проводимой тарифной политики. В качестве основных путей решения сложившихся проблем автором определены такие направления, как применение метода эталонов при обосновании тарифов; использование методов экономико-математического моделирования (метод DEA) при обосновании и реализации политики долгосрочных тарифов; заключение долгосрочных регуляторных контрактов при реализации антимонопольной политики; обязательное исполнение механизма согласования тарифных решений и цифровизация процессов установления, согласования и применения тарифов.

¹⁴ Составлено автором.

Повышение инвестиционной и деловой активности предприятий электроэнергетического комплекса, повышение уровня эффективности экономической деятельности требуют поиска резервов роста, которые определяются долгосрочностью тарифного регулирования. Для решения этой проблемы была представлена модель долгосрочного тарифного регулирования, основанная на применении долгосрочных регуляторных соглашений и оценке зрелости внутренних бизнес-процессов предприятий электроэнергетического комплекса с точки зрения реализации тарифной и антимонопольной политики. Долгосрочные соглашения об условиях осуществления регулируемой деятельности являются востребованным механизмом (как со стороны регулируемых организаций, так и со стороны органов государственного регулирования всех уровней), который будет постепенно охватывать все сферы государственного регулирования цен (тарифов) и способствовать совершенствованию отраслевых нормативных правовых актов.

Список литературы:

- Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений / под ред. С.А. Пузыревского. Москва.: Издательская группа «Юрист», 2019.
- Артемьев А.А., Косарев П.Н. Тарифная и инвестиционная политика энергетических предприятий в условиях низкоуглеродного тренда экономики // Экономический вектор. 2021. № 1(24). С. 147–151. DOI: [10.36807/2411-7269-2021-1-24-147-151](https://doi.org/10.36807/2411-7269-2021-1-24-147-151)
- Васильев Д.А. Новое в государственном регулировании тарифов электроэнергетических компаний // Экономика и предпринимательство. 2019. № 9(110). С. 161–166.
- Васильев Д.А, Орлова Л.Н. К вопросу о необходимости государственного регулирования электроэнергетического комплекса // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022. № 4(124). С. 141–154. DOI: [10.21686/2413-2829-2022-4-141-154](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-4-141-154)
- Королев В.Г. Современные особенности и состояние электроэнергетической отрасли РФ // Инновации и инвестиции. 2020. № 10. С. 215–219.
- Князева И.В., Дозмаров К.В. Антимонопольный комплаенс — профилактика компаниями рисков нарушения конкурентного законодательства // ЭКО. 2020. № 4(550). С. 110–129. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2020-4-110-129](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-4-110-129)
- Плетешков А.Н. Экономическая эффективность антимонопольного комплаенса для предпринимательских структур // Экономические науки. 2018. № 169. С. 51–53.
- Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2010.
- Рыкова И.Н., Табуров Д.Ю. Тарифная политика на основе анализа динамики регулируемых и свободных цен в отрасли электроэнергетики // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. № 5(68). С. 115–126
- Савина А.М. Направления формирования и развития конкуренции на основе антимонопольного комплаенса // Финансовая экономика. 2019. № 6. С. 389–393.
- Современная рыночная электроэнергетика Российской Федерации / под ред. О.Г. Баркина. М.: Издательство «Перо», 2017.
- Стиглер Дж.Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
- Сушкевич Е.А. Фиксированные тарифы как инструмент стимулирования производства «зеленой» энергии // Экономика. Бизнес. Финансы. 2018. № 4. С. 6–10.

Тироль Ж. Экономика для общего блага. М.: Издательство института Гайдара, 2020.

Чугуевская А.В. Антимонопольная политика Российской Федерации // Инновационные научные исследования. 2020. № 12–1(2). С. 134–139.

Abramov R.A., Tronin S.A., Brovkin A.V., Pak K.C. Regional Features of Energy Resources Extraction in Eastern Siberia and the FAR East // International Journal of Energy Economics and Policy. 2018. Vol. 8. № 4. С. 280–287.

Cooper W.W., Seiford L.M., Tone K. Data Envelopment Analysis. A Comprehensive Text with Models, Applications, References and DEA-Solver Software. New York: Springer-Verlag, 2006.

Depoorter Ben W.F. Regulation of Natural Monopoly // Encyclopedia of Law and Economics. Vol. III. The Regulation of Contracts. Cheltenham: Edward Elgar, 2000. P. 498–532.

Farrell M.J. The Measurement of Productive Efficiency // Journal of The Royal Statistical Society. Series A (General). 1957. Vol. 120. № 3. P. 253–281. DOI: [10.2307/2343100](https://doi.org/10.2307/2343100)

Kapitonov I.A., Voloshin V.I., Korolev V.G. Eastern Vector of Russian State Policy Development for Ensuring Energy Security // International Journal of Energy Economics and Policy. 2018. Vol. 8. № 5. P. 335–341.

Labeaga J.M., Labandeira X., López-Otero X. Energy Taxation, Subsidy Removal and Poverty in Mexico // Environment and Development Economics. 2021. Vol. 26. Special Is. 3. P. 239–260. DOI: [10.1017/S1355770X20000364](https://doi.org/10.1017/S1355770X20000364)

Lechthaler F. Economic Growth and Energy Use during Different Stages of Development: An Empirical Analysis // Environment and Development Economics. 2017. Vol. 22. Is. 1. P. 26–50. DOI: [10.1017/S1355770X16000243](https://doi.org/10.1017/S1355770X16000243)

References:

Puzyrevskiy S.A. (ed.) (2019) *Antimonopol'nyy komplayens kak effektivnyy instrument profilaktiki narusheniy* [Antimonopoly compliance as an effective tool for preventing violations]. Moscow: Izdatel'skaya gruppya "Yurist".

Artemiev A.A., Kosarev P.N. (2021) Tariff and Investment Policy of Energy Enterprises in the Conditions of a Low-Carbon Economic Trend. *Ekonomicheskij vektor*. No. 1(24). P. 147–151. DOI: [10.36807/2411-7269-2021-1-24-147-151](https://doi.org/10.36807/2411-7269-2021-1-24-147-151)

Vasilyev D.A. (2019) New in State Regulation of Electricity Companies Tariffs. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. No. 9(110). P. 161–166.

Vasilyev D.A., Orlova L.N. (2022) Concerning the Issue of Obligatory State Regulation of Electric Power Complex. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. No. 4(124). P. 141–154. DOI: [10.21686/2413-2829-2022-4-141-154](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-4-141-154)

Korolev V.G. (2020) Contemporary Features and State of Russian Electric Power Industry. *Innovatsii i investitsii*. No. 10. P. 215–219.

Knyazeva I.V., Dozmarov K.V. (2020) Antitrust Compliance Programme — Prevention of Risks of Violation of Competition Law by the Company. *EKO*. No. 4(550). P. 110–129. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2020-4-110-129](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-4-110-129)

Pleteshkov A.N. (2018) Economic Efficiency Antimonopoly Compliance for Enterprise Structures. *Ekonomicheskiye nauki*. No. 169. P. 51–53.

Rothbard M. (2010) *Power and Market: Government and the Economy*. Chelyabinsk: Sotsium.

Rykova I.N., Taburov D.Yu. (2018) Tariff Policy Based on the Analysis of the Dynamics of Regulated and Free Prices in the Electricity Sector. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. No. 5(68). P. 115–126.

- Savina A.M. (2019) Directions of Formation and Development of Competition through Antitrust Compliance. *Finansovaya ekonomika*. No. 6. P. 389–393.
- Barkin O.G. (ed.) (2017) *Sovremennaya rynochnaya elektroenergetika Rossiyskoy Federatsii*. [Modern market electric power industry of the Russian Federation]. Moscow: Izdatel'stvo "Pero".
- Stigler G.J. (2017) *The Citizen and the State Essays on Regulation*. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara.
- Sushkevich E.A. (2018) Fiksirovannyye tarify kak instrument stimulirovaniya proizvodstva "zelenoy" energii [Fixed tariffs as an instrument to stimulate the production of "green" energy]. *Ekonomika. Biznes. Finansy*. No. 4. P. 6–10.
- Tirole J. (2020) *Economie du bien commun*. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara.
- Chuguevskaya A.V. (2020) Antimonopoly Policy of the Russian Federation. *Innovatsionnyye nauchnyye issledovaniya*. No. 12-1(2). P. 134–139.
- Abramov R.A., Tronin S.A., Brovkin A.V., Pak K.C. (2018) Regional Features of Energy Resources Extraction in Eastern Siberia and the FAR East. *International Journal of Energy Economics and Policy*. Vol. 8. № 4. C. 280–287.
- Cooper W.W., Seiford L.M., Tone K. (2006) *Data Envelopment Analysis. A Comprehensive Text with Models, Applications, References and DEA-Solver Software*. New York: Springer-Verlag.
- Depoorter Ben W.F. (2000) Regulation of Natural Monopoly. In: *Encyclopedia of Law and Economics. Vol. III. The Regulation of Contracts*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 498–532.
- Farrell M.J. (1957) The Measurement of Productive Efficiency. *Journal of The Royal Statistical Society. Series A (General)*. Vol. 120. No. 3. P. 253–281. DOI: [10.2307/2343100](https://doi.org/10.2307/2343100)
- Kapitonov I.A., Voloshin V.I., Korolev V.G. (2018) Eastern Vector of Russian State Policy Development for Ensuring Energy Security. *International Journal of Energy Economics and Policy*. Vol. 8. № 5. P. 335–341.
- Labeaga J.M., Labandeira X., López-Otero X. (2021) Energy Taxation, Subsidy Removal and Poverty in Mexico. *Environment and Development Economics*. Vol. 26. Special Is. 3. P. 239–260. DOI: [10.1017/S1355770X20000364](https://doi.org/10.1017/S1355770X20000364)
- Lechthaler F. (2017) Economic Growth and Energy Use during Different Stages of Development: An Empirical Analysis. *Environment and Development Economics*. Vol. 22. Is. 1. P. 26–50. DOI: [10.1017/S1355770X16000243](https://doi.org/10.1017/S1355770X16000243)

Дата поступления/Received: 22.02.2023

Перспективы интеграции Молдовы в НАТО

Харитоновна Наталья Ивановна

Доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, РФ.

E-mail: natahari@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [6491-4442](#)

ORCID ID: [0000-0002-7980-6562](#)

Аннотация

Статья посвящена анализу перспектив интеграции Республики Молдова в НАТО. Внешнеполитическая ориентация Молдовы и ее военно-политический статус представляют собой проблему регионального масштаба, обострившуюся с началом специальной военной операции России на Украине. Цель статьи — определить модель интеграции современной Молдовы в НАТО на политическом уровне. В ходе исследования были решены следующие задачи: проанализирована история взаимодействия Республики Молдовы и НАТО, определен характер взаимоотношений Кишинёва и Североатлантического альянса в контексте специальной военной операции России на Украине, определены перспективы интеграции Молдовы в НАТО с учетом региональной и глобальной обстановки. Посредством использования в качестве методологической базы системного анализа, геополитического подхода, ретроспективного анализа, историко-сравнительного анализа автор пришла к следующим выводам: при нынешнем политическом руководстве Молдова будет активно продвигаться по пути интеграции с западными политическими и военно-политическими структурами; не имея возможности конституционным путем отменить нейтральный статус Республики, руководство Молдовы выбрало путь де-факто интеграции в НАТО при номинально существующем нейтральном статусе страны, пользуясь тем обстоятельством, что нейтралитет Молдовы не признан мировым сообществом и никем не гарантируется; в случае успешной апробации такой модели не исключено, что она будет использоваться НАТО и другими военно-политическими блоками в отношении других по сути зависимых от США и стран Запада государств. Представляет интерес изучение возможности разработки политического инструментария для нейтрализации активности Североатлантического альянса на восточном направлении с учетом факта «делегированной субъектности» организации.

Ключевые слова

Молдова, НАТО, Приднестровье, Россия, Украина, интеграция, военно-политический блок, «делегированная субъектность», нейтралитет, специальная военная операция, региональная безопасность.

Prospects for Moldova's Integration into NATO

Natalya I. Kharitonova

DSc (Political Sciences), Associate Professor, Chief Science Officer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

E-mail: natahari@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-7980-6562](#)

Abstract

The article is devoted to the analysis of the prospects for the integration of the Republic of Moldova into NATO. The foreign policy orientation of Moldova and its military-political status are a problem of a regional scale, which has become aggravated with the start of Russia's special military operation in Ukraine. The aim of the article is to define a model for the integration of modern Moldova into NATO at the political level. During the study, the following tasks were solved: the history of interaction between the Republic of Moldova and NATO was analyzed, the nature of relations between Chisinau and the North Atlantic Alliance in the context of Russia's special military operation in Ukraine was determined, and the prospects for Moldova's integration into NATO were determined, taking into account the regional and global situation. Through the use of system analysis, geopolitical approach, retrospective analysis, historical and comparative analysis as a methodological basis, the author came to the following conclusions: under the current political leadership, Moldova will actively move towards integration with Western political and military-political structures; unable to constitutionally abolish the neutral status of the republic, the leadership of Moldova chose the path of de facto integration into NATO with the nominally existing neutral status of the country, taking advantage of the fact that the neutrality of Moldova is not recognized by the world community and is not guaranteed by anyone; if such a model is successfully tested, it is possible that it will be used by NATO and other military-political blocs in relation to other states de facto dependent on the United States and other Western countries. It is of interest to study the possibility of developing political tools to neutralize the activity of the North Atlantic Alliance in the eastern direction, taking into account the fact of the "delegated subjectivity" of the organization.

Keywords

Moldova, NATO, Transnistria, Russia, Ukraine, integration, military-political bloc, "delegated subjectivity", neutrality, special military operation, regional security.

Введение

Геополитические противоречия в современном мире определяют не только изменения государственных границ, но и перераспределение сфер геополитического влияния крупных игроков. Вкупе с последствиями пересмотра ряда принципов международного права и предельным

обострением угрозы глобального военного конфликта происходящее сегодня в мировой политике специалисты определяют как становление нового мирового порядка. В этих переходных условиях военно-политические блоки, чей характер деятельности при их создании в начале холодной войны определялся как «коллективная оборона», начинают играть новую роль, становясь проводниками интересов крупных игроков, имеющих по сути наступательный характер. Речь прежде всего идет о НАТО, выступающем в геополитическом противостоянии России и коллективного Запада в качестве одной из основных сил, обладающих «делегированной субъектностью» (фактически политика НАТО определяется США, взявших на себя бóльшую часть расходов на обеспечение организации). В ситуации, когда ядерное сдерживание продолжает работать, при резком росте напряженности в Европе выяснилось, что превентивные действия как относительно новая стратегия НАТО имеют ограниченную эффективность. Фактически главной функцией НАТО в текущей гибридной войне Запада против России является поддержание блоковой дисциплины и инфраструктурное освоение территорий, относящихся к сфере геополитического влияния РФ.

В рамках реализации поставленных Вашингтоном целей Брюссель существенное внимание уделяет Республике Молдове (РМ), имеющей весьма специфическое геополитическое положение. Зажатая между территорией страны – участницы Альянса (Румыния) и страны, где разворачивается горячая фаза гибридного конфликта (Украина), Молдова, не имеющая выхода к морю (кроме 430-метровой полосы берега Дуная, доставшейся ей в ходе обмена территориями с Украиной в 2005 году), тем не менее представляет интерес для США, прежде всего в логистическом плане. Важно также и то, что у Молдовы есть неурегулированный конфликт с ориентирующимся на Россию Приднестровьем. Наконец, Молдова является нейтральным государством, что должно означать политику невмешательства в конфликты и отказ от оказания помощи сторонам конфликта и, конечно, внеблоковый статус. Тем не менее с началом реализации специальной военной операции России на Украине руководство НАТО делает недвусмысленные заявления относительно возможности более глубокого участия Молдовы в проектах Альянса и даже полноценного членства, несмотря на действующий нейтралитет страны. Эта линия Брюсселя однозначно поддерживается новым прозападным политическим руководством в Кишинёве и вызывает обеспокоенность в Москве. Изменение баланса сил в регионе Северного Причерноморья может иметь весьма негативные последствия не только для региональной, но и для глобальной системы безопасности.

Для более точного определения модели интеграции современной Молдовы в НАТО на политическом уровне, что является целью настоящего исследования, необходимо решить следующие задачи: во-первых, проанализировать историю взаимодействия Республики Молдовы и НАТО; во-вторых, определить характер взаимоотношений Кишинёва и Североатлантического альянса в контексте специальной военной операции России на Украине; в-третьих, определить перспективы интеграции Молдовы в НАТО с учетом региональной и глобальной обстановки. При подготовке исследования в качестве методологической базы использовались системный анализ, геополитический подход, ретроспективный анализ, историко-сравнительный анализ. Отдельные положения, изложенные в статье, были апробированы автором в качестве аналитических материалов для государственных органов власти.

Взаимодействие Молдовы и НАТО

Сотрудничество независимой Республики Молдовы с НАТО имеет достаточно давнюю историю. Весьма подробно анализ этого взаимодействия между военно-политическим блоком и нейтральным постсоветским государством дан в статье С.Я. Лавренова [Лавренов 2022]. Отметим здесь лишь основные вехи. Сотрудничество началось в 1992 году с присоединением Республики к Совету евроатлантического сотрудничества (в 1997 году переименован в Совет евроатлантического партнерства). Уже в 1994 году Молдова присоединяется к программе НАТО «Партнерство ради мира». По оценкам властей РМ, этот шаг позволил национальной армии Молдовы повысить свою боеготовность и участвовать в обеспечении международной безопасности. В этом же году Кишинёв начал участвовать в Международной программе военного обучения (IMET): благодаря программе военные Молдовы обучаются в американской военной академии в Вест-Пойнте за счет США. В 1997 году учреждается миссия Республики Молдовы в НАТО. В 2004 году Молдова вошла в Группу по безопасности и сотрудничеству в Юго-Восточной Европе (SEEGROUP). В мае 2006 года Молдова подписывает Индивидуальный план партнерства (IPAP). Согласно документу, целью механизма партнерства НАТО с участниками программы является укрепление политического диалога, консультации с целью обеспечения сотрудничества для поощрения и поддержки внутренних и внешних условий для продвижения демократических реформ. При этом в Плане указывалось, что «путем внедрения IPAP Республика Молдова не преследует цель вступления в НАТО, а надеется использовать План для ускорения процесса реформ в секторах национальной защиты и безопасности»¹. По сути, Индивидуальный план партнерства предусматривает реформирование системы безопасности и обороны республики в соответствии с принципами НАТО. Согласно Плану, в 2007 г. при поддержке Департамента публичной дипломатии НАТО в Кишинёве был открыт Центр информации и документации по НАТО, в 2007–2008 годах при Службе информации и безопасности Молдовы был создан Антитеррористический центр для возможного участия в операциях под эгидой НАТО. С 2012 года Молдова участвует в «Глобальной инициативе в области миротворческих операций», реализуемой при поддержке США. Программа позволила легализовать участие стран Запада (прежде всего США и Великобритании) в обучении и переподготовке вооруженных сил Молдовы. Достигнутый уровень взаимодействия позволяет Молдове участвовать в многочисленных совместных учениях вооруженных сил и сил безопасности, а также направлять ограниченный контингент и военную технику в зоны проведения совместных миротворческих операций (Косово, Либерия, Южный Судан и др.). В 2017 году в Кишинёве начало свою работу Бюро по связям с Североатлантическим альянсом.

Ретроспективный анализ показывает, что взаимодействие НАТО и Молдовы имело поступательный и системный характер, в целом не прослеживаются откаты в развитии связей либо ярко выраженных периодов охлаждения отношений. Сравнение с имеющимся опытом взаимодействия с Альянсом ряда постсоветских стран (Грузия, Украина) также показывает, что отношения РМ — НАТО развивались в общем русле взаимоотношений военно-политического блока с теми постсоветскими странами, которые к середине–концу 2000-х годов, пережив сценарии так называемых цветных революций, приступили к реализации прозападного вектора внешней политики [Tolstov 2005].

¹ Индивидуальный План действий партнерства Республика Молдова – НАТО вступил в силу // IPN [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipn.md/ru/individualnyy-plan-deystviy-partnerstva-respublika-moldova-nato-vstupil-v-silu-7965_960978.html#ixzz7sL6ht9oj (дата обращения: 04.02.2023).

Что касается Молдовы, то необходимо отметить, что институализация отношений Кишинёва и НАТО негативным образом сказывается на состоянии приднестровского конфликта и переговорном процессе по его урегулированию, а также имеет в целом негативные последствия для региональной обстановки. Глава МИД Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) В. Игнатъев указывает как на один из эффектов на «скоординированные действия Молдавии и Украины по блокированию потенциала миротворческой операции на Днестре», что выступает в качестве факторов «эскалации напряженности, которые уже в ближайшей перспективе способны привести к существенному силовому дисбалансу в Причерноморье в пользу Североатлантического альянса» [Игнатъев 2015, 120]. Несмотря на то, что ситуация в сфере безопасности в Европе оценивается по-разному в России и на Западе [Sebotari 2019], можно утверждать, что расширение влияния прозападных политических сил в Молдове в 2010-х годах привело к изменению приоритетов в документах стратегического планирования, прежде всего во внешнеполитической сфере. Так, в июле 2018 года парламент РМ утвердил новую «Национальную стратегию обороны»². Этот документ разрабатывался под патронажем Бюро НАТО в Кишинёве (ключевая цель Бюро — реализация «Инициативы по строительству обороны и безопасности» (Defence and Related Security Capacity Building — DCB³)). Неудивительно, что в этой редакции «Национальной стратегии обороны» главными угрозами страны называются Россия и Приднестровье, а основными союзниками — НАТО и ЕС. А уже в ноябре того же года на сайте Парламентской ассамблеи НАТО был опубликован доклад «Противодействие российским гибридным угрозам: обновление» (Countering Russia's Hybrid Threats: An Update)⁴. Ключевая мысль доклада заключалась в предоставлении обязательств Грузии, Украине и Молдавии по принятию в НАТО, причем РМ занимала в докладе особое место как нейтральное государство.

Последние десять лет США все более активно участвуют в модернизации национальной армии Молдовы, а также военной инфраструктуры, для чего ежегодно выделяется по 12,75 млн долларов в рамках программы Foreign Military Financing. Кроме финансовой помощи, США осуществляют прямые поставки оружия, оборудования и военной техники в Молдову. Так, в 2021 году было по меньшей мере две поставки — 26 сентября и 12 декабря. Точный состав груза правительством Молдовы не был обнародован — Кишинёв ссылался на секретность информации. Однако отдельные официальные лица Молдовы указывали, что вооружение и техника предназначены для модернизации Вооруженных сил Молдовы и «повышения оперативной совместимости при участии в международных миротворческих операциях»⁵. Эксперты, в свою очередь, указывают на то, что это могли быть легкие бронемшины, стрелковое оружие, противотанковые гранатометы, боеприпасы и средства связи [Лавренов 2022, 28]. Формально поставляемая США техника и вооружения могут быть использованы с целью укомплектования 22-го миротворческого батальона РМ, который выполняет соответствующие задачи за пределами республики. В тот же период

² Постановление №134 от 19 июля 2018 г. «Об утверждении Национальной стратегии обороны и Плана действий по внедрению Национальной стратегии обороны на 2018–2022 годы» // Registrul de stat al actelor juridice al Republicii Moldova [Электронный ресурс]. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=376667&lang=2> (дата обращения: 05.02.2023).

³ Defence and Related Security Capacity Building Initiative // NATO [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_132756.htm#:~:text=The%20Defence%20and%20Related%20Security,countries%20requesting%20assistance%20from%20NATO (дата обращения: 05.02.2023).

⁴ Countering Russia's hybrid threats: an update // NATO Parliamentary Assembly [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2018-12/166%20CDS%2018%20E%20fin%20-%20HYBRID%20THREATS%20-%20OPLING_0.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

⁵ США создают на базе Республики Молдова ещё один плацдарм для гибридной войны с Россией // News Front [Электронный ресурс]. URL: <https://news-front.info/2021/09/29/ssha-sozdayut-na-baze-respubliki-moldova-escho-odin-platsdarm-dlya-gibridnoy-voyny-s-rossiey/> (дата обращения: 04.02.2023).

средства массовой информации России, Молдовы и Украины, представители экспертного сообщества указанных стран информировали общественность о присутствии в Кишинёве 400 американских морских пехотинцев⁶.

Важно отметить, что расходы на оборону РМ постоянно растут: за последние 10 лет в 4 раза (с 223 млн леев в 2011 г. до 914,5 млн в 2021 г.) [Шаповалов 2021]. А с началом СВО России на Украине темпы роста расходов на армию дополнительно увеличиваются. Немаловажно, что молдавский политический класс надеется на содействие НАТО в разрешении приднестровского конфликта.

Между тем поставки военной техники и вооружений США, а тем более длительное присутствие американских военных на территории Молдовы явно противоречат нейтральному статусу страны, зафиксированному в Конституции. Этот факт не может не вызывать беспокойства у Москвы, трезво оценивающей значение Молдовы и неурегулированного конфликта на Днестре в контексте ведущейся СВО. Ведь дальше речь может пойти о создании «учебных центров» (то есть военных баз США) на территории Молдовы по аналогии с Украиной (только близ Одессы Пентагон располагает двумя военными базами (авиационная и военно-морская) в Очакове и в Ильичёвске). Учитывает Москва и тот факт, что США приступают к строительству так называемого посольства США «нового типа» (по примеру посольств в Ираке и Армении, где посольский корпус совмещен с разведывательным центром, центром информационной и психологической борьбы и расположением ограниченных военных контингентов) в центре Кишинёва на месте переданного молдавским правительством США для этих целей старого городского стадиона. Этот и ряд других фактов позволяют предположить, что создаваемая военно-политическая инфраструктура в Молдове может использоваться и НАТО, как это происходит в других регионах.

Состояние отношений Молдовы и НАТО в контексте специальной военной операции России на Украине

Победа М. Санду во втором туре президентских выборов в Молдове в 2020 году, а затем победа ее партии на парламентских выборах в 2021 году привели страну к совершенно новой ситуации, когда президент, парламент и правительство проводили единую и согласованную прозападную политику. Летом 2021 года власти РМ официально заявили о том, что отношения с США и НАТО являются одним из приоритетов внешней политики страны.

С началом СВО власти Молдовы на официальном уровне осудили Россию и поддержали Украину и ее политическое руководство. Кишинёв вновь обозначил актуальность движения на Запад и неуклонное желание интегрироваться в западные политические и военно-политические структуры. В июне 2022 года Молдова (вместе с Украиной) получила статус кандидата в члены ЕС⁷. Ассоциированным членом ЕС Молдова является с июля 2016 года (церемония подписания соглашения об ассоциации состоялась в июне 2014 года [Харитоновна 2014]). В связи с этим президент Франции Э. Макрон отметил, что принятие Молдовы и Украины в кандидаты в члены ЕС стало политическим сигналом Москве⁸. Таким образом, политическая подоплека этого решения Брюсселем отнюдь не скрывалась.

⁶ Пентагон в Молдове готовится к обострению на Донбассе // Anna-news.info [Электронный ресурс]. URL: <https://anna-news.info/pentagon-v-moldove-gotovitsya-k-obostreniyu-na-donbasse/> (дата обращения: 04.02.2023).

⁷ Украина и Молдавия стали кандидатами в члены ЕС // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15018237> (дата обращения: 04.02.2023).

⁸ «Исторический момент, символ надежды и сигнал для России». Украину и Молдавию пригласили в ЕС // Газета.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/06/23/15031112.shtml> (дата обращения: 04.02.2023).

Между тем с началом специальной военной операции России на Украине интенсифицировалось военное сотрудничество Молдовы со странами НАТО. Накануне СВО правительство Молдавии утвердило план сотрудничества с Альянсом на 2022–2023 годы. Власти Молдовы отметили, что при реализации плана акцент будет сделан на модернизации системы безопасности страны, а также запуске новой программы профессионального развития экспертов в этой сфере⁹. Тогда же, в январе 2022 года, представители политического класса и интеллигенции Молдовы обратились к руководству США и Евросоюза, а также генсеку НАТО с заявлением о том, что Вашингтон и Брюссель не имеют права бросить Кишинёв в столь сложной обстановке. В обращении содержался призыв не отпускать Молдавию в сферу влияния России, содействовать выводу российских войск с ее территории, «воспрепятствовать попыткам России остановить расширение НАТО на Восток»¹⁰.

Примечательным было заявление Министра иностранных дел и европейской интеграции (МИДЕИ) Н. Попеску в сентябре 2022 года: «НАТО — друг для Молдовы, который помогает решать множество проблем»¹¹. Спустя несколько дней министр обороны РМ А. Носатый обсудил с и.о. главы Офиса по связи НАТО в Молдове Б. Пакликовой перспективы реализации Инициативы по наращиванию оборонного потенциала (DCBI), а также Плана действий индивидуального партнерства РМ — НАТО (IPAP). Представитель НАТО подтвердила готовность Организации поддержать министерство обороны в реформировании вооруженных сил РМ¹².

В конце 2022 года власти РМ заявили о том, что расходы на Вооруженные силы Молдавии в 2023 году будут увеличены на 50% и составят около 87 млн долларов. Ранее, в июне 2022 года, в ЕС пообещали выделить €40 млн на поставку нелетального вооружения, которые повысят совместимость с войсками европейских стран. Программа рассчитана на 36 месяцев и предполагает передачу Кишинёву логистической техники, транспорта, БПЛА, оборудования для обеспечения кибербезопасности, средств связи и управления. Военную помощь Кишинёву начал оказывать также Пентагон¹³. В ноябре 2022 года в системе раскрытия государственных расходов правительства США была опубликована информация о приобретении Пентагоном приборов ночного видения для нужд Кишинёва на \$810 тыс.¹⁴ 1 октября, выступая на брифинге, министр обороны Германии К. Ламбрехт сообщила о намерении передать Молдавии армейские беспилотники и другую военную технику. Уже в январе 2023 года прибыла первая партия бронетранспортеров из Германии¹⁵.

В абсолютном выражении суммы военного бюджета Молдавии могут показаться небольшими, однако здесь важна тенденция (плюс 50%) и демонстрация нового приоритета государственной политики — курс на милитаризацию для «защиты от российской угрозы». Молдова, перманентно находящаяся в экономическом и энергетическом кризисе, ограничена

⁹ Правительство Молдавии утвердило план сотрудничества с НАТО // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220119/nato-1768591351.html> (дата обращения: 04.02.2023).

¹⁰ Молдаване пишут письмо американскому султану: композитор Евгений Дога просит вывести российские войска из Молдовы... // МРШН [Электронный ресурс]. URL: <https://mpsh.ru/5834-moldavane-pishut-pismo-amerikanskomu-sultanu.html> (дата обращения: 04.02.2023).

¹¹ Представитель МИДЕИ: в отношениях с НАТО необходимо преодолеть стереотипы // Днестр.ТВ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dnestr.tv/15266-predstavitel-midei-v-otnosheniyah-s-nato-neobhodimo-preodolet-sterootipy.html> (дата обращения: 04.02.2023).

¹² Министр обороны обсудил с представителем НАТО перспективы сотрудничества // eNews [Электронный ресурс]. URL: <https://enews.md/publicatsia/ministr-oborony-obsudil-s-predstavitelem-nato-perspektivy-sotrudnichestva> (дата обращения: 04.02.2023).

¹³ «По отработанной схеме»: как при поддержке Запада происходит милитаризация Молдавии // Russia Today [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/1085143-moldaviya-byudzheta-nato-oruzhie> (дата обращения: 04.02.2023).

¹⁴ Минобороны США закупит для Молдавии приборы ночного видения на \$810 тысяч // Russia Today [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1080561-moldaviya-ssha-pribori-nochnogo-videniya> (дата обращения: 04.02.2023).

¹⁵ Первые бронемшины для армии Молдавии прибыли из Германии // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16771355> (дата обращения: 04.02.2023).

в финансовых возможностях для модернизации вооруженных сил. В связи с этим Кишинёв пользовался и будет продолжать пользоваться возможностями разнообразных программ западной военной помощи, аргументируя свои потребности в укреплении национальной армии понятным на западе аргументом — «угрозой агрессии со стороны России».

Примечательно, что резкие и категоричные заявления о вступлении Молдовы в НАТО обычно звучат после возвращения из зарубежных поездок президента и членов правительства. Так, в декабре 2022 года в прессе активно обсуждалось заявление президента Молдовы М. Санду японским СМИ о том, что Молдова намерена вступить в НАТО¹⁶. В свою очередь, глава МИДЕИ Н. Попеску на саммите ОБСЕ в Варшаве заявил о необходимости вывести российских военных с территории Молдовы (Приднестровья), которые там якобы находятся незаконно, после чего станет возможным вступление Молдовы в НАТО¹⁷. Синхронные заявления первых лиц по одной и той же теме позволяют предположить, что Молдова максимально близка к тому, чтобы начать формальные процедуры по интеграции страны в Альянс, учитывая, что «военное освоение НАТО территории Молдовы» давно и успешно происходит, с 2007 года здесь создаются элементы инфраструктуры Альянса и проч. Однако в своих публичных заявлениях власти Молдовы намеренно упрощают ситуацию, на деле же она куда сложнее. Во-первых, Молдова, согласно Конституции, является нейтральным, а значит, внеблоковым государством. Во-вторых, не урегулирован приднестровский конфликт (как известно, в НАТО не может быть принята страна, на территории которой имеется неурегулированный территориальный конфликт). В-третьих, решение о приеме в члены НАТО принимается консенсусом — сложно представить ситуацию, когда все страны – члены Альянса сразу и единогласно решат принять самое бедное государство Европы в свои ряды.

Таким образом, громкие заявления Санду и Попеску вероятнее всего преследуют другую цель (тем более что заявления о необходимости вывода российских военных из Приднестровья звучат уже не первый год, по этому поводу в 2018 году даже была принята Резолюция ГА ООН). Властям Молдовы необходимо было напомнить своим патронам на Западе и их сторонникам о том, что Молдова неуклонно стремится к интеграции в западные структуры, несмотря на то, что в ноябре 2022 года произошли ситуативные позитивные изменения в отношениях с Москвой (фактически помимо их воли). Однако последствия этих изменений оказались жизненно важными для молдавского населения и местного бизнеса. Во-первых, благодаря усилиям молдавской политической оппозиции Роспотребнадзор запустил в РФ продукцию двенадцати молдавских производителей; во-вторых, «Газпром» возобновил поставки газа в Молдову с условием, что весь газ будет использоваться Приднестровьем в обмен на поставки Молдавской ГРЭС (располагается на территории Приднестровья) электроэнергии в Молдову, что позволит не допускать повторения ноябрьских блэкаутов на правом берегу Днестра.

Примечательно, что все эти позитивные изменения в отношениях Молдовы с Москвой, за которые М. Санду и Н. Попеску были вынуждены оправдываться в заграничных поездках, стали возможны благодаря усилиям США. Достигнутым договоренностям между РМ и ПМР в формате «1+1» предшествовала встреча Посла США Кента Д. Логсдона с президентом ПМР В. Красносельским. Эксперты считают, что США, внимательно отслеживающие ситуацию в Молдове, пришли к выводу о возможной потере контроля над ситуацией в стране по итогам

¹⁶ Майя Санду решила «вступить» Молдавию в НАТО: насколько это реально // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/12/05/mayya-sandu-reshila-vstupit-moldaviyu-v-nato-naskolko-eto-realno.html> (дата обращения: 04.02.2023).

¹⁷ Вице-премьер Молдавии призвал к выводу российских войск из Приднестровья // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/12/01/vice-premer-moldavii-popesku-prizval-k-vyvodu-rossijskih-vojsk-iz-pridnestrovia.html> (дата обращения: 04.02.2023).

анализа ноябрьских эксцессов с электроэнергией на фоне продолжавшихся политических протестов в стране. Появилась необходимость снизить накал, а это возможно было сделать только путем достижения хоть и временного, но все же консенсуса между РМ, ПМР и Россией («Газпром», Роспотребнадзор). И, как выяснилось в очередной раз, этот консенсус без участия США, полностью контролирующей официальный Кишинёв, невозможен.

Тем не менее значение заявлений президента и главы МИДЕИ о необходимости вступления Молдовы в НАТО не стоит недооценивать. Они отражают вполне осознанные устремления молдавского политического класса. К вступлению в западные структуры постепенно будет готовиться и общественное мнение в Молдове. В случае если политическая ситуация в регионе и в стране не изменится кардинально, уже в обозримой перспективе Молдова может отказаться от своего конституционного нейтралитета, имеющего в действительности фиктивный характер, что, однако, не означает немедленное принятие РМ в Альянс, а скорее использование Альянсом территории Молдовы в военно-политических целях.

Приднестровье крайне обеспокоено милитаризацией Молдовы посредством системной военной и финансовой помощи со стороны Запада в период реализации СВО, а также информацией о поставках военной техники НАТО из Румынии через территорию Молдовы на Украину. В Тирасполе опасаются, что поставки вооружения и военной техники из стран НАТО в Молдову «с целью повышения обороноспособности» последней лишь ухудшат ситуацию с безопасностью в регионе. С точки зрения МИД ПМР, вооружая Молдавию, «НАТО фактически раздувает противостояние, провоцирует горячие головы»¹⁸. Более того, политический класс в Приднестровье и экспертное сообщество опасаются, что Молдова может в одностороннем порядке выйти из «Соглашения о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» от 21 июля 1992 года¹⁹, что будет означать возвращение к ситуации 1992 года, то есть вооруженному конфликту на Днестре. Нынешняя же региональная обстановка может предельно обострить ситуацию в регионе, где усилиями России 30 лет поддерживался хрупкий мир, ведь теперь Молдова и Украина (формально сохраняющая статус посредника и гаранта в переговорном процессе по урегулированию приднестровского конфликта) выступают единым фронтом против пророссийски настроенного Приднестровья и базирующихся там российских миротворцев и контингента Оперативной группы российских войск в Приднестровском регионе Республики Молдова (ОГРВ ПРРМ).

Таким образом, анализ показал, что взаимодействие Молдовы с НАТО в период реализации СВО приобрело более интенсивный характер. Более активную военную, политико-дипломатическую помощь Молдове, помимо США, стали оказывать и другие страны – участницы Альянса (Великобритания, Германия, Польша и др.). Относительно целей оказываемого Западом содействия Кишинёву важно отметить тот факт, что США и их союзники действуют по тому же сценарию, что и в отношении Украины. Экспертное сообщество указывает, что политика Запада на молдавском направлении нацелена на втягивание Молдавии в конфронтацию с Россией по схеме, которая с 2014 года реализовывалась на Украине: «под видом «безобидных» поставок нелетального вооружения, включая средства связи, обмена данными и разведки, осуществляется создание инфраструктуры управления войсками государства-спутника»²⁰. Такой подход позволяет не только использовать ресурсы де-факто контролируемой ими страны,

¹⁸ «По отработанной схеме»: как при поддержке Запада происходит милитаризация Молдавии // Russia Today [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/1085143-moldaviya-byudzhet-nato-oruzhie> (дата обращения: 04.02.2023).

¹⁹ Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // МИД ПМР [Электронный ресурс]. URL: <https://mid.gospmr.org/ru/sgv> (дата обращения: 04.02.2023).

²⁰ «По отработанной схеме»: как при поддержке Запада происходит милитаризация Молдавии // Russia Today [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/1085143-moldaviya-byudzhet-nato-oruzhie> (дата обращения: 04.02.2023).

но и управлять процессом противостояния России на конкретном театре военных действий. В частности, совместные учения молдавской армии с силами стран – участниц НАТО призваны повысить уровень взаимодействия, встроив вооруженные силы республики в подконтрольный Альянсу контур управления.

Важную роль здесь играют и планы политического руководства Молдовы по вхождению в состав Румынии (идея так называемой унири), которая также является страной – участницей Альянса. Румыния и Молдова, так и не подписавшие базовый договор (румынская сторона не считает необходимым пописывать такой договор между «двумя румынскими государствами»), на системной основе развивают отношения, которые эксперты определяют как подготовку к поглощению Молдовы Румынией при том, что население относится к такой перспективе весьма неоднозначно (по данным соцопросов, проведенных в феврале 2023 года, если бы состоялся референдум по вопросу объединения с Румынией, 52,2% граждан Молдовы проголосовали бы против, а 36,2% — за²¹). Так, в 2010 году Кишинёв и Бухарест подписали договор об обмене информацией о гражданах Молдавии и о доступе к линиям спецсвязи. Два года спустя был подписан (ратифицирован в 2013 году) договор о сотрудничестве в военной сфере. Этим договором, в частности, предусмотрено оказание помощи со стороны Румынии в случае конфликта Молдавии и Приднестровья, а также возможность бессрочного нахождения на территории страны румынских войск²².

Таким образом, многими специалистами признается, что Молдова по ряду параметров идет по пути Украины с той лишь разницей, что де-юре Кишинёв еще не отказался от нейтралитета, а де-факто это произошло²³. На текущий момент, судя по всему, США максимально усиливают инфраструктуру НАТО в Молдавии, осваивают ее территорию, чтобы иметь стабильный и укрепленный тыл в рамках противоборства с Россией на Украине. Однако по мере ослабления позиций США и НАТО в противоборстве с Россией на Украине Вашингтон и Брюссель могут начать реализовывать планы по открытию «второго фронта» в Приднестровье. Усиление присутствия Альянса в Молдавии в перспективе может привести к провокациям против российских миротворцев в Приднестровье и возобновлению горячей фазы приднестровского конфликта в изменившихся геополитических условиях и в совершенно ином политическом контексте. Таким образом, риск вовлечения Молдовы в конфликт Запада с Россией вполне вероятен. И, очевидно, нейтральный статус Молдовы не станет препятствием для реализации оперативных планов западной коалиции, весьма свободно распоряжающейся судьбами своих сателлитов.

Перспективы вступления Молдовы в НАТО с учетом региональной и глобальной обстановки

В январе 2023 года в общественно-политических кругах Республики Молдовы в очередной раз активизировалось обсуждение темы вступления страны в НАТО. С учетом того, что РМ, согласно Конституции, является нейтральным государством, перед Кишинёвом сегодня стоит вопрос вариантов реализации таких планов.

О нейтральном статусе Молдовы говорится в статье 11 Конституции РМ (Республика Молдова провозглашает свой постоянный нейтралитет. Республика Молдова

²¹ Большинство опрошенных молдаван против вступления в НАТО и объединения с Румынией // Рамблер [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/50133773-bolshinstvo-oproshennyh-moldavan-protiv-vstupleniya-v-nato-i-obedineniya-s-rumyniye/> (дата обращения: 04.02.2023).

²² Соглашение с неизвестными // Молдавские ведомости [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.md/news/Soglashenie_S_Neizvestnymi (дата обращения 6 февраля 2023).

²³ Политолог Наталья Харитонова: Молдавия уже стала «Украиной» // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/02/02/politolog-natalia-haritonova-moldaviia-uzhe-stala-ukrainoj.html> (дата обращения: 04.02.2023).

не допускает размещения на своей территории вооруженных сил других государств)²⁴. Однако еще большее значение имеет статья 142 Конституции, где обозначены пределы пересмотра нейтрального статуса. В этой статье указано, что нейтральный статус может быть пересмотрен путем всенародного референдума большинством граждан, включенных в избирательные списки (подпункт 1), и что Конституция не может быть пересмотрена во время чрезвычайного, осадного и военного положения (подпункт 3). Речь идет о так называемом позитивном нейтралитете, предусматривающем последовательное неучастие государства в военных союзах, который закрепляется в основных нормативно-правовых актах страны, но при этом не является официально признанным мировым сообществом, в частности ООН, как это имеет место в отношении, например, Туркменистана [Малышев 2019, 188–189].

Общее количество избирателей, зарегистрированных в Государственном реестре избирателей, на 3 января 2022 года составляет 3 283 288 человек²⁵. Спустя год число избирателей немного выросло: общее количество избирателей, внесенных в Государственный реестр избирателей, по состоянию на 3 января 2023 года составляет 3 294 050 человек²⁶. Однако в любом случае собрать более половины голосов от указанного числа избирателей в стране для руководства РМ является невыполнимой задачей, так как, во-первых, большинство населения выступает против вступления страны в Североатлантический альянс, а во-вторых, традиционно в Молдове голосует около половины избирателей (так, на последних выборах явка составила 48%). Как показывают данные социологических опросов последних десяти лет, идею вступления Молдовы в НАТО поддерживают около 20% населения, а число ее противников вдвое больше — около 50%. Например, по данным «Ассоциации социологов и демографов Молдовы», в январе 2012 года за вступление в НАТО выступало 17% населения, против — 47%, в 2018 году за — 24%, против — 54%. По данным социологической компании CBS-Research, на начало февраля 2023 года в случае проведения референдума по вопросу вступления в НАТО поддержали бы интеграцию в Альянс 26,9% граждан, 55,5% проголосовали бы против²⁷. Причину формирования подобных настроений в обществе руководство Молдовы видит в «российской пропаганде», убедившей население страны в том, что «нейтралитет означает отказ инвестировать в оборонный сектор». Таким образом, если вопрос с отменой чрезвычайного положения в стране М. Санду решить в состоянии (ЧП в стране было введено в день начала СВО — 24 февраля 2022 года, несколько раз продлевалось, 4 февраля 2023 года режима ЧП из-за кризиса в энергетике был продлен на 60 дней), то заручиться поддержкой населения по вопросу отмены нейтрального статуса Молдовы и вступления в Альянс правящий режим не может. Кроме того, как указывалось выше, со стороны НАТО есть также ряд препятствий для вступления: неурегулированный приднестровский конфликт и проблема достижения консенсуса при решении вопроса о вступлении Молдовы в Альянс.

Таким образом, последние заявления президента Молдовы, министра обороны и других политических деятелей о безальтернативности и необходимости скорейшего вступления в НАТО, по мнению экспертов, на текущий момент можно воспринимать в качестве популистских либо

²⁴ Конституция Республики Молдова // Парламент Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.parlament.md/CadrulLegal/Constitution/tabid/151/Language/ru-RU/Default.aspx> (дата обращения: 04.02.2023).

²⁵ В государственном реестре зарегистрировано 3 283 288 избирателей // Молдавские ведомости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.md/news/v-gosudarstvennom-reestre-zaregistrirovano-3-283-288-izbirat> (дата обращения: 04.02.2023).

²⁶ В Молдове более 3,2 млн человек внесены в Государственный реестр избирателей // Gaguzinfo [Электронный ресурс]. URL: <https://gaguzinfo.md/news/politics/v-moldove-bolee-3-2-mln-chelovek-vneseni-v-gosudarstvennii-reestr-izbiratelei> (дата обращения: 04.02.2023).

²⁷ Большинство опрошенных молдаван против вступления в НАТО и объединения с Румынией // Рамблер [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/50133773-bolshinstvo-oproshennyh-moldavan-protiv-vstupleniya-v-nato-i-obedineniya-s-rumyniye/> (дата обращения: 04.02.2023).

призванных транслировать Руководству НАТО и ЕС приверженность их принципам антироссийской политики. Однако здесь важно учитывать, что таким образом идет подготовка общественного мнения в Молдове к принятию факта неизбежности и даже желательности отмены нейтрального статуса и вступления в НАТО, что часто рассматривается как необходимая часть европейской интеграции. В целом Кишинёв не скрывает, что ведет системную работу по подготовке к изменению статуса страны: влиятельные зарубежные издания приводят слова Санду о том, что в Молдове ведутся серьезные дискуссии о том, может ли страна самостоятельно обеспечить собственную безопасность, или необходимо вступить в более крупный альянс.

Понимание невозможности отмены нейтралитета конституционным путем, по оценкам экспертов, заставляет молдавское политическое руководство осуществлять поиск практической формулы, которая бы позволила осуществлять де-факто интеграцию в НАТО, оставаясь в нейтральном статусе. Так, представители власти в Молдове используют в своей риторике пассажи о том, что нейтральный статус Молдовы отнюдь не мешает Кишинёву принимать военную помощь от внешних партнеров, в первую очередь — материально-техническую. С учетом региональной обстановки есть все основания полагать, что в будущем можно ожидать поставок любой номенклатуры вооружения, которая частично может передаваться Украине.

Кроме того, как указывалось выше, в плане обучения военных, командно-штабной работы Молдова уже многие годы интегрируется с НАТО, переходит на стандарты организации, постоянно участвует в учениях, всевозможных стажировках командного состава, отлаживает информационное взаимодействие и проч. Таким образом, фактическое военное освоение НАТО системно идет более 15 лет. Нейтральный статус Молдовы, как показывает практика, не является препятствием для этого. Ситуацию с виртуально существующим нейтралитетом Молдовы усугубляет антироссийская кампания, планомерно разворачивающаяся усилиями прозападных и прорумынских политиков в Молдове в контексте вооруженного конфликта на Украине. Внутри страны и за ее пределами обществу и политическому классу внушается, что только военно-политическое взаимодействие с НАТО может спасти Молдову от российской агрессии.

Таким образом, в нынешней крайне сложной региональной обстановке в ближайшей перспективе не следует ожидать юридически оформленной процедуры вступления Республики Молдова в НАТО. Однако к моменту стабилизации геополитической обстановки в Северном Причерноморье либо, наоборот, нарастания кризисных явлений в регионе общественное мнение в стране может быть уже вполне готовым к этому акту. Сейчас же политическое руководство Молдовы выбрало путь де-факто интеграции в НАТО при номинально существующем нейтральном статусе страны.

Заключение

Результаты анализа показали, что взаимодействие Североатлантического альянса и Республики Молдовы в целом выстраиваются в рамках общей схемы, реализуемой Вашингтоном и Брюсселем в отношении постсоветских стран и бывших стран соцлагеря. При этом есть ряд характерных черт, отличающих Молдову от внешне схожих случаев.

Во-первых, это неурегулированный территориальный конфликт, а точнее крайне сложный по структуре и характеристикам приднестровский конфликт, переговорный процесс по разрешению которого не завершен и сознательно бойкотируется поощряемым Западом Кишинёвом как одной из сторон конфликта.

Во-вторых, нейтральный статус Республики Молдовы, а скорее, позитивный нейтралитет, не признанный ООН, лишенный международных гарантий. Здесь важно, что сам политический класс Молдовы весьма специфически относится к этому статусу — практически с момента закрепления нейтралитета в Конституции он все в большей степени обесценивался самими же властями РМ независимо от политических ориентаций того или иного правительства. Речь прежде всего идет о поступательно развивающемся сотрудничестве с НАТО, особенно с 2006 года, когда начал реализовываться Индивидуальный план партнерства (IPAP).

В-третьих, это крайне активные и системные связи с соседним государством – членом НАТО, где основную массу населения составляет близкий молдаванам этнос — румыны. Политический класс Румынии, опираясь на сторонников объединения Молдовы с Румынией (унири) в Кишинёве, более 30 лет продвигает планы по поглощению соседней постсоветской страны. Военно-политическая накачка Вашингтоном и Брюсселем Румынии в контексте вооруженного противостояния на Украине лишь разжигает аппетиты румынских элит и делает румынский фактор более весомым в региональной расстановке сил.

Все указанные особенности дают возможность более точно определить перспективы интеграции Молдовы в НАТО: руководство Молдовы выбрало путь де-факто интеграции в НАТО при номинально существующем нейтральном статусе страны, пользуясь тем обстоятельством, что нейтралитет Молдовы не признан мировым сообществом и никем не гарантируется. В случае успешной апробации такой модели не исключено, что она будет использоваться НАТО и другими военно-политическими блоками в отношении других, по сути зависимых от них государств.

Важно отметить и одну из черт, которая сближает опыт Молдовы с опытом других постсоветских стран, оказавшихся на линии геополитического разлома. Речь идет о крайне большом весе внешних факторов во внутри- и внешнеполитическом развитии, а также о том, что действие этих факторов дополнительно стимулируется внешними силами. Пример Украины является весьма показательным. Так, и в отношении Молдовы отмечается, что «склонность ряда политиков, экспертов, журналистов РФ, ФРГ, других европейских стран, США искусственно делить молдавское общество на пророссийских и проевропейских граждан, не говоря уже о партиях, не способствует консолидации общественно-политических сил, ослабляет интеллектуальный потенциал республики в плане выхода из кризиса, противодействия новым вызовам и рискам» [Васильев 2019, 70].

Таким образом, Североатлантический альянс, встраивая в свой контур управления территории стран с переменной геополитической ориентацией, которая по мере втягивания становится более определенной — прозападной (чему способствует скоординированная работа других западных структур [Kurtov 2008; Laumulin 2014]), решает ряд задач гибридной войны, ведущейся Западом против России в соответствии с классическими законами геополитики [Харитоновна, Максимов 2022]. Вашингтону крайне важно, чтобы такие структуры с «делегированной субъектностью», как НАТО, поддерживали «железную» блоковую дисциплину, то есть сохраняли антироссийский фронт максимально монолитным и максимально близким к государственным границам России за счет сокращения сферы ее геополитического влияния. Последнее с успехом реализуется посредством инфраструктурного освоения территорий сначала бывших стран соцлагеря, а последние десятилетия — и постсоветских стран. При этом опыт Молдовы демонстрирует следующее: чтобы НАТО решало обозначенные выше задачи, странам, попавшим в фокус внимания США, вовсе не обязательно иметь статус члена Альянса. Наоборот, можно иметь нейтральный статус и даже неурегулированный конфликт, настроенное против интеграции в НАТО население страны. Главное, чему учит опыт Молдовы (как и Украины), — это то, что нужно

иметь «подсаженную» политическую элиту, исповедующую не национальные, а навязанные извне интересы, игнорирующие очевидные угрозы региональной безопасности, ставшие отчасти следствием их же политики.

Понимание механизмов экспансионистской политики НАТО в восточном направлении позволяет определить слабые места реализуемых политических и военно-политических практик. В перспективе представляет интерес изучение возможности разработки политического инструментария для нейтрализации активности Североатлантического альянса на восточном направлении с учетом факта «делегированной субъектности» организации.

Список литературы:

Васильев В.И. Европейский путь Молдовы: иллюзии и действительность // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 59–72. DOI: [10.20542/afij-2019-3-59-72](https://doi.org/10.20542/afij-2019-3-59-72)

Игнатъев В.В. Приднестровье в тисках внешнего давления: Актуальные вызовы региональной безопасности // Постсоветский материк. 2015. № 4(8). С. 115–122.

Лавренов С.Я. Молдавию встраивают в восточноевропейский «пояс обороны» НАТО // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2022. № 3–4. С. 23–38. DOI: [10.48137/2074-2975_2022_3-4_23](https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_3-4_23)

Мальшев Д.В. Политика нейтралитета на постсоветском пространстве на примере Туркменистана и Молдавии // Свободная мысль. 2019. № 6(1678). С. 183–193.

Харитонов Н.И. Возможные последствия подписания Соглашения об ассоциации Республики Молдова с Европейским союзом // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. С. 39–54.

Харитонов Н.И., Максимов А.С. Взаимодействие России с ключевыми геополитическими оппонентами в условиях гибридной войны: комплексный стратегический подход // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 95. С. 108–123. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-95-108-123](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-108-123)

Шаповалов Б.А. Туманные перспективы улучшения молдавско-российских отношений в условиях наметившегося дрейфа Молдовы в ЕС и НАТО // Молдово-Приднестровский регион. 2021. № 5–6. С. 73–78.

Cebotari S. The Evolution of the East-European Space's Geopolitical Architecture // Science Time. 2019. № 1(61). P. 36–46.

Kurtov A. The CSTO, GUAM: Transformation of the Post-Soviet Area // Central Asia and the Caucasus. 2008. № 3–4. P. 262–276.

Laumulin M. Eastern Partnership in the Geopolitical Context of Post-Soviet Space // Central Asia and the Caucasus. 2014. Vol. 15. № 1. P. 16–33.

Tolstov S. Ukraine's Foreign Policy after the Orange Revolution // Central Asia and the Caucasus. 2005. № 5(35). P. 82–90.

References:

Ignat'ev V.V. (2015) Pridnestrovie in the Grip of External Pressure: Current Challenges to Regional Security. *Postsovetskiy materik*. No. 4(8). P. 115–122.

Kharitonova N.I. (2014) Potential Consequences of the European Union — Moldova Association Agreement. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 43. P. 39–54.

Kharitonova N.I., Maksimov A.S. (2022) Russia's Interaction with Key Geopolitical Opponents in Hybrid War: An Integrated Strategic Approach. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 95. P. 108–123. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-95-108-123](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-108-123)

Kurtov A. (2008) The CSTO, GUAM: Transformation of the Post-Soviet Area. *Central Asia and the Caucasus*. No. 3–4. P. 262–276.

Laumulin M. (2014) Eastern Partnership in the Geopolitical Context of Post-Soviet Space. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 15. No. 1. P. 16–33.

Lavrenov S. (2022) Moldova is Being Integrated into the Eastern European “Defense Belt” of NATO. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' — Observer*. No. 3–4. P. 23–38. DOI: [10.48137/2074-2975_2022_3-4_23](https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_3-4_23)

Malyshev D.V. (2019) The Politics of Neutrality in the Post-Soviet Space. The Case of Turkmenistan and Moldova. *Svobodnaya mysl'*. No. 6(1678). P. 183–193.

Shapovalov B.A. (2021) Tumannye perspektivy uluchsheniya moldavsko-rossiyskikh otnosheniy v usloviyakh nametivshegosya dreyfa Moldovy v ES i NATO [Vague prospects for improving Moldovan-Russian relations in the context of Moldova's emerging drift towards the EU and NATO]. *Moldovo-Pridnestrovskiy region*. No. 5–6. P. 73–78.

Cebotari S. (2019) The Evolution of the East-European Space's Geopolitical Architecture. *Science Time*. No. 1(61). P. 36–46.

Tolstov S. (2005) Ukraine's Foreign Policy after the Orange Revolution. *Central Asia and the Caucasus*. No. 5(35). P. 82–90.

Vasil'ev V.I. (2019) A European Path of Moldova: Illusions and Reality (Specific Circumstances). *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. No. 3. P. 59–72. DOI: [10.20542/afij-2019-3-59-72](https://doi.org/10.20542/afij-2019-3-59-72)

Дата поступления/Received: 22.02.2023

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-112-137

Управление агломерационными процессами в развитии субурбанизированных
территорий на примере Иркутского региона

Грушина Ольга Валерьевна

Доктор экономических наук, доцент, Байкальский государственный университет, Иркутск, РФ.

E-mail: olga7771972@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 8290-5935

ORCID ID: [0000-0002-1986-308X](https://orcid.org/0000-0002-1986-308X)

Русановский Владимир Алексеевич

Магистрант, Байкальский государственный университет, Иркутск, РФ.

E-mail: mr.rusanovski@inbox.ru

Аннотация

В представленной статье приводятся результаты комплексного исследования субагломерационных процессов на примере Иркутского региона. Пристальное внимание авторов направлено на проблему субурбанизации и бесконтрольное разрастание пригородных территорий региональных центров, а также анализ последствий этих процессов для демографического, экономического и социального развития при отсутствии грамотного управления. Изучение международной практики управления агломерациями позволило выбрать и приоретезировать наиболее перспективные опыты развития и модели управления территориями. Детальное изучение роста и развития Иркутской агломерации привело авторов к формализации новой сущности и нового термина — субагломерации как феномена, который образуется на отдалении от города (то есть не является пригородом), тем не менее создает ежедневные маятниковые миграции в ядро агломерации, в которую входит. Большое влияние на данную работу оказал опыт и практики, разработанные в рамках «Московского урбанистического форума» 2017 г. и Центра городских исследований бизнес-школы «Сколково», аналитический доклад «Планирование разрастаний», разработанный факультетом городского и регионального развития Высшей школы урбанистики имени А.А.Высоковского, исследования К.В.Григоричева, посвященные Иркутской субурбанизации. Опора на накопленный опыт позволила сформулировать гипотезу о том, что качественное планирование, определяющее динамику и сценарий развития агломерации (неважно, к какой модели управления она относится, более директивной или более договорной), напрямую зависит от качества синхронизации стратегической и проектной документации между собой, и главная цель, которую должна перед собой ставить агломерация, — это централизация ее управления и ресурсов. В результате была создана модель управления Хомутовско-Уриковской субагломерацией, позволяющая эффективно интегрировать известные инструменты для работы с разрастаниями в целях преодоления проблем неконтролируемого роста субурбанизированных территорий.

Ключевые слова

Агломерация, субагломерационные процессы, управление территориями, урбанистика, «коридорная модель развития», полицентричность.

Managing Agglomeration Processes in the Development of Suburbanized Territories:
A Case of Irkutsk Region

Olga V. Grushina

DSc (Economics), Associate Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation.

E-mail: olga7771972@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-1986-308X](https://orcid.org/0000-0002-1986-308X)

Vladimir A. Rusanovsky

Master's degree student, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation.

E-mail: mr.rusanovski@inbox.ru

Abstract

In the present paper, the subagglomeration processes taking place in the Irkutsk region are comprehensively studied. Special emphasis is focused on the suburbanization issue, uncontrolled sprawl of suburban areas of regional centers and its consequences for demographic, economic and social development in the absence of competent management. The analysis of the world experience in the field of agglomeration management allows the most prospective models of territory management to be selected and prioritized. A detailed study of the growth and development of the Irkutsk agglomeration enables to formalize a new phenomenon, which can be termed as subagglomeration. The latter is formed at a distance from the city (that is it is not a suburb), but nevertheless features daily pendulum migrations to the core of the agglomeration, in which it is included. This work was greatly influenced by the experience and practices developed within the framework of the Moscow Urban Forum 2017, the Center for Urban Studies of the Skolkovo Business School, the analytical report "Sprawl Planning" of the Faculty of Urban and Regional Development of the A.A. Vysokovsky Higher School of Urban Planning, and works of K.V. Grigoriev devoted to the Irkutsk suburbanization. This background permits to formulate a hypothesis that high-quality planning, which determines the dynamics and development scenario of the agglomeration (regardless of the management model employed, more directive or more contractual) directly

depends on the quality of synchronization of strategic and project documentation, and the cardinal goal of the agglomeration is the centralization of its management and resources. As a result, a management model for the Khomutovo-Urik subagglomeration has been developed. This model allows the effective integration of well-known tools for management of the sprawl to address the issues related to uncontrolled growth of suburban areas.

Keywords

Agglomeration, subagglomeration processes, territory management, urban planning, corridor development model, polycentricity.

Введение

Сегодня на триста агломераций приходится около 47% мирового ВВП и 20% населения планеты¹. Термин агломерации появляется в XX в. на стыке географии, экономики и социологии. Он был введен А. Вебером для обозначения экономического эффекта от близкого расположения взаимодополняющих и конкурирующих предприятий. Эта логика легла в основу современного понимания роста городов и концентрации в них ресурсов.

Актуальность представленного исследования обусловлена возросшими темпами агломерационного развития городов в России, в особенности региональных центров, возрастающей маятниковой миграцией, экстенсивным разрастанием урбанизированной территории и разрастаниями пригородов.

В России феномен агломерации изучен недостаточно, исключительно как пространственное явление, а не сложный социально-экономический феномен; в отечественной школе агломерация описывается как статичная территория в непосредственной доступности от центра города [Каменева 2022]. Границы агломераций определялись в соответствии с системой концентрических изохрон — полуторачасовой и двухчасовой транспортной доступности центра города для жителей периферийных территорий. Как язвительно замечает Л.В. Смирнягин, «судя по дискуссии, развернувшейся в нашей прессе по этому поводу, в ней господствуют два странных предрассудка. Создание агломераций приравнивается к административному слиянию населенных пунктов, а подоплека этого процесса видится в слиянии самих “текстур” городов — срастании застроенных территорий друг с другом» [Смирнягин 2015, 163].

Согласно еще одному мнению, «городская агломерация включает в себя несколько высоко интегрированных городов, образующих “городской кластер”, который определяет и оказывает влияние на региональное развитие» [Матвеева и др. 2022].

На самом деле агломерация — это сложное социально-экономическое образование, динамическое и постоянно пульсирующее, а фактические границы регулярно меняются: например, в рамках управления Токийской агломерацией границы меняются каждый год, что-то дополняется и какая-то часть уходит. На уровне агломераций необходим совершенно новый уровень взаимодействия. Складывается понимание, что статичные документы и негибкий инструментарий в работе с агломерациями не дадут должного результата, стратегическое планирование агломерациями особенно актуализировалось в последние десятилетия, поскольку сотрудничество и кооперация дают новые возможности.

Процессы агломерационного развития территорий и проблемы управления ими

Модели управления агломерациями различны, как, впрочем, и факторы, влияющие на развитие этих самых агломераций: численность и состав населения, валовый продукт в рамках ядра агломерации или размер ее периферии, история развития, культура. Но даже в одинаковой или схожей среде вполне возможно формирование отличных друг от друга моделей управления агломерациями.

¹Bouchet M., Liu S., Parilla J., Kabbani N. Global Metro Monitor 2018 // Brookings Institution [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/research/global-metro-monitor-2018/> (дата обращения: 25.02.2023).

Исходя из международного опыта, можно заключить, что выделение агломераций и объединение их в единые системы управления происходит по нескольким моделям, выстроенным по шкале административной самостоятельности субъектов агломерации, от наиболее директивных отношений к чисто договорным концепциям. Наиболее централизованные модели управления представлены в Китае (на примере Пекина и Шанхая) или Корее (пример Сеула) с созданием единого административного образования. Более сбалансированные модели «региональных агломераций», когда все полномочия поднимаются на региональный уровень, представлены на примере Токио. Договорные надмуниципальные модели управления, за счет которых муниципальные образования (МО), заключая соглашения, реализуют совместные политики, представлены на примере Нью-Йорка и Буэнос-Айреса. Российский опыт управления развитием агломераций можно отнести к сбалансированной концепции.

Все рассмотренные агломерации представляют собой уникальный опыт развития территорий глобальных размеров в разных уголках планеты. Несмотря на то, что все они образуются в совершенно разной среде, смело можно сказать, что процессы, происходящие в них, идентичны; единственное и ключевое отличие каждой агломерации — это инструменты ее управления, хотя и их тоже мы разделяем на директивные и договорные.

Цели и задачи формулируются на разных уровнях: начиная от микроуровня в виде планов реализации небольших поселений и заканчивая стратегиями развития мегарегионов. Безусловным отличием качественной модели управления территориями от инерционной является система синхронизации этих проектов от самого нижнего уровня до верхнего (Таблица 1).

Таблица 1. Тип синхронизации проектов муниципального уровня²

Страна и агломерация	Тип модели управления	Процесс синхронизации проектов муниципального уровня
Китай (Пекинская агломерация).	Директивная	Мастер-планы, начиная от уровня городов и муниципалитетов, разрабатываются институтом городского планирования, утверждаются национальным правительством Госсовета КНР.
Корея (Сеульская метрополитенская территория).	Директивная (с интеграцией договорных элементов)	Мастер-план разрабатывается, как правило, силами исследовательских институтов входящих в эти территории городов, интегрируются в региональные комплексные планы.
Япония («Большой Канто» — Токийская агломерация).	Сбалансированная (с интеграцией договорных элементов)	Разрабатывается каждым муниципалитетом в отдельности, учитывает план развития мегарегиона и может повлиять на мастер-планы префектур и городов.
Россия (Московская агломерация)	Сбалансированная	Документы территориального планирования муниципальных образований московской области синхронизируются с Генеральным планом Москвы и схемой территориального планирования (СТП) Московской области.
США (Агломерация Нью-Йорка)	Договорная	Документы разрабатываются специальными департаментами в администрации муниципалитетов, интегрируются в агломерационный комплексный план, разработанный Региональной планировочной ассоциацией.
Аргентина (Агломерация Буэнос-Айреса)	Договорная	Документ разрабатывается администрацией муниципалитета, формально последовательность синхронизации со стратегией региона не регламентируется.

² Составлено авторами.

Таким образом, можно сформулировать гипотезу о том, что качественное планирование, определяющее динамику и сценарий развития агломерации (неважно, к какой модели управления она относится — более директивной или более договорной), напрямую зависит от качества синхронизации стратегической и проектной документации между собой, а главная цель, которую должна перед собой ставить агломерация, — это централизация ее управления и ресурсов.

Успешные практики, представленные разными странами, показали, что для централизации полномочий и единого стратегирования создавались различные институты территориального развития; фундаментально их можно разделить на организации, занимающиеся координацией различных акторов, организации по разработке стратегической документации, «квазирыночные» госкорпорации, созданные для реализации стратегий развития. В разных случаях одна организация может осуществлять сразу несколько функций (см. Таблицу 2).

Таблицы 2. Институты агломерационного развития территорий³

Страна и агломерация	Наименование организации	Типология	Характеристики
Китай (Пекинская агломерация)	Министерство жилья, городского и сельского строительства и подведомственная Китайская академия городского планирования и дизайна	Организация по разработке стратегической документации	Централизованная модель разработки документации территориального развития на муниципальном уровне при непосредственном контроле национального правительства. Мастер-план муниципалитета синхронизируется с планом совместного развития мегарегиона и национальным планом урбанизации.
Китай (Пекинская агломерация)	Beijing Capital Group (BCG)	«Квазирыночная» госкорпорация, созданная для реализации стратегий развития	Холдинг, находящийся под контролем государства. Крупнейший девелопер в Китае, вопросы строительства решаются централизованно.
Корея (Сеульская метрополитенская территория)	Министерство земли, инфраструктуры и транспорта	Организация по разработке стратегической документации, впоследствии координация различных акторов	До 2014 г. чисто директивная модель, непосредственно занималась мастер-планированием во всей стране, с 2014 г. занимается координацией разработки мастер-планов у муниципалитетов. Министерство земли, инфраструктуры и транспорта разрабатывает национальный комплексный план развития территории. Документ определяет общие рамки, включая транспортные проекты, а также приоритеты развития Сеульской метрополитенской территории.
Корея (Сеульская метрополитенская территория)	Агентство свободных экономических зон (СЭЗ)	Организация, занимающаяся координацией различных акторов	Выбор и развитие территорий, предлагает инвесторам налоговые преференции и среду для эффективной деятельности.
Корея (Сеульская метрополитенская территория)	Korea Land and Housing Corporation	«Квазирыночная» госкорпорация, созданная для реализации стратегий развития	Девелопер, находящийся под контролем государства

³ Составлено авторами на основе [Эпоха агломераций 2018].

Япония («Большой Канто» — Токийская агломерация)	Министерство земли, транспорта, инфраструктуры и туризма	Организация по разработке стратегической документации, впоследствии координация различных акторов	Призвано эффективно распоряжаться земельными ресурсами Японии, осуществлять надзор над строительством и в населенных пунктах, путями наземного сообщения, а также поддерживать в соответствующем состоянии реки и озера. Разрабатывает Национальную стратегию пространственного развития, а также проводит экспертную оценку планов развития мегарегионов и мастер-планы развития префектур. С 2005 г. в разработку планов развития макрорегионов вовлекаются префектуры и города.
Россия (Московская агломерация)	Объединенная коллегия исполнительных органов государственной власти Москвы и Московской области	Организация, занимающаяся координацией различных акторов	Является постоянно действующим коллегиальным совещательным органом, обеспечивающим взаимодействие и координацию деятельности исполнительных органов государственной власти Москвы и Московской области в вопросах перспективного, комплексного и сбалансированного социально-экономического развития региона, включающего территории г. Москвы и Московской области.
США (Агломерация Нью-Йорка)	Региональная планировочная ассоциация (Regional Plan Association — RPA)	Организация, занимающаяся координацией различных акторов	«Независимая общественная организация, влияние которой базируется исключительно на репутации и социальном капитале», разрабатывает агломерационный комплексный план Нью-Йорка.
США (Агломерация Нью-Йорка)	Портовое управление Нью-Йорка и Нью-Джерси (Port Authority of New York and New Jersey — PANYNJ)	«Квазирыночная» госкорпорация, созданная для реализации стратегий развития	«Корпорация развития, учрежденная совместно правительствами двух штатов». Портовое управление, осуществляющее контроль над многими объектами инфраструктуры в районе порта штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси. Полугосударственная девелоперская корпорация.

Цель данного исследования — проанализировать существующие модели управления территориями на муниципальном уровне и спроецировать существующий опыт на Иркутскую агломерацию. Прежде чем приступить непосредственно ко второй части исследования, необходимо сформулировать четкое понимание текущей ситуации в муниципальном управлении, для этого обратимся к исследованию, проведенному Центром городских исследований «Сколково», — «Управление пространственно-экономическим развитием города»⁴.

По мнению авторов исследования, муниципалитеты сегодня рассматриваются исключительно «в качестве объекта внешнего воздействия — получателя субсидий и исполнителя поставленных задач... ограниченные периодом планирования в один год. <...> Значительная часть субсидий поступает из региональных и федеральных бюджетов, что приводит к пассивному упованию на трансферты вместо активной оценки собственных ресурсов»⁵. Авторы полагают, что ключевая проблема с координацией городских проектов сложилась в связи с традиционным в России пониманием муниципалитетов исключительно как организации, занимающейся

⁴ Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы // Московский урбанистический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://mosurbanforum.ru/upload/iblock/8e2/8e24472f17de40faba644a6c08c16ee2.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ Там же. С. 5, 11.

ситуативным планированием. Городское управление в духе «government» носит моноцентричный характер, функционирование в рамках структуры происходит «сверху вниз» и ограничено узким видением и лимитированными полномочиями муниципалитетов.

Но развитие российских городов идет значительно быстрее, нежели реформируются модели управления, городам необходимо осознать развитие как объект управления, как и свои возможности и инструменты в этом направлении. Для управления собственным развитием муниципалитетам необходимо как минимум понимать его долгосрочное видение, понимать его цели, ключевых акторов и приоритеты. Приоритет «экономической урбанизации» обосновывается в работе [Косарева и др. 2018], где предлагается экономическое развитие городов не за счет индустриального фактора, а за счет человеческого капитала, способного генерировать инновации.

Существует множество исследований, посвященных теме невозможности в принципе управлять «сверху вниз» сложными экосистемами, наиболее сложной среди которых является агломерация. Выдвинутая Р. Родсом в 1996 г. теория «управления без управления» (governance without government) является одной из наиболее заметных в этой области; ее суть заключается в том, что административный аппарат утрачивает способность управлять в сложных структурах, таких как агломерация [Rhodes 1997].

Вторым ключевым аспектом в жизни городов является значимость жилищно-строительного сектора. Поскольку город нуждается в квадратных метрах, рабочих местах и налоговых отчислениях, девелопмент диктует городам свои интересы. В итоге застройщик, строящий жилье на авансовые платежи, реализует KPI муниципальных и региональных властей. В свою очередь, следующей проблемой является негласная оценка качества деятельности муниципалитета через объемы возведенной за год жилой недвижимости, а достигается это в первую очередь путем практики расширения застроенных территорий. Последствием такой практики является экстенсивное расширение городской застройки, приводящее к растягиванию коммуникаций и росту затрат на развитие инфраструктуры. «На протяжении долгого времени основой городской идеологии была концепция ценности максимально быстрого экономического роста города за счет строительства, экстенсивного развития территории — другими словами, понимание города как машины роста» [Logan, Molotch 1987, 53].

Немаловажной проблемой в развитии городов и территорий сегодня является принцип «машины роста» — это политика, нацеленная на извлечение прибыли из городской земли и всего, что на ней возведено; ее формирование тесно связано с индустриальным периодом XX в., а также принципами «городского бустеризма» — позиционирование каких-либо масштабных проектов, реализуемых в городе, как повод для положительного восприятия города в целом, повышения его привлекательности и конкурентоспособности. «Со времен потемкинских деревень, а может быть и римских триумфальных арок, масштабное строительство само по себе имеет символическую ценность для политического режима, который его инициирует. Строительство, особенно масштабное, является наглядной манифестацией “эффективности” управления развитием, вне зависимости от того, насколько оно реально улучшает качество жизни в городе»⁶.

Идеология «машины роста», экстенсивное разрастание городов с течением времени привели к значительным проблемам: усилению транспортной напряженности, удорожанию инфраструктуры, ухудшению экологии, увеличению социального неравенства. Расползание городов в США обходится им более чем в 1 трлн долл. в год, согласно отчетам LSE Cities и Victoria Transport Policy Institute [Thompson 2013].

⁶ Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы. С. 94 // Московский урбанистический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://mosurbanforum.ru/upload/iblock/8e2/8e24472f17de40faba644a6c08c16ee2.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

Городским управленцам необходимо научиться мыслить самостоятельно и стратегически, а также выстраивать взаимодействие с другими акторами. В условиях высокой турбулентности внешней среды городам нужно научиться управлять своим развитием не только оперативно, но и стратегически.

Городское управление практически всегда сводится к четырем основным процессам: регулированию, контролю, координации и выстраиванию коммуникаций с городскими стейкхолдерами. Д. Осборн и Т. Гэблер еще в 1993 г. писали, что задача городского управления теперь — «рулить, а не грести», то есть сконцентрировать свое внимание на системе местного соуправления, развитии функций координации и выстраивании коммуникаций, определении приоритетов и направлений развития, синхронизации действий ключевых акторов [Osborne, Gaebler 1993].

Предпосылки формирования субагломерационных, пригородных территорий в Иркутской агломерации

Агломерационное развитие городов на сегодняшний день — один из наиболее глобальных вызовов как для самих жителей этих агломераций, так и управленцев этих городов: федеральных и региональных властей, муниципалитетов, проектных и архитектурных организаций, девелопмента. Данное исследование посвящено агломерационным процессам, происходящим в Иркутске и его пригородах, а конкретно процессу субурбанизации в крупнейшем пригороде Иркутской области — Хомутовско-Уриковской субагломерации.

Большинство городов, как правило, не являются абсолютно моноцентричными или абсолютно полицентричными и находятся в некотором промежуточном состоянии; именно в такой ситуации находится Иркутская агломерация, имея явные предпосылки к полицентризму, при этом она не развивается в этом направлении. В Иркутскую агломерацию традиционно включают три города: Иркутск, Ангарск и Шелехов, также иногда к ним добавляют город Усолье-Сибирское. В Таблице 3 представлена численность населения по МО, входящим в границы агломерации.

Таблица 3. Численность населения Иркутской агломерации⁷

Название муниципального образования	Число жителей по данным Росстата на 1 января 2021 г.
МО город Иркутск	617 515
Ангарский городской округ	235 114
Шелеховский муниципальный район	68 288
Усолье-Сибирское	76 047
Иркутский муниципальный район	139 320
Всего населения в агломерации	1 136 284

Иркутская агломерация обладает классическим набором характеристик, присущих растущим агломерациям, в первую очередь это, конечно, возрастающие темпы маятниковой (трудовой) миграции, деление на центр и периферию, увеличение плотности в ядре, стабильное увеличение численности населения за счет «ганибализации» других городов в регионе, но, пожалуй, самой характерной чертой является процесс разрастания субурбанизированных территорий. Динамичный рост пригородной зоны Иркутска начался на рубеже 1990–2000-х, как отмечает крупнейший специалист в области изучения Иркутских пригородов К.В. Григоричев: «В 2007 году численность жителей поселений, граничащих с городом, составляла около 36,9 тысяч человек (около 64% всего населения района). К началу 2015 года она выросла более чем в 2,3 раза

⁷ Составлено авторами.

(до 85,4 тысячи человек) и составляет 80% в общей численности населения» [Григоричев 2017, 37]. В основе развития иркутских пригородов лежит миграция горожан на постоянное жительство «за город». «Иными словами, субурбанизация здесь происходит в русле “классического” североамериканского пути формирования пригородов, нежели “запаздывающей субурбанизации” и “фрагментированной пери-урбанизации”, свойственной, например, субурбиям крупнейших городов Китая» [Григоричев 2015, 48].

Численность населения Иркутского района составляет более 20% от численности населения самого города или того, что мы привыкли называть городом. Масштабы разрастания территории представлены на Рисунке 1.

Помимо городов, в агломерацию входят муниципальные образования первого порядка, а именно те, что принято называть селами, деревнями и поселками. Субурбанизированные территории наиболее активно развиваются на периферии, субурбия отличается более низкой плотностью и инерционным процессом своего формирования.

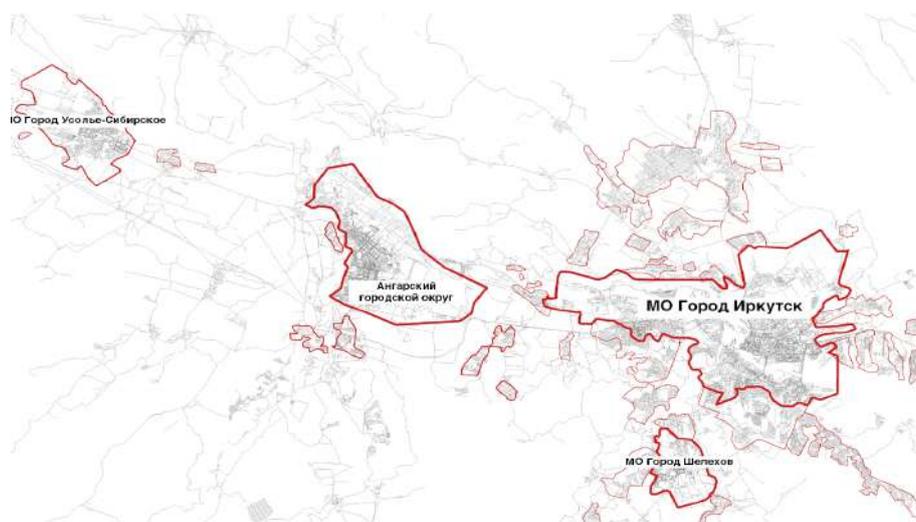

Рисунок 1. Населенные пункты, входящие в границы Иркутской агломерации⁸

В XIX и XX вв. город было легко определить как нечто противопоставленное деревне не только в силу экономических факторов, но и в связи с ее «деревенскими» социальными характеристиками. Еще К. Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» говорил о том, что коммунизм разрушает «идиотизм деревенской жизни». Но сейчас тоже нет понимания, что такое деревня и где она начинается. Если человек проживает в загородном доме, но при этом включен в производственный и потребительский процесс, его трудно классифицировать. По мнению профессора К.В. Григоричева, «возможной причиной такого положения дел является прочно утвердившаяся в отечественной практике традиция дихотомического описания пространства (и географического, и социального) в рамках оппозитивной пары “город — село”. Поляризация пространства, задаваемая таким взглядом, почти исключает наличие чего-либо “между” крайними точками оппозиции» [Григоричев 2017, 33].

Формирование субурбанизированных территорий как обширного ареала постоянного жительства горожан в пригороде стало совершенно новым вариантом развития пригородного пространства. Принципиальным отличием от предшествующих моделей взаимодействия с пригородом является постоянный характер миграции в городское ядро, расположенное в зоне транспортной доступности.

⁸ Составлено авторами.

Как подчеркивает профессор К.В. Григоричев, модель развития субурбанизированных территорий в Иркутской агломерации схожа с традиционной моделью субурбанизации в США, ключевое отличие заключается в инерционности формирования Иркутской субурбии, традиционно в западной практике такие территории называют «скваттерскими» поселениями, их характерной чертой является отсутствие девелопмента, комплексного и градостроительного планирования территорий [Григоричев 2016].

В США освоение территории происходило за счет низкоэтажной застройки, которая опоясала практически все крупные американские города в доступном (или относительно доступном) радиусе в 1–1,5 часа. В этой модели крупный центр, как правило, выполнял функцию рынка труда, а пригороды превращались в спальные районы. Как писал Р. Флорида, «субурбанизация стала формой пространственной фиксации индустриальной эры, географическим эквивалентом этой экономической модели» [Флорида 2012, 60].

Для понимания структуры населения и тенденций развития обратимся к демографическим процессам, происходящим в области в целом и в агломерации в частности. Первое, что необходимо обозначить, — это общая демографическая повестка в рассматриваемом регионе; необходимо сказать, что последние годы она складывается не очень благоприятно (Таблица 4).

Таблица 4. Демографическая ситуация в регионе⁹

Показатели	2011–2021 гг.	2011–2019 гг.
Изменение численности населения	-70 459	-36 761
Естественный прирост	-3 079	21 372
Миграционный прирост	-67 380	-58 133

Ухудшение демографической ситуации началось за несколько лет до COVID-19: если посмотреть на период с 2011–2021 гг., то можно увидеть, что население заметно сократилось, но если взять период с 2011–2019 гг., то мы увидим, что население стремительно продолжало сокращаться и до эпидемии, но, безусловно, COVID-19 усугубил положение. Данная тенденция касается не только уменьшения абсолютной численности населения, динамика естественного прироста тоже отрицательная (Рисунок 2).

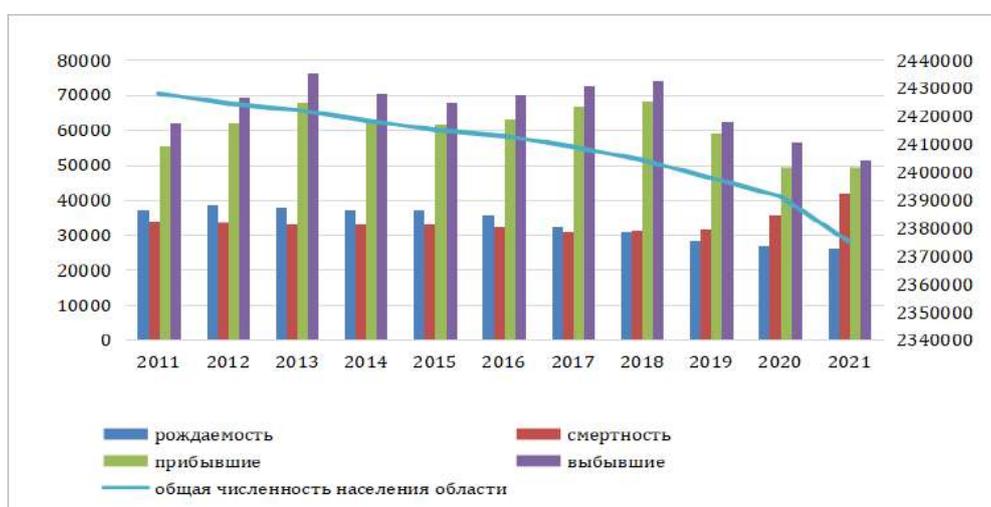

Рисунок 2. Динамика изменения общей численности населения в Иркутской области, чел.¹⁰

⁹ Составлено авторами на основе: Демография // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/167937> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁰ Составлено авторами на основе: Демография // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/167937> (дата обращения: 07.02.2023).

На Рисунке 2 видно, что население сокращалось не только в эпоху COVID-19, но и весь этот 10-летний период сопровождался равномерным сокращением численности населения, это было связано как с миграцией из региона, так и со снижением рождаемости. До 2017 г. разница между рождаемостью и смертностью была положительной, начиная с 2018 г. число смертей оказалось больше, в 2020 и 2021 гг. мы видим резкий скачок смертности в связи с эпидемией. Начиная с 2018 г. и естественный, и миграционный прирост работают на сокращение численности населения региона.

Общерегionalные показатели говорят об отрицательных демографических тенденциях, складывающихся в регионе. Безусловно, эта ситуация на уровне всей области воздействует неравномерно и существуют районы с миграционным приростом численности населения (Рисунок 3).

Рисунок 3. Прирост населения по муниципальным районам Иркутской области¹¹

На карте изображено, как менялась численность населения за те же 10 лет в разных муниципальных районах Иркутской области, серым цветом выделены те МО, где численность населения сократилась больше чем на 5%, а красным — те, где численность населения увеличилась более чем на 5% от численности 2012 г. Почти все районы области сохраняют общерегиональную динамику, и только в южной части есть изменения, положительный результат с точки зрения миграции показывают Иркутский и Шелеховский районы, то есть территория в рамках Иркутской агломерации, также положительную динамику показали Ольхонский и Усть-Ордынский Бурятский округа в связи со своей этнокультурной и рекреационной спецификой. Таким образом, можно сказать, что Иркутская агломерация — единственная зона на территории области, показывающая положительную динамику прироста населения.

Если спуститься на уровень агломерации, то максимальный уровень прироста населения будет в муниципальных образованиях первого уровня, то есть в так называемой субурбии, Иркутском пригороде (Таблица 5). Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что положительный прирост населения возможен только в тех МО, где активно происходит рост пригородной застройки.

¹¹ Составлено авторами.

Таблица 5. Муниципальные образования с максимальным приростом населения¹²

Наименование МО	Прирост населения с 2011 по 2021 гг., %
Марковское МО	268,5
Уриковское МО	192,6
Мамонское МО	174,4
Баклашихинское МО	165,9
Хомутовское МО	147
Карлукское МО	139,7
Максимовское МО	139,4
Олхинское МО	136,4
Смоленское МО	130,7
Молодежное МО	125,9
Дзержинское МО	123,1
Ушаковское МО	121,4
Усть-Кудинское МО	112,1
Шаманское МО	110,4

Лидирует в данном списке Марковское МО и входящий в него поселок Луговое, причина этого — довольно высокая плотность застройки 4–5-этажными многоквартирными жилыми домами, в чистом виде эту территорию сложно назвать пригородной, она воспринимается скорее как продолжение города — в чистейшем виде пример разрастания и выхода социально-экономического «тела» города за его административные границы.

Наибольший положительный естественный прирост в Иркутской области зарегистрирован в МО, входящих в пригородные зоны города Иркутска и Шелехова, а именно в Марковском МО, Карлукском МО, Уриковском МО, Хомутовском МО и т.д. Следовательно, логичным является предположение о том, что формирование и рост пригородов каким-то образом влияют на уровень рождаемости и смертности из-за того, что в пригороде формируется наиболее подходящая для репродуктивных целей возрастная группа как за счет естественных причин (взросления), так и за счет ее массовой миграции в эти районы со всего региона, иными словами, рождаемость в пригороде неизбежно будет высокой, а причина аномально высокой рождаемости для региона связана с тем, что в Иркутской агломерации активно растут пригороды. Следственно, единственным и ключевым драйвером демографического развития как за счет естественного, так и за счет миграционного притока в Иркутской области являются субурбии, входящие в границы Иркутской агломерации, рост пригородов этих агломераций обусловлен миграционным притоком, в структуре миграционного притока значительную долю составляют люди молодого возраста (25–40 лет). В случае сохранения динамики роста пригорода за счет миграции можно ожидать сохранения относительно высоких показателей рождаемости — это вероятный сценарий на ближайшие 5–7 лет. Формирование оттока молодежи из пригорода (второе поколение жителей)

¹² Составлено авторами на основе: Демография // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/167937> (дата обращения: 07.02.2023).

приведет к снижению рождаемости, старению населения субурбии и росту смертности. Данная модель напоминает репродуктивную модель американских пригородов, и если она действительно будет похожа, то данная модель может реализовываться уже не 5–7 лет, а несколько поколений.

Далее мы рассмотрим крупнейший пригород в Иркутской агломерации — Хомутовско-Уриковскую субагломерационную территорию. Мы вводим в научный оборот термин «субагломерация» в целях более точной характеристики особых частей агломерации и расширения управленческих возможностей работы с ними. Субагломерация представляет собой взаимосвязанную территорию с наличием общего рынка труда, недвижимости, услуг и товаров, в целом самостоятельную, но зависимую от ядра, рядом с которым она образовалась. Если пригороды образуются вплотную к населенному пункту или в местах срастания городских поселений, то субагломерация — это феномен, который образуется на отдалении от города, но создает ежедневные маятниковые миграции в ядро агломерации, в которую входит. Субагломерации — это продукт разрастаний города (*urban sprawl*).

Хомутовско-Уриковская субагломерация (Рисунок 4) расположена к северу от города Иркутска, оно представляет собой группу сросшихся поселений, которые по своей общей площади приближены к городам, входящим в Иркутскую агломерацию, таким как Ангарск и Усолье-Сибирское. Хомутовско-Уриковская субурбанизированная территория — крупнейшая и имеющая самые высокие темпы роста в регионе, а следовательно, и самая привлекательная для желающих мигрировать в Иркутскую агломерацию.

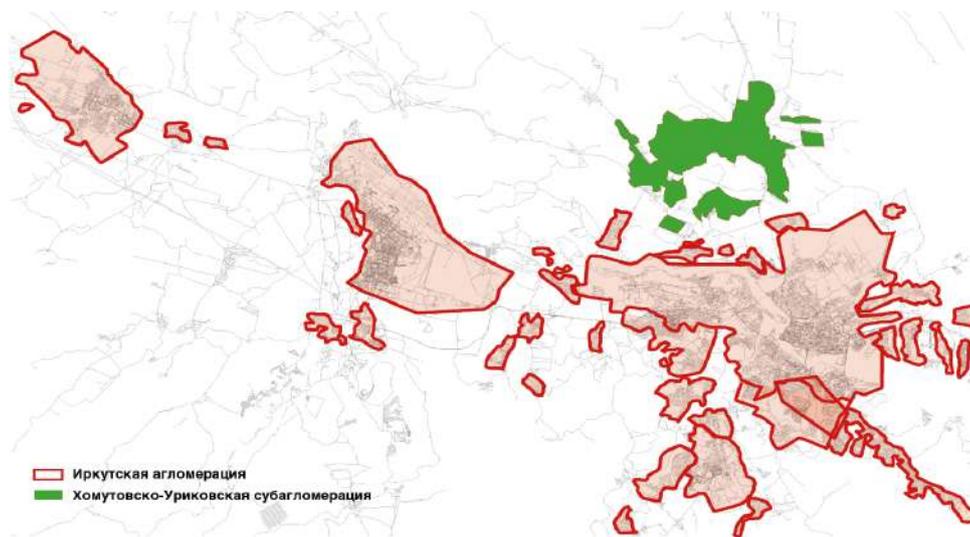

Рисунок 4. Хомутовско-Уриковская субагломерация¹³

Возникнув первоначально на окраинах сельских пригородных поселений, субурбия стремительно расширяется. Формирование субурбанизированного пространства (субурбии) как обширного ареала постоянного жительства горожан в пригороде стало качественно новым вариантом развития пригородного пространства. Принципиальным отличием от предшествующих моделей взаимодействия с пригородом является постоянный характер миграции в поселения, расположенные в зоне повседневной транспортной доступности от города. Построенное здесь жилье становится для владельца единственным или, по крайней мере, основным, в нем он проводит большую часть жизни.

¹³ Составлено авторами.

Необходимо также подчеркнуть влияние COVID-19 на структурные изменения в форматах занятости по всему миру, он сломал часть препятствий на пути удаленного ведения бизнеса и получения услуг. Оказалось, что современные телекоммуникации уже позволяют вести дистанционно гораздо более широкий диапазон бизнес-взаимодействий и трудовой деятельности, что, безусловно, подстегнуло процессы реурбанизации: люди начали стремиться жить за городом; вывод о том, что большинство людей больше не живут в городах, очевиден, а пандемия показала, что привязка к месту находится под вопросом, современные системы коммуникации способны заменить людям транспорт и перемещения. Мы в первый раз в истории находимся в ситуации, когда коммуникации перестали быть связаны с географической локацией. До этого все сообщества возникали за счет общения людей, находящихся территориально смежно. Теперь это необязательно.

Проблематика городского разрастания и ключевые вызовы развития Хомутовско-Уриковской субагломерационной территории

В основу выявления проблематики пригородного разрастания Хомутовско-Уриковской субагломерационной территории легло исследование, выполненное в рамках разработки проекта стратегии социально-экономического и пространственного развития Хомутовского МО, проведенного кафедрой экономики строительства и управления недвижимостью Байкальского государственного университета в 2022 г. В рамках данного проекта был проведен социологический опрос населения, раскрывающий ключевые проблемы с точки зрения местных жителей, проведена работа с ключевыми акторами в лице администрации, малого бизнеса и внешних экспертов, исследование социально-экономических процессов, происходящих в поселении; в результате был предложен ряд приоритетных направлений развития Хомутовского муниципального образования [Астафьев 2022].

Хомутовский проект лег в основу данного исследования и выступает примером стратегического планирования на уровне муниципалитета, в свою очередь, решения, предложенные в данной работе, имеют агломерационный масштаб планирования, что позволяет смотреть на развитие этих территорий как стратегически важное для развития агломерации и региона.

В границы субагломерации было решено включить МО по принципу срастания урбанизированных территорий; так, в нее вошли: Хомутовское МО (с. Хомутово с микрорайоном Западный, д. Куда, п. Горный, д. Талька, д. Позднякова), Уриковское МО (д. Грановщина, с. Урик), Усть-Кудинское МО, Карлукское МО (см. Рисунок 5).

Для расчета темпов разрастания субурбии было проведено геоаналитическое исследование на основе данных Google timeleap (архивы спутниковых снимков), анализ разрастания с 1984 по 2020 гг. показывает, что разрастания происходят банальным путем освоения новых сельскохозяйственных земель.

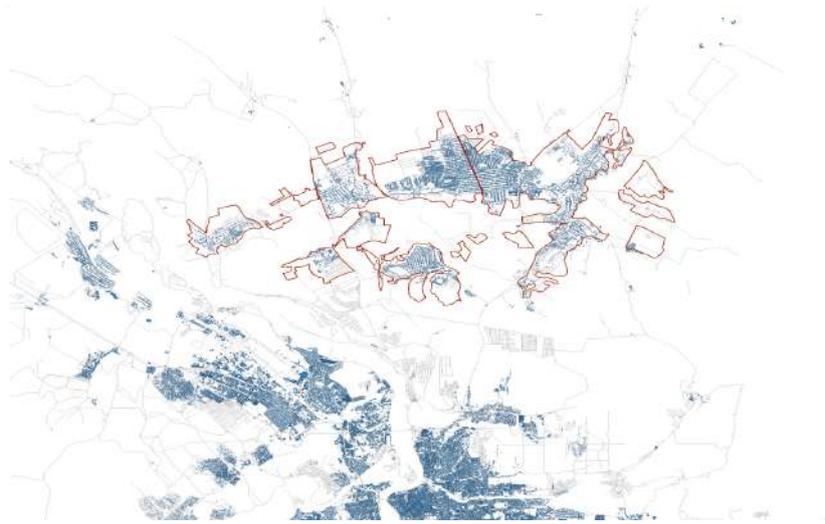

Рисунок 5. Границы Хомутовско-Уриковской субагломерации¹⁴

Для понимания траектории разрастания были выделены потенциальные земли сельскохозяйственного назначения для перевода их в земли населенных пунктов; далее, на основе картографических данных было рассчитано среднее увеличение площади застроенных земель, средний прирост за 5 лет составляет 24,23%, это 1 272 га, или 12 км². На основе среднего прироста и площади неосвоенных земель было спрогнозировано дальнейшее разрастание населенного пункта до 2050 г. (Таблица 6). Примерная численность населения всей субагломерации на 2022 г. составляет 100 000 человек.

Таблица 6. Расчет среднегодового прироста застроенных земель в Хомутовском муниципальном образовании¹⁵

Год	Площадь урбанизированной территории, га	Прирост, га	Прирост, %
1984	2 535	—	—
2000	3 754	1 219	48,09
2005	4 795	1 041	27,73
2010	5 563	768	16,02
2015	7 335	1 772	31,85
2020	8 898	1 563	21,31
2025	10 170	10 170,6	14,30
2030	11 443,20	11 443,2	12,51
2035	12 715,80	12 715,8	11,12
2040	13 988,40	13 988,4	10,01
2045	15 261	15 261	09,10
2050	16 533,60	16 533,6	08,34

С 2000 г. площадь субурбанизации увеличилась в 3 раза (см. Рисунок 3). Эта тенденция связана со многими причинами, в том числе с желанием переселенцев из разных северных населенных пунктов, из ветхого и аварийного жилья, из затопленных территорий в Тулунском и Нижнеудинском районе в 2019 г. жить в собственном доме на своей земле ближе к Иркутску. Этот фактор обусловлен наличием рабочих мест в областном центре по сравнению с другими населенными пунктами в регионе. На Рисунке 6 представлен спрогнозированный процесс разрастания субурбанизированных территорий.

¹⁴ Составлено авторами.

¹⁵ Составлено авторами.

Рисунок 6. Экстенсивные разрастания Хомутовско-Уриковской субурбанизированной территории¹⁶

Таким образом, на основе проведенного геоаналитического исследования можно сделать вывод, что при сохранении сложившейся тенденции, если не будет принято стратегических решений в области градостроительного регулирования процессов разрастаний и определения максимально возможных границ застроенных территорий, то в ближайшие годы резко ухудшится уровень качества жизни, качество инфраструктуры, возрастет стоимость обслуживания социальной и транспортной инфраструктуры, произойдет ухудшение экологической ситуации, в связи с чем резко ухудшится санитарно-эпидемиологическая обстановка. В результате упадет спрос на пригородный образ жизни, и, исходя из демографических предпосылок, происходящих в регионе, мы уже знаем, что обратная миграция населения в город негативно скажется на показателях рождаемости и смертности. Главная цель, которую перед собой должна ставить политика в области градостроительного регулирования разрастаний, — это поиск некоего компромисса между социально-экономическими предпосылками формирования и существующим пространственным ресурсом.

Должна сформироваться концепция устойчивого развития, с комфортным пригородом, доступными ценами на недвижимость и доступной социальной и коммерческой инфраструктурой. Как пишет Н.Ю. Ковалевская, «это предполагает разграничение и назначение специализации различным районам, планирование развития транспортной инфраструктуры, территориальное разделение центров притяжения. Ошибки или отсутствие планирования развития агломерации сделают ее некомфортной для жизни» [Ковалевская 2022].

Разработка модели управления Хомутовско-Уриковской субагломерационной территорией и инструменты для работы с разрастаниями

После проведенного исследования был разработан ряд рекомендаций и инициатив для решения проблем неконтролируемого разрастания субурбанизированных территорий. Предложенные решения базируются на пяти наиболее зарекомендовавших себя градостроительных и проектировочных концепциях развития и освоения новых территорий; стоит подчеркнуть, что данные решения призваны прекратить инерционное разрастания и сконцентрировать бюджетные ресурсы в зонах потенциального роста.

Первая и ключевая концепция — это синхронизация стратегической и проектной

¹⁶ Составлено авторами.

документации в один комплексный документ; лучшие мировые практики доказывают эффективность процесса мастер-планирования (именно процесса, а не финального результата в виде альбома со стратегическими решениями). Мастер-планирование призвано запустить договорной процесс между ключевыми акторами, представленными местными жителями, муниципалитетами, бизнесом и правительством; стоит также подчеркнуть, что данное планирование должно осуществляться в надмуниципальной форме и иметь стратегический агломерационный масштаб, данные решения должны вшиваться в стратегию развития Иркутской агломерации, должны вноситься изменения в генеральные планы и правила застройки и землепользования. В Таблице 7 представлена пилотная модель управления Иркутской агломерацией.

Таблица 7. Пилотная модель управления Иркутской агломерацией¹⁷

Наименование	Разработка
Стратегия социально-экономического развития Иркутской области	Разрабатывается Центром управления регионом (ЦУР) при поддержке ключевых стейкхолдеров и заинтересованных лиц, депутаты Законодательного собрания проводят слушания о принятии, утверждается губернатором региона.
Мастер-план, стратегия социально-экономического развития Иркутской агломерации (Агломерационный комплексный план)	Разрабатывается ЦУР либо объявляются торги на разработку мастер-плана, разрабатывается при поддержке ключевых стейкхолдеров и заинтересованных лиц, утверждается мэром Иркутского района.
Генеральный план и Правила застройки и землепользования населенных пунктов, входящих в границы Иркутской агломерации	Документ утверждается Правительством Иркутской области, в документе определены перспективные направления развития Иркутской агломерации, в идеале представляет собой цифровую модель территории с интеграцией принципов BIM-моделирования и т.д.
Документы территориального планирования муниципальных образований, входящих в Иркутскую агломерацию	Документы разрабатываются главным управлением архитектуры и градостроительства. Они содержат перечень объектов строительства и реконструкции с техническими характеристиками картографической визуализацией. Документы ориентируются на цели, задачи и проектные предложения СТП Иркутской агломерации
Планы реализации отдельных организаций и частных лиц	Документы разрабатываются частным лицом, им же и утверждаются. Документы рекомендуется синхронизировать с документацией территориального развития как для инициатора самого проекта, так и для муниципальных, региональных управленцев.

Предложена также последовательность подготовки агломерационной градостроительной документации: задание на проектирование, сбор исходных данных, комплексный анализ (исследование территории и инженерные изыскания), мастер-план (концепция развития) территории (регламенты и подзоны правил землепользования и застройки, регламенты охранных зон объектов культурного наследия, проект планировки территории, проект межевания территории).

Финальными решениями должны стать: геоинформационная модель Иркутской агломерации, построенная по методике ОЭСР и с использованием BIM-инструментария, а также единый сшитый генеральный план Хомутовско-Уриковской субагломерации с включенными решениями, принятыми на уровне надмуниципального мастер-планирования, и планами реализации отдельных проектов. Для реализации подобных проектов необходима межмуниципальная кооперация, но такие практики не применяются в крупных агломерациях, а опыт Буэнос-Айреса вообще доказывает неэффективность чисто договорного межмуниципального взаимодействия. Для решения этой проблемы в ряд рекомендаций входит создание надмуниципального управленческого органа, при развитии экстерриториального проекта требуется создание структуры, которая бы координировала общую деятельность.

¹⁷ Составлено авторами.

Подобный законопроект уже существует: в случае реализации данного законопроекта координирует и исполняет директивную функцию на уровне Хомутовско-Уриковской субагломерации МО Иркутский район, если законопроект не будет реализован, то директивную функцию может взять на себя регион, например, можно создать комитет по управлению Иркутской агломерацией.

На основе проведенного исследования лучших мировых практик управления агломерацией предложен приоритетный алгоритм действий по развитию агломерации: анализ системы расселения субъекта для выделения групповой территориальной системы, формирующей агломерацию; определение пространственной модели агломерации; определение границ агломерации и зон влияния; внесение изменения в закон об административно-территориальном делении субъекта; оценка социально-экономического потенциала агломерации, драйверы развития; подготовка стратегии социально-экономического и пространственного развития агломерации; подготовка документа территориального планирования агломерации с учетом корректировки документов территориального планирования прилегающих муниципальных образований; подготовка инвестиционной карты развития агломерации и принятие инвестиционного стандарта для поддержки инвестиционной деятельности на территории агломерации; подготовка Государственной региональной программы развития агломерации (с учетом бюджетных и внебюджетных источников).

Вторая концепция, которая легла в основу разработки рекомендаций, — это «модель городской консолидации», она представляет собой политику компактного города, в котором рост должен происходить в первую очередь за счет повышения эффективности использования уже существующих территорий и лишь во вторую — за счет освоения новых территорий. Освоение новых территорий, например земель сельскохозяйственного использования, должно происходить таким образом, чтобы не нарушить условия инвестирования в существующие застроенные территории. Есть и другая сторона медали в ситуации освоения новых территорий: зачастую девелопер, реализующий проект, получает сверхвыгоду, а муниципалитет, в свою очередь, — нагрузку на обслуживание коммуникаций. В США и Австралии такую проблему решают с помощью особых налогов, эти взносы называются *linkage fee*, то есть «компенсирующий взнос», они должны устанавливаться для компенсации различных негативных воздействий от строительства. Кроме того, существуют такие взносы, как *windfall gain*, то есть «непредвиденный доход», который возникает, например, если в одних районах разрешается более высокая плотность застройки, чем в других, и девелоперы там, соответственно, могут получить более высокие доходы. Обычно такой взнос устанавливается как доля от общей стоимости девелоперского проекта.

Ключевым активом муниципальной власти является земля, а точнее, инструменты регулирования землепользования, на сегодняшний день эти инструменты не используются в полной мере как в краткосрочных, так и в долгосрочных целях развития территорий. Полномочия муниципальной власти — поощрять развитие тех или иных типов землепользования, создавать условия для капитализации территорий или, наоборот, для ее обесценивания, пересматривать кадастровую стоимость и тем самым регулировать налогооблагаемую базу и арендные платежи от использования городской земли. Другими словами, существует целый набор инструментов управления развитием через этот ресурс, который на сегодняшний день применяется не в полной мере. Правила землепользования и застройки (ПЗЗ) достаточны для запуска процесса пространственно-экономической оптимизации и в настоящий момент значительно недоиспользуются муниципалитетами.

Жесткость градостроительного регулирования землепользования и застройки в городах может различаться по набору и видам установленных ограничений, в том числе воздействующих на цены на жилье. Дж.М. Квигли и Л.А. Розенталь проанализировали различные классификации многообразных методов регулирования землепользования, применяемых в США: пределы и географические предпочтения по плотности и интенсивности застройки, стандарты дизайна и использования земельных участков и зданий, перенос затрат с местных сообществ на застройщиков, исключение земли из предложения для застройки, прямой и косвенный контроль роста в отношении объемов застройки и численности населения [Quigley, Rosenthal 2005, 72].

Наиболее известные в мировой практике методы контроля за ростом городских застраиваемых территорий включают: ограничения на рост по численности населения и плотности, ограничения на выдачу разрешений на строительство жилья, постановления в отношении публичной инфраструктуры, сокращение объемов зонирования для жилищного строительства, обязательное согласие жителей на увеличение объема зонирования для застройки, обязательное квалифицированное большинство голосов местных советов за увеличение объема зонирования для застройки, ограничения площади коммерческой застройки, ограничения площади производственной застройки, ограничения инфраструктуры для коммерческой / производственной застройки, сокращение объемов зонирования для коммерческой / производственной застройки, ограничение высотности коммерческой застройки, включение элементов управления ростом в генеральный план [Malpezzi 1996, 210].

Следующий немаловажный инструмент пространственного развития — это регулирование налоговых ставок. В полном контролируемом ведении городских администраций находятся только местные налоги — налог на имущество физических лиц и земельный налог. Вообще, с точки зрения взаимодействия городов и пригородных территорий есть исключительно российская проблема — во многих экономически развитых странах действует правило, согласно которому подоходный налог (налог на доход физических лиц) зачисляется в бюджет по месту жительства человека, у нас же подоходный налог зачисляется в бюджет по месту работы. Тем самым муниципалитеты недополучают свои доходы, и опять же мы возвращаемся к проблеме сильных нагрузок на социальную инфраструктуру.

Налоги являются механизмом управления пространственным развитием. Тактический подход к управлению развитием города не позволяет муниципалитету корректно оценивать действия других акторов — в первую очередь с точки зрения долгосрочных эффектов от их действий. Этот эффект наиболее очевиден на примере взаимодействия администрации и девелопмента. Рассматривая проекты застройщиков в качестве повышения статистической обеспеченности жильем и пополнения городского бюджета, муниципалитет практически не имеет стимулов для какого-либо ограничения их действий.

Основная часть собственных доходов местных бюджетов — это поступления земельных ресурсов. Регулирование может идти двумя путями: прямым — через повышение налоговых ставок, переоценку кадастровой стоимости, и косвенным — через снижение ставок для стимулирования какого-либо вида землепользования, невовлечение земельных ресурсов, а также не повышение, а понижение ставок земельного налога, снижение начальных стоимостей прав на развитие территории. Влияя, таким образом, не на бюджетную доходность земли, а на земельный рынок и на ситуацию с землепользованием, город может через некоторое время получить дополнительные доходы, связанные, например, с повышением кадастровой стоимости востребованной земли, или же, наоборот, ограничить рост путем повышения налога на участки. Именно поэтому так важна дифференцированная система ставок земельного налога.

Третья принципиальная концепция, на основе которой могло бы осуществляться перспективное развитие территории Хомутовско-Уриковской субагломерации, — это так называемая «коридорная модель развития». Ее суть заключается в том, что развитие новой территории происходит, как правило, в связке с созданием магистральных дорог и появлением железных дорог, которые играют роль транспортных хабов. А уже с учетом этих хабов ведутся переговоры с девелопментом об инвестиционном освоении территорий. Такой принцип в освоении новых территорий называется «коридорным», поскольку главную роль играет магистральная транспортная инфраструктура, а к ней привязываются все остальные решения, связанные с планированием, зонированием, жилищным строительством, выявлении ядер и периферий.

К сожалению, при освоении территорий, которые мы рассматриваем в данном исследовании, таких принципов не применяли; на сегодняшний день Иркутский пригород — это свободный рынок, происходящие в котором процессы совершенно инерционны, а муниципалитеты либо не заинтересованы в его регулировании, либо не имеют понимания того, как осуществлять регулирование этих процессов. Сам по себе свободный рынок — очень плохой градостроитель, если мы не контролируем процессы разрастаний, то на территориях, скорее всего, не будет открытых общественных пространств и всего остального, что называется общественным благом. Ключевой аспект, который должен понимать житель субурбии, если он живет в пригороде, — качество инфраструктуры и общественной среды, которое, вероятно, будет минимальным. Эти причины могут подвигнуть следующее поколение жителей пригорода отправиться обратно в город, что, в свою очередь, может негативно сказаться на демографических характеристиках.

Принципы данной концепции наиболее повлияли на модель территориального развития Хомутовско-Уриковской субагломерации, в ее основу легло понимание того, что освоение территорий необходимо осуществлять исключительно вплотную к магистральной транспортной инфраструктуре, причина тому — простой факт, что люди, проживающие вплотную к магистральным потокам, не будут ощущать проблем с доступом к общественному транспорту. К сожалению, полностью отказаться от освоения новых земель нет возможности по ряду экономических, политических и демографических причин. Поэтому проектирование будет осуществляться исключительно в 2–3 улицы от магистральных дорог с выдержанной санитарной зоной. На Рисунке 7 представлена «коридорная модель развития» территории.

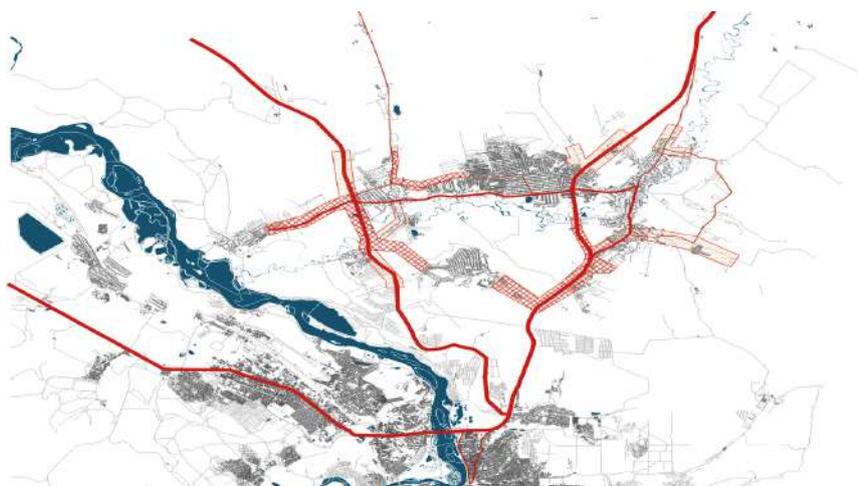

Рисунок 7. «Коридорная модель развития» территории¹⁸

¹⁸ Составлено авторами.

Таким образом, нами были выявлены зоны потенциального освоения, общая площадь территории составила 35,4 км², при среднем приросте 12 км² в 5 лет, для того чтобы полностью освоить эти территории, уйдет около 15 лет. Ключевые преимущества такой концепции — это интеграция застроенных территорий в транспортный каркас, так достигается наибольшая эффективность общественного транспорта, в такую модель легче вписывается коммерция, так мы достигаем пешей доступности первичной инфраструктуры.

Четвертая концепция — это экосистемный подход к развитию территорий, то есть интеграция городского развития в существующий водно-зеленый каркас территории, совокупность соединенных между собой территорий с растительным покровом, лесом и водными объектами, экологическими зонами.

Границы территорий для потенциального освоения выбираются путем исключения экологических зон, зон рекреационного назначения, частично зон сельскохозяйственного назначения, а также зон лесного фонда и земель, покрытых поверхностными водами, водоохранных зон и прибрежных защитных полос.

Субагломерация тянется вдоль реки Куды; зона, выделенная светло-зеленым цветом, в рамках государственного мониторинга земель числится как территория пониженного участка поймы со средней степенью затопления; в свою очередь, вдоль территории поймы реки негативные процессы отсутствуют, в устье Куды субагломерация упирается в реку Ангара, на противоположном берегу расположен Ленинский округ города Иркутска, зеленым цветом выделена зона зеленого каркаса территории, в нее вошли земли лесного фонда, зоны озелененных территорий общего пользования, а также зоны сельскохозяйственных угодий (Рисунок 8). Таким образом, территории, не входящие в зону поймы реки, а также в земли лесного фонда и сельскохозяйственных угодий, потенциально интересны для освоения с точки зрения водно-зеленого каркаса. Стоит подчеркнуть, что, согласно принципам «коридорной модели», земли, потенциально интересные для освоения, но расположенные на отдалении от ключевых транспортных артерий, и земли с отсутствующей базовой инфраструктурой не рассматриваются для освоения.

В результате нами был сформирован перечень территорий, рекомендуемых для освоения, на Рисунке 8 они выделены красным цветом; их площадь составила 31,3 км², что на 4,3 км² меньше, чем по «коридорной концепции», разница не существенна, но при этом рекомендуется избежать освоения земельных участков, входящих в водно-зеленый каркас территории. Зеленым цветом отмечена зона пониженной поймы реки Куды, освоение этих территорий категорически не рекомендуется, поскольку эти территории подвержены затоплению. Предлагается инициировать в этой зоне линейную рекреационную инфраструктуру с системой экотроп и общественными местами; территория поймы реки обладает большим рекреационным потенциалом, наличием акваторий и регулярно эксплуатируется местными жителями и туристами как зоны пригородного отдыха, также рекомендуется разработка в этой зоне инфраструктуры для эко- и агротуризма, а для муниципалитетов — установление особых режимов землепользования для развития пригородной туристической деятельности.

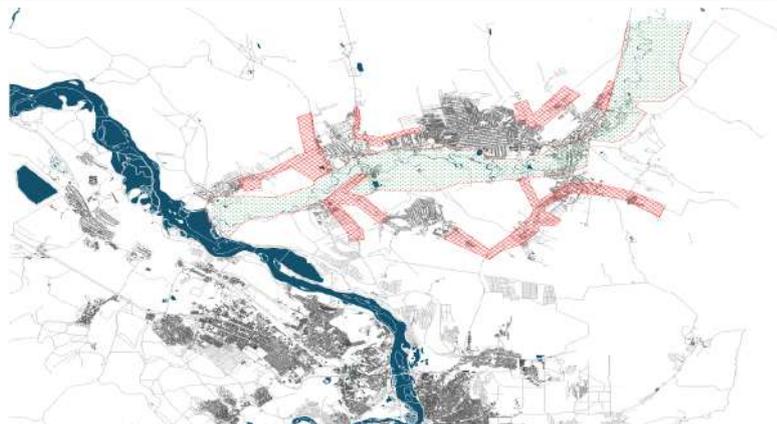

Рисунок 8. Зоны перспективной застройки при системном экподходе к развитию¹⁹

Полицентричность — **пятый** и ключевой принцип развития Иркутской агломерации. Полицентричность — тренд в области агломерационного развития территорий, крупнейшие мировые агломерации стремятся к децентрализации своих ресурсов. Первичным образом это достигается за счет развития транспортного каркаса агломерации; рассматриваемая территория соединяется с ядром двумя транспортными артериями, Качугским и Александровским трактами. Для разгрузки транспортных потоков и маятниковой миграции предлагается разработка дороги, соединяющей субагломерацию с Московским трактом в районе д. Малая Еланка, таким образом мы достигнем распределения транспортных потоков, направив их в Ленинский район города Иркутска и город Ангарск (Рисунок 9).

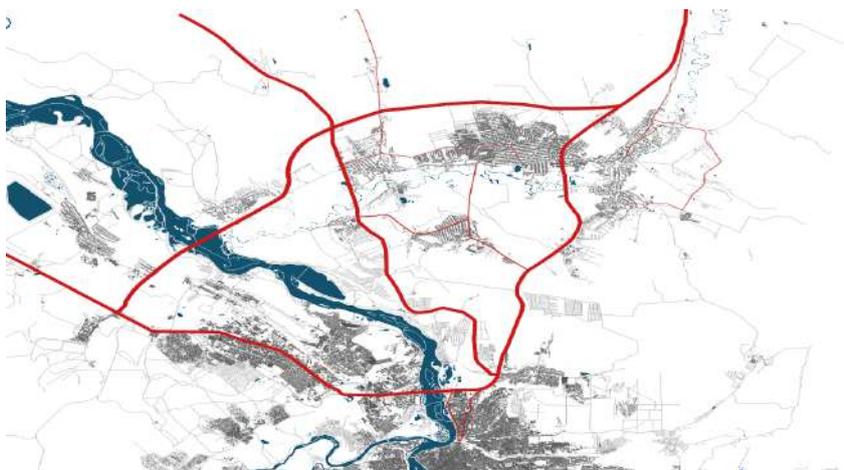

Рисунок 9. Предлагаемый транспортный каркас территории при полицентрической концепции развития²⁰

В рамках стратегии развития города Иркутска, разработанной иркутским отделением Союза архитекторов, предлагается строительство кольцевой магистрали по этому направлению; таким образом, предложенная концепция полицентричности полностью ложится на разработанную стратегию развития города Иркутска.

Предлагается также соединение Александровского и Качугского трактов в районе д. Карлук и соединение д. Карлук с д. Грановщина. Предлагаемые проектные решения повлияют на распределение транспортных потоков внутри субагломерации, позволив соединить поселения линиями общественного транспорта и снизить маятниковую миграцию, распределив потоки между населенными пунктами.

¹⁹ Составлено авторами.

²⁰ Составлено авторами.

После проведенного исследования был произведен расчет необходимой социальной инфраструктуры, объектов культурно-бытового обслуживания, расчет объектов среднего, дополнительного и дошкольного образования на 100 000 человек. На сегодняшний день в субагломерации расположено 9 муниципальных детских садов, 8 общеобразовательных школ, 3 спортивных объекта, включая культурно-спортивный комплекс и ипподром. В Таблицах 8 и 9 представлен прогноз числа объектов культурно-бытового обслуживания и объектов среднего, дополнительного и дошкольного образования.

Таблица 8. Прогноз числа объектов культурно-бытового обслуживания²¹

Объекты	Норматив на 1000 жителей	Требуется на 100 000 жителей	Существующие сохраняемые объекты	Дополнительная потребность
Спортивные комплексы, м ² площади пола	80	8 000	942,5	7 057,5
Плавательный бассейн, м ² зеркала воды	25	2 500	45	2 455
Стадион, объект	1 на поселение	1		1
Открытые спортивные сооружения, объекта	1 на нас. пункт	15	4	11
Учреждения культурно досугового типа, зрительное место	80	8 000	490	7 510
Муниципальные библиотеки, объект	1 на поселение	1		1
Муниципальные музеи, тыс. ед. хранения	5	500		500
Магазины, м ² торговой площади	385	38 500		38 500
Предприятия общественного питания, место	40	4 000		4 000

Таблица 9. Расчет объектов среднего, дополнительного и дошкольного образования²²

Объекты	Норматив на 1000 жителей	Требуется на 100 000 жителей	Существующие сохраняемые объекты	Дополнительная потребность
Дошкольные образовательные учреждения, место	67	6 700	598	6 102
Общеобразовательные школы, место	125	12 500	1 165	11 335
Учреждения дополнительного образования, место	12	1 200	33	1 167

На основе комплексного исследования агломерационных процессов, международных практик агломерационного развития, оценки социальной обеспеченности, а также шести ключевых принципов был спрогнозирован процесс разрастания субурбанизированных территорий с учетом всех вышеперечисленных критериев. Характерным отличием данной стратегии является применение всех вышеперечисленных политик в области градостроительного регулирования новой застройки, а также инструментов регулирования землепользования. На Рисунке 10 представлен процесс освоения новых территорий с 2020 по 2045 гг.

²¹ Составлено авторами.

²² Составлено авторами.

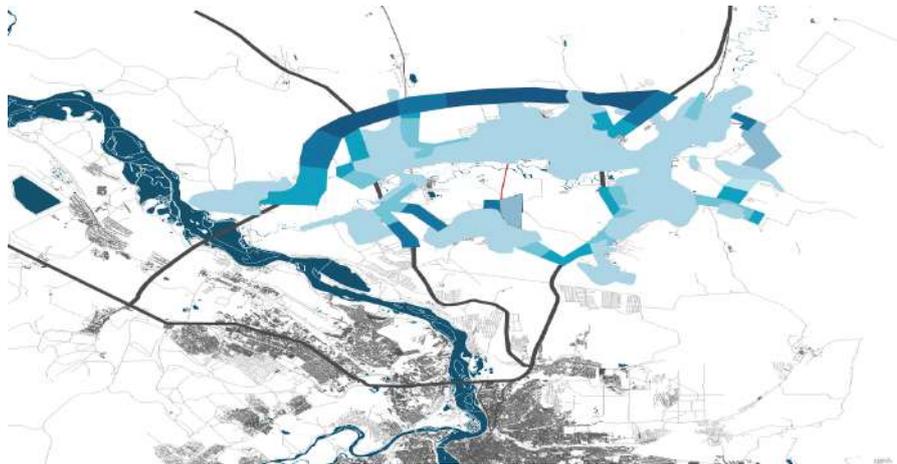

Рисунок 10. Разрастания по интенсивной стратегии²³

Освоение территорий в данной концепции призвано запустить процесс контроля разрастания субурбанизированных территорий. Площадь всех территорий для потенциального освоения составила 57 км², при среднем приросте 12 км² в 5 лет, для того чтобы полностью освоить эти территории, уйдет около 25 лет. В ее основу легли предложенные ключевые принципы в виде «коридорной модели», интеграции в водно-зеленый каркас, интеграции в транспортный каркас, полицентричности, применения инструментов регулирования землепользования, а также модели «городской консолидации».

Заключение

Завершая проведенное комплексное исследование агломерационных процессов в Хомутовско-Уриковской субагломерационной территории, резюмируем, что процесс разрастаний застроенных территорий напрямую отражается на качестве городской среды и инфраструктурной обеспеченности, увеличивая тем самым темпы маятниковой миграции населения субурбии в город Иркутск. Важно подчеркнуть, что сохранение текущей градостроительной политики не позволит повысить качество жизни в населенных пунктах, а в долгосрочной перспективе может создать условия для обратной миграции населения субурбии в ядро, таким образом повлияв на единственное и ключевое преимущество наличия субурбии — высокие темпы естественного и миграционного прироста населения.

Считаем нужным также подчеркнуть, что для успешного развития территории необходимо анализировать существующие практики в области агломерационного развития в мире и в России. Рассмотренные агломерации представляют собой уникальный опыт развития территорий глобальных размеров в разных уголках планеты. Несмотря на то, что все они образуются в совершенно разной среде, смело можно сказать, что процессы, происходящие в них, идентичны, а это значит, что каждый из примеров агломераций представляет собой уникальный опыт управления территориями в виде директивных и договорных моделей управления, различных институтов развития территорий, а также примеров синхронизации стратегической и проектной документации между собой. Данный опыт можно проецировать на развитие других агломерациями.

На основе проведенного комплексного исследования был сформирован перечень рекомендаций; предложенные решения базируются на пяти наиболее зарекомендовавших себя градостроительных и проектировочных концепциях развития и освоения новых территорий, а именно: синхронизации стратегической и проектной документации в один комплексный документ с предложенной последовательностью подготовки агломерационной градостроительной

²³ Составлено авторами.

документацией; «модели городской консолидации», которая представляет собой политику компактного города, в котором рост должен происходить за счет повышения эффективности использования уже существующих территорий; «коридорной модели развития», суть которой заключается в том, что развитие новой территории происходит, как правило, в связке с созданием магистральных дорог, которые играют роль транспортных хабов; «системном экоподходе» к развитию территорий, то есть интеграции городского развития в существующий водно-зеленый каркас территории; «полицентричности» распределения потоков через развитие транспортного каркаса агломерации.

Предложенные рекомендации призваны запустить процесс устойчивого развития, создания, прекратить инерционное разрастание и сконцентрировать бюджетные ресурсы в зонах потенциального роста. Если стратегических решений в области градостроительного регулирования разрастаний принято не будет, то в ближайшие годы резко ухудшится уровень качества жизни, инфраструктуры, возрастет стоимость обслуживания социальной и транспортной инфраструктуры, произойдет ухудшение экологической ситуации, в связи с чем резко ухудшится санитарно-эпидемиологическая обстановка. Как уже подчеркивалось, ключевая цель землеустроительной и градостроительной политики в области регулирования разрастаний и контроля качества городской среды — это поиск некоего компромисса между социально-экономическими предпосылками формирования и существующим пространственным ресурсом. Таким образом должна сформироваться концепция устойчивого развития территории, интегрированная в комплексную стратегию развития Иркутской агломерации, синхронизированная с проектами различных уровней: от локальных микропроектов частных лиц до проектов агломерационного масштаба.

Список литературы:

- Астафьев С.А. Проблемы субурбанизированных территорий Иркутской агломерации, на примере Хомутовского муниципального образования // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 2. DOI: [10.17150/2411-6262.2022.13\(2\).16](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(2).16)
- Григоричев К.В. Воображенное сообщество: Конструирование локальности в неинституализированном пространстве пригорода // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1(417). С. 46–56.
- Григоричев К.В. Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1. № 2. С. 7–23. DOI: [10.17323/usp1220167-23](https://doi.org/10.17323/usp1220167-23)
- Григоричев К.В. Субрегиональные миграции и формирование пригородов сибирского города // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3. № 1. С. 31–42.
- Каменева О.В. Этапы развития агломераций и преимущества агломерационного устройства территории населенных пунктов // Молодой ученый. 2022. № 11(406). С. 102–105.
- Ковалевская Н.Ю. Агломерация как форма привлечения инвестиций в проекты развития территорий // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 3. DOI: [10.17150/2411-6262.2022.13\(3\).26](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(3).26)
- Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С. Экономическая урбанизация. М.: Фонд «Институт экономики города», 2018.
- Матвеева М.В., Пешков А.В., Безруких О.А. Городская агломерация: трансформация экономического пространства на основе концепции устойчивого развития территориальной системы земельных ресурсов // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 1. DOI: [10.17150/2411-6262.2022.13\(1\).14](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(1).14)
- Смирнягин Л.В. Агломерация: за и против. Нуждается ли процесс, типичный для урбанизированных развитых стран, в искусственном форсировании // Муниципальная власть. 2015. № 1. С. 38–43.

Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и труда. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2012.

Эпоха агломераций. Городская экономика, пространство и политика в новом пространстве / под ред. А. Кальгаева. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

Logan J.R., Molotch H.L. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Los Angeles: University of California Press, 1987.

Malpezzi S. Housing Prices, Externalities, and Regulation in U.S. Metropolitan Areas // *Journal of Housing Research*. 1996. Vol. 7. Is. 2. P. 209–241.

Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government*. New York: Plume Book, 1993.

Rhodes R.A.W. *Understanding Governance: Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability*. Philadelphia, US: Open University, 1997.

Quigley J. M., Rosenthal L. A. The Effects of Land Use Regulation on the Price of Housing: What do We Know? What Can We Learn? // *Cityscape: A Journal of Policy Development and Research*. 2005. Vol. 8. Is. 1. P. 69–137.

Thompson D. *Suburban Sprawl: Exposing Hidden Costs, Identifying Innovations*. Ottawa: University of Ottawa, 2013.

References:

Astafyev S.A. (2022) Problems of Suburbanized Territories of the Irkutsk Agglomeration, on the Example of the Khomutovo Municipal Formation. *Baikal Research Journal*. Vol. 13. No. 2. DOI: [10.17150/2411-6262.2022.13\(2\).16](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(2).16)

Grigorichev K.V. (2015) Voobrazhennoye soobshchestvo: Konstruirovaniye lokal'nosti v neinstitutizirovannom prostranstve prigoroda [Imagined community: Locality construction in a non-institutionalized space of suburb]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. No. 1(417). P. 46–56.

Grigorichev K. V. (2016) Diversity of the Suburb: Suburbanization in Siberian Region (the Case of Irkutsk). *Gorodskiy issledovaniya i praktiki*. Vol. 1. No. 2. P. 7–23. DOI: [10.17323/usp1220167-23](https://doi.org/10.17323/usp1220167-23)

Grigorichev K.V. (2017) Subregional Migrations and Forming Suburbs of Syberian City. *Mir Bol'shogo Altaya*. Vol. 3. No. 1. P. 31–42.

Kameneva O.V. (2022) Etapy razvitiya aglomeratsiy i preimushchestva aglomeratsionnogo ustroystva territorii naselennykh punktov [Stages of development of agglomerations and advantages of the agglomeration structure of the territory of settlements]. *Molodoy uchenyy*. No. 11(406). P. 102–105.

Kovalevskaya N.Yu. (2022) Agglomeration as a Form of Attracting Investment in Territorial Development Projects. *Baikal Research Journal*. Vol. 13. No. 3. DOI: [10.17150/2411-6262.2022.13\(3\).26](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(3).26)

Kosareva N.B., Polidi T.D., Puzanov A.S. (2018) *Ekonomicheskaya urbanizatsiya* [Economic urbanization]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda".

Matveeva M.V., Peshkov A.V., Bezrukikh O.A. (2022) Urban Agglomeration: Transforming the Economic Space Based on the Concept of Sustainable Development of the Territorial Land Resource System. *Baikal Research Journal*. Vol. 13. No. 1. DOI: [10.17150/2411-6262.2022.13\(1\).14](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(1).14)

Rhodes R.A.W. (1997) *Understanding Governance: Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability*. Philadelphia, US: Open University.

Smirnyagin L.V. (2015) Aglomeratsiya: za i protiv. Nuzhdayetsya li protsess, tipichnyy dlya urbanizirovannykh razvitykh stran, v iskusstvennom forsirovanii [Agglomeration: Pros and cons. Does the process typical for urbanized developed countries need artificial forcing]. *Munitsipal'naya vlast'*. No. 1. P. 38–43.

Florida R. (2012) *The Great Reset. How the Post-Crash Economy Will Change the Way We Live and Work*. Moscow: Izdatel'skiy dom "Klassika-XXI".

Kal'gayev A. (ed.) (2018) *Epokha aglomeratsiy. Gorodskaya ekonomika, prostranstvo i politika v novom prostranstve* [The era of agglomerations. Urban economy, space and politics in the new space]. Moscow: Al'pina non-fikshn.

Logan J.R., Molotch H.L. (1987) *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Los Angeles: University of California Press.

Malpezzi S. (1996) Housing Prices, Externalities, and Regulation in U.S. Metropolitan Areas. *Journal of Housing Research*. Vol. 7. Is. 2. P. 209–241.

Osborne D., Gaebler T. (1993) *Reinventing Government*. New York: Plume Book, 1993.

Quigley J.M., Rosenthal L.A. (2005) The Effects of Land Use Regulation on the Price of Housing: What do We Know? What Can We Learn? *Cityscape: A Journal of Policy Development and Research*. Vol. 8. Is. 1. P. 69–137.

Thompson D. (2013) *Suburban Sprawl: Exposing Hidden Costs, Identifying Innovations*. Ottawa: University of Ottawa.

Дата поступления/Received: 07.03.2023

Бизнес-экосистема и ее влияние на государственное управление предпринимательской деятельностью: теоретический обзор предметной области

Исаева Айгуль Эрнстовна

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: isaeva115@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [2275-8207](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=2275-8207)

Воронов Александр Сергеевич

Доктор экономических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [4606-5045](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=4606-5045)

ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](https://orcid.org/0000-0003-0058-9217)

Аннотация

В статье исследуется одна из двух доминантных бизнес-моделей цифровой экономики — бизнес-экосистема, базирующаяся на цифровой платформе и способная обеспечить с помощью цифровых технологий отдельным экосистемам быстрое масштабирование бизнеса в системе государственного и муниципального управления; обосновывается необходимость использования популяционно-экологического подхода в качестве концептуальной основы, объясняющей, от каких факторов зависит количество и распределение организаций в экосистеме. Раскрывается также суть биологической экосистемы и схожесть с ней цифровой бизнес-экосистемы. Дается интерпретация трем принципам, между которыми существует взаимосвязь и которых следует придерживаться при строительстве бизнес-экосистемы, для того чтобы построить успешный бизнес; приведено различие между минимально жизнеспособной экосистемой и минимально жизнеспособным продуктом. Представлен сравнительный анализ ключевых типов бизнес-экосистем, их целей и различий в рамках системы государственного и муниципального управления. В результате выявлены преимущества и недостатки бизнес-экосистемы в сравнении с другими моделями управления. Особое внимание уделено выделению и анализу ключевых факторов, являющихся общими для успешных (по мнению координатора) цифровых бизнес-экосистем. В связи со сложностью объекта анализа показано, что управленцы государственного аппарата не учитывают все факторы, которые обеспечивают успех бизнес-экосистемам и данная проблема нуждается в дальнейшем исследовании. Таким образом, определено, в каких ситуациях бизнес-экосистема является более предпочтительной и перспективной моделью в системе государственной и муниципальной поддержки предпринимательства по сравнению с другими моделями управления, и сделан вывод о том, что в перспективе ее значимость в бизнесе будет только возрастать.

Ключевые слова

Бизнес-экосистема, минимально жизнеспособная экосистема, типы бизнес-экосистем, преимущества бизнес-экосистемы, ключевые факторы успеха бизнес-экосистемы, система государственного и муниципального управления.

Business Ecosystem and Its Impact on Public Administration of Business Activities: Theoretical Overview of the Subject Area

Aigul E. Isaeva

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: isaeva115@mail.ru

Aleksandr S. Voronov

DSc (Economics), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](https://orcid.org/0000-0003-0058-9217)

Abstract

The article explores one of two dominant business models of the digital economy — a business ecosystem based on a digital platform and capable of providing digital technologies to individual ecosystems for rapid business scaling at the level of state and municipal management. The necessity of using the population-ecological approach as a conceptual framework explaining on which factors the number and distribution of organizations in the ecosystem depends is substantiated. The essence of the biological ecosystem and the similarity of the digital business ecosystem with it are revealed (using the example of a coral reef). The interpretation of the three principles between which there is a relationship and which should be followed when building a business ecosystem in order to build a successful business is given as well as the difference between a minimally viable ecosystem and a minimally viable product. A comparative analysis of the key types of business ecosystems, their goals and differences within the framework of state and municipal management is presented. As a result, the advantages and disadvantages of the business ecosystem in comparison with other management models (vertically integrated model, hierarchical supply chain and open market model) are revealed. Special attention is paid to the identification and analysis of key factors that are common to successful (according to the coordinator) digital business ecosystems. Due to the complexity of the object of analysis, it is shown that the members of the state administrative apparatus do not yet fully understand the factors that ensure the success of business ecosystems and this problem needs further research. Thus, it is found out in which situations the business ecosystem is a more preferable model of state and municipal management compared to other management models, and it is concluded that in the future its importance in business will only increase.

Keywords

Business ecosystem, minimally viable ecosystem, business ecosystem types, business ecosystem benefits, key business ecosystem success factors, public and municipal administration.

Введение

Термин «бизнес-экосистема» в 1993 году ввел в научный оборот Дж.Ф. Мур [Moog 1993]. С опорой на предложенную теорию мы предлагаем рассматривать компанию не как часть конкретной отрасли, а как составной компонент бизнес-экосистемы, связанной с множеством отраслей в государстве, определять бизнес-экосистему как развивающееся сообщество или сеть взаимосвязанных и взаимодополняющих субъектов бизнеса (потребителей, производителей и пр.) в системе государственного управления. Так, конкуренция формируется между экосистемами бизнеса, а не отдельными компаниями, что способствует трансформации различных отраслей. При этом суть самой конкуренции также изменяется. Компании не столько соперничают друг с другом, сколько пытаются найти взаимовыгодное сотрудничество, поддерживая стабильность в государстве или на муниципальном уровне. Иными словами, имеет место конкурентное сотрудничество бизнес-экосистем (в терминологии А. Бранденбургера и Б. Нейлбаффа) [Бранденбургер, Нейлбафф 2012].

Выход указанной выше работы Дж.Ф. Мура является отправным моментом в формировании теории бизнес-экосистем. Бизнес-экосистема начинает изучаться как новая модель взаимовыгодного партнерства, может рассматриваться в рамках конкретной функционирующей государственной системы. Последующие работы Р. Аднера и Д. Айзенберга привели к значительному расширению и обогащению исследований Дж.Ф. Мура. Основное внимание в своей работе Р. Аднер уделил инфраструктуре предпринимательской экосистемы государства, представляя последнюю как согласованную структуру совокупности партнеров, взаимодействующих между собой в системе государственного управления для того, чтобы создать и вывести на рынок ценностное предложение [Adner 2017]. В то же время Д. Айзенберг указывал на то, что только сочетание всех элементов экосистемы между собой (к которым он относил лидерство, культуру, покупателей, человеческий капитал, финансы и т.д.) способно обеспечить устойчивый рост бизнеса, контролируемого в той или иной степени государством [Isenberg 2014].

Сам термин «бизнес-экосистема», или «предпринимательская экосистема», становится с каждым годом все более и более популярным как в научной среде, так и в деловом сообществе, связанном с государственным управленческим аппаратом [Каленов 2021].

Термин «экосистема» позаимствован из биологии. Определение данному понятию дал еще в 1930-е гг. А. Тенсли: это любая совокупность совместно обитающих организмов и окружающей их среды [Tansley 1935]. Концепция экосистемы бизнеса Дж.Ф. Мура основывается на популяционно-экологической (эволюционной) теории, получившей развитие в 1970-е годы. Именно в эти годы исследователи все чаще начинают рассматривать организацию с точки зрения «естественного отбора». В основе популяционно-экологического взгляда на организацию лежит теория эволюции Дарвина. Сторонники популяционно-экологического подхода считают, что компании, точно так же как и живые организмы в природе, для того чтобы выжить, должны рассчитывать на свои способности обеспечивать себя важными для жизни ресурсами. В связи с тем, что ресурсы ограничены, в конкурентной борьбе за них выживают наиболее приспособленные организации. Поэтому количество и распределение организаций в экосистеме в любое время зависят как от доступности имеющихся ресурсов, так и от уровня внутривидовой и межвидовой конкуренции.

Поэтому, по мнению приверженцев популяционно-экологического взгляда, на организацию любой системы, в особенности бизнес-экосистемы, оказывает влияние именно среда. Она является тем решающим фактором, который определяет успех или неуспех работы

как такой системы в целом, так и отдельных компаний, во многом имеющих зависимость от условий государственного регулирования, при рассмотрении с позиции экосистемного подхода. Именно внешняя среда осуществляет «отбор» наиболее конкурентоспособных компаний и устраняет слабых. Иными словами, с точки зрения «естественного отбора» окружение организации является важнейшим фактором ее выживания, и именно само окружение делает «отбор» компаний, осуществив анализ на уровне популяции фирм и их «экологии».

Как уже подчеркивалось выше, «с точки зрения экологов-популяционистов в экономической деятельности государства первостепенную роль играет именно способность, опередив конкурентов, занять ресурсную нишу, а в более долгосрочной перспективе — и это касается целых популяций организаций — уметь лучше других завладеть и грамотно на государственном уровне управлять ресурсами» [Морган 2006, 77].

Хорошим примером экосистемы является коралловый риф¹. Коралловые рифы образуются в теплых неглубоких водах с достаточным количеством солнечного света, могут находиться на склонах островов, быть связаны с материком или находиться вблизи берега, отделенные от него полузакрытой лагуной. Циркуляция воды в коралловых рифах замедляется, застоявшаяся вода становится теплой и богатой планктоном (крошечными, похожими на насекомых организмами, взвешенными в воде). Планктон является пищей для многих видов рыб. Мелкая рыба привлекает хищников, таких как акулы, мурены, барракуды и т.д. Трупы умерших хищников поедают падальщики — омары, крабы. И так далее. Таким образом, коралловый риф является довольно устойчивой экосистемой, обеспечивающей для ее обитателей относительно стабильную среду проживания и источник пищи. Несмотря на то, что каждый биологический вид живет как бы сам по себе (так как целью каждого из них является собственное выживание и размножение), каждый из них создает условия существования для других жителей экосистемы.

В этом смысле цифровая бизнес-экосистема очень похожа на биологическую. Она располагается на технологической (цифровой) платформе [Исаева 2022], представляющей собой большую компьютерную программу, определяющую способ ведения бизнеса со стороны государственного управления. Можно рассматривать платформы как рифы цифровых экосистем, которые обеспечивают сосуществование и обмен информацией между участниками. А самих пользователей платформы в этом случае можно сравнить с биологическими видами, которые живут на рифе.

Таким образом, термин «бизнес-экосистема» является сегодня одним из самых трендовых понятий в системе управления, в том числе государственного или муниципального. Постоянно приходит информация о появлении все новых и новых бизнес-экосистем. Это связано с тем, что топ-менеджеры, боясь отстать от доминирующих тенденций, вынуждены создавать свои собственные цифровые бизнес-экосистемы (в том числе и в форме партнерства с другими организациями) или становиться частью крупных быстрорастущих бизнес-экосистем, функционирующих в системе государственного управления. Несомненно, что при определенных условиях компании могут продолжать свою деятельность вне бизнес-экосистем или использовать гибридные модели управления с учетом регулирующего воздействия со стороны государства.

Из определения бизнес-экосистемы, данного Д. Айзенбергом, следует, что любая бизнес-экосистема может являться носителем конкретного ценностного предложения (желаемого решения), предлагаемого изменяющейся группой субъектов, которые выполняют

¹См.: 10 лучших в мире коралловых рифов // TimetoDive [Электронный ресурс]. URL: https://timetodive.ru/ideas/top_10_coral_reefs (дата обращения: 22.01.2023).

различные роли в государстве. Это может быть роль производителя, поставщика, оркестратора, комплементатора, регулятора и т.д. Нам следует думать о бизнес-экосистеме в системе государственного и муниципального управления как о решении конкретной проблемы бизнеса, как о новой модели управления, позволяющей реализовать конкретное ценностное предложение, имеющее эффективную реализацию в своем результативном показателе.

Таким образом, целью настоящего исследования является аналитическое исследование предметного поля понятия «бизнес-экосистема» в системе государственного и муниципального управления и преимуществ экосистемного подхода в условиях цифровой трансформации экономики и государства.

Принципы бизнес-экосистемы

Отправным моментом для понимания любой бизнес-экосистемы является формулировка ценностного предложения (блага), которое будет создано совместными усилиями участников экосистемы с учетом позиции государства. Формулировка ценностного предложения определяет выбор конечных потребителей, который сам по себе уже является стратегическим решением, важным для экономики государства. Ценностное предложение ориентирует бизнес-экосистему на цель — создание ценности. Можно сказать, что ценностное предложение является первым ключевым аспектом в определении бизнес-экосистемы государства. В качестве второго ключевого аспекта в определении бизнес-экосистемы можно выделить идентифицируемый набор конкретных участников (партнеров), принявших решение о том, как они будут взаимодействовать для того, чтобы создать ценностное предложение. В качестве третьего ключевого аспекта в определении бизнес-экосистемы следует назвать ее структуру. Причем это многосторонняя структура, где действующие участники бизнес-экосистемы связаны партнерскими соглашениями, в которых определены их роли, позиции, потоки и пр. Если мы смотрим на участников только с точки зрения заинтересованных сторон, то в этом случае не принимается во внимание важная роль структуры. Если мы акцентируем свое внимание лишь на привлечении к своей платформе как можно большего числа партнеров, то упускается из виду важнейшая функция согласования действий между партнерами, и данные обстоятельства необходимо учитывать в контексте осуществления функций государственного и муниципального управления. Экосистемная стратегия определяет способ привлечения партнеров в структуру, находящуюся в рамках функционирования системы государственного управления. Причем важна степень заинтересованности по вхождению партнеров в единую экосистему, что позволит объединить все структурные элементы целостной бизнес-экосистемы государства, направив ее потенциал на улучшение экономического состояния как каждой конкретной компании, так и государства в целом.

При построении бизнес-экосистемы важно сформулировать и учитывать три ключевых принципа при ее строительстве в государстве [Аднер 2023, 119–123]:

Принцип 1. Необходимо создать минимально жизнеспособную экосистему (МЖЭ). Она представляет собой наименьший набор видов деятельности, способный обеспечить необходимое доказательство возможности создания ценности для привлечения ее участников. Именно привлечение новых партнеров является ключом к построению ценностной архитектуры и реализации ценностного предложения при эффективном функционировании системы государственного и муниципального управления. Главной целью МЖЭ как раз и является

привлечение партнеров, а ключевым вкладом, вносимым клиентами на этапе создания МЖЭ, является не получение прибыли, а создание «доказательной базы», повышающей привлекательность экосистемы в глазах партнеров и облегчающей их привлечение.

Следует подчеркнуть, что на этапе создания МЖЭ возникает противоречие между амбициозной целью создания ценности и реальными возможностями привлечения необходимых партнеров. Мы всегда начинаем с формулирования представлений о том, куда хотим попасть. Затем формулируем возможные пути попадания в пункт назначения и выбираем лучшие из них (идя на определенные компромиссы), учитывая различные особенности государственного регулирования. Все это свидетельствует о том, что создание МЖЭ является стратегическим ходом для государства, определяющим выбор экосистемы, лучше всего подходящей именно для вас, а не какой-то «правильной» (универсальной) экосистемы. Иными словами, создание МЖЭ отвечает на вопрос: «Что необходимо делать сначала?».

Принцип 2. Необходимо придерживаться пути поэтапной экспансии. Данный принцип сообщает о необходимости наличия четких правил или порядка привлечения новых партнеров и видов деятельности после того, когда создана МЖЭ. Постигание логики поэтапной экспансии позволяет понять последовательность привлечения того или иного партнера, важного для поддержания благополучной экономической составляющей государства. В частности, партнер В привлекается вторым, а не третьим именно потому, что его наличие позволит привлечь к сотрудничеству партнера С. Приглашением каждого нового партнера преследуются две конкретные цели: он должен встроиться в ценностную архитектуру и создать условия для привлечения следующего партнера. Последний, в свою очередь, тоже должен способствовать достижению этих двух целей, чтобы обеспечить грамотное функционирование и саморегуляцию бизнес-экосистемы государства. Основная роль первых партнеров заключается не в обеспечении получения прибыли, а в том, чтобы привлечь новых партнеров и создать убедительную доказательную базу, мотивирующую их участие. Очевидно, что тот или иной партнер может, в частности, вносить лишь частичный вклад в один ценностный элемент или, наоборот, участвовать в создании нескольких ценностных элементов. Но в любом случае приглашение новых партнеров должно сопровождаться улучшением ценностной архитектуры и, соответственно, ценностного предложения, и данные аспекты будут отражать уровень эффективности государственного управления описанной структуры.

Принцип 3. Следует оценить возможности осуществления переноса экосистемы. При строительстве новой экосистемы формируется новая конфигурация партнеров. Однако сами партнеры при этом не обязательно должны быть целиком новыми. Суть данного принципа переноса экосистемы заключается в том, чтобы оценить потенциал для использования тех элементов, которые разработаны при строительстве одной экосистемы, в новой строящейся экосистеме. Одним словом, партнеров, участвующих в формировании экосистемы 1, можно привлечь к построению МЖЭ для экосистемы 2 с учетом особенностей государственного регулирования.

Если речь идет о лидерах рынка, то для них перенос экосистемы означает формирование нового рыночного пространства, которое важно для любого современного государства. Что касается стартапов, достигших прочного положения на рынке, перенос экосистемы может обеспечить более ускоренные темпы роста и экспансии. Перенос экосистемы означает, что необходимо привести обоснованное доказательство партнерам, что им следует присоединиться к экосистеме, имеющей общие управленческие аспекты, позволяющие достичь единой экосистемной позиции в цельной реализации бизнес-экосистемы государства, в ее успешных показателях социально-экономического развития.

Различие между минимально жизнеспособной экосистемой и минимально жизнеспособным продуктом

Концепции минимально жизнеспособного продукта и минимально жизнеспособной экосистемы используются для разных целей. Первая из них — минимально жизнеспособного продукта (*minimum viable product, MVP*) — используется в качестве доминирующего подхода при тестировании рынков. Значительная заслуга в популяризации данной концепции принадлежит Э. Рису [Рис 2017]. В соответствии с концепцией MVP инноваторы должны тестировать свои гипотезы для определения потребительского спроса на продукт на как можно более ранней стадии его разработки. Прежде чем переходить к «реальному производству» совершенной коммерческой версии продукта, необходимо вначале исследовать потребительский спрос на самом грубом (дешевом) прототипе, который способен обеспечить достаточную обратную связь от пользователей. В дальнейшем в результате проведения многочисленных итераций, базирующихся на обратной связи, происходит улучшение прототипа до тех пор, пока не будет получена совершенная версия продукта, соотносимая с целесообразностью его внедрения.

Концепция минимально жизнеспособной экосистемы нацелена на согласование действий партнеров, которые необходимы для создания ценностной архитектуры и реализации ценностного предложения для государства. В свою очередь, ценностное предложение выбирается на основе той информации, которая получена о клиентах. То есть минимально жизнеспособная экосистема является фундаментом для привлечения и согласования действий первого (исходного) набора партнеров, а не для создания прототипов. Затем уже с помощью первого набора партнеров осуществляется привлечение второго набора и т.д.

Различие между MVP и МЖЭ становится еще более очевидным, если мы сравним роль ранних потребителей в каждой из концепций. В концепции MVP ранние потребители используются для получения информации о рынке, прежде чем вывести на него продукт. В концепции МЖЭ ранние потребители используются в качестве «доказательной базы», способствующей привлечению партнера, который затем поможет привлечь уже следующего партнера и т.д., имея соответствующие предрасполагающие факторы улучшения экономического пространства государства, качественного обеспечения жизни населения, что контролируется на всех этапах государственного регулирования социально-экономических процессов. Привлечение все новых партнеров позволяет улучшить ценностную архитектуру и предоставить необходимое ценностное предложение для того, чтобы обеспечить рост продаж потребителям, расширяя траектории детальности бизнес-экосистемы государства в целом. Именно рассмотрение эффективной МЖЭ позволяет в системе государственного управления согласовать действия и правила игры между партнерами и в целях масштабирования бизнеса. Иными словами, MVP и МЖЭ являются двумя разными инструментами, которые должны находиться в арсенале компаний, но которые используются для достижения различных целей на государственном и муниципальном уровне.

Основные типы бизнес-экосистем

В качестве одного из практических подходов к классификации бизнес-экосистем в государственном управлении (подход BCG) можно назвать их деление на два типа: экосистемы решений и экосистемы транзакций².

Экосистемы решений занимаются производством и/или поставкой продуктов или услуг посредством координации деятельности различных участников, скоординированных

² Существуют иные подходы к классификации бизнес-экосистем. Например, см.: Шипилов А. Стратегии развития экосистем // СБЕР Университет [Электронный ресурс]. URL: <https://sberuniversity.ru/sber-knowledge/vypusk19-2/> (дата обращения: 25.01.2023).

государством или муниципалитетом. Базовой формой экосистемы решений является основная компания, занимающаяся организацией предложений нескольких комплементаторов (поставщиков дополнений). Когда осуществляется разработка нового решения, то на это время поставщики основной компании (и наиболее важных комплементаторов) могут включаться в состав экосистемы. Это делается для того, чтобы легче было осуществлять координацию деятельности различных игроков между собой. После того как инновационный продукт будет разработан, происходит уменьшение роли таких поставщиков в иерархической цепочке поставок. Следует заметить, что в экосистемах решений клиенты обычно не являются активными участниками. Но они оказывают на нее огромное влияние, осуществляя выбор и комбинирование предложения основной компании и комплементаторов. Более того, в экосистеме могут принимать участие и посредники (в частности, розничные торговцы и отдельные торговые агенты) в связи с тем, что их деятельность тоже следует согласовывать с другими игроками. В качестве примеров экосистем решений можно привести системы кредитных карт (соединяющие продавцов, потребителей и банки), решения для умного дома (координирующие продукты и услуги в сфере безопасности, климата, развлечений и т.д.).

Транзакционные экосистемы обладают центральной платформой (в настоящее время, как правило, цифровой), объединяющей независимых производителей продуктов с независимыми клиентами, что является важным фактором обеспечения эффективности бизнес-экосистемы. В качестве примеров транзакционных экосистем (платформенных бизнесов) [Паркер и др., 2017; Ажар 2023, 116–119] можно привести компанию Uber, которая связывает водителей и пассажиров; компанию Airbnb, которая связывает владельцев квартир и съемщиков квартир; компанию eBay, объединяющую независимых продавцов и покупателей. Транзакционные экосистемы представляют собой двухсторонние рынки. Они извлекают экономическую выгоду за счет сетевых эффектов (прямых и косвенных), которые создаются платформенным бизнесом, что важно для обеспечения экономического благополучия государства. Возникновение прямых сетевых эффектов происходит по мере увеличения числа других пользователей на своей стороне рынка (например, пользователей социальных сетей). Возникновение косвенных сетевых эффектов происходит тогда, когда увеличивается ценность бизнес-экосистемы для пользователей на одной стороне рынка за счет роста количества участников на другой стороне, и данное явление наблюдается при расширении бизнес-пространства в государстве, что подчеркивает важность увеличения структурных единиц экосистемы в единстве управленческих факторов, способствующих его процветанию.

В частности, увеличение числа водителей привлечет дополнительных клиентов, желающих воспользоваться такси. Дополнительные клиенты привлекут еще больше водителей на платформу и т.д. Образуется положительная обратная связь. Следовательно, в бизнес-экосистеме транзакций (по сравнению с бизнес-экосистемой решений) клиенты являются важнейшей ее составляющей, и понимание этого на государственном уровне продиктовано обеспечением населения (клиентов) важными для них ресурсами потребления и высоким качеством жизнедеятельности. В этих условиях комфорт для массового потребителя становится более доступным. Клиенты в бизнес-экосистеме не только образуют одну из сторон рынка, но и предоставляют ей данные и обратную связь, указывая на важные услуги и продукты. Возможны ситуации, когда клиенты переходят на другую сторону рынка. Например, арендаторы Airbnb представляют платформе свои квартиры и дома, зрители на YouTube выступают в качестве авторов видео, что также расширяет бизнес-экосистему и увеличивает возможности ее экономичности.

Два типа бизнес-экосистем отличаются друг от друга: а) структурной формой; б) составом участников; в) назначением; г) факторами успеха; д) механизмами создания стоимости.

Цель бизнес-экосистемы решений — образование или создание согласованного решения с целью повышения эффективности социально-экономического развития и функционирования системы государственного и муниципального управления. В качестве организатора бизнес-экосистемы выступает основная компания, принятая государством за фундаментальную. И далее именно государство как организатор осуществляет координацию и мотивацию инновационной деятельности комплементаторов. Под контролем государства организатор занимается также постоянным улучшением общего продукта и несет ответственность за то, чтобы создаваемая бизнес-экосистемой стоимость справедливо распределялась между его членами. Как правило, бизнес-экосистемы решений извлекают создаваемую ценность путем продажи своего решения в качестве продукта или услуги.

Целью транзакционной бизнес-экосистемы является выбор партнеров. Для этого ей необходимо выявить конкретные потребности клиента и обеспечить наилучшее соответствие между ними и реальным предложением производителя, способствовать заключению будущего контракта при контролирующем воздействии регулятора. Величина стоимости, создаваемая транзакционной бизнес-экосистемой государства, определяется количеством успешных транзакций и теми преимуществами, которые получают от них обе стороны рынка. К примеру, создание ценности платформой по вызову такси происходит при вызове наиболее близкого водителя для конкретного пассажира, установлении доверительных отношений между ними путем курирования, страхования и осуществления финансовых расчетов. Роль организатора платформы не сводится только к созданию механизма подбора партнеров. Он также занимается разработкой правил доступа пользователей к платформе, созданием стимулов для обеих сторон рынка, способствующих развитию транзакционной бизнес-экосистемы и образованию сетевых эффектов в государстве. В основе монетизации стоимости бизнес-экосистемы транзакций лежит, как правило, транзакционный сбор и/или плата за рекламу.

При выборе стратегии (создать собственную бизнес-экосистему или присоединиться к существующей) необходимо иметь очень хорошее представление о том, какая из них позволит лучше реализовать ваше ценностное предложение. В одном случае лучшим способом реализации ценностного предложения могут быть бизнес-экосистемы решений, продиктованные государством. В другом — бизнес-экосистемы транзакций. Возможны сдвиги от одной модели к другой и образование гибридных форм.

Преимущества и недостатки бизнес-экосистемы по сравнению с другими моделями управления

Для реализации привлекательной бизнес-возможности необходимо выбрать предпочтительную с точки зрения достижения конечного результата модель управления на государственном уровне. Наибольшее распространение получили следующие модели управления:

- 1) вертикально-интегрированная модель. В этой модели все основные действия выполняются самой организацией;
- 2) иерархическая цепочка поставок. В данной модели некоторые виды деятельности передаются поставщикам и/или посредническим организациям;
- 3) бизнес-экосистема. В этой модели происходит координация действий между достаточно независимыми игроками, совместно создающими согласованное предложение;

- 4) модель открытого рынка. Эта модель предполагает, что клиент сам осуществляет выбор и покупку необходимых ему компонентов у независимых поставщиков (нескоординированных между собой) на открытом (и конкурентном) рынке.

Далее, необходимо понять, какими преимуществами обладают бизнес-экосистемы в сравнении с другими моделями управления (вертикально-интегрированной моделью, иерархической цепочкой поставок и моделью открытого рынка); каковы возможные недостатки бизнес-экосистемы, которые необходимо устранить (или хотя бы уменьшить их отрицательное воздействие).

Рассматривая преимущества, можно выделить три наиважнейших, которые присущи бизнес-экосистемам: предоставление разнообразных возможностей; перспективы быстрого роста бизнеса; гибкость и надежность (устойчивость), обеспечиваемые в том числе за счет мер государственной поддержки предпринимательства [Ульрих, Юнг 2022, 77–99].

Например, на начальной стадии жизненного цикла бизнеса в государстве использование экосистемной бизнес-модели может позволить быстро привлечь внешние ресурсы, в том числе и опытных профессионалов, сделав экосистему открытой и пригласив их к участию в ней. После того как осуществлен запуск бизнес-экосистемы в целом, на уровне ее цельного рассмотрения на территории государства происходит ее масштабирование [Хоффман, Йе 2019], что может осуществляться намного быстрее в сравнении с другими моделями управления. Это связано с тем, что модульная структура бизнес-экосистем вместе с понятными интерфейсами обеспечивает быстрое привлечение новых участников. В свою очередь, бизнес-модели с «легкими активами», на которых базируются многие цифровые платформы, детерминируют быстрый рост. Именно по этой причине, например, Airbnb, у которой нет в собственности ни одного отеля, опережает многие крупные гостиничные сети по выручке и капитализации. Вдобавок образование положительных сетевых эффектов может приводить к взрывному росту транзакционных бизнес-экосистем в государстве, решающих проблему курицы или яйца. Airbnb всего через десять лет после выхода на рынок заняла на нем доминирующее положение прежде всего благодаря самонарастающей динамике роста количества гостей и мест проживания. Очевидно, что достичь таких успехов с использованием традиционной модели управления представляется маловероятным.

И еще одним преимуществом, обеспечивающим привлекательность бизнес-экосистем, является их гибкость и устойчивость в ее саморегуляции и саморазвитии. Модульный характер разработки ценностного предложения обеспечивает его разнообразие. Привлекательность бизнес-экосистем возрастает при значительной неоднородности и непредсказуемом изменении потребностей покупателей, а также при динамичном или неопределенном изменении цифровых технологий, что своевременно учитывается в государственном управлении. Например, операционная система Windows для ПК, невзирая на то, что потребности покупателей и базовая технология непрерывно изменялись, продолжала занимать долгое время (более трех десятилетий) лидирующие позиции. Это достигалось за счет гибкости бизнес-экосистемы.

Разумеется, бизнес-экосистемной модели присущи и недостатки. Как мы уже отметили, бизнес-экосистема состоит из экономических игроков, являющихся в значительной степени независимыми. В бизнес-экосистеме на современном этапе обладает ограниченными полномочиями для обеспечения контроля за поведением всех ее участников (по сравнению с вертикально-интегрированной моделью или иерархической цепочкой поставок).

Ключевой задачей бизнес-экосистемы является привлечение и организация внешних партнеров в условиях, когда отсутствует полная иерархическая власть или контроль государства. Для обеспечения управления бизнес-экосистемой разрабатывается ее архитектура и устанавливаются четкие правила, нормы и стандарты. Они вырабатываются с привлечением широкого круга участников и подлежат корректировке по мере развития бизнес-экосистемы. Для того чтобы управление бизнес-экосистемой осуществлялось успешно, оно должно быть очень хорошо сбалансировано, имела место эволюция системы, осуществляемая за счет инноваций разного типа.

В зависимости от уровня власти и регулирующего воздействия государственных и муниципальных органов возникает проблема изъятия стоимости. Общая ценность, создаваемая бизнес-экосистемой, подлежит распределению между ее участниками. Ответственность за то, чтобы бизнес-экосистема оставалась инвестиционно-привлекательной для всех ее важнейших партнеров, несет основная фирма (в экосистеме решений) или организатор платформы (в экосистеме транзакций). Для превращения бизнес-экосистемы в клуб, сообщество или общество, стать членом которого захотят многие, необходимо на этапе запуска и масштабирования осуществить значительные инвестиции, окупить которые возможно лишь после того, когда бизнес-экосистема будет создана, что должно поощряться со стороны регулятора для развития жизнестойкости бизнес-экосистемы государства. Например, отдельные крупные цифровые платформы, достигшие высокой капитализации (например, Uber или Lyft), все еще продолжают вести борьбу за получение значительной прибыли в результате укрепления конкурентных преимуществ [Ваханский, Катаевский 2022]. Ограниченный захват стоимости на начальной стадии является платой за возможность быстрого масштабирования бизнеса и достижения олигополистической власти. Например, для того чтобы стать высокоприбыльными, компании Microsoft и Amazon в течение длительного периода времени осуществляли вложения.

Очевидно, что чем более открытой является бизнес-экосистема, тем сложнее ей изымать ценность. В этом можно убедиться, сравнив две крупнейшие мобильные операционные системы Google Android и Apple iOS. В ситуации большей открытости компаниям следует разрабатывать новые, более изощренные способы, позволяющие монетизировать стоимость своих бизнес-экосистем. Потому что традиционных способов, таких как взимание платы за доступ и рекламу, оказывается недостаточно, и поэтому данный вопрос ценового оборота также лежит в области государственного регулирования.

Необходимо также иметь в виду, что огромные успехи отдельных крупных игроков не означают, что бизнес-экосистемы застрахованы от неудач. Исследование показывает, что из 57 проанализированных компанией BCG бизнес-экосистем лишь менее 15% смогли сохранять устойчивость в долгосрочном периоде [Бычкова 2020, 45]. Иными словами, у бизнес-экосистем шансы на сохранение долгосрочного успеха не выше, чем у компаний, использующих другие модели управления. Это связано с тем, что бизнес-экосистемам на государственном уровне приходится решать слишком много стратегических задач: в частности, решать проблему курицы или яйца во время запуска; удерживать рост затрат на необходимом уровне при быстром масштабировании бизнеса за счет возникающих положительных сетевых эффектов; защищаться от конкурентов, использующих низкие входные барьеры цифровых платформ для копирования и улучшения ваших бизнес-моделей и переманивания пользователей на свои платформы. При ослаблении рыночной власти (если бизнес-экосистема начинает терять свою долю рынка) сетевые эффекты начинают работать в обратном направлении. Если эту тенденцию бизнес-экосистема не сможет изменить на противоположную, то она исчезнет с рынка. Важны обе стороны рынка. Для того чтобы

бизнес-экосистема имела устойчивый успех, она должна постоянно взаимодействовать с наиболее важными заинтересованными сторонами, улучшать (и расширять) предложения, осуществлять инновации и своевременное обновление бизнес-экосистемы под благоприятным влиянием факторов государственного управления, направленных на улучшение экономики государства в целом.

Факторы, обеспечивающие успех цифровой бизнес-экосистеме³

Интегрированные предложения, разрабатываемые участниками рынка в государстве (бизнес-экосистемами), имеют большую ценность по сравнению с отдельными продуктами и услугами. Цифровые бизнес-экосистемы, которые находятся, как правило, под управлением компаний, имеющих самую большую долю рынка, очень быстро изменяют целые отрасли, которые контролируются со стороны государства.

Несмотря на возрастающий рост интереса к цифровым бизнес-экосистемам, лицам, принимающим на государственном и муниципальном уровне решения, не совсем понятны факторы, определяющие их успех. Этой проблемой следует заниматься более углубленно [Безос 2021]. Для получения ответа на этот вопрос, VCG осуществила сбор и анализ рыночных данных и интервьюирование отраслевых экспертов государства. Однако в связи с тем, что участники экосистем не занимаются ведением специального учета и использованием проверенных методов анализа эффективности, достоверно оценить степень их успеха оказалось очень сложно. VCG акцентировала свое внимание на трех аспектах для оценки успешности бизнес-экосистемы:

- 1) финансовые показатели экономического развития государства, в которых нашли отражение выручка и темп роста координатора бизнес-экосистемы и в целом ценовая политика (при наличии возможности детализирования до уровня бизнес-единицы);
- 2) инновации, прежде всего патентные данные, которые связаны с бизнес-экосистемой, важны для его благополучного и экономического развития и приведены в соответствие (нормализованные) относительно выручки, а также численности персонала, имеющейся у координатора бизнес-экосистемы;
- 3) количество пользователей в бизнес-экосистеме и их рост (выявленные на основе отчетов компаний и обзоров прессы).

На базе количественного анализа, а также качественных данных интервью были обследованы 44 цифровые бизнес-экосистемы из 12 секторов экономики государства. В результате были выявлены пять факторов, которые являются общими для успешных (с точки зрения координатора) цифровых бизнес-экосистем государственного управления.

Выход на рынок первым. В связи с тем, что большинство цифровых бизнес-экосистем создаются на базе цифровых платформ, они стремятся выйти на рынок первыми (одними из первых), поскольку «победитель может получить все» [Говард 2021, 58–120]. Однако исследование выявило, что сам по себе выход на рынок первым (в числе первых) не обеспечивает бизнес-экосистеме успех или долгосрочное доминирование в бизнес-пространстве государства. И на это могут быть следующие причины: во-первых, продукты (или услуги), которые предлагают рынку экосистемы, могут не обеспечить необходимый объем продаж в связи с их недостаточным соответствием потребностям клиентов; во-вторых, со временем изменяются как технологии, так и потребности клиентов, поэтому компании, вышедшие на рынок государства позже, могут получить конкурентное преимущество; в-третьих, стремление как можно

³ См. [Джекобайдс и др. 2019].

быстрее занять на рынке лидирующие позиции может привести к неправильному построению экосистемы и выбору неверного направления развития, что должно рассматриваться с позиции государственного управления и контролироваться на уровне поддержания эффективности и успешности бизнес-экосистемы.

Иными словами, для достижения успеха в долгосрочном периоде более важным является выбор правильной стратегии государственного управления и выбора соответствующего рынку ценностного предложения (поддержания экосистемы государства), чем выход экосистемы на рынок первой. Компания в государстве может стать успешной экосистемой, выйдя на рынок после первых игроков и быстро найдя партнеров, которые пожелали присоединиться к ее экосистеме при регулирующем воздействии государства.

Надежная база клиентов. Исследование показывает, что наличие прочной базы пользователей способствует успеху экосистемы (чем большую долю рынка имеют координаторы, тем более успешную экосистему они создают). Экосистемам, занимающим лидирующие позиции в государстве, легче привлекать партнеров, обладающих необходимыми компетенциями, и инвесторов, способных осуществить нужные инвестиции. Этот вывод должны принимать во внимание все те, кто хочет стать партнером успешной цифровой экосистемы, а также отраслевые лидеры в государстве. Отдельным крупным игрокам, которые уже давно работают на рынке, сама идея построения цифровой экосистемы может показаться не совсем реалистичной. Это связано с тем, что большинство из них все делают сами (например, разрабатывают и выводят на рынок инновационные продукты или покупают инновационные компании) и не понимают в данном случае преимущества, предоставляемые регулятором, которые позволяют объединить все бизнес-процессы на взаимовыгодной для всех сторон основе. Но для крупных игроков рынка будет лучше, если они сами займутся формированием нового цифрового ландшафта и построением цифровых экосистем, а не будут дожидаться момента, когда этим займутся их прямые конкуренты. У них есть сильное конкурентное преимущество в виде прочной клиентской базы [Цао 2019; Петрунин, Пугачева 2021], которым их соперники не обладают, что расширяет их позицию в экосистеме.

Многочисленность и разнообразие сети партнеров. При построении успешных экосистем в государстве важное значение имеет разнообразие экспертных знаний управленческого аппарата и их отраслевого опыта. Исследования VCG показывают, что в 53% цифровых экосистем присутствовали партнеры более чем из пяти отраслей [Иванов, Шустова 2020, 661]. В частности, для вывода на рынок новой версии робота-пылесоса создается партнерство, включающее производителей датчиков и видеокамер, разработчиков программного обеспечения на основе искусственного интеллекта, технологические исследовательские центры и т.д.

Из анализа следует, что чем из большего количество отраслей бизнес-экосистеме государства удастся привлечь партнеров, тем выше становятся ее шансы на достижение успеха. В экосистему Amazon входит 67 основных партнеров, представляющих такие сектора, как логистика, финансы, медиа, телекоммуникации и др.

Очевидно, что разнообразие партнеров приводит к различию культур [Хастингс, Мейер 2021] и, следовательно, к их столкновению, поэтому эффективный управленческий аппарат на государственном и муниципальном уровне будет создавать зоны благоприятных взаимодействий на взаимовыгодной основе, поддерживая стабильность экосистемы. Ведь увеличение разнообразия партнеров повышает скорость масштабируемости и гибкости бизнеса, которые определяют успех экосистемы. По этой причине государственное управление экосистемами должно поддерживать этот тренд.

Географический охват. Еще одним фактором, определяющим успешность бизнес-экосистемы в государстве, является глобальный охват. Он помогает преодолеть барьеры (географические, языковые и культурные), существующие между странами. Как показывает анализ, в 90% экосистем присутствуют участники более чем из 5 стран. При этом в 77% экосистем одновременно представлены партнеры как из развитых, так и развивающихся стран [Иванов, Шустова 2020, 661]. В данном случае срабатывает тот же самый принцип, что и с количеством партнеров. Более обширный географический охват позволяет создать гораздо более успешные цифровые экосистемы. Если обычные экосистемы включают партнеров из пяти стран, то наиболее успешные — в среднем от десяти и больше.

Несмотря на преимущества, которые имеет глобальный охват в достижении экосистемой успеха, сохраняются и выгодные ниши для отдельных игроков, которые сосредотачиваются на конкретных регионах и растут более медленно. Одним словом, возможно мирное сосуществование глобальных экосистем с локализованными экосистемами.

Навыки сотрудничества с партнерами. Для построения успешной экосистемы государственный управленческий аппарат должен обладать необходимыми навыками для привлечения партнеров, представляющих разные отрасли и страны, и выстраивать с ними разные типы взаимоотношений. В одних случаях это могут быть контрактные соглашения, в других — партнерские платформы, миноритарные доли в венчурных инвестициях и т.д. И чем правильнее выбрана модель сотрудничества, тем успешнее будет построена экосистема в государстве [Цзэн 2022, 241–249].

Например, автопроизводителям, для того чтобы подготовить интегрированные решения, базирующиеся на цифровых технологиях, уже недостаточно просто заниматься контролем цепочек поставок. Они превращаются в координаторов экосистем, занимаются разработкой стратегий их развития и поиском потенциальных партнеров, что координируется соответствующими государственными органами. Это повышает гибкость экосистем, что позволяет им быстрее реагировать на изменяющиеся потребности клиентов, появление новых технологий (в том числе цифровых), а также на корректировку нормативной правовой базы. Сотрудникам, осуществляющим в данных аспектах управленческие функциональные взаимосвязи, необходимо иметь четкое представление о том, какое именно сочетание типов партнерств является более предпочтительным для конкретного сектора. Более мягкий тип сделок (более слабые связи) присущ быстроразвивающимся потребительским секторам в государстве. К ним можно отнести здравоохранение, образование и др. Так, при функционировании экосистемы должна быть создана возможность привлечения большого количества разных ее участников, обладающих множеством навыков, и осуществления с ними экспериментов без крупных инвестиций. В то же время на рынке B2B имеет место более «жесткий» тип сделок для получения большего контроля со стороны государства.

Заключение

Бизнес-экосистемы в государстве отличаются огромным разнообразием. Несмотря на это, можно выделить несколько характеристик, по которым они отличаются от других моделей управления.

Модульность. По сравнению с вертикально интегрированными моделями или иерархическими цепочками поставок, в бизнес-экосистемах, несмотря на независимую разработку компонентов предложения, они функционируют как единая целая (интегрированная) система. Обычно у клиента есть возможность выбора между компонентами или их комбинациями.

В частности, отдельные приложения для смартфонов предустановлены, но большую их часть пользователь выбирает сам, осуществив загрузку из магазина приложений и т.д.

Настройка. В сравнении с моделью открытого рынка вклад участников бизнес-экосистемы в большинстве случаев должен быть адаптирован к экосистеме и стать взаимно совместимым.

Это значит, что для участия в конкретной бизнес-экосистеме необходимо осуществить определенные вложения. В частности, разработчики видеоигр программируют или адаптируют свои игры под конкретную консольную платформу.

Многосторонность. В противоположность моделям открытого рынка набор имеющихся отношений в бизнес-экосистеме в государстве нельзя разложить на совокупность двухсторонних взаимодействий. Это свидетельствует о том, что успешное выполнение контракта между А и В (компанией, производящей телефоны, и фирмой, разрабатывающей приложения) может быть обесценено или разрушено невыполнением контракта между А и С (компанией, производящей телефоны, и фирмой, оказывающей телекоммуникационные услуги), и такая ситуация должна регулироваться на государственном уровне, чтобы обеспечивать стабильность работы бизнес-экосистемы.

Координация. По сравнению с вертикально интегрированными моделями или цепочками поставок в бизнес-экосистемах полностью иерархического контроля нет. Здесь задействован определенный механизм координации — определенные стандарты и правила, принятые в государстве.

Проведенный анализ теоретических подходов к понятию и сущности бизнес-экосистемы в системе государственного управления показал, что она выбирается в качестве наилучшей модели управления (среди других) в государстве или на муниципальном уровне для реализации выявленных возможностей в различных ситуациях.

Если имеет место непредсказуемая и достаточно податливая бизнес-среда, требующая сотрудничества между партнерами для формирования и изменения отрасли, целесообразно применить экосистемный подход. Именно такой тип бизнес-среды позволяет вырабатывать стратегии, позволяющие сформировать профиль отрасли еще до формулирования правил. Выработка стратегии предполагает сотрудничество с другими участниками экосистемы для того, чтобы разделить с ними риски формирования отрасли, привлечь их потенциал и возможности, ускорить процесс создания нового рынка, что также будет обеспечиваться с учетом мер государственного регулирования.

Когда требуемый продукт или сервисное решение обладает как высокой модульностью, так и высокой потребностью в координации или соучастии со стороны государства между нужными партнерами, в качестве модели управления также может быть выбрана бизнес-экосистема. Определяются роли игроков, происходит согласование их деятельности. Говорить о высокой модульности требуемых продуктов можно в том случае, если их отдельные компоненты легко и быстро объединяются и интегрируются при низких затратах. Если производство продуктов характеризуется низкой модульностью, то в этом случае используется иерархическая цепочка поставок. Очевидно, что высокомодульные предложения могут быть реализованы и с помощью модели открытого рынка. Однако есть определенные ситуации, в которых клиенты получают серьезные преимущества именно за счет более тесного согласования между компонентами (что лучше и достигается с использованием бизнес-экосистем). Существуют различные причины такой потребности в координации на уровне государства. В частности, достаточно сложно идентифицировать и выбрать необходимых для сотрудничества участников; не до конца определены не только роли, но и обязанности различных участников; плохо стандартизированы

интерфейсы между компонентами; происходит частое изменение отдельных компонентов или спецификации системы и т.д. К тому же в случае, если появляется возможность извлечения выгоды за счет использования внешних возможностей, увеличения гибкости и быстрого масштабирования, предпочтение также отдается бизнес-экосистеме.

Список литературы:

Аднер Р. Стратегия процветания. Новый взгляд на конкуренцию, развитие бизнес-экосистемы и лидерство. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023.

Ажар А. Экспонента. Как быстрое развитие технологий меняет бизнес, политику и общество. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023.

Безос Дж. Invent and Wander. Избранные статьи создателя Amazon Джеффа Безоса. М.: Бомбора, 2021.

Бранденбургер А., Нейлбафф Б. Co-opetition. Конкурентное сотрудничество в бизнесе. М.: ООО «Кейс»: ООО «Омега-Л», 2012.

Бычкова И.И. Банковская экосистема: современные тренды в финансовой сфере // Научный вестник ЮИМ. 2020. №1. С. 42–46. DOI: [10.31775/2305-3100-2020-1-42-46](https://doi.org/10.31775/2305-3100-2020-1-42-46)

Ваханский О.С., Каталевский Д.Ю. Конкурентное преимущество в эпоху цифровизации // Российский журнал менеджмента. 2022. № 1. С. 5–27. DOI: [10.21638/spbu18.2022.101](https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.101)

Говард Ю. Бизнес-прорыв: как быть уникальным в мире, где все можно скопировать. М.: Эксмо, 2021.

Джекобайдс М.Дж., Ланг Н., Лув Н., Щепэнски К. Что такое успешная цифровая экосистема? // BCG Review. 2019. № 48. С. 37–43.

Иванов А.Л., Шустова И.С. Исследование цифровых экосистем как фундаментального элемента цифровой экономики // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 5. С. 655–670. DOI: [10.18334/ce.14.5.110151](https://doi.org/10.18334/ce.14.5.110151)

Исаева А.Э. Цифровая платформа как одна из доминантных бизнес-моделей цифровой экономики // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 91. С. 209–225. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-91-209-225](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-91-209-225)

Каленов О.Е. Развитие концепции экосистем в экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. № 1. С. 37–46. DOI: [10.21686/2413-2829-2021-1-37-46](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-1-37-46)

Морган Г. Имиджи организации: восемь моделей организационного развития. М.: Вершина, 2006.

Паркер Д., Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Петрунин Ю.Ю., Пугачева А.Е. Имплементация технологий искусственного интеллекта для отбора персонала российских компаний // Безопасность цифровых технологий. 2021. № 2. С. 97–121. DOI: [10.17212/2782-2230-2021-2-97-121](https://doi.org/10.17212/2782-2230-2021-2-97-121)

Рис Э. Бизнес с нуля: Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели. М.: ООО «Альпина Паблицер», 2017.

Ульрих Д., Юнг А. Новая модель организации: как построить более сильную и гибкую организацию по правилам ведущих компаний мира. М.: Эксмо, 2022.

Хастингс Р., Мейер Э. Никаких правил: уникальная культура Netflix. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.

Хоффман Р., Йе К. Блиц-масштабирование: как создать крупный бизнес со скоростью света. М.: Альпина Паблицер, 2019.

Цао Я. Философия Хаier: Перерождение 2.0. М.: Олимп-Бизнес, 2019.

Цзэн М. Как Alibaba использует искусственный интеллект в бизнесе: Сетевое взаимодействие и анализ данных. М.: Альпина Паблшер, 2022.

Adner R. Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy // Journal of Management. 2017. Vol. 43. Is. 1. P. 39–58. DOI: [10.1177/0149206316678451](https://doi.org/10.1177/0149206316678451)

Isenberg D. What an Entrepreneurship Ecosystem Actually Is // Harvard Business Review. 2014. Vol. 5. URL: <https://hbr.org/2014/05/what-an-entrepreneurial-ecosystem-actually-is>

Moor J.E. Predators and Prey: A New Ecology of Competition // Harvard Business Review. 1993. May/June. URL: <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>

Tansley A.G. The Use and Abuse of Vegetational Terms and Concepts // Ecology. 1935. Vol. 16. Is. 3. P. 284–307. DOI: [10.2307/1930070](https://doi.org/10.2307/1930070)

References:

Adner R. (2003) *Winning the Right Game. How to Disrupt, Defend, and Deliver in a Changing World*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

Azhar A. (2023) *The Exponential Age. How Accelerating Technology is Transforming Business, Politics and Society*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

Bezos J. (2021) *Invent and Wander. The Collected Writings of Jeff Bezos*. Moscow: Bombora.

Brandenburger A., Nalebuff B. (2012) *Co-opetition*. Moscow: ООО «Keys»: ООО «Omega-L».

Bychkova I.I. (2020) Banking Ecosystem: Current Trends in the Financial Sector. *Nauchnyy vestnik YuIM*. No. 1. P. 42–46. DOI: [10.31775/2305-3100-2020-1-42-46](https://doi.org/10.31775/2305-3100-2020-1-42-46)

Vikhansky O.S., Katalevsky D.Yu. (2022) The Competitive Advantage in the Age of Digitalization. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*. No. 1. P. 5–27. DOI: [10.21638/spbu18.2022.101](https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.101)

Howard Yu. (2021) *Leap. How to Thrive in a World Where Everything Can Be Copied*. Moscow: Eksmo.

Dzhekobayds M.Dzh., Lang N., Luv N., Shchepenski K. (2019) Chto takoye uspeshnaya tsifrovaya ekosistema? [What is a successful digital ecosystem?]. *BCG Review*. No. 48. P. 36–43.

Ivanov A.L., Shustova I.S. (2020) Research on digital ecosystems as a fundamental element of the digital economy. *Kreativnaya ekonomika*. Vol. 14. No. 5. P. 655–670. DOI: [10.18334/ce.14.5.110151](https://doi.org/10.18334/ce.14.5.110151)

Isaeva A.E. (2022) Digital Platform as One of the Dominant Business Models of Digital Economy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 91. P. 209–225. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-91-209-225](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-91-209-225)

Kalenov O.E. (2021) The Development of Ecosystem Concept in Economy. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. No. 1. P. 37–46. DOI: [10.21686/2413-2829-2021-1-37-46](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-1-37-46)

Morgan G. (2006) *Images of Organizations*. Moscow: Vershina.

Parker G., Alstynne M., Choudar S. (2017) *Platform Revolution. How Networked Markets Are Transforming the Economy — And How to Make Them Work for You*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

Petrinin Yu.Yu., Pugacheva A.E. (2021) Implementation of Artificial Intelligence Technologies in Human Resources Management in Russian Companies. *Bezopasnost' tsifrovyykh tekhnologiy*. No. 2. P. 97–121. DOI: [10.17212/2782-2230-2021-2-97-121](https://doi.org/10.17212/2782-2230-2021-2-97-121)

Ries E. (2017) *The Lean Startup: How Today's Entrepreneurs Use Continuous Innovation to Create Radically Successful Businesses*. Moscow: ООО «Al'pina Pablsher».

Ulrich D., Yeung A. (2022) *Reinventing the Organization. How Companies Can Deliver Radically Greater Value in Fast-Changing*. Moscow: Eksmo.

Hastings R., Meyer E. (2021) *No Rules. Netflix and the Culture of Reinvention*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

Hoffman R., Yeh Ch. (2019) *Blitzscaling: The Lightning-Fast Path to Building Massively Valuable Companies*. Moscow: Al'pina Publisher.

Cao Y. (2019) *The Haier Model: Reinventing a Multinational Giant in the Network Era*. Moscow: Olimp-Biznes.

Zeng M. (2022) *Intelligent Business*. Moscow: Al'pina Publisher.

Adner R. (2017) Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy. *Journal of Management*. Vol. 43. Is. 1. P. 39–58. DOI: [10.1177/0149206316678451](https://doi.org/10.1177/0149206316678451)

Isenberg D. (2014) What an Entrepreneurship Ecosystem Actually Is. *Harvard Business Review*. Vol. 5. Available: <https://hbr.org/2014/05/what-an-entrepreneurial-ecosystem-actually-is>

Moor J.E. (1993) Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*. May/June. Available: <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>

Tansley A.G. (1935) The Use and Abuse of Vegetational Terms and Concepts. *Ecology*. Vol. 16 Is. 3. P. 284–307. DOI: [10.2307/1930070](https://doi.org/10.2307/1930070)

Дата поступления/Received: 05.03.2023

Нейроинтерфейсы в государственном управлении: возможности и ограничения

Косоруков Артём Андреевич

Кандидат политических наук, старший преподаватель, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: kosorukov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [2205-9375](https://elibrary.ru/2205-9375)

ORCID ID: [0000-0002-0275-4899](https://orcid.org/0000-0002-0275-4899)

Аннотация

Изучение современной номенклатуры нейроинтерфейсов направлено на определение технологических горизонтов трансформации государственного управления, при этом особую актуальность оно приобретает в связи с принятием дорожной карты развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». Пристальное внимание к развитию нейротехнологий отражает стремление Правительства Российской Федерации качественно отреагировать на рост мирового рынка нейроинтерфейсов и на суверенной технологической основе осуществить инновационный переход к новой системе взаимодействия «человек–машина», предоставив государственным служащим возможность более эффективного совершения административных операций. В этой связи целью исследования является раскрытие и визуализация технических возможностей и ограничений, потенциальных рисков от внедрения нейроинтерфейсов в практику государственного управления. С учетом роста программно-технических решений на базе нейротехнологий методы исследования включают в себя когнитивный метод, оценивающий технологические способы применения и вероятные негативные последствия от внедрения нейротехнологий; метод визуализации механизмов и технологий внедрения нейротехнологий как на уровне программных решений, так и на технологическом уровне нейроинтерфейсов; метод экспертного опроса представителей академического сообщества России с использованием Google-таблиц. Результаты проведенного исследования говорят о том, что при всем разнообразии развития нейротехнологий в сфере государственного управления в ближайшие годы могут успешно внедряться технологии компьютерного зрения по идентификации и верификации личности, технологии интеллектуального анализа и синтеза речи, технологии рекомендательных систем и создания виртуальных помощников, технологии межмашинного обучения, технологии нейроуправления коммуникациями и двигательной активностью человека, технологии нейротренинга, когнитивного усиления и создания смешанных человеко-машинных команд. Потенциальные негативные последствия от внедрения нейротехнологий в практику государственного управления определяют направления дальнейших исследований нейроинтерфейсов, касающихся вопросов обеспечения нейробезопасности, защиты от нейродискриминации алгоритмической предвзятости, прогнозирования эффектов нейростимуляции и когнитивного улучшения, сохранения нейропсихической неприкосновенности человека и целостности его нейрографического профиля.

Ключевые слова

Нейротехнологии, нейроинтерфейс, нейрокоммуникации, нейросенсинг, нейродискриминация, нейробезопасность.

Neurointerfaces in Public Administration: Opportunities and Limitations

Artem A. Kosorukov

Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Analysis, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: kosorukov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-0275-4899](https://orcid.org/0000-0002-0275-4899)

Abstract

The study of the modern nomenclature of neurointerfaces is aimed at determining the technological horizons of the transformation of public administration, while it becomes particularly relevant in connection with the adoption of the roadmap for the development of “end-to-end” digital technology “Neurotechnologies and Artificial Intelligence”. Close attention to the development of neurotechnologies reflects the desire of the Russian Federation Government to respond qualitatively to the growth of the global market of neurointerfaces and on a sovereign technological basis to make an innovative transition to a new system of man-machine interaction, providing civil servants with the opportunity to perform administrative operations more efficiently. In this regard, the aim of the study is to reveal and visualize technical capabilities and limitations, potential risks from the introduction of neural interfaces into public administration practice. Taking into account the growth of software and technical solutions based on neurotechnologies, research methods include a cognitive method evaluating technological methods of application and likely negative consequences from the introduction of neurotechnologies, a method for visualizing mechanisms and technologies for the introduction of neurotechnologies both at the level of software solutions and at the technological level of neurointerfaces, a method of expert survey of representatives of the academic community of Russia using Google-tables. The results of the study suggest that, with all the diversity of the development of neurotechnologies in the field of public administration, computer vision technologies for identification and verification of personality, technologies of intelligent analysis and speech synthesis, technologies of recommendation systems and the creation of virtual assistants, technologies of machine learning, technologies of neuromanagement of communications and human motor activity, technologies of neurotracking, cognitive enhancement and the creation of mixed human-machine teams can be successfully implemented in the coming years. The potential negative consequences of the introduction of neurotechnologies into the practice of public administration determine the directions for further research of neurointerfaces related to issues of ensuring neurosecurity, protection against neurodiscrimination and algorithmic bias, forecasting the effects of neurostimulation and cognitive improvement, preserving the neuropsychic integrity of a person and the integrity of his/her neurological profile.

Keywords

Neurotechnologies, neurointerface, neurocommunications, neurosensing, neuro discrimination, neurosecurity.

Введение

Начиная с момента появления первых машин или технических устройств, способных с помощью механических движений преобразовывать энергию, материю и информацию в полезные для человека формы и направления своего практического применения, люди постоянно стремились их перестроить или усовершенствовать, добиться более точной настройки и управляемости, приблизить или адаптировать интерфейс управления машиной к возможностям человеческого организма, механике работы мышц и, наконец, к электрогенным свойствам функционирования нервной системы. Если управление простыми машинами или, скорее, механизмами (рычагом, колесом, блоком) требовало однотипного приложения физических усилий человека к простому физическому объекту (интерфейс был представлен органами чувств, через которые управленческие воздействия передавались непосредственно мышцам и далее механизмам), то с появлением сложных машин (наливное водяное колесо, архимедов винт, паровая турбина, двигатель внутреннего сгорания и др.), помимо мускульной силы, от человека потребовалось использовать все более сложные и опосредованные интеллектом способы применения физических законов к решению практических задач (интерфейс «человек-машина» был дополнен разнообразными органами управления сложными машинами, а в дальнейшем — аппаратными и программными системами «ввода-вывода» электронно-вычислительных устройств, начиная с первых компьютеров размером с многоэтажное здание и заканчивая современными наноустройствами).

История развития интерфейса «человеческий мозг-машина»

Идея о том, что управление машинами может строиться не только на базе все более точных органов управления и систем «ввода-вывода», имеющих вполне конкретные физические размеры и ограничения и опосредующих тем самым взаимодействие человека с машинами, но и на основе электрогенных свойств нервной системы человека, передающих управленческий импульс непосредственно из мозга в машину, возникла в конце XIX века в работах Р. Катона [Caton 1875], исследовавшего слабые электрические токи мозга кроликов и обезьян, и И.М. Сеченова [Сеченов 1863], выделившего ритмическую электрическую активность мозга лягушки. Уже к началу XX в. исследования электрических процессов в мозге нашли свое отражение в работах В.Я. Данилевского [Данилевский 1901], описавшего стимулы электрической активности мозга лягушек, Э. Реймона [Reymond 1912], раскрывшего электрогенные свойства нерва и мышцы, и В.В. Немминского [Nemminski 1913], впервые зафиксировавшего показатели электроэнцефалографии мозга собаки.

Но о первом теоретическом продвижении в направлении создания интерфейса «человеческий мозг-машина» можно говорить в связи с деятельностью немецкого психиатра и нейрофизиолога Г. Бергера [Berger 1929], который в 1924 году при помощи гальванометра впервые зафиксировал электрические сигналы на поверхности человеческой головы. Уже в 50-е гг. XX в. профессором физиологии Йельского университета Х. Дельгадо [Delgado 1969] был изобретен первый нейроинтерфейс, представляющий собой стимосивер — прибор размером 31 мм, который можно было инвазивно устанавливать в мозговую ткань и управлять поведением испытуемого животного по радиоканалу, в частности управлять поведением агрессивного быка. В 1998 г. нейрохирург Ф. Кеннеди [Kennedy, Вакану 1998] совершил важнейший для нейроотрасли научный прорыв, вживив нейрочип в мозговую ткань человека, и вернул подвижность Джонни Рэю, которую тот потерял после инсульта, обучив его двигать курсором на экране с помощью «силы мысли» — концентрации зрительной активности на определенных участках экрана.

Если говорить о практике внедрения нейротехнологий в сферу государственного управления на современном этапе, то следует отметить, что отслеживание нейроактивности мозга достаточно активно используются в США в судебной практике, в том числе для определения психофизического состояния обвиняемого в момент совершения преступления. Так, данные электроэнцефалографии, или нейробиологические свидетельства нейроактивности мозга, выступают доказательством нарушений в его работе вследствие болезни или психотравмы, влияющих на поведение человека, при этом начиная с 50-х гг. и по настоящее время число таких прецедентов в судебных процессах выросло с 8 до почти 1600 [Филипова 2022].

В 2000-е гг. начинает складываться полноценный мировой рынок коммерческих нейроустройств (Neuralink, Mind Technologies, Covidien и др.), которые выходят за рамки сугубо медицинской проблематики, предотвращения и лечения нейродегенеративных заболеваний и начинают использоваться в образовательной, промышленной, транспортной и развлекательной отраслях экономики [Спешилова и др. 2019], когда EEG-шлемы с VR-расширениями в качестве неинвазивных нейроинтерфейсов помогают контролировать пользователя и осуществлять манипуляции с объектами реального или виртуального мира. Согласно отчету компании Market Research Future¹, к 2030 г. общемировой темп роста рынка нейроинтерфейсов составит 15–16% в год и достигнет более 5 млрд долларов США. При этом в рамках принятой в РФ дорожной карты «Нейротехнологии и искусственный интеллект»² российский рынок в ближайшие годы будет расти на 30% быстрее мирового, а доля России составит около 3% от всех продаж нейроинтерфейсов в мире.

Следует отдельно остановиться на том, что в современной науке понимается под нейроинтерфейсом. Нейроинтерфейс в широком значении представляет собой систему однонаправленного или двунаправленного обмена информацией между мозгом человека и инвазивным или неинвазивным компьютерным устройством, считывающим его электрическую активность [Bryndin 2021]. При этом в данной статье речь не идет об анализе мысленных коммуникаций с нейроустройством через внутреннюю речь как энергоемком физиологическом процессе, отражающемся в форме семантических чувственных образов; цель исследования состоит в раскрытии и визуализации технических возможностей и ограничений, многочисленных потенциальных рисков от внедрения нейроинтерфейсов и соответствующего программного обеспечения в практику государственного управления. Новизна исследования заключается в раскрытии механизмов и технологий внедрения нейроинтерфейсов в практику работы государственного служащего с учетом новейших достижений в данном технологическом секторе, а также в использовании экспертного мнения ведущих российских специалистов в области нейротехнологий.

Методология исследования опирается на когнитивный метод, позволяющий оценивать технологические способы применения и возможные негативные последствия от внедрения нейротехнологий в практику государственного управления, а также на метод визуализации механизмов и технологий внедрения нейротехнологий различными производителями как на уровне программных решений, так и на технологическом уровне нейроинтерфейсов.

¹ Neuroprosthetics Market Research Report, by Type (Cognitive Prosthetics, Cochlear Implant), Techniques (Vagus Nerve Stimulation), Application (Motor Neuron Disorders) End-User (Hospitals and Clinics, Diagnostic Centers)- Forecast till 2030 // Market Research Future [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/neuroprosthetics-market-6782> (дата обращения: 15.01.2023).

² Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6658/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 15.01.2023).

Результаты исследования потенциальных негативных последствий от внедрения нейротехнологий, представленных в Таблице 1, основываются на использовании метода экспертного опроса академического сообщества в формате онлайн-анкетирования с применением таблицы Google (сентябрь–ноябрь 2022 г., выборка — 52 респондента из ведущих вузов России (ЦФО — 40%, СЗФО — 21%, ЮФО — 13%, ПФО — 9%, СКФО — 7%, СФО — 6%, УФО — 3%, ДФО — 1%)).

Ключевой технической проблемой и ограничением нейроинтерфейсов является точность измерений, так как даже инвазивные интерфейсы не могут достичь 100% считывания сигналов, поступающих от нервных клеток по электродам [Бодин и др. 2019] (не говоря уже о неинвазивных нейрочипах, где череп, кожа и другие слои не позволяют отслеживать электрическую активность мозга без определенных искажений и шумов, накладывающихся на магнитную активность нейронов, скорость движения крови в сосудах и изменения в обмене веществ). Более того, строение мозга, состоящего из около 100 млрд нейронов (каждый из которых может создать около 1000 синаптических соединений), не поддается достоверному математическому моделированию на неклассических суперкомпьютерах, так как потенциальное число нейронных связей больше числа атомов в видимой части Вселенной (10^{80} в степени).

И тем не менее нейроинтерфейсы созданы и уже в настоящее время позволяют людям с ограниченной мобильностью с помощью тренированных специальным образом систем «зрительные нервы-мозг», по сути, с помощью сконцентрированного на экранной кнопке взгляда нажимать кнопки на экране (от 10 до 12 символов в минуту [Ma et al. 2022]), осуществляя коммуникацию с другими людьми и миром Интернета вещей, а также управлять нейропротезами и нейромобилями, восстанавливая тем самым свою физическую мобильность и инклюзию [Миронов и др. 2018]. Нейроинтерфейсы отслеживают электрическую активность головного мозга во время как речевой, так и физической активности человека, позволяют на этой основе картировать нейросети головного мозга (см. проект Human Connectome Project³), выделяя в нем зоны, отвечающие за ту или иную активность (см. Рисунок 1). Подобное картирование мозга лежит в основе практически любой системы мониторинга его нейроактивности, выявляющей психологическое и физическое состояние человека, повышение или снижение его концентрации и внимания при решении интеллектуальных задач или осуществлении физической активности.

³ Human Connectome Project // NIH Blueprint for Neuroscience Research [Электронный ресурс]. URL: <https://neuroscienceblueprint.nih.gov/human-connectome/connectome-programs> (дата обращения: 15.01.2023); Mapping out a new era in brain research // CNN Business [Электронный ресурс]. URL: https://edition.cnn.com/2012/03/01/tech/innovation/brain-map-connectome/index.html?eref=rss_health (дата обращения: 15.01.2023).

Human Connectome Project - научно-исследовательский проект по исследованию структурной и функциональной организации человеческого мозга с применением методов томографии, направлен на картирование структурных связей в нервной системе человека. Сканирование нейронной архитектуры человеческого мозга, создание структурных и функциональных карт мозга человека направлены на понимание истоков неврологических и психических процессов, причин различий в способностях и поведении разных людей.

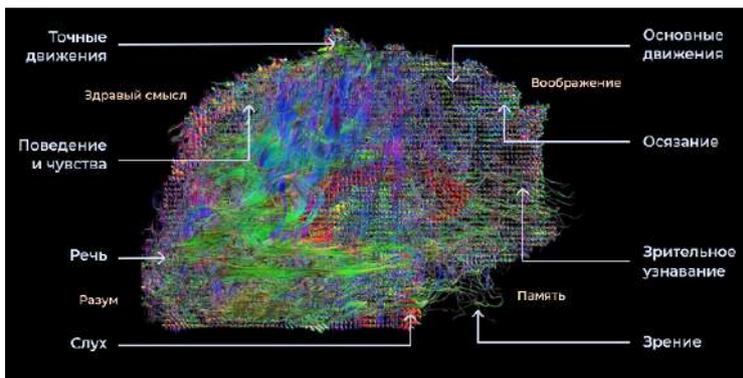

Рисунок 1. Визуализация структурных и функциональных связей в человеческом мозге на основе подсвечивания нервных волокон от Human Connectome Project⁴

В Российской Федерации за последние два десятилетия на базе ведущих научно-исследовательских центров и университетов был сформирован серьезный технологический задел в сфере создания и тестирования нейроинтерфейсов (Neurochat МГУ имени М.В. Ломоносова⁵ и открытая платформа для создания нейротренажеров и нейроинтерфейсов Центра компетенций НТИ на базе Санкт-Петербургского политехнического университета⁶), но централизованно вопрос поддержки отечественных нейротехнологий и коммерциализации соответствующей нейроинтерфейс-продукции впервые был поставлен в 2019 г. Так, говоря о реализации мероприятий федерального проекта «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика», следует отметить принятие в 2019 году дорожной карты развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». С одной стороны, принятие данной дорожной карты отражает стремление Правительства Российской Федерации оперативно реагировать на растущий мировой рынок ИИ-решений и решений в сфере нейротехнологий (ИИ — до 137,5 млрд, нейротехнологии — до 1,3 млрд долларов к 2024 году), инвестиции до 2024 года в отечественные проекты составят более 170 млрд рублей, с другой стороны, особое внимание к ИИ и нейротехнологиям неслучайно, ведь именно они позволяют осуществлять технологическую эволюцию интерфейсов взаимодействия в системе «человек-машина», благодаря которым, в частности, государственные и муниципальные служащие совершают ежедневные административные операции и работают с данными.

Программно-технические способы внедрения нейротехнологий в государственное управление

В данной статье речь не идет о пересмотре заложенных в национальную программу «Цифровая экономика» до 2024 года технологических решениях, в частности элементах типового

⁴ Составлено автором по: Human Connectome Project // NIH Blueprint for Neuroscience Research [Электронный ресурс]. URL: <https://neuroscienceblueprint.nih.gov/human-connectome/connectome-programs> (дата обращения: 15.01.2023); Mapping out a new era in brain research // CNN Business [Электронный ресурс]. URL: https://edition.cnn.com/2012/03/01/tech/innovation/brain-map-connectome/index.html?eref=rss_health (дата обращения: 15.01.2023)

⁵ Система нейрокоммуникации и нейротренинга // Нейрочат [Электронный ресурс]. URL: <https://neurochat.pro/> (дата обращения: 15.01.2023).

⁶ Открытая платформа для создания нейротренажеров и нейроинтерфейсов // Центр НТИ СПбПУ [Электронный ресурс]. URL: https://nticenter.spbstu.ru/nti_projects/48 (дата обращения: 28.01.2023).

автоматизированного рабочего места государственного служащего; вместе с тем представленный анализ касается возможного дополнения национальной программы «Цифровая экономика» нейроинструментарием в перспективе 2024–2030 гг. Данный инструментарий включает в себя ряд субтехнологий, каждая из которых может существенно расширить технические информационно-аналитические возможности государственных служащих на своих рабочих местах. В частности, речь идет о способности сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления воспринимать и анализировать информацию, которая поступает им в рамках исполнения должностных обязанностей.

1. Компьютерное зрение: в связи с тем, что государственным служащим младшей и старшей групп достаточно часто приходится сверять лицо человека с фотографией на цифровом носителе информации или бумажном документе, удостоверяющем личность, все более востребованной для включения в национальную программу «Цифровая экономика» становится отечественная платформа [Luna](#) от VisionLabs, позволяющая распознавать лица в режиме реального времени и сокращающая время идентификации и верификации личности в целях повышения уровня обслуживания граждан, борьбы с мошенничеством и «подлогом личности» физического лица (см. Рисунок 2). Внедрение платформенных технологий Luna позволяет увеличить скорость распознавания до 200 тыс. фото в секунду, а также повысить качество распознавания лиц до 98%. В основе данной технологии лежит метод машинного зрения: компьютерное устройство сканирует лицо человека, сопоставляя их с базой данных, и на основании этого идентифицирует личность человека. Нейросети платформы Luna, постоянно обучающиеся на растущей базе данных физических лиц, способны повысить эффективность Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), обеспечивающей доступ государственным служащим и заявителям (включая их биометрическую регистрацию и аутентификацию) к функционалу сайтов государственных органов и коммерческих организаций. По итогам интеграции с ЕСИА платформа Luna сможет обеспечивать более надежную защищенность биометрических персональных данных от несанкционированного доступа третьих лиц и их незаконного использования в сторонних информационных системах, включая изменение контактных данных во взломанном аккаунте с целью выпуска кредитных карт и получения займов, получение доступа к квалифицированной электронной подписи и переоформление права собственности на движимое и недвижимое имущество.

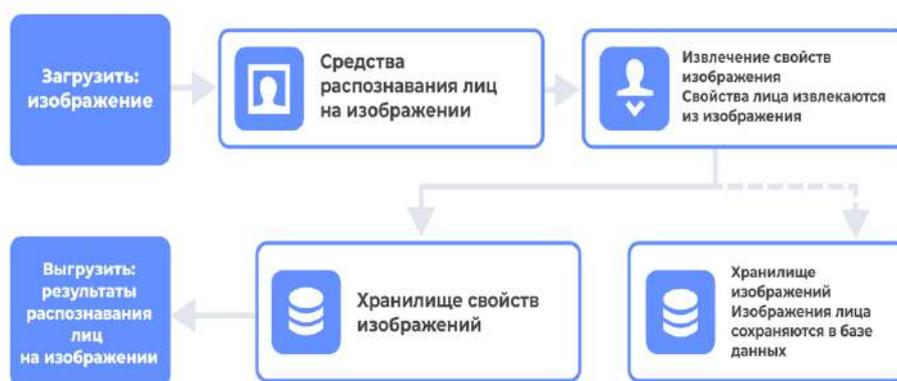

Рисунок 2. Этапы распознавания лиц в платформе Luna от VisionLabs⁷

⁷ Источник: Luna Platform // VisionLabs [Электронный ресурс]. URL: <https://visionlabs.ru/ru/products/luna-platform> (дата обращения: 15.01.2023).

2. Интеллектуальный анализ естественного языка на базе нейросетевых технологий лежит в основе работы переводчика АBBYU Compero от отечественной компании АBBYU и умного помощника «Алиса» от компании «Яндекс». Однако в открытой платформе диалоговых систем DeepPavlov⁸ (Рисунок 3) данная технология носит более комплексный характер за счет оптимального сочетания нейросетевых и символических подходов к проектированию как систем, ориентированных на задачи, так и систем диалога, способных не только качественно усилить работу умных помощников или программных роботов фронт-офисов, веб-интерфейсов сайтов и мобильных приложений, но и увеличить абсолютное количество принятых в работу заявлений и оказанных услуг за счет более точной обработки семантического и эмоционального компонента человеческого языка. Более точное определение тональности текста, синтаксический анализ именованных сущностей, контекстуальное определение того, чего хочет или что подразумевает собеседник, обращаясь к вышеописанным диалоговым системам в экосистеме госуслуг, усиливают доверие и лояльное отношение граждан к программным роботам. В результате на основе анализа и синтеза информации, полученной от граждан, умные помощники могут выявлять потребности и предлагать гражданам новые услуги, а также разрабатывать программы лояльности, которые будут мотивировать их обращаться к государственным услугам снова и снова. Это позволит государству повысить эффективность своей работы и оптимизировать административные процессы согласно запросам самих граждан.

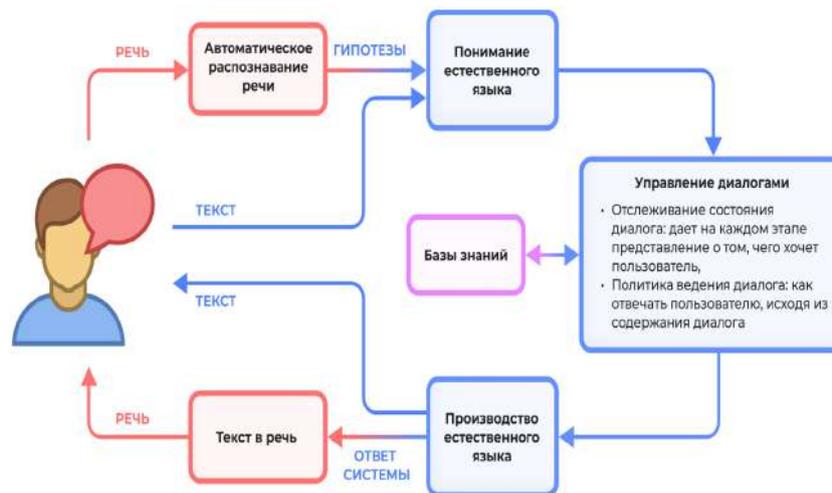

Рисунок 3. Архитектура диалоговой системы DeepPavlov⁹

3. Распознавание и синтез речи: российские продукты [Yandex SpeechKit](#) от компании «Яндекс» и [Smart Logger](#) от группы компаний «Центр речевых технологий» представляют собой инновационный инструментарий для автоматической обработки человеческого языка на массивах неструктурированной речевой информации как на уровне входящих сообщений, так и на уровне синтеза текстовых и голосовых форм ответов заявителям, по телефонии обратившимся за информацией или услугой на портал Госуслуги или в МФЦ (см. Рисунок 4). В случае подключения к цифровым платформам оказания государственных услуг или чат-ботам каналов госорганов в мессенджерах подобные решения способны в круглосуточном формате на многоканальной основе обслуживать функционирование административных процессов и сервисов, блокируя

⁸ How We Enhanced Dialogue Management in Dream Socialbot // Medium [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/deeppavlov/how-did-we-enhance-dialogue-management-in-dream-socialbot-d88057999132> (дата обращения: 15.01.2023).

⁹ Источник: How We Enhanced Dialogue Management in Dream Socialbot // Medium [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/deeppavlov/how-did-we-enhance-dialogue-management-in-dream-socialbot-d88057999132> (дата обращения: 15.01.2023).

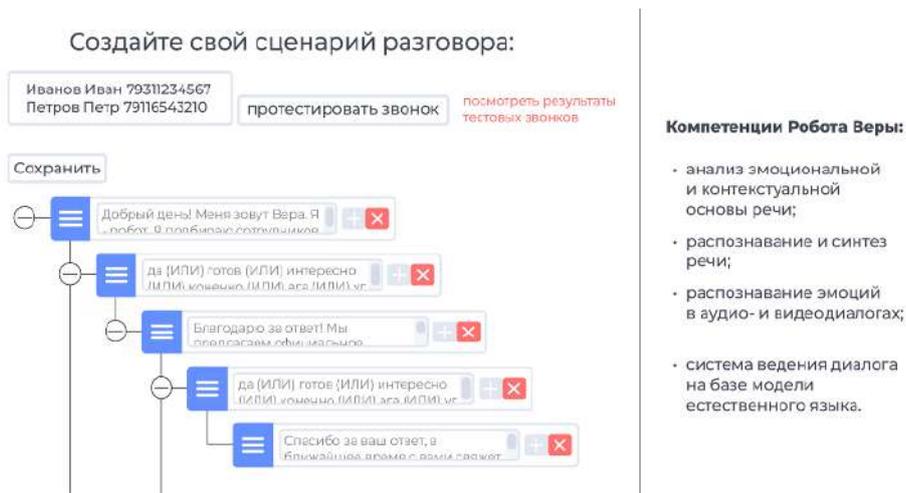

Рисунок 5. Компетенции и сценарии работы робота Вера от Stafory¹¹

5. Перспективные технологии в сфере искусственного интеллекта, внедряемые, в частности, российской открытой платформой [Smart Open Virtual Assistant \(SOVA\)](#), затрагивают такой аспект работы над интерфейсом, как межмашинное обучение и взаимодействие, представляющее собой создание виртуальных помощников под требования рабочего места государственного служащего разных уровней. Используя технологии распознавания речи, движок чат-бота на основе глубоких нейронных сетей и программного обеспечения по генерации речи, SOVA тренирует умных помощников, доводя качество ведения диалога до состояния, близкого к естественному неформальному языку (в том числе в рамках запланированной поддержки китайского и английского языков), тем самым способствуя построению гармоничного человек-машинного диалога (Рисунок 6). В конечном итоге речь идет о создании общества искусственного интеллекта, способного с применением коллективного искусственного интеллекта выстраивать коллективный диалог между людьми и машинами с целью решения задач любого уровня сложности: начиная от справочных систем и заканчивая прогнозно-аналитическими моделями развития человечества.

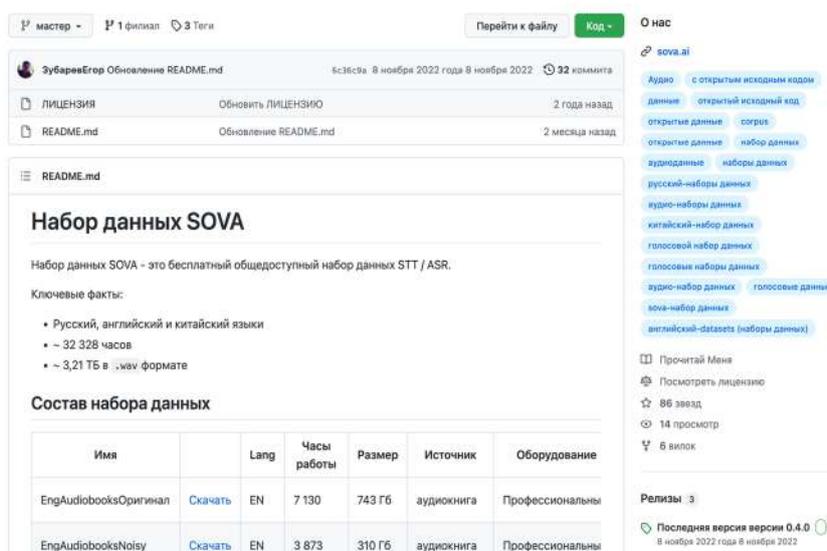

Рисунок 6. Открытый набор данных умного помощника SOVA¹²

¹¹ Источник: Робот Вера // Сайт проекта «Stafory» [Электронный ресурс]. URL: <https://soware.ru/products/robot-vera> (дата обращения: 15.01.2023).

¹² Источник: Sova IDE. Development, Testing and Release Environment for Virtual Assistants // Сайт SOVA [Электронный ресурс]. URL: <https://sova.ai/ide> (дата обращения: 15.01.2023).

6. Технологии нейропротезирования отражают трансформацию всей системы человек-машинной коммуникации, в рамках которой на смену зрительному, слуховому или тактильному механизму считывания информации об окружающем мире приходят механизмы нейрокоммуникации, реализуемые с помощью неинвазивных и инвазивных нейрочипов, не только снимающих электроэнцефалографию мозговой активности человека, но и способных через цифровые каналы связи передавать информацию как напрямую другому человеку, так и управлять умными устройствами, включая протезы, экзоскелеты, с помощью мозговых усилий и порождаемых ими нейроимпульсов [Кравченко и др. 2021]. При этом управляемый нейроимпульсами протез — это искусственное устройство, заменяющее или усиливающее отсутствующую или поврежденную часть тела, которая контролируется нервной системой человека. Российские разработки, продукты от «НейроЧат»¹³ (см. Рисунок 7) и «ЕхоАтлет»¹⁴ активно продвигаются в направлении нейроуправления как коммуникациями [Ганин, Каплан 2022], так и двигательной активностью человека, что в обозримом будущем существенно усилит коммуникационные возможности рабочего места государственного служащего и повысит уровень цифровой инклюзии ограниченно мобильных граждан как с точки зрения получения госуслуг, так и в вопросах найма на государственную службу.

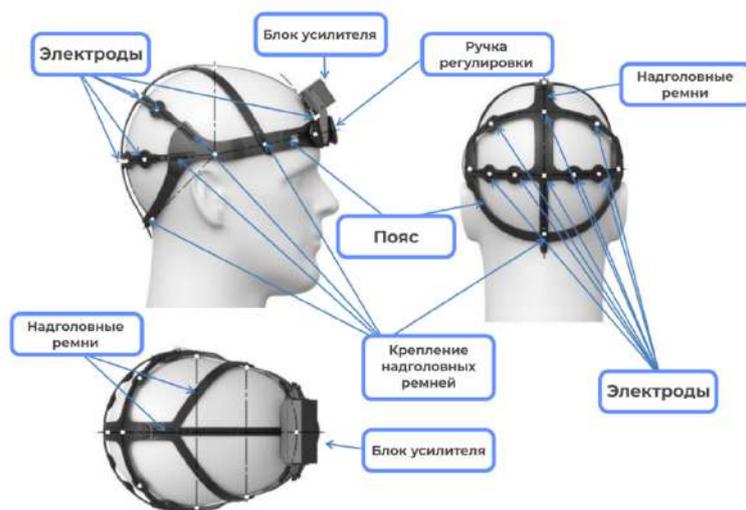

Рисунок 7. Схема нейрогарнитуры «ГарАнт-ЭЭГ» системы «Нейрочат»¹⁵

7. Еще одним направлением использования нейроинструментария выступают нейростимуляция (однаправленный интерфейс) и нейросенсинг (двунаправленный интерфейс) как два направления вынесения коммуникационно-управленческих возможностей нейросигналов за пределы головного мозга. Если нейростимуляция оказывает целенаправленное воздействие на активность нервной системы человека, способствующее усилению поврежденных или недостаточно активизированных областей коры головного мозга, позволяет отслеживать обратную связь и передавать ее с помощью считывающего устройства на любое расстояние, то нейросенсинг является технологией цифрового расширения и углубления чувственного восприятия человеком окружающего мира с помощью носимой электроники, позволяющей также осуществлять наблюдение и контроль за естественными сенсорами человека — органами

¹³ Нейрогарнитура «ГарАнт-ЭЭГ» // НейроЧат [Электронный ресурс]. URL: https://neurochat.pro/upload/user_files/doc/neuroChatPassport.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

¹⁴ Стандарты оснащения учреждений реабилитационного профиля // Reamed [Электронный ресурс]. URL: https://reamed.su/upload/iblock/874/u1j80lme401bun8b3zin8gd0r1no0k9i/Katalog_Standarty%20ospashcheniya_2023_web.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

¹⁵ Источник: Нейрогарнитура «ГарАнт-ЭЭГ». С. 4 // НейроЧат [Электронный ресурс]. URL: https://neurochat.pro/upload/user_files/doc/neuroChatPassport.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

чувств — и порождаемыми ими нейросигналами с помощью обработки сигналов, поступающих от цифровых датчиков к головному мозгу и обратно. Первыми шагами в применении этих технологий в государственном секторе с известными правовыми и этическими оговорками можно считать разработку и тестирование нейроустройств от российской компании «Викиум» (см. Рисунок 8) для отслеживания, анализа и визуализации мозговой активности, тренировки мозга в игровом формате, а также нейротрекеры от российского стартапа [Neiry](#), способные нивелировать стрессовые состояния человека и с помощью тренинга удерживать фокус внимания на профессиональных задачах.

Помимо этого, следует упомянуть возможности нейроимиджинга (нейровизуализации), который, будучи одним из прикладных направлений развития нейротехнологий, позволяет в режиме реального времени изучать структуру головного мозга и его нейроактивности, выделять и прогнозировать возможные психопатологии и осуществлять технический контроль за любыми нейрохирургическими вмешательствами.

Рисунок 8. Игры для тренажера от компании «Викиум»¹⁶

8. Нейротехнологии имеют важное прикладное измерение, связанное с повышением интеллектуальных и познавательных способностей человека или когнитивным усилением [Cinel et al. 2019] (см. Рисунок 9). Когнитивное усиление (КУ) направлено на повышение производительности человека, связанной с реализацией мозговых функций высшего порядка — абстрактными рассуждениями и принятием нестандартных решений. Расшифровка субъективных предпочтений человека по сигналам однократной спектроскопии ближнего инфракрасного диапазона позволяет отслеживать активность мозга и помогает пользователю получать детальное представление о своих когнитивных процессах и их функциях. Отличительной особенностью КУ от других направлений применения нейротехнологий является то, что его можно использовать для расшифровки и анализа решения, принятого пользователем [Tzovara et al. 2015], или для оценки того, насколько пользователь мог быть уверен в своем решении, что позволяет ему в дальнейшем принимать решения подобного класса на основе наиболее надежных данных и тем самым повышать свою эффективность [Valeriani et al. 2017]. Когнитивное усиление в государственном управлении имеет важное прикладное значение, связанное со снижением вероятности принятия государственным служащим неточных или необоснованных решений, более точным

¹⁶Источник: Брейн-фитнес. Инновационный формат тренировки мозга! // Викиум [Электронный ресурс]. URL: <https://wikium.ru/bf> (дата обращения: 15.01.2023).

прогнозированием поведения объекта управления и принятия самого оптимального решения с учетом не только статистических данных, но и более широкого круга знаний, объединенных логическими связями и проактивным образным мышлением.

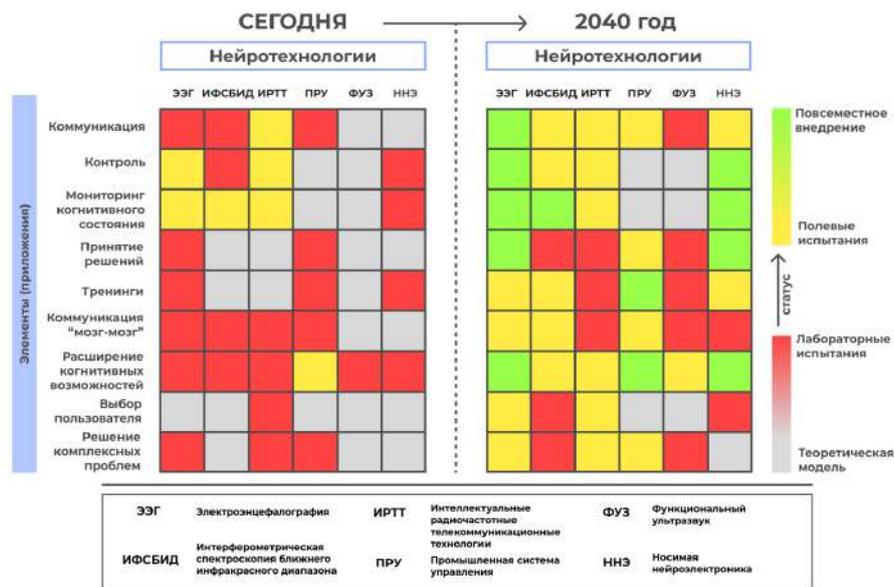

Рисунок 9. Нейротехнологии в сфере когнитивного усиления ¹⁷

9. Нейротехнологии ускоряют процесс как инвазивной (с использованием имплантируемых нейрочипов), так и неинвазивной (нейрочипы в носимой электронике) интеграции людей и машин [Gao et al. 2021], позволяя людям с различными сенсорными ограничениями напрямую подключаться к компьютерным устройствам и взаимодействовать с ними и окружающим миром с помощью нейроимпульсов. Подобное «дотраивание» человеческого мозга или вынесение его сенсоров за границы физического тела соответствуют требованиям информационной эпохи, тем более что интеллектуальные возможности машин, их программные нейросети уже справляются с задачами, требующими больших вычислений, такими как игра в го. Однако следует учитывать, что имплантируемые нейрокомпьютерные интерфейсы и программные нейросети все еще далеки от композиции и конфигурации работы всех частей и нейросетей человеческого мозга и должны обучаться на тех моделях или случаях, где решения уже принимались или могли приниматься людьми (нейросеть AlphaGo¹⁸ от DeepMind (см. Рисунок 10), прежде чем обыграть мировых чемпионов по игре в го, обработала более 1,3 млн архивных партий данной игры с учетом 30 миллионов разыгранных людьми стратегических позиций на доске). Поэтому необходимо учитывать принцип подобия при построении машинного «интеллекта» по образу человеческого, ведь человеком или группой людей не может быть адекватно осознана работа программного интеллекта, функционирующего по алгоритмам, которые не воспроизводимы в рамках индивидуального человеческого мышления, и на массиве данных, которые человеком не охватываются и не воспринимаются вследствие неструктурированности и немасштабности больших данных для индивидуального восприятия. В этой связи в сфере государственного управления ожидаемо будут создаваться команды, состоящие из программных машин и государственных служащих, в рамках которых госслужащие будут отвечать за выбор целей и задач

¹⁷ Источник: [Cinel et al. 2019].

¹⁸ AlphaGo under a Magnifying Glass // Deep Learning: Sky's the Limit? [Электронный ресурс]. URL: <http://deeplearningskysthelimit.blogspot.com/2016/04/part-2-alphago-under-magnifying-glass.html> (дата обращения: 15.01.2023).

в условиях перманентной неопределенности, нести всю полноту ответственности за принятые решения, а машины будут работать над анализом многочисленных ситуаций и всех релевантных массивов данных.

Рисунок 10. Структура нейросети AlphaGo от DeepMind¹⁹

Повсеместное распространение нейротехнологий позволит качественно усилить рутинную практику государственного управления при помощи применения «умных помощников», действующих по моделям человеческого интеллекта, например управлять компьютерными устройствами, сенсорами и датчиками или усиливать когнитивные способности нашего мышления, контролировать уровень внимания на рабочем месте и повышать производительность труда. Для перехода к повседневному использованию нейротехнологических устройств и нейросетевых программ потребуется пересмотр нормативно-правовых и биоэтических основ регулирования нейротехнологий, включая пересмотр допустимых границ и рисков от инвазивного применения нейрочипов, степеней свободы искусственного интеллекта, используемых программных продуктов, принципов и режима регулирования нейрорисков, которые будут возникать как в гражданской производственной сфере, так и в продуктах и услугах для государственного сектора [Филипова 2021]. При этом следует учитывать, что процесс межотраслевой интеграции все еще пилотных нейротехнологических разработок может растянуться на многие годы и более чем на одно десятилетие, пока не будет достигнут необходимый прогресс по смежным технологическим направлениям (нейробиология, биомедицинская инженерия и программирование, нейропсихология и др.). Тем не менее определенные успехи в сфере нейропрототипирования и связанных с ним отраслей производства, фундаментальные и прикладные разработки ведущих академических центров по всему миру позволяют считать, что первые интегрированные прототипы повседневных нейроустройств появятся на рынке к концу десятилетия и будут доступны для широкого круга лиц.

Несмотря на то, что в 2020 году Правительство РФ предусмотрело создание экспериментального правового режима для развития нейроинтерфейсов, нейростимуляции и нейропротезирования, формирования правовой базы, стандартов и технических регламентов для их ускоренного внедрения на практике²⁰, а также обеспечения безопасности и надежности функционирования нейроинтерфейсных систем, для дальнейшего продвижения в области

¹⁹Источник: AlphaGo under a Magnifying Glass // Deep Learning: Sky's the Limit? [Электронный ресурс]. URL: <http://deeplearningskysthelimit.blogspot.com/2016/04/part-2-alphago-under-magnifying-glass.html> (дата обращения: 15.01.2023).

²⁰Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74723381/> (дата обращения: 15.01.2023).

нейротехнологий необходима разработка новой отрасли права для регулирования вопросов когнитивной свободы, права на психическую неприкосновенность, права на психическую целостность, права на психологическую преемственность и др. Важно учитывать невозможность на современном этапе точно описать все негативные и наиболее значимые последствия, с которыми органам государственной власти и гражданам придется иметь дело после широкого внедрения нейроустройств и нейротехнологий в целом.

Возникает известная дилемма Коллингриджа — методологическое затруднение, в рамках которого исследователи-разработчики и законодатели в данный момент не могут определить все необходимые нормативные и биоэтические грани регулирования нейротехнологической сферы, тогда как после укоренения данной технологической ветки в обществе потребления контролировать и изменять их будет гораздо сложнее, чем на предварительном этапе. Задача проактивной биоэтики в отношении нейротехнологической сферы состоит в том, чтобы обеспечить предварительную оценку их воздействия, основанную на фактических данных, до того, как нейротехнологии укоренятся и будут невосприимчивы к регулирующему контролю или изменению.

Экспертная оценка последствий внедрения нейротехнологий

Решение дилеммы Коллингриджа на данном этапе развития нейротехнологий лежит в плоскости экспертных опросов, в связи с чем автором было проведено анкетирование экспертного академического сообщества России в формате заполнения онлайн-таблицы с применением платформы Google (сентябрь–ноябрь 2022 г.). Респондентов, являющихся ведущими российскими экспертами из федеральных вузов нашей страны, представляющих 8 федеральных округов, ознакомили с целями проводимого исследования и попросили выделить наиболее вероятные негативные последствия от внедрения нейротехнологий в сферу государственного управления. Обобщение указанных экспертами потенциальных негативных последствий представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Потенциальные негативные последствия от внедрения нейротехнологий²¹

№	Потенциальное негативное последствие от внедрения нейротехнологий	Количество экспертов, указавших данное последствие
1	Нарушения в области обеспечения нейробезопасности	48
2	Алгоритмическая предвзятость	35
3	Непредсказуемые эффекты от нейростимуляции	30
4	Нейротехнологии двойного назначения	28
5	Нарушения психической неприкосновенности в широком смысле	25
6	Нарушения психической неприкосновенности в узком смысле	21
7	Нейродискриминация	19
8	Нейрографический профиль человека и групп людей	12
9	Когнитивное улучшение	9

Обсуждение результатов исследования

На основе результатов экспертного опроса можно выделить следующие характеристики потенциальных негативных последствий от внедрения нейротехнологий, ранжированные по частоте упоминания среди ответов экспертов (от более упоминаемых к менее):

²¹ Составлено автором на основе проведенного опроса.

- нарушения в области обеспечения нейробезопасности: программно-технические уязвимости в сфере безопасности нейроустройств, нейротехнологических программ и баз данных могут стать причиной сбоев в их работе, нанесения ущерба биологическому и психическому здоровью государственного служащего, незаконного доступа к его личным данным и использования их против интересов личности и государства;
- алгоритмическая предвзятость: специальные алгоритмы, заложенные в программное обеспечение нейроустройств, не говоря уже о корпоративной политике их производителей, могут выступать фильтром обработки и передачи информации между государственными служащими и другими гражданами, дискриминируя пользователей нейроустройств по расовому, национальному, конфессиональному, социальному, политическому, экономическому, гендерным и другим критериям;
- непредсказуемые эффекты от нейростимуляции: непреднамеренные биологические и психические побочные эффекты от нейростимуляции мозга государственного служащего, начиная от улучшения когнитивных функций и заканчивая их деградацией, недостаточно изучены и требуют предварительных исследований в рамках таких наук, как неврология, нейромедицина, нейропсихиатрия, поведенческая психология, молекулярная биология, информатика;
- нейротехнологии двойного назначения: отсутствие международных стандартов в области разработки нейроустройств и неконтролируемое внедрение нейротехнологий в государственный сектор могут привести к распространению нейротехнологий двойного назначения и их применению в преступных целях, не говоря уже об отсутствии международного контроля над перспективным нейротехнологическим оружием и практикой его применения при ведении наступательных операций;
- нарушения психической неприкосновенности в широком смысле: получение несанкционированного доступа к конфиденциальной информации непосредственно на уровне нейросигналов мозговой активности государственного служащего, ретроспективный анализ и прогнозирование нейропсихической активности мозга, непреднамеренное и преднамеренное нейровоздействие на психические процессы открывают безграничные возможности по контролю над отдельным чиновником и бюрократией в целом;
- нарушения психической неприкосновенности в узком смысле: раскрытие семантического или визуального содержания психических состояний государственного служащего с помощью нейротехнологий и анализ данных, содержащихся в его мозге, могут создать новую социально-политическую реальность, в которой стерты границы между психологическим и аналитическим, частным и публичным, личным и государственно-корпоративным;
- нейродискриминация: дискриминация пользователей нейроустройств на основе нейроанатомических или нейрофункциональных признаков мозговой активности, выявленных с помощью нейроскрининга, может создать общество нейронеравенства;
- нейрографический профиль человека и групп людей: дискриминационное профилирование отдельных лиц и групп людей на основе их неврологических характеристик может способствовать построению общества глубокого биопсихологического неравенства и разделения, подавления и предвзятости;
- когнитивное улучшение: нейротехнологии, используемые для немедицинского усиления когнитивных функций государственного служащего, целенаправленной модификации его психологических и поведенческих черт, ставят под сомнение возможность обеспечения социальной справедливости и равенства в обществе.

Заключение

В результате проведенного исследования по оценке технологических способов применения нейротехнологий, визуализации программных и технических механизмов внедрения нейроинтерфейсов различными производителями, а также выявления потенциальных негативных последствий от внедрения нейроинтерфейсов в практику государственного управления были сделаны следующие выводы.

При всем многообразии и многовекторности современных нейротехнологий в государственном секторе в настоящее время могут успешно внедряться технологии компьютерного зрения для точной идентификации и верификации личности гражданина в режиме реального времени; технологии интеллектуального анализа естественного языка на базе нейросетей для совершенствования работы виртуальных помощников на уровне фронт-офисов и веб-интерфейсов; технологии распознавания и синтеза речи для обработки входящих сообщений, синтеза текстовых и голосовых форм ответов; технологии рекомендательных систем, освобождающих государственных служащих от рутинной сверки баз данных и обработки резюме кандидатов, проведения аудио- и видеointервью; технологии межмашинного обучения, позволяющие создавать виртуальных помощников государственных служащих и выстраивающих человек-машинный диалог; технологии нейрорегуляции межличностными коммуникациями и двигательной активностью человека; технологии нейротренинга для снижения стрессовых состояний и фокусирования внимания на профессиональных задачах; технологии когнитивного усиления для снижения вероятности принятия неточных или недатацентричных решений и прогнозирования поведения объекта управления.

Оценка потенциальных негативных последствий от внедрения нейротехнологий в практику государственного управления определяет направления дальнейших исследований нейроинтерфейсов: механизмы и технологии обеспечения нейробезопасности; способы преодоления алгоритмической предвзятости и нейродискриминации; прогнозирование и профилактика негативных эффектов от нейростимуляции; контроль за нейротехнологиями двойного назначения; защита от потенциальных нарушений психической неприкосновенности в широком и узком смысле; регулирование вопросов целостности нейрографического профиля человека и групп людей, а также возможных биоэтических и юридических границ в сфере когнитивного улучшения. Ранжированные по частоте упоминания экспертами потенциальные негативные последствия от внедрения нейротехнологий дополняют исследования в данной области знания и могут позволить государству задать более взвешенный вектор развития нейротехнологического сектора в рамках реализации дорожной карты «Нейротехнологии и искусственный интеллект».

Список литературы:

Бодин О.Н., Солодимова Г.А., Спиркин А.Н. Нейроинтерфейс для управления роботизированными устройствами // Измерение. Мониторинг. Управление. Контроль. 2019. № 4 (30). С. 70–76. DOI: [10.21685/2307-5538-2019-4-8](https://doi.org/10.21685/2307-5538-2019-4-8)

Ганин И.П., Каплан А.Я. Изучение эффектов вариативности потенциалов мозга человека в интерфейсе мозг-компьютер на волне P300 // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2022. № 3. С. 78–85. DOI: [10.24075/vrgmu.2022.033](https://doi.org/10.24075/vrgmu.2022.033)

Данилевский В.Я. Исследования над физиологическим действием электричества на расстоянии. Том 2. Дальнейшие опыты по нейро-электрокинезу. Харьков: Паровая Типо-Литография М. Зильбергеръ и С-вья, 1901.

- Кравченко С.В., Каде А.Х., Трофименко А.И., Вчерашнюк С.П., Малышко В.В. Когнитивное нейропротезирование — путь от эксперимента к клиническому применению // Инновационная медицина Кубани. 2021. № 3. С. 64–72. DOI: [10.35401/2500-0268-2021-23-3-64-72](https://doi.org/10.35401/2500-0268-2021-23-3-64-72)
- Мионов В.И., Лобов С.А., Крылова Н.П., Гордлеева С.Ю., Каплан А.Я., Буйлова Т.В., Бахшиев А.Б., Щуровский Д.В., Вагнер В.О., Кастальский И.А., Ли А.Н., Казанцев В.Б. Разработка нейрорегулируемого автомобиля для мобилизации людей с двигательным дефицитом — нейромобиля // Современные технологии в медицине. 2018. Т. 10. № 4. С. 49–59. DOI: [10.17691/stm2018.10.4.06](https://doi.org/10.17691/stm2018.10.4.06)
- Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Медицинский вестник. 1863. № 47. С. 461–484; № 48. С. 493–512.
- Спешилова Н.В., Андриенко Д.А., Рахматуллин Р.Р., Спешилов Е.А. Анализ и оценка горизонтов применения технологии нейроинтерфейса при реализации концепции «Индустрия 4.0» в конкурирующем мировом экономическом пространстве // Вестник Евразийской науки. 2019. № 2. URL: <https://esj.today/52ecvn219.html>
- Филипова И.А. Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование // Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 502–521. DOI: [10.21638/spbu14.2021.302](https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.302)
- Филипов И.А. Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 2. С. 32–49. DOI: [10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).32-49](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).32-49)
- Berger H. Über das Elektroenzephalogramm des Menschen // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1929. Bd. 87. № 1. S. 527–570.
- Bryndin E. Communication of Internal Speech with Communicative Associative Robot via Spectral Neurointerface // Electrical Science and Engineering. 2021. Vol. 3. Is. 1. P. 16–22. DOI: [10.30564/ese.v3i1.3255](https://doi.org/10.30564/ese.v3i1.3255)
- Caton R. Electrical Currents of the Brain // The Chicago Journal of Nervous and Mental Disease. 1875. Vol. 4. Is. 2. P. 610.
- Cinel C., Valeriani D., Poli R. Neurotechnologies for Human Cognitive Augmentation: Current State of the Art and Future Prospects // Frontiers in Human Neuroscience. 2019. Vol. 13. DOI: [10.3389/fnhum.2019.00013](https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00013)
- Delgado J. Physical Control of the Mind: Toward a Psychocivilized Society. New York: Harper & Row, 1969.
- Gao X., Wang Y., Chen X., Gao S. Interface, Interaction, and Intelligence in Generalized Brain-Computer Interfaces // Trends in Cognitive Sciences. 2021. Vol. 25. Is. 8. P. 671–684. DOI: [10.1016/j.tics.2021.04.003](https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.04.003)
- Kennedy P., Bakay R. Restoration of Neural Output from a Paralyzed Patient by a Direct Brain Connection // Neuroreport, 1998. Vol. 9. Is. 8. P. 1707–1711. DOI: [0.1097/00001756-199806010-00007](https://doi.org/0.1097/00001756-199806010-00007)
- Ma Q., Gao W., Xiao Q., Ding L., Gao T., Zhou Y., Gao X., Yan Y., Liu Ch., Gu Z., Kong X., Abbasi Q.H., Li L., Qiu Cg-W., Li Y., Cui T.J. Directly Wireless Communication of Human Minds via Non-Invasive Brain-Computer-Metasurface Platform // eLight. 2022. Vol. 2. DOI: [10.1186/s43593-022-00019-x](https://doi.org/10.1186/s43593-022-00019-x)
- Nemmski W.W. Ein Versuch der Registrierung der elektrischen Gehirnerscheinungen // Zentralblatt für Physiologie. 1913. Bd. XXVII. S. 951–960.
- Reymond E. Reden von Emil Du Bois-Reymond. Leipzig: Verlag von Veit and Comp., 1912.
- Tzovara A., Chavarriaga R., De Lucia M. Quantifying the Time for Accurate EEG Decoding of Single Value-Based Decisions // Journal of Neuroscience Methods. 2015. Vol. 250. P. 114–125. DOI: [10.1016/j.jneumeth.2014.09.029](https://doi.org/10.1016/j.jneumeth.2014.09.029)
- Valeriani D., Cinel C., Poli R. Group Augmentation in Realistic Visual-Search Decisions via a Hybrid Brain-Computer Interface // Scientific Reports. 2017. Vol. 7. DOI: [10.1038/s41598-017-08265-7](https://doi.org/10.1038/s41598-017-08265-7)

References:

- Berger H. (1929) Über das Elektroenzephalogramm des Menschen. *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten*. Bd. 87. № 1. S. 527–570.
- Bodin O.N., Solodimova G.A., Spirkin A.N. (2019) Neurointerfaces for Controlling Robotic Devices. *Izmereniye. Monitoring. Upravleniye. Kontrol'*. No. 4 (30). P. 70–76. DOI: [10.21685/2307-5538-2019-4-8](https://doi.org/10.21685/2307-5538-2019-4-8)
- Bryndin E. (2021) Communication of Internal Speech with Communicative Associative Robot via Spectral Neurointerface. *Electrical Science and Engineering*. Vol. 3. Is. 1. P. 16–22. DOI: [10.30564/ese.v3i1.3255](https://doi.org/10.30564/ese.v3i1.3255)
- Caton R. (1875) Electrical Currents of the Brain. *The Chicago Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 4. Is. 2. P. 610.
- Cinel C., Valeriani D., Poli R. (2019) Neurotechnologies for Human Cognitive Augmentation: Current State of the Art and Future Prospects. *Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 13. DOI: [10.3389/fnhum.2019.00013](https://doi.org/10.3389/fnhum.2019.00013)
- Danilevsky V.Ya. (1901) *Issledovaniya nad fiziologicheskim deystviyem elektrichestva na rasstoyanii. Tom 2. Dal'neyshkiye opyty po neyro-elektrokinezu* [Research on the Physiological Effect of Electricity at a Distance. Vol 2. Further Experiments on Neuro-Electrokinesis]. Kharkov: Parovaya Tipo-Litografiya M. Zil'berger" i S-v'ya.
- Delgado J. (1969) *Physical Control of the Mind: Toward a Psychocivilized Society*. New York: Harper & Row.
- Filipova I.A. (2021) Neurotechnologies: Development, Practical Application and Regulation. *Vestnik SPbGU. Pravo*. Vol. 12. No. 3. P. 502–521. DOI: [10.21638/spbu14.2021.302](https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.302)
- Filipova I.A. (2022) Neurotechnologies in Law and Law Enforcement: Past, Present and Future. *Pravoprimeneniye*. Vol. 6. No. 2. P. 32–49. DOI: [10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).32-49](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).32-49)
- Ganin I.P., Kaplan A.Ya. (2022) Study of the Human Brain Potentials Variability Effects in P300 Based Brain-Computer Interface. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. No. 3. P. 78–85. DOI: [10.24075/vrgmu.2022.033](https://doi.org/10.24075/vrgmu.2022.033)
- Gao X., Wang Y., Chen X., Gao S. (2021) Interface, Interaction, and Intelligence in Generalized Brain-Computer Interfaces. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 25. Is. 8. P. 671–684. DOI: [10.1016/j.tics.2021.04.003](https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.04.003)
- Kennedy P., Bakay R. (1998) Restoration of Neural Output from a Paralyzed Patient by a Direct Brain Connection. *Neuroreport*. Vol. 9. Is. 8. P. 1707–1711. DOI: [0.1097/00001756-199806010-00007](https://doi.org/0.1097/00001756-199806010-00007)
- Kravchenko S.V., Kade A.Kh., Trofimenko A.I., Vcherashnyuk S.P., Malyshko V.V. (2021) Cognitive Neural Prosthetics — the Way from Experiment to Clinical Application. *Innovatsionnaya meditsina Kubani*. No. 3. P. 64–72 DOI: [10.35401/2500-0268-2021-23-3-64-72](https://doi.org/10.35401/2500-0268-2021-23-3-64-72)
- Ma Q., Gao W., Xiao Q., Ding L., Gao T., Zhou Y., Gao X., Yan Y., Liu Ch., Gu Z., Kong X., Abbasi Q.H., Li L., Qiu Cg-W., Li Y., Cui T.J.(2022) Directly Wireless Communication of Human Minds via Non-Invasive Brain-Computer-Metasurface Platform. *eLight*. Vol. 2. DOI: [10.1186/s43593-022-00019-x](https://doi.org/10.1186/s43593-022-00019-x)
- Mironov V.I., Lobov S.A., Krylova N.P., Gordleeva S.Yu., Kaplan A.Ya., Buylova T.V., Bakhshiyev A.V., Shchurovsky D.V., Wagner V.O., Kastalskiy I.A., Li A.N., Kazantsev V.B. (2018) Development of a Neurally-Controlled Vehicle — Neuro-Mobile — for Driving by Individuals with Motor Deficiency. *Sovremennye Tehnologii v Medicine*. No. 10(4). P. 49–59. DOI: [10.17691/stm2018.10.4.06](https://doi.org/10.17691/stm2018.10.4.06)
- Nemminski W.W. (1913) Ein Versuch der Registrierung der elektrischen Gehirnerscheinungen. *Zentralblatt für Physiologie*. Bd. XXVII. S. 951–960.
- Sechenov I.M. (1863) Refleksy golovnogo mozga [Reflexes of the Brain]. *Meditsinskiy vestnik*. No. 47. P. 461–484; No. 48. P. 493–512.
- Reymond E. (1912) *Reden von Emil Du Bois-Reymond*. Leipzig: Verlag von Veit and Comp.

Speshilova N.V., Andrienko D.A., Rakhmatullin R.R., Speshilov E.A. (2019) Analysis and Evaluation of the Horizons of Application of Neurointerface Technology in the Implementation of the Concept of "Industry 4.0" in a Competitive Global Economic Space. *Vestnik Evraziyskoy nauki*. No.2. Available: <https://esj.today/52ecvn219.html>

Tzovara A., Chavarriaga R., De Lucia M. (2015) Quantifying the Time for Accurate EEG Decoding of Single Value-Based Decisions. *Journal of Neuroscience Methods*. Vol. 250. P. 114–125. DOI: [10.1016/j.jneumeth.2014.09.029](https://doi.org/10.1016/j.jneumeth.2014.09.029)

Valeriani D., Cinel C., Poli R. (2017) Group Augmentation in Realistic Visual-Search Decisions via a Hybrid Brain-Computer Interface. *Scientific Reports*. Vol. 7. DOI: [10.1038/s41598-017-08265-7](https://doi.org/10.1038/s41598-017-08265-7)

Дата поступления/Received: 02.03.2023

Политико-административные способности государственного управления в условиях турбулентности и неопределенности

Купряшин Геннадий Львович

Доктор политических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Kupryashin@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 8483-8158

ORCID ID: [0000-0002-0438-7957](https://orcid.org/0000-0002-0438-7957)

Аннотация

Цель статьи заключается в выявлении политико-административных способностей государственного управления, требуемых для адекватного ответа на новые вызовы, возникающие в условиях турбулентности и неопределенности. Статья обращает внимание на институциональную составляющую данной проблемы. Обосновывается понимание турбулентности как условия, изменяющего приоритеты институционального дизайна государственного управления; выделена роль институциональной неопределенности, когда потенциальная готовность к реакции на действие неизвестных эндогенных и экзогенных факторов становится обязательным элементом институционального дизайна современного государственного управления. Предлагается типология способностей государственного управления, которую в новых условиях можно структурировать посредством выделения адаптивной, прогностической, динамической и мобилизационной их разновидностей. Методологической основой данной типологии является модель робастного управления (robust governance). Утверждается, что в рамках модели робастного управления происходит пересмотр традиционных критериев качества государственного управления. Вместо эффективности базовым критерием становится адаптивность, достигаемая благодаря соблюдению требований гибкости, последовательности и согласованности, реализуемых в процессе проведения изменений в оптимальном временном периоде. В свою очередь, достижение соответствия данным требованиям во многом зависит от особенностей существующих институтов системы государственного управления. Однако политико-административные барьеры как следствие дисфункций действующих институтов и сложившейся управленческой практики могут усиливать эндогенную неопределенность. Это затрудняет процесс адекватного реагирования на внешние потрясения и создает опасность возникновения новых вызовов. В статье делается вывод, что преодоление выделенных барьеров, внедрение и укрепление всех упомянутых политико-административных способностей робастного управления сделает государственные институты более устойчивыми и лучше подготовленными к будущим потрясениям.

Ключевые слова

Политико-административные способности, турбулентность, неопределенность, робастное управление, устойчивое развитие.

Political-Administrative Capacities of Governance in Conditions of Turbulence and Uncertainty

Gennady L. Kupryashin

DSc (Political Sciences), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Kupryashin@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-0438-7957](https://orcid.org/0000-0002-0438-7957)

Abstract

The aim of the article is to identify the political-administrative governance capacities required for an adequate response to new challenges arising in conditions of turbulence and uncertainty. The article draws attention to the institutional component of this problem. The understanding of turbulence as a condition that changes the priorities of the governance institutional design is substantiated. The role of institutional uncertainty has been highlighted, when the potential readiness to respond to the action of unknown endogenous and exogenous factors becomes an indispensable element of the institutional design of modern public administration. It has been established that the governance capacities in the new conditions can be structured through distinguishing adaptive, predictive, dynamic and mobilization varieties within the framework of the corresponding typology. The methodological basis of this typology is the model of robust governance. As affirmed by the article there is a revision of traditional criteria for the quality assessment in public administration within the framework of the robust governance model. Instead of efficiency adaptation becomes a new basic criterion that is achieved in conformity with the requirements of flexibility, consistency and coherence implemented in optimal timing strategy for development. In turn, achieving compliance with these requirements depends on the characteristics of governance institutional arrangements. However, political-administrative barriers as a consequence of dysfunctions of the existing institutions and administrative practices can increase endogenous uncertainty. This makes it much harder to adequately respond to external shocks and may at some point create new challenges. The article concludes that overcoming the identified barriers, introducing and strengthening all the mentioned political-administrative capacities of the robust governance will make state institutions more sustainable and resilient for future shocks.

Keywords

Political-administrative capacities, turbulence, uncertainty, robust governance, sustainable development.

Введение

Понятие способностей системы государственного управления, когда на первый план выходят вопросы научного обоснования, экспертизы, мониторинга, оценки этой системы и с точки зрения институтов, и с точки зрения ресурсов ее совершенствования, используется достаточно давно в специальной литературе [Сморгунов 2009, 407–410]. В условиях новых вызовов их изучение приобретает особую актуальность и требует устранения существующих пробелов в базе знаний. Эти пробелы в значительной степени связаны с концептуализацией современной управленческой практики, стремящейся снизить уязвимость к внешним шокам. Проблема не столько в том, чтобы понять природу этих шоков, а в том, чтобы ответить на следующие ключевые вопросы: как государственное управление должно реагировать на новые условия, обремененные турбулентностью и неопределенностью, и адаптироваться к ним? Смогут ли нынешние структуры и модели управления справиться с данным обременением не как кратковременной, а как типичной и постоянной характеристикой среды деятельности? Насколько высоки барьеры на пути адаптации системы государственного управления к этой реальности, прежде всего в странах с неустоявшимся институциональным дизайном? Совместима ли адаптация с развитием и инновациями и способны ли существующие модели государственного управления обеспечить этот баланс?

Очевидно, что в рамках одного исследования нельзя дать исчерпывающие ответы на все эти вопросы. В данной статье автор ставит задачу показать возможные направления формирования способностей государственного управления, призванных обеспечить устойчивое развитие в условиях сложно прогнозируемых шоковых воздействий.

При этом поиск решений новых задач не может опираться лишь на описание отдельных ситуаций из прошлого опыта. Требуется серьезное обновление теоретической базы понимания механизмов функционирования и развития системы государственного управления применительно к новым условиям. Можно выделить следующие основные концепции в качестве теоретических ресурсов для подготовки ответов на поставленные выше вопросы: концепция неопределенности [Brugnach et al. 2008; Dewulf, Biesbroek 2018], турбулентности [Carano, Toth 2023], адаптивного управления [Bizikova et al. 2018] и упреждающего государственного управления [Зарочинцев 2021; Olson, Dunagan 2019]. Их объединяющей основой может выступить модель робастного управления (robust governance) [Ansell et al. 2023; Howlett 2019]. Последняя включает обоснование механизмов институционального развития, способных уменьшить уязвимость системы управления к шоковым воздействиям политической, социальной, экономической и экологической среды не только в текущей ситуации, но и в будущем.

В статье подчеркивается, что успех политики в рамках обеспечения устойчивого развития определяется адекватным пониманием турбулентности и неопределенности как факторов, оказывающих постоянное воздействие на систему государственного управления, игнорирование которых может привести не только к нежелательным ситуативным следствиям, но и ложным траекториям на пути формирования политико-административных способностей этой системы, то есть росту барьеров и структурным деформациям институционального дизайна. Исследование определяет способности, необходимые не только для адекватной реакции на усиление внешней турбулентности среды и неопределенности как результата быстрых и комплексных изменений, но и для преодоления внутренних слабостей текущего институционального дизайна государственного управления.

Структура статьи выглядит следующим образом. Сначала представляется теоретический взгляд на современные условия государственного управления, возникшие вследствие критического роста турбулентности и неопределенности среды его функционирования, что резко повышает актуальность проблемы формирования нового типа политико-административных способностей. Турбулентность представлена как условие, оказывающее постоянное воздействие на функционирование и развитие институтов государственного управления. Тем самым она перестала выступать дисфункцией, задача преодоления которой ставилась ранее как актуальная. Далее при описании неопределенности подчеркивается роль ее институциональной разновидности. Утверждается, что учет современных особенностей турбулентности и неопределенности имеет критическое значение для стран с ригидной институциональной системой в связи с имеющимися рисками снижения управляемости.

В исследовании используется концепция робастного управления для характеристики соответствующего потенциала институционального дизайна государственного управления. Структурируя последний по типам политико-административных способностей, автор стремится системно подойти к решению задачи снижения уязвимости государственного управления по отношению к внешним шокам, вызываемым в том числе институциональной неопределенностью. При этом подчеркивается, что политико-административные способности являются результатом институционального проектирования в целом и их нельзя свести лишь к противодействию турбулентности среды. Институциональное проектирование должно использовать инструменты из разных моделей политико-административной системы (бюрократической, менеджеристской, сетевой) в зависимости от ситуативных требований. В то же время формирование способностей государственного управления является стратегической задачей, и для ее решения нужны новые теоретические подходы, формируемые концепцией робастного управления.

Цель исследования — выявить актуальные политико-административные способности, представить их типологию и обосновать роль в процессе формирования робастного управления.

Для достижения цели исследования решены следующие задачи: дана характеристика турбулентности и неопределенности, ставших типичными условиями современного государственного управления; проведен сравнительный анализ различных моделей государственного управления, в том числе робастного управления; показаны базовые политико-административные способности, их механизмы и возможные барьеры в рамках процесса формирования институционального дизайна управляющей системы, ориентированной на устойчивое развитие.

Методы исследования включают описание, сравнительный анализ, системный подход к институциональному дизайну государственного управления. Кроме того, используется ситуационный анализ при оценке взаимодействия среды и политико-административных способностей государственного управления.

Турбулентность и неопределенность как условия государственного управления

Масштабы, темпы и комплексность событий и изменений, продемонстрированных в ходе коронавирусного кризиса, нелегальной миграции, техногенных катастроф, острых геополитических конфликтов, актуализировали вопросы управляемости турбулентностью как постоянным свойством среды и организаций, включенных в механизмы принятия и осуществления политико-административных решений. Ученые и практики используют несколько подходов к пониманию турбулентности одновременно как условия и объекта

управленческого воздействия. Во-первых, выделяется турбулентность как следствие внешних факторов (трансграничные конфликты, технологические аварии, массовые волнения, политические перевороты, пандемии, валютные кризисы и т.д.). Во-вторых, турбулентность может быть внутренним свойством организаций, особенно в периоды административных преобразований, роста текучести кадров, сбоев в работе ключевых служб. В-третьих, турбулентность рассматривается в рамках несогласованности и непоследовательности действий лиц, принимающих решения (ЛПР) на разных правительственных уровнях. Чаще всего этот вид турбулентности проявляется в провалах взаимодействия общенациональных, региональных и местных органов публичного управления [Ansell, Trondal 2017, 4–5].

При выдвижении задачи системного исследования турбулентности все три выделенных подхода имеют значение, когда она трактуется как новый, постоянно действующий фактор внешней среды государственного управления, не сводимый к неожиданным разовым событиям или патологиям и ошибкам ЛПР, что было типичным в понимании турбулентности ранее. Одновременно турбулентность может являться следствием внутренних дисфункций системы государственного управления, когда селективные цели ее политического блока не имеют адекватного организационного обеспечения или административная реформа сталкивается с критическими кадровыми и нормативными ограничениями. Поэтому управление турбулентностью — это не просто снижение вероятности ее возникновения, а формирование необходимых способностей политико-административной системы, ориентированной не только на отражение неблагоприятных для ее функционирования воздействий (мобилизация ресурсов), но и на приспособление к новым условиям (повышение адаптивности), а также на развитие, позволяющее через изменение институтов и практик улучшать способности действовать в турбулентных условиях (управление изменениями и прогнозирование).

Одновременно следует отметить связь турбулентности с неопределенностью: они выступают как две стороны одной медали, усиливая друг друга. Турбулентная среда формирует разного типа неопределенности, прежде всего связанные с процессом принятия решений [Baehler, Biddle 2018]. Поэтому в имеющихся публикациях типично отношение к неопределенности как «ситуации, когда нет уникального и полного понимания системы, которой необходимо управлять» [Brugnach et al. 2008]. Этого определения мы будем придерживаться в нашем исследовании.

В последние годы в научной литературе вместо того, чтобы рассматривать неопределенность как «что-то, от чего можно избавиться» или свести к минимуму, ее, как и турбулентность, стали принимать как неизбежный факт жизни и типичную характеристику рассматриваемых условий деятельности [Dewulf, Biesbroek 2018]. Это ситуации, когда проблемы не четко определены, информация является неполной или не всегда поддается количественной оценке, а различные виды неопределенности нелегко отличить. Существующая типология неопределенности достаточно вариативна, но чаще всего, исследуя вопросы управления, ученые проводят различия между сущностной, стратегической и институциональной неопределенностью по объекту, к которому она относится, или по тому, в чем невозможно быть уверенным при оценке альтернатив политико-административных решений [Klijn, Koppenjan 2016].

Для данной статьи наибольший интерес представляет институциональная неопределенность (неопределенность в отношении правил и механизмов их осуществления) — ситуация, в которой актор или группы акторов пытаются взаимодействовать, стремясь ликвидировать недостаток информации о природе проблемы и прогнозировать возможные решения других акторов в ответ на эти неструктурированные проблемы. Однако нет ясности

по поводу институционального дизайна процессов принятия решений: какие формальные и неформальные правила действуют, как распределяются полномочия, какие стимулы и санкции применяются, кто входит в состав ЛПР. Поскольку отсутствуют разделяемые всеми правила и понятные участникам процесса механизмы их реализации, то возникает институциональная неопределенность относительно решений, для прогнозирования которых отсутствуют рациональные основания [Brugnach et al. 2008].

В итоге институты работают вне разделяемых всеми акторами установленных процедур и практик с вероятностью неопределенного изменения. Это, в свою очередь, означает, что адаптация к новой ситуации неизбежно включает импровизацию как альтернативу стандартным управленческим действиям. Но импровизация меняет сложившиеся подходы к государственному управлению. Когда необходимо работать вне правил, то неформальная практика, ранее относимая к «серой зоне», становится в один ряд с обычными бюрократическими процедурами. Ее легитимация приводит к практически неразрешимой проблеме совмещения импровизации и подотчетности, что подрывает традиционные административные ценности: стабильность, стандартизацию и исполнительность.

Таким образом, институциональная неопределенность заставляет органы управления выходить за рамки типичных правил и механизмов государственного управления. Кроме того, подрываются его базовые принципы, ориентированные на обеспечение стабильности политико-административной системы, включая функционирование ее институтов. Неопределенность делает стандартные операционные процедуры управления неприменимыми и серьезно тестирует на соответствие новым условиям сложившийся институциональный дизайн. Из вышеизложенного вытекает первоначальный вывод: формирование политико-административных способностей может быть устойчивым процессом только в том случае, если государственное управление опирается на имплементацию решений, учитывающих особенности институциональной неопределенности, вызываемой как эндогенными, так и экзогенными факторами. Согласованные стратегии борьбы с институциональной неопределенностью включают управление, в котором акцент делается на системной координации и создании коллективного профессионального потенциала путем разработки и увязки узлов экспертизы в гибкой сети действующих лиц, которая может быть мобилизована для реакции на неожиданные события. Успех этой реакции определяется уровнем робастности управления¹.

Робастное управление

Анализ темы турбулентности и неопределенности актуален для понимания процесса разработки механизмов робастного управления. При этом робастность государственного управления определяется как «свойство, позволяющее в течение длительного времени поддерживать конкретные функции/цели государственной политики, несмотря на опасность критических отклонений, возникающих вследствие внешних воздействий или внутренних проблем» [Carano, Toth 2023, 91]. Робастность не сводится к действиям, направленным на то, чтобы справиться с турбулентностью и неопределенностью, а опирается на более широкие принципы институционального проектирования, влияющие на формирование государственных институтов в целом. Кроме того, отталкиваясь от соответствующих критериев качества разработки управленческих решений, робастное управление, в отличие от предшествующих моделей, не игнорирует временное измерение сочетаний этих критериев. Робастное

¹ В отечественной литературе термин «робастное управление» используется при необходимости характеризовать управление с определенным запасом устойчивости для погашения влияния неопределенности [Алексеев и др. 2018, 75].

управление сосредоточено на последовательности и согласованности различных составных частей государственной политики, включая выбор стратегий на различных уровнях общности публичного управления, а также каналы обратной связи и способы коррекции принимаемых решений. Поэтому одним из ключевых критериев качества робастного управления является взаимодополнение целей и инструментов в процессе осуществления государственной политики [Howlett 2019, 29]. Одновременно в рамках данной модели происходит пересмотр традиционных критериев качества государственного управления.

Кризисные события показали, что сосредоточения внимания на эффективности государственного управления, а также механизмах регулирования недостаточно для решения задачи создания качественных институтов управленческой системы, причем объективные показатели этого качества до настоящего времени имеют весьма дискуссионный характер [Вилисов и др. 2020]. В некоторых случаях поиск все более точных критериев эффективности может подорвать стимулы для проявления инициативы, что для общей устойчивости системы может иметь негативные последствия [Жихаревич и др. 2022, 28].

Реализованные на практике теоретические модели государственного управления, ориентированные на легитимность, эффективность и справедливость, оказываются неспособными предложить системные варианты решений, имеющие иные целевые критерии качества. Так, бюрократическая модель функциональна при решении рутинных проблем, нормативно структурированных в рамках привычных деловых процессов с выраженной внутренней подотчетностью, и добивается высокой результативности и легитимности. Однако «пасует», когда стандартные методы бессильны и проблемы не имеют аналогов — от террористической угрозы до санкционной войны.

Другая распространенная модель — новое государственное управление, которая воплощая конкурентные инструменты бизнеса, может существенно повысить эффективность отдельных организаций общественного сектора, но при этом обострить проблему координации и усилить непоследовательность государственной политики, подрывающей системность ее институционального дизайна. Третья модель, сетевая, посредством многочисленных институтов обмена ресурсами и информацией, демонстрирует разнообразные формы коммуникации граждан с государственными структурами и ценностные механизмы социальной справедливости, однако ее имплементация предполагает высокий уровень накопленного социального капитала, исторически сложившуюся способность акторов управленческого процесса, включая государство, строить отношения на основе партнерства и доверия, что требует высоких транзакционных издержек.

В свете вышесказанного государство может отказаться от определенной степени легитимности, эффективности и справедливости в пользу реализации других целей — в первую очередь адаптивности и устойчивости. Но тогда, с одной стороны, необходимо переработать концептуальные основы для исследований взаимосвязи между адаптивностью и другими критериями качества, в частности эффективностью [Stark 2014]. С другой стороны, важно подготовить на прикладном уровне новые модели государственной политики, позволяющие решать проблемы уязвимости управления и его способности функционировать в заданном институциональным дизайном режиме в качестве стабильной системы [Вилисов и др. 2020].

В результате происходит сдвиг в сторону новых концептуальных моделей, таких как робастное управление [Ansell et al. 2023; Carstensen et al. 2023]. Данная модель исходит из намеренного признания турбулентности и неопределенности и реагирует на них, используя сценарное планирование, постоянный мониторинг результатов, экспериментальные подходы,

разрабатывая альтернативные решения, способные адаптироваться к меняющимся условиям и предложить адекватные условиям программы действий. Сопоставление робастного управления с уже известными моделями представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Ключевые характеристики основных моделей государственного управления²

Характеристики	Бюрократическая модель	Новое государственное управление	Сетевая модель	Робастное управление
Структура	Иерархия	Автономия	Сеть	Бриколаж
Критерии качества	Легитимность, соответствие требованиям внутренней подотчетности	Эффективность, соответствие требованиям клиентоориентированности	Справедливость, соответствие требованиям внешней подотчетности	Адаптивность, соответствие оптимальным временным требованиям
Ключевые инструменты управления	Правила, посредством контроля и регламентации	Интересы, посредством цен и стимулов	Ценности, посредством доверия	Системность, посредством интеграции и инноваций
Средства координации	Поручения	Рыночный обмен	Общественно-договорной обмен ресурсами	Мобилизация

Государственное управление является робастным, когда имеет запас устойчивости, позволяющий достичь желаемых результатов, несмотря на возможные непредвиденные изменения обстоятельств, и оставаться стабильным в длительном временном промежутке. Основная идея новой модели заключается в том, что в ее рамках системы управления должны постоянно адаптировать свои стратегии, чтобы справляться с нарушениями, в зависимости от интенсивности и долговременности негативных воздействий. В случае незначительных воздействий с небольшим временным промежутком система поглощает их на оперативном уровне без внесения важных изменений. По мере увеличения интенсивности и времени система управления призвана не только справиться с воздействием, но и должна адаптироваться, начав внедрять изменения на стратегическом уровне. Если интенсивность воздействия высока и сохраняется в течение длительного периода времени, у системы должна быть высокой мобилизационная способность для ресурсного обеспечения серьезных изменений, включая институциональный дизайн. Эти стратегии и соответствующие им основные изменения должны помочь управленческой системе развиваться и не возвращаться в состояние, в котором она находилась до воздействия [Ansell, Trondal 2017].

Многие специалисты поддерживают идею модельного обновления государственного управления, что позволило бы не только обосновать функциональный и целевой ответ на вызовы среды, но и обеспечить дополнительную эвристическую ценность для понимания методологии проектирования институтов в условиях турбулентности и неопределенности. Так, А. Дуит подчеркивает, что повышение устойчивости в государственном управлении нуждается в подходе, отличающемся от бюрократической организации, на которую сейчас полагаются государственные системы. Он представил факторы опоры устойчивого государственного управления: формирование государственных организаций в неиерархических сетях; приобретение различных типов знаний; использование различных источников информации; вовлечение граждан и различных акторов в процесс принятия решений; социальное обучение и эксперименты, готовые признать ошибки. Предложен тип политико-административной системы, не основанной

² Составлено автором.

на иерархии, где государственные организации создают коммуникационные сети между всеми административными уровнями, общественное мнение участвует в процессе принятия решений, а государственные органы принимают решения после рассмотрения мнений различных заинтересованных сторон, таких как неправительственные организации или частный сектор [Duit 2016]. Очевидно, что данный тип близок сетевой модели государственного управления. Другие авторы утверждают, что и сетевая модель государственного управления не дает ответы на все вопросы, возникающие в условиях турбулентности и неопределенности [Ansell et al. 2023]. Так, в сетях могут быть высокими издержки транзакций, а взаимозависимость, связанная с сетями управления, может увеличить риск системного сбоя. Горизонтальные взаимодействия подразумевают согласование акторов с различными интересами и ценностями, что требует времени, имеющего критическое значение в условиях турбулентности. Сетевое сотрудничество значимо для формирования и развития политико-административных способностей, но оно не покрывает весь спектр механизмов, необходимых для робастного управления.

В конечном итоге особенность робастного управления состоит в использовании инструментов всех основных моделей государственного управления, соответствующих его приоритетному критерию качества, то есть адаптивности, достигаемой благодаря соблюдению требований гибкости, последовательности и согласованности, реализуемых в процессе проведения изменений в оптимальном временном режиме. Некоторые специалисты утверждают, что поскольку проблемы турбулентности многогранны и подвержены постоянным изменениям, то робастное управление — это системное полипарадигматическое управление, которое использует набор из различных практик управления, получая гибридные формы, основанные на прагматическом выборе. Структурный типаж этих форм можно отнести к бриколажу как образованиям с обратной связью, обеспечивающей самокоррекцию. Государственные управленцы превращаются в бриколеров, ситуативно использующих различные доступные инструменты управления в новых и быстро меняющихся комбинациях [Carstensen et al. 2023]. При этом гибкость, последовательность и согласованность этих инструментов должны гарантировать институты, формирующие соответствующие политико-административные способности.

Типология политико-административных способностей государственного управления

Согласно неинституционализму, устойчивость государственного управления как одна из общественных систем определяется качеством и системностью институтов. Идея института включает в себя способность сохранять то, что важно, и при необходимости адаптироваться, обеспечивая обмен ресурсами с окружающей средой. Институты должны сгладить напряженность между требованиями стабильности и необходимостью реагировать на внешние шоки, причем устойчивость этой реакции определяется способностью к изменениям. Последнее отличает устойчивость от стабильности. В итоге можно утверждать, что наличие политико-административных способностей зависит от сложившегося типа институционального дизайна и одновременно является фактором его развития.

Типология политико-административных способностей государственного управления, адекватных условиям турбулентности и неопределенности, на наш взгляд, включает четыре компонента в рамках структуры дизайна робастного управления: способность к адаптационным инновациям, прогностическую способность, способность управлять изменениями, мобилизационную способность. В свою очередь, каждая способность обладает определенными механизмами формирования, имплантированными в существующий институциональный

дизайн, и тем самым связана с формальными и неформальными институтами. В Таблице 2 политико-административные способности и механизмы их формирования соотносятся с некоторыми выделенными автором барьерами³, создающими угрозы провалов в процессе реализации стратегий приближения к устойчивости.

Таблица 2. Политико-административные способности робастного управления⁴

Способности	Механизмы формирования	Институциональные барьеры
Способность к адаптационным инновациям	Локальное обеспечение самоорганизации и стимулирование инициатив. Гибкое нормативное регулирование.	Принципал-агентская модель
Прогностическая способность	Создание специализированного подразделения по прогнозированию. Механизм стратегического форсайта.	Прогнозирование как факультативное дополнение к процессу принятия решений
Способность управлять изменениями	Содействие вариативности программ. Стимулирование изменений. Политико-административный аутсорсинг.	Влияние «исторической колеи»
Мобилизационная способность	Создание управленческих офисов под конкретные задачи с системными показателями. Выделение портфельных грантовых и мандатных программ.	Проблема «перехвата»

Ниже дается характеристика выделенных политико-административных способностей робастного управления

Способность к адаптационным инновациям, то есть обеспечение государственной политики развития, сочетающей инновации с самообновлением, корректирующим собственные стратегии на основе изучения опыта. Государство, чтобы повышать конкурентоспособность национальной инновационной системы, должно постоянно менять существующие управленческие практики, повышая их согласованность и последовательность. Данная способность не основывается на наборе стандартных правил и процедур, но порождает сложную инновационную систему таким образом, что последняя сохраняется при изменении отдельных ее элементов, а взаимодействие между элементами отвечает за устойчивость всей системы. В конечном итоге формируется чувствительность институциональной системы к воздействию турбулентной среды и ее способность адаптироваться к этому воздействию, что уменьшает уязвимость через применение новых подходов к управлению рисками.

Механизмы. *Локальное обеспечение самоорганизации и стимулирование инициатив* помогает создавать сети, в которых объединяется разнообразие знаний, компетенций, ресурсов и возможностей на местном уровне, что повышает вовлечение заинтересованных сторон в процесс принятия решений, могущих предотвратить различные виды потрясений и устранить их последствия. Разнообразное гибкое сетевое взаимодействие помогает обмену передовым опытом, повышает доверие граждан к государственным институтам, устраняя барьеры на пути местной самоорганизации, — все это укрепляет способность заинтересованных сторон реагировать на непредвиденные события через инновации и помогает организациям лучше подготовиться к шокам, создает возможности для обратной связи и обмена информацией, в том числе внедряя открытые адаптивные информационные системы.

³ Пополнение списка и детальное изучение барьеров, связанных как с нарушением баланса формальных и неформальных институтов, так и с субъективными факторами вследствие просчетов государственной политики, может быть предметом специального исследования.

⁴ Составлено автором.

Кроме того, современные технологии обработки данных из социальных сетей могут быть полезны для аналитики государственных программ и проектов. Примеры активного использования данных в цифровом маркетинге и микротаргетинге доказывают, что они способны предоставить всестороннюю информацию о клиентах, их потребностях и поведении. Результатом применения данных технологий является значительное повышение точности и скорости принятия решений благодаря расширению базы для анализа и применение новых методов представления информации, позволяющих лучше понять многочисленные данные в их взаимосвязи и временной перспективе⁵.

Гибкое нормативное регулирование предполагает использование инструментов, позволяющих протестировать регулирование инноваций на практике. В качестве примера можно привести механизм так называемых «регуляторных песочниц». Применение этого механизма представляется рациональным способом регулирования в сфере инноваций, поскольку позволяет создать тестовую зону для проведения правового эксперимента в сжатые сроки, что способствует внедрению инноваций в жизнь общества максимально безболезненно и свести к минимуму возможные негативные последствия. Механизм «регуляторных песочниц» является примером формирования адаптивных способностей государства в сфере инновационного развития, поскольку предполагает соблюдение баланса его интересов с бизнесом, подразумевая тесное взаимодействие регулятора и инноватора в рамках реализации правового эксперимента и совместной проработки прообраза нового регулирования.

Барьеры. Встроенная в бюрократическое управление принципал-агентская модель, реализуемая посредством «порученческого» подхода, имеет следствием административные процедуры контроля со стороны руководства (распоряжение «выполнено/не выполнено»), но не предусматривает обратной связи. Отсюда возникает проблема слабой адаптивности и постоянно воспроизводимых практик, управление которыми основано на рутине и регламентации [Борщевский 2022, 197–198]. Принципал-агентская модель дает возможность получить требуемую внутреннюю подотчетность, но снижает инициативу, без чего невозможно добиться быстрых изменений, адаптивных к вызовам турбулентной среды.

Порученческий подход в данной модели сочетается с несовершенством нормативных актов, определяющих институциональную инфраструктуру деятельности органов исполнительной власти, в которых крайне мало внимания уделяется использованию механизмов мониторинга и итоговой оценке при выработке мер государственной политики и их реализации, коммуникациям с заинтересованными лицами (стейкхолдерами), с экспертным сообществом (профессиональная экспертиза) и гражданскими сообществами (общественная экспертиза) [Жихаревич и др. 2022, 20].

Прогностическая способность, то есть системное на разных уровнях публичного управления, включая федеральный, региональный, муниципальный и организационный, внедрение стратегического прогнозирования и политического анализа в процесс принятия решений. Формирование прогностической способности означает встраивание «упреждающего управления» в институциональный контекст государственного управления, что подразумевает разработку системы правил и норм, позволяющих использовать предвидение с целью снижения рисков и повышения способности адекватно реагировать на события на более ранних, а не поздних стадиях их развития [Зарочинцев 2021, 201].

⁵ Государственное управление: теория, функции, механизмы / под ред. А.В. Клименко. М.: Изд-во «Дом Высшей школы экономики», 2022. С. 201–202.

Механизмы. Создание специализированного подразделения по прогнозированию для проведения и координации сценарного анализа и имитационного моделирования в рамках различных структурных составляющих правительства. Цель состоит не в том, чтобы централизовать прогнозирование, а в том, чтобы обеспечить специализированную квалифицированную работу, позволяющую эффективно координировать и интегрировать применение стратегического подхода во всех правительственных ведомствах, включая проектные офисы и ситуативные центры принятия решений. Тем самым в итоге может быть создана общегосударственная система прогнозирования.

Механизм стратегического форсайта, использующий альтернативные и аргументированные сценарии будущего на основе их места и значения в формировании робастного управления. Этот механизм включает поиск и исследование сигналов изменений в настоящем и их потенциальных будущих воздействий. Тем самым происходит стратегическое сканирование горизонта событий посредством экспертных опросов, сценарного планирования, разработки образа оптимального (или нежелательного) будущего состояния, отталкиваясь от которого можно наметить шаги в обратном направлении, чтобы определить, что следует предпринять (или избежать)⁶.

Барьеры. Необходимо преодолеть широко распространенное представление о прогнозировании как нишевой ответственности только небольшой группы экспертов и в отношении разовых проектов, влияние которых является временным и ограниченным. В модели робастного управления стратегическое предвидение не является факультативным дополнением к процессу принятия решений, а входит в него как неотъемлемая часть. Тем самым эта прогностическая работа не должна осуществляться лишь в виде совокупности академических упражнений, а быть встроенной в реальную управленческую практику как естественный элемент экспертной деятельности по разработке набора прогнозных сценариев.

Неформальным, но труднопреодолимым барьером могут стать устоявшиеся практики и ортодоксальные подходы к пониманию общей стратегии правительства, а также принципов и методов системного мышления в отношении неопределенности в рамках более конкретной работы министерств и ведомств [Полтерович и др. 2017].

Способность управлять изменениями, то есть модульное использование источников изменений, находящихся как во внешнем окружении, так и в сфере накопления опыта и знаний, включая такие формы коммуникации, как социальное и индивидуальное обучение и целенаправленное информирование агентов изменений. Тем самым механизм изменений запускается путем объединения внешних процессов и внутреннего накопления знаний в ментальной среде действующих лиц. Причем инновационная продуктивность идей зависит от степени их усвоения соответствующими специфическими политическими и административными институтами, группами и индивидами.

Механизмы. Содействие вариативности программ включает содействие вариативности в использовании программных инструментов для облегчения изменений путем устранения барьеров на пути альтернативных решений и предоставления информации для поддержки изучения вариантов. С учетом сложности большинства условий внедрение различных стратегий для решения одной и той же проблемы повышает вероятность достижения желаемых

⁶ Foresight and Anticipatory Governance in Practice: Lessons in effective foresight institutionalization. P. 4–5 // OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/strategic-foresight/ourwork/Foresight_and_Anticipatory_Governance.pdf (дата обращения: 05.02.2023).

результатов. При этом успех может быть достигнут при постоянном мониторинге узких мест и углубленной диагностике турбулентной среды, что позволяет диверсифицировать способы стратегического выбора.

Стимулирование изменений. Полиструктурность государственного управления ставит нетривиальную задачу согласованного выполнения своих функций всеми звеньями правительственного механизма, для чего может быть выделена целая серия национальных и региональных приоритетов с ориентацией на роль основы формирования стимулов и каналов поддержки инновационной деятельности. Государство должно использовать разнообразные инструменты селективной экономической политики для регулирования инновационной активности по приоритетным направлениям, компенсируя недостаток предпринимательской инициативы в этой сфере.

Политико-административный аутсорсинг — широкое использование аутсорсинга посредством технологий обмена ресурсами, включая знания, экспертное и совещательное участие бизнеса и некоммерческих организаций в формировании и осуществлении публичной политики, когда часть административных и регулирующих функций государство передает общественным организациям. Аутсорсинг ряда функций публичной политики позволяет государству не только сократить собственный штат и расходы, но и усилить целевой характер своей деятельности с учетом интересов стейкхолдеров и бенефициаров, что создает необходимые информационные каналы для постоянного обмена информацией и идеями с негосударственными партнерами.

Барьеры. В процессе подготовки и осуществления изменений возможен эффект блокировки, в том числе связанный с влиянием исторической колеи (path-dependence). Преодолеть его можно, используя модульный подход, когда совмещается административное упрощение, общественные консультации и альтернативное рассмотрение регулирующих альтернатив в рамках «умного регулирования»⁷.

Мобилизационная способность, то есть способность государства достигать поставленных целей, увязывая их с административным и ресурсным потенциалом. Это способность к привлечению и результативному использованию людских, материальных, информационных ресурсов для решения задач, появляющихся в результате неблагоприятных внутренних и внешних воздействий. Предполагается аккумулирование лучшего опыта, в том числе посредством широкого применения программных инструментов и повышения профессионально-квалификационного уровня государственного аппарата.

Принципы «хаопора» (хаоса-порядка), или спонтанного порядка, могут быть использованы для мобилизации, когда невозможно выдавать команды из единого всезнающего центра планирования работ и требовать безусловного их выполнения, но можно формулировать приоритетные цели мероприятий и устанавливать стандарты координации.

Механизмы. Создание управленческих офисов под конкретные задачи с системными показателями — механизм ориентирован на установление связи результативных показателей организаций разного уровня: от правительства до конкретных исполнителей. Кроме того, предполагается политико-административная ответственность должностных лиц за достижение этих показателей. Частично этот механизм уже реализован в новом формате государственных программ и национальных проектов. Разработка стратегий развития отдельных секторов экономики должна сочетаться с созданием проектов, которые будут формироваться применительно

⁷ Государственное управление: теория, функции, механизмы / под ред. А.В. Клименко. М.: Изд-во «Дом Высшей школы экономики», 2022. С. 236–238.

к этим стратегиям на общенациональном, министерском, межведомственном, региональном и организационном уровнях и конкретизировать способы решения системных проблем разных уровней публичного управления.

Выделение портфельных мандатных и грантовых программ. Антиинерционный потенциал программ, их способность мобилизовать ресурсы на решение таких проблем, которые еще не вошли в структуру интересов сложившихся звеньев экономики, имеет для управления рисками особенно важное значение. Разделение государственных программ на мандатные и грантовые позволяет усилить их проблемный характер, систематизировать цели, задачи, мероприятия, показатели и, самое главное, перейти к портфельному принципу формирования, что дает возможность повысить гибкость бюджетной политики за счет реализации возможности оперативного изменения программ и объемов их финансирования при пересмотре приоритетов. Мандатные программы в большей степени могут быть связаны с текущей деятельностью министерств и ведомств, в отличие от грантовых как приоритетных программ, для управления которыми требуется использовать не только бюджетные, но и политико-административные мобилизационные механизмы.

Барьеры. В государственном управлении на федеральном уровне существует проблема «перехвата»: с одной стороны, есть стратегические цели правительства, с другой — цели министерств, за достижение которых они отчитываются и выполнение которых финансируется. Последние не сводятся к целям нижнего уровня системы целей правительства. В результате работа правительственных органов может тормозиться из-за скрытых интересов и целей министерств и ведомств, действенного механизма согласования которых нет, что снижает обоснованность управленческих решений и ответственность должностных лиц [Блинова 2020, 23].

Преодоление выделенных барьеров, внедрение и укрепление всех упомянутых способностей робастного управления сделает государственные институты более устойчивыми и лучше подготовленными к будущим потрясениям. Для измерения этих способностей могут быть предусмотрены качественные и/или количественные показатели. Следует отметить, что сбор этих показателей будет непростым, поскольку часть из них классифицируется как общественная информация, некоторые из них должны быть доступны из документов, предоставленных публичными институтами, в то время как другие, такие как способность к адаптационным инновациям или мобилизационная способность, могут быть собраны только с помощью различных исследовательских инструментов, таких как фокус-группы и экспертные интервью.

Заключение

Новая реальность критическим образом затрагивает государственную политику, когда актуализируются вопросы относительно политической и административной осуществимости управления конкретными рисками. Это управление сталкивается с резким ростом турбулентности и неопределенности, что переводит риск-менеджмент в системное требование реформирования ключевых ориентиров государственного управления. На место эффективности и процедурной рациональности приходят устойчивость и адаптивность, формирование которых во многом зависит от особенностей существующего институционального дизайна. Однако барьеры как следствие дисфункций действующих институтов и сложившейся управленческой практики могут усиливать эндогенную неопределенность, затрудняя процесс адекватного реагирования на внешние потрясения, что ухудшает качество системы государственного управления в целом.

Одним из направлений повышения этого качества выступают политико-административные способности государственного управления, позволяющие сочетать шоковую адаптацию с инновациями не только в технологиях, но в методах управленческого воздействия (способность к адаптационным инновациям), формировать согласующуюся с административными ресурсами и оперативными действиями государственную стратегию (прогностическая способность), стимулировать развитие (способность управлять изменениями), достигать поставленных целей, повышая результативность имеющихся управленческих структур (мобилизационная способность), что характеризует уровень решения проблемы управляемости в соответствии с критериями гибкости, последовательности и согласованности. Конечно, данная типология способностей может являться предметом дискуссий, так же как и характеристики робастного управления, претендующего на новую модель государственного управления. В любом случае важно подчеркнуть необходимость подходов, использование которых исследователями современных проблем государства и его политико-административной системы помогает адекватно оценить вызовы качественно новой реальности.

Список литературы:

Алексеев М.А., Фрейдина Е.В., Тропин А.А. Понятийный каркас и модель механизма робастного управления экономическими системами // Вопросы управления. 2018. № 6. С. 72–83.

Блинова Т. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2020. № 1. С. 5–37.

Борщевский Г.А. Институт государственной службы в политической системе российского общества. М.: Юрайт, 2022.

Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Полития. 2020. № 1(96). С. 7–27.
DOI: [10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27)

Жихаревич Б.С., Жулин А.Б., Зайцев Д.А., Клепач А.Н., Клименко А.В., Ларионов А.В., Прядильников М.В., Якобсон Л.И., Яременко И.А. Планирование и управление по результатам в условиях турбулентности. Круглый стол, 25.10.2022 // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 4. С. 7–29.

Зарочинцев С.В. «Упреждающее» государственное управление и оценка рисков национальной безопасности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 200–218.

Полтерович В.М., Дмитриев М.Э., Яковлев А.А., Гурвич Е.Т., Аузан А.А. Судьба экономических программ и реформ в России (Круглый стол в рамках XVIII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2017. № 6. С. 22–44.
DOI: [10.32609/0042-8736-2017-6-22-44](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-6-22-44)

Сморгунов Л.В. Концепция «способностей государства», конструктивизм и развитие теории государственного управления // Государственное управление в XXI в.: традиции и инновации: 6-я ежегодная международная конференция факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова (29–31 мая 2008 г.). М.: МАКС Пресс, 2009. С. 403–419.

Ansell Ch., Trondal J. Governing Turbulence: An Organizational-Institutional Agenda // Perspectives on Public Management and Governance. 2017. Vol. 1. Is. 1. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/225894357.pdf>

- Ansell Ch., Sørensen E., Torfing J. Public Administration and Politics Meet Turbulence: The Search for Robust Governance Responses // *Public Administration*. 2023. Vol. 1. Is. 1. P. 3–22. DOI: [10.1111/padm.12874](https://doi.org/10.1111/padm.12874)
- Baehler K.J., Biddle J.C. Governance for Adaptive Capacity and Resilience in the U.S. Water Sector // *Ecology and Society*. 2018. Vol. 23. Is. 4. DOI: [10.5751/ES-10537-230424](https://doi.org/10.5751/ES-10537-230424)
- Bizikova L., Swanson D., Tyler S., Roy D. & Venema H.D. Policy Adaptability in Practice // *Policy Design and Practice*. 2018. Vol. 1. Is. 1. DOI: [10.1080/25741292.2018.1436376](https://doi.org/10.1080/25741292.2018.1436376)
- Brugnach M., Dewulf A., Pahl-Wostl C., Taillieu T. Toward a Relational Concept of Uncertainty: About Knowing Too Little, Knowing Too Differently, and Accepting Not to Know // *Ecology and Society*. 2008. Vol. 13. Is. 2. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol13/iss2/art30/>
- Capano G., Toth F. Thinking Outside the Box, Improvisation, and Fast Learning: Designing Policy Robustness to Deal with What Cannot Be Foreseen // *Public Administration*. 2023. Vol. 101. Is. 1. P. 90–105. DOI: [10.1111/padm.12861](https://doi.org/10.1111/padm.12861)
- Carstensen M., Sørensen E., Torfing J. Why We Need Bricoleurs to Foster Robust Governance Solutions in Turbulent Times // *Public Administration*. 2023. Vol. 101. Is. 1. P. 36–52. DOI: [10.1111/padm.12857](https://doi.org/10.1111/padm.12857)
- Dewulf A., Biesbroe R. Nine Lives of Uncertainty in Decision- Making: Strategies for Dealing with Uncertainty in Environmental Governance // *Policy and Society*. 2018. Vol. 37. Is. 4. P. 441–458. DOI: [10.1080/14494035.2018.1504484](https://doi.org/10.1080/14494035.2018.1504484)
- Duit A. Resilience Thinking: Lessons for Public Administration // *Public Administration*. 2016. Vol. 94. Is. 27. P. 364–380. DOI: [10.1111/padm.12182](https://doi.org/10.1111/padm.12182)
- Howlett M. Procedural Policy Tools and the Temporal Dimensions of Policy Design // *International Review of Public Policy*. 2019. Vol. 1. Is. 1. P. 27–45. DOI: [10.4000/irpp.310](https://doi.org/10.4000/irpp.310)
- Klijn E.H., Koppenjan J.F.M. *Governance Networks in the Public Sector*. London: Routledge. 2016. DOI: [10.4324/9781315887098](https://doi.org/10.4324/9781315887098)
- Olson R., Dunagan J. Introduction to Special Issue: Government Foresight // *World Futures Review*. 2019. Vol. 11. Is. 3. P. 183–186. DOI: [10.1177/1946756719839385](https://doi.org/10.1177/1946756719839385)
- Stark A. Bureaucratic Values and Resilience: An Exploration of Crisis Management Adaptation // *Public Administration*. 2014. Vol. 92. Is. 3. P. 692–706. DOI: [10.1111/padm.12085](https://doi.org/10.1111/padm.12085)

References:

- Ansell Ch., Trondal J. (2017) *Governing Turbulence: An Organizational-Institutional Agenda. Perspectives on Public Management and Governance*. Vol. 1. Is. 1. Available: <https://core.ac.uk/download/pdf/225894357.pdf>
- Ansell Ch., Sørensen E., Torfing J. (2023) Public Administration and Politics Meet Turbulence: The Search for Robust Governance Responses. *Public Administration*. Vol. 1. Is. 1. P. 3–22. DOI: [10.1111/padm.12874](https://doi.org/10.1111/padm.12874)
- Alekseev M.A., Freydina E.V., Tropin A.A. (2018) Framework of Concepts and Formation of the Mechanism of the Robust Control of Economic Systems. *Voprosy upravleniya*. No. 6. P. 72–83.
- Baehler K.J., Biddle J.C. (2018) Governance for Adaptive Capacity and Resilience in the U.S. Water Sector. *Ecology and Society*. Vol. 23. Is. 4. DOI: [10.5751/ES-10537-230424](https://doi.org/10.5751/ES-10537-230424)
- Bizikova L., Swanson D., Tyler S., Roy D. & Venema H.D. (2018) Policy Adaptability in Practice. *Policy Design and Practice*. Vol. 1. Is. 1. DOI: [10.1080/25741292.2018.1436376](https://doi.org/10.1080/25741292.2018.1436376)
- Blinova T.V. (2020) Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya "Strategicheskii audit formirovaniya i dostizheniya pokazateley deyatel'nosti federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti, rukovodstvo deyatel'nost'yu kotorykh osushchestvlyayet Pravitel'stvo Rossiyskoy Federatsii, v 2017–2018 godakh i istekshem periode 2019 goda" [Report on the results of the expert-analytical event "Strategic

audit of the formation and achievement of the performance indicators of the Federal Executive Authorities, directed by the Government of the Russian Federation, in 2017–2018 and the past period of 2019”]. *Byulleten' Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii*. No. 1. P. 5–37.

Borshchevskiy G.A. (2022) *Institut gosudarstvennoy sluzhby v politicheskoy sisteme rossiyskogo obshchestva* [Institute of public service in the political system of Russian society]. Moscow: Yurayt.

Brugnach M., Dewulf A., Pahl-Wostl C., Taillieu T. (2008) Toward a Relational Concept of Uncertainty: About Knowing Too Little, Knowing Too Differently, and Accepting Not to Know. *Ecology and Society*. Vol. 13. Is. 2. Available: <http://www.ecologyandsociety.org/vol13/iss2/art30/>

Capano G., Toth F. (2023) Thinking Outside the Box, Improvisation, and Fast Learning: Designing Policy Robustness to Deal with What Cannot Be Foreseen. *Public Administration*. Vol. 101. Is. 1. P. 90–105. DOI: [10.1111/padm.12861](https://doi.org/10.1111/padm.12861)

Carstensen M., Sørensen E., Torfing J. (2023) Why We Need Bricoleurs to Foster Robust Governance Solutions in Turbulent Times. *Public Administration*. Vol. 101. Is. 1. P. 36–52. DOI: [10.1111/padm.12857](https://doi.org/10.1111/padm.12857)

Dewulf A., Biesbroek R. (2018) Nine Lives of Uncertainty in Decision- Making: Strategies for Dealing with Uncertainty in Environmental Governance. *Policy and Society*. Vol. 37. Is. 4. P. 441–458. DOI: [10.1080/14494035.2018.1504484](https://doi.org/10.1080/14494035.2018.1504484)

Duit A. (2016) Resilience Thinking: Lessons for Public Administration. *Public Administration*. Vol. 94. Is. 27. P. 364–380. DOI: [10.1111/padm.12182](https://doi.org/10.1111/padm.12182)

Howlett M. (2019) Procedural Policy Tools and the Temporal Dimensions of Policy Design. *International Review of Public Policy*. Vol. 1. Is. 1. P. 27–45. DOI: [10.4000/irpp.310](https://doi.org/10.4000/irpp.310)

Klijn E.H., Koppenjan J.F.M. (2016) *Governance Networks in the Public Sector*. London: Routledge.

Olson R., Dunagan J. (2019) Introduction to Special Issue: Government Foresight. *World Futures Review*. Vol. 11. Is. 3. P. 183–186. DOI: [10.1177/1946756719839385](https://doi.org/10.1177/1946756719839385)

Polterovich V., Dmitriev M., Yakovlev A., Gurvich E., Auzan A. (2017) The Fate of Economic Programs and Reforms in Russia (Proceedings of the Roundtable Discussion at the XVIII April International Academic Conference on Economic and Social Development). *Voprosy Ekonomiki*. No. 6. P. 22–44. DOI: [10.32609/0042-8736-2017-6-22-44](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-6-22-44)

Smorgunov L.V. (2009) Kontseptsiya “spособnostey gosudarstva”, konstruktivizm i razvitiye teorii gosudarstvennogo upravleniya [The concept of “state capacity”, constructivism and time-development of the theory of public administration]. *Gosudarstvennoye upravleniye v XXI v.: traditsii i innovatsii: 6-ya ezhegodnaya mezhdunarodnaya konferentsiya fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya MGU im. M.V. Lomonosova (29–31 May, 2008)*. Moscow: MAKS Press. P. 403–419.

Stark A. (2014) Bureaucratic Values and Resilience: An Exploration of Crisis Management Adaptation. *Public Administration*. Vol. 92. No. 3. P. 692–706. DOI: [10.1111/padm.12085](https://doi.org/10.1111/padm.12085)

Vilisov M.V., Telin K.O., Filimonov K.G. (2020) From Resilience to Stability: What Makes Good Public Administration. *Politiya*. No. 1(96). P. 7–27. DOI: [10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-7-27)

Zarochintcev S.V. (2021) “Anticipatory” Governance and National Security Risk Assessment. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 3. P. 200–218.

Zhikharevich B.S., Zhulin A.B., Zaytsev D.A., Klepach A.N., Klimenko A.V., Larionov A.V., Pryadil'nikov M.V., Yakobson L.I., Yaremenko I.A. (2022) Planning and Performance Management under Turbulence. Round Table, 25.10.2022. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 4. P. 7–29.

Дата поступления/Received: 07.03.2023

«Long COVID» в мировом общественном мнении

Судас Лариса Григорьевна

Доктор философских наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: sudas@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [2494-4811](#)

ORCID ID: [0000-0003-0498-5145](#)

Аннотация

COVID-19 с самого начала пандемии воспринимался как моральный вызов человечеству и стал центральной темой в глобальной повестке дня. Разворачивающаяся на наших глазах борьба с пандемией COVID-19 не раз оценивалась не только как крупнейший рыночный провал, который видел современный мир, но и как катастрофический моральный провал, грозящий обернуться политической катастрофой. В статье анализируются общие тенденции эволюции мирового общественного мнения на протяжении трех лет борьбы с пандемией как ответа на этот вызов и обосновывается вывод о происходящем медленном, но неуклонном глобальном ценностном, культурном сдвиге в сторону солидаристского, гуманистического вектора, который постепенно конвертируется в реальные стратегии выхода человечества из ковидного кризиса. Метафора «long COVID» используется в статье, чтобы подчеркнуть долговременный и фундаментальный характер изменений, происходящих под воздействием пандемии, вызревавших до пандемии, но резко ускорившихся и углубившихся с ее началом. Делается вывод, что инерция запущенных процессов будет неизбежно нарастать, поскольку одновременно с борьбой с ковидом в мире разворачивается другая битва — за будущее, за выбор социального вектора дальнейшего технологического и геополитического развития. И именно это объясняет масштаб и глубину социального потрясения, связанного с пандемией, явно несоизмеримые с ее собственной природой и характером. Давление мирового общественного мнения позволяет продвигать гуманистические, солидаристские ценности, усиливать демократический вектор мирового общественного развития, формирует общую моральную среду как мощный мотиватор общественных изменений.

Ключевые слова

Мировое общественное мнение, пандемия COVID-19, long COVID, вакцинный национализм, моральный провал, культурные сдвиги, солидарность, равноправный глобальный доступ, компромисс.

«Long COVID» in World Public Opinion

Larisa G. Sudas

DSc (Philosophy), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: sudas@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-0498-5145](#)

Abstract

Since the beginning of the pandemic, COVID-19 has been perceived as a moral challenge to humanity and has become a central topic on the global agenda. The fight against the COVID-19 pandemic unfolding before our eyes has been repeatedly assessed not only as the largest market failure that the modern world has seen, but also as a catastrophic moral failure that threatens to turn into a political catastrophe. The article analyzes the general trends in the evolution of world public opinion over the three years of the fight against the pandemic as a response to this challenge and substantiates the conclusion about a slow but steady global value, cultural shift towards a solidaristic, humanistic vector, which is gradually being converted into real strategies for humanity's exit from the COVID crisis. The metaphor "long COVID" is used in the article to emphasize the long-term and fundamental nature of the changes taking place under the influence of the pandemic, matured before the pandemic, but sharply accelerated and deepened with its onset and maintaining its inertia in the post-epidemic era. It is concluded that the inertia of these processes will only increase, because in addition to the fight against COVID, another battle is unfolding in the world — for the future, for the choice of a social vector for further technological and geopolitical development. And this explains the scale of the social upheaval associated with the pandemic, which is clearly not commensurate with its own nature and character. The pressure of world public opinion makes it possible to promote humanistic, solidaristic values, strengthen the democratic vector of world social development, forms a common moral environment as a powerful motivator of social change.

Keywords

World public opinion, COVID-19 pandemic, long COVID, vaccine nationalism, moral failure, cultural shifts, solidarity, equitable global access, compromise.

Введение

11 февраля 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила пандемию коронавируса (на основании принятого 19 января решения Комитета по чрезвычайным ситуациям Международных медико-санитарных правил признать ситуацию с коронавирусом чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международный характер (ЧСОЗМЗ)). Это самый высокий уровень угрозы по классификации ВОЗ. В начале 2021 года ВОЗ заявила о том, что мир оказался на грани «морального провала» из-за пандемии. 14 сентября

2022 года генеральный директор организации Т. Гебрейесус заявил, что смертность от коронавируса в мире с февраля этого года снизилась почти на 90%, что пандемия коронавируса близка к завершению и что мир еще никогда не был в таком хорошем положении, чтобы победить ее. В глобальной повестке дня COVID-19 за 2022 год переместился с первого места (январь 2022, 35%) на 10-е место (декабрь 2022, 11%). Стоимость жизни в марте 2022 г. стала проблемой номер один в среднем по миру (26%) и удерживает это место 12 месяцев подряд (42% в марте 2023). За беспокойством по поводу инфляции следует бедность и социальное неравенство (31%), преступность и насилие (29%), безработица (28%) и финансовая и политическая коррупция (26%); вместе они составляют пятерку основных глобальных опасений. Опасения по поводу коронавируса (6%) теперь в эту пятерку не входят — они опустились на 16-е место из 18 и находятся на самом низком уровне с момента включения в опрос в апреле 2022 года¹.

Массовые вспышки эпидемии в Китае — сначала в Шанхае, а затем в нескольких других регионах страны — опять заставили обсуждать вопрос о стратегии глобального выхода из пандемии. 2 декабря 2022 года доктору Гебрейесусу пришлось признать, что надежды на окончание пандемии не оправдались: «Все еще существуют условия, способствующие появлению новых вариантов, которые могут быть важным фактором смертности»². 30 января 2023 года по итогам совещания Комитета по чрезвычайным ситуациям (совещания проходят раз в три месяца, следующее состоится в конце апреля) ВОЗ заявила, что пандемию COVID-19 все еще рано считать закончившейся, и сохранила для нее статус чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение³. По объяснению ВОЗ, такое заявление сделано в связи с необходимостью в ситуации усталости от пандемии и снижения общественного восприятия риска, а также сохраняющейся нерешительности в отношении вакцинации и в то же время способности вируса эволюционировать в новые варианты с непредсказуемыми характеристиками поддержать общественное внимание к COVID-19, сохранить национальный потенциал реагирования и готовности к долгосрочным действиям в области общественного здравоохранения и избежать опасности возникновения в обществе цикла «паника — пренебрежение».

Ковидный кризис продолжается, и вопрос о том, на какой ценностной, моральной основе человечеству удастся из него выйти, остается открытым.

Целью статьи является анализ эволюции мирового общественного мнения по мере развития ситуации пандемии, пройденных и возникающих ценностных альтернатив (развилки) и формирующихся глобальных культурных трендов для выхода человечества из пандемии коронавируса.

Статья основана на материалах мировых, региональных и национальных исследований общественного мнения ведущими исследовательскими и аналитическими центрами: [Gallup International](#), [Edelman Trust Barometer](#), [YouGov](#) (Великобритания), [Pew Research Center](#) (США), [Ipsos](#) (Франция) и др. Использовались также документы ООН, ВОЗ, материалы неправительственных исследовательских центров и проектов /программ, отслеживающих

¹What Worries the World — December 2022 // IPSOS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-december-2022> (дата обращения: 20.01.2023); What Worries the world — March 2023 // IPSOS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-march-2023> (дата обращения: 20.01.2023).

² ВОЗ официально заявила, что надежды на окончание пандемии COVID-19 не оправдались // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221202/covid-19-1835953262.html> (дата обращения: 18.01.2023).

³ Заявление по итогам четырнадцатого совещания Комитета Международных медико-санитарных правил (2005 г.) по чрезвычайной ситуации в связи с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19) // ВОЗ [Электронный ресурс]. URL: [https://www.who.int/ru/news/item/30-01-2023-statement-on-the-fourteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-\(covid-19\)-pandemic](https://www.who.int/ru/news/item/30-01-2023-statement-on-the-fourteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-(covid-19)-pandemic) (дата обращения: 05.02.2023).

разные аспекты борьбы с пандемией, статьи в научных журналах, посвященные анализу данных социологических исследований общественного мнения, различных аспектов стратегии борьбы против пандемии и другие источники.

«It didn't have to be this way»

Когда начнутся — а они обязательно начнутся — войны памяти о пандемии COVID-19, непременно вспомнится и вопрос, в котором тогда были сконцентрированы весь ужас людей и все их надежды на спасение, — «Кого в первую очередь подключать к ИВЛ?». Этот вопрос, казавшийся самым важным на ранней стадии пандемии, приобрел витальное измерение, потребовал срочного, безотлагательного практического, а главное, морального ответа.

В Италии, одной из наиболее пострадавших от пандемии стран, в начале марта, в критический момент развития эпидемии, когда перед врачами остро встал вопрос страшного морального выбора — кого спасать первым в ситуации дефицита мощностей реанимации, ответственность за такой выбор взяла на себя профессиональная медицинская организация — итальянское Общество анестезии, аналгезии, реанимации и интенсивной терапии (SIAARTI). SIAARTI выпустило получившие широкий резонанс этические рекомендации для врачей. Оно рекомендовало врачам руководствоваться принципом «триажа» (сортировки больных), который разработан для медиков на случай войн и катастроф: отказаться от попыток оказать помощь всем больным в порядке очереди (от обычного принципа «first come, first served») в пользу тех, у кого наибольшие шансы выжить (в случае COVID-19 это молодые люди без сопутствующих заболеваний) [Riccioni et al. 2020]. Итальянским докторам, чтобы снять с них хотя бы часть тяжести личной ответственности при принятии решений, предложили авторитетную этическую поддержку.

Аналогичный подход работает и стал достаточно рутинным в другом медицинском контексте дефицита — трансплантации органов: очередь на донорские органы устанавливается алгоритмами на основе расчета шансов на успех трансплантации по установленным стандартным критериям сопоставления донорских органов с органами пациентов. Однако в случае только начинавшейся пандемии нового коронавируса в обществе было еще не понимание, то уже острое ощущение того, что эта ситуация принципиально иная — по своей природе, по своему социальному значению, по масштабу вызова для общества и необходимого ответа общества на него. «It didn't have to be this way» («Так не должно было быть») — так очень точно и потому тоже очень резонансно определила общее ощущение людьми этой ситуации пережившая коронавирусный кризис в Италии, в его эпицентре Ломбардии, итальянский специалист в области биоэтики из Королевского колледжа в Лондоне С. Кампореси⁴. Это выражение стало своего рода диагнозом и одновременно приговором для прошлого, подвело под ним черту⁵.

Моральный императив новой антиковидной эпохи родился сразу же: «All lives matter» («Все жизни имеют значение»). «Кого подключать к ИВЛ?» — «Всех, кому это необходимо!». Этот ответ отразил совсем другой уровень консенсуса, установил новую моральную планку для всего мира, определил «дух» эпохи, тот общий моральный фон, на котором развивались и

⁴ It didn't have to be this way // AEON [Электронный ресурс]. URL https://aeon.co/essays/a-bioethicist-on-the-hidden-costs-of-lockdown-in-italy?fbclid=IwAR3_DhhaJ1NkkCacWj8dXdWzT6hH67PsSu78vwfp444gUDJIN--VP4c8noo (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ Год спустя в Великобритании был обнаружен составленный еще в 2017 году Национальной службой здравоохранения Великобритании (NHS) секретный план с подобными рекомендациями для британских медиков на случай пандемии. Для общества, уже пережившего три волны пандемии, они оказались абсолютно неприемлемыми и вызвали скандал. И это свидетельствует о том огромном пути, который прошло общество в своей страшной борьбе. // В Великобритании найдены планы по отказу в медпомощи пожилым на случай пандемии. 2 августа 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/02/grandplan/> (дата обращения: 10.02.2023).

оценивались все дальнейшие события. Президент ассоциации Gallup International К. Стойчев по итогам трех волн опросов общественного мнения, проведенных в 28 странах мира в 2020 году, так описал царящую в мире атмосферу: «Что-то новое происходит не в наших телах, а в наших головах, и это очень похоже на новую религию — новый эгалитарный культ»⁶.

Пандемия всколыхнула мир. COVID-19 в каждой стране оставил множество примеров силы человеческого духа — врачей, медсестер, социальных работников, волонтеров, семей, друзей, соседей. Порой удивительные инициативы возникали на фоне произошедшего эмоционального всплеска. Один из российских примеров: петербургские переводчики, объединив свои усилия, при поддержке известного на всю страну главврача московской больницы в Коммунарке в ситуации острейшего дефицита информации о новом коронавирусе своими переводами предоставили возможность российским врачам оперативно знакомиться с актуальными зарубежными протоколами лечения, рекомендациями от ведущих мировых специалистов по ведению пациентов с коронавирусом, инструкциями по работе со средствами защиты и множеством других документов (переводили около 500 документов за один месяц), которые в критической ситуации того времени, по оценке Д. Проценко, были бесценными⁷.

В марте 2020 года появилась удивительная мировая инициатива — более 80 миллионеров из США, Великобритании, Германии, Новой Зеландии, Канады и Нидерландов в письме «Millionaires for Humanity»⁸, обращаясь к своим правительствам, призвали повысить налоги на богатство, чтобы богатейшие люди могли внести свой вклад в «исцеление нашего мира»⁹.

В США эмоциональный эгалитарный всплеск вывел на улицу движение Black lives matter (BLM): новая социальная проблема немедленно стала расовой. По данным опроса PEW Research Center (4–10 июня, N=4 654), 2/3 американцев (67%) поддержали движение BLM; среди белых респондентов свою поддержку движению выразили 60%, среди чернокожих — 86%, латиноамериканцев — 77% и респондентов азиатского происхождения — 75%¹⁰.

В Европе пандемия подвергла серьезному испытанию идею и политику евроинтеграции. Подавляющее большинство респондентов проведенного в июне 2020 года по инициативе Европейского совета по международным отношениям (ЕСМО) опроса¹¹ (N >11 тыс.) в девяти странах (Болгария, Дания, Франция, Германия, Италия, Польша, Португалия, Испания и Швеция), на которые приходится две трети населения и ВВП ЕС, отметили, что в начале коронавирусного кризиса «никто не протянул им руку помощи» и что ЕС «оказался не готов к этому вызову».

⁶ The Opinion across the Globe is Equally Divided on Whether Life Will Return to Normal in 2021 or Not. P. 2 // Gallup [Электронный ресурс]. URL: https://gallup-international.com/fileadmin/user_upload/surveys_and_news/2020/Summary_Covid19wave3.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

⁷ Волонтеры — медикам: переводчики и психологи в борьбе с коронавирусом // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200325/1569098770.html> (дата обращения: 10.02.2023).

⁸ Millionaires for Humanity' Sign On Letter // Millionaires for Humanity [Электронный ресурс]. URL: <https://millionairesforhumanity.org/sign-on-letter/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁹ Как сообщил Forbes, по итогам 2020 года совокупное состояние более 2,2 тыс. миллиардеров в мире выросло на 20% и составило 11,4 трлн долларов. С начала эпидемии в мире появились 50 новых миллиардеров в сфере здравоохранения: главы компаний, разрабатывающих вакцины от коронавируса, производящих медицинское оборудование и т.д. Большинство из них живут в Китае, но среди них также руководители компаний, разработавших вакцины Pfizer и Moderna. Источник: Meet The 50 Doctors, Scientists and Healthcare Entrepreneurs Who Became Pandemic Billionaires in 2020 // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/giacomotognini/2020/12/23/meet-the-50-doctors-scientists-and-healthcare-entrepreneurs-who-became-pandemic-billionaires-in-2020/?sh=417c264b5cd9> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁰ Views on why Black Americans face higher COVID-19 hospitalization rates vary by party, race and ethnicity // PEW Research Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/06/26/views-on-why-black-americans-face-higher-covid-19-hospitalization-rates-vary-by-party-race-and-ethnicity/> (дата обращения: 20.02.2023); см. также [The Pandemic Divide 2022] — сборник статей, в котором 27 американских ученых показали, как COVID-19 «приподнял завесу над масштабом расового неравенства в Соединенных Штатах».

¹¹ Europe's pandemic politics: How the virus has changed the public's worldview // European Council of Foreign Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfr.eu/publication/europes-pandemic-politics-how-the-virus-has-changed-the-publics-worldview/> (дата обращения: 20.02.2023).

Однако то же подавляющее большинство респондентов во всех странах, принимавших участие в опросе, заявило о «более твердой, чем до кризиса», убежденности в необходимости дальнейшего углубления европейского сотрудничества.

«Некоторое время мы жили в общем мире»

Пандемия COVID-19 вызвала беспрецедентную мобилизацию и консолидацию мира. Она синхронизировала мир и сплотила его так, как не удавалось ни одному предыдущему кризису. Некоторое время мы жили в общем мире [Krastev 2020].

В общественном мнении коронавирус затмил все остальные проблемы. Все крупные фирмы, начавшие отслеживать динамику общественного мнения уже на ранних стадиях разворачивающейся борьбы с пандемией и включившие тему COVID-19 в свои исследования, обнаружили, что она сразу же оказалась на первом месте среди проблем, волнующих население. Разные компании работают с разными выборками, по-разному репрезентирующими мир, по-разному группируют и анализируют получаемый материал. Однако, несмотря на эти различия, им удается получать вполне убедительную и не противоречащую здравому смыслу картину состояния глобального общественного мнения и достаточно уверенно говорить не только о национальном среднем, но и о global average (глобальном среднем) [Милехин 2016]. Так, Ipsos уже в марте 2020 года включил эту проблему (дополнительно к традиционным вопросам) в свой специальный регулярный ежемесячный мониторинг «What Worries the World», который замеряет, какие проблемы беспокоят мир более всего. В 24 из 28 стран, где (с 20 марта по 3 апреля 2020 года) проводилось исследование, беспокойство из-за ковида достигло беспрецедентных значений, показав с большим отрывом от других проблем самый высокий уровень озабоченности, когда-либо фиксировавшийся опросами¹². По данным Ipsos, в апреле 63% респондентов назвали COVID-19 одним из самых тревожных вопросов для их стран на сегодняшний день. В мае 55%, в июне 47% и в июле 43% респондентов по всему миру выбирают COVID-19 в качестве одной из главных проблем, вызывающих озабоченность в их стране¹³.

Gallup International инициировала и провела три волны глобального исследования восприятия COVID-19 в массовом сознании (в конце марта, начале апреля и начале июня 2020 года). Подводя итог исследованию, глава ассоциации К. Стойчев отмечал: «Вкратце мы обнаружили примерно следующее: 80% везде были в панике; 80% везде любили свое правительство; 80% везде были готовы отказаться от своей свободы; 80% более или менее везде перестали работать... Я исследователь глобального массового сознания, и я всегда очень сомневался в существовании темы моего исследования. За последние два месяца я расслабился — оно существует. COVID-19 тому подтверждение»¹⁴.

На начальном этапе пандемии социологические опросы фиксировали высокий уровень консолидации общества вокруг государства и удовлетворенности деятельностью национального правительства. В мартовском опросе Gallup International, в котором участвовали респонденты из 28 стран, с утверждением, что «правительство хорошо справляется с коронавирусом», согласились 62% всех опрошенных респондентов, участвовавших в опросе, 32% с такой оценкой были не согласны.

¹² Что волнует мир? Коронавирус вытеснил все другие проблемы // Ipsos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/chto-volnuet-mir-koronavirus-vytesnil-vse-drugie-problemy> (дата обращения: 10.02.2023).

¹³ Что волнует мир, и достиг ли коронавирус своего пика? // Ipsos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/what-worries-world-july-2020> (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁴ Voice of the people. Annual Global End of Year Surveys. 2021. P. 7 // Gallup [Электронный ресурс]. URL: https://www.gallup-international.com/fileadmin/user_upload/publications/GIA_Book_2021.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

К началу мая 2020 года компания Edelman Trust Barometer подготовила в дополнение к традиционному ежегодному опросу специальное весеннее «Обновление барометра доверия Edelman — 2020: доверие и пандемия COVID-19»¹⁵. В нем приняли участие более 13 200 респондентов из 11 стран: Канады, Китая, Франции, Германии, Индии, Японии, Мексики, Саудовской Аравии, Южной Кореи, Великобритании и США. Общий уровень доверия институтам с января по май 2020 года вырос на 6 п.п. (до 61%) и достиг максимальной оценки за все годы наблюдения. Уровень доверия к правительству вырос наиболее существенно — с 54 до 65% (+11%), что позволило ему впервые стать институтом, пользующимся наибольшим доверием. На 13 пунктов (до 61%) выросло доверие к государственным лидерам. Доверие к бизнесу выросло на четыре пункта (до 62%). Комментируя результаты исследования, генеральный директор Edelman Р. Эдельман назвал эти цифры «ошеломляющим поворотом для правительства, которое всегда находилось в самом низу трастовой иерархии или близко к нему. Столкнувшись с одним из крупнейших медицинских и финансовых кризисов в истории, люди обращаются к своим правительствам за лидерством и надеждой»¹⁶.

В сложившейся моральной и политической ситуации, как зафиксировало исследование Gallup International, большинство респондентов (95% в Австрии, 94% в Северной Македонии и 91% в Нидерландах; при 32% в Японии, 60% в России) были готовы временно пожертвовать некоторыми своими правами, «если это поможет предотвратить распространение инфекции». В общем 75% против 19% респондентов из исследуемых стран мира заявляли, что «с большей вероятностью готовы лишиться свободы, пока угроза COVID-19 не исчезнет»¹⁷. По данным весеннего обновления Edelman Trust Barometer 2020 года, большинство (61%) респондентов также заявляли, что более охотно, чем обычно, готовы передать правительству информацию о своем личном здоровье и местоположении, чтобы помочь сдержать распространение вируса. Почти три из четырех считали ограничения свободы передвижения, связанные с пандемией, теперь вполне разумными и уместными¹⁸. Таким образом, несмотря на то, что в последние годы, по данным различных международных исследований, уровень доверия к институтам власти устойчиво снижался, в критической ситуации они получили новый кредит доверия.

В консолидации мира и его мобилизации на борьбу с пандемией на начальной стадии пандемии решающую роль сыграло доверие науке, научной экспертизе. Д. Брикер, ведущий исследователь CIGI (Center for International Governance Innovations), писал в 2020 году: «Мир пережил почти всеобщее мгновенное отключение. Такого никогда раньше не случалось. Независимо от того, где вы живете, вы не можете ходить на работу, вы не можете путешествовать, вы не можете навестить своих родственников — и все потому, что группа чиновников общественного здравоохранения и ученых говорит, что лучший способ бороться с этим смертельным вирусом — это оставаться дома, мыть руки и держаться на расстоянии. И почти все решили поверить им и последовали за ними. Это поистине триумф науки... Ни одна религия не смогла бы достичь такого универсального уровня послушания, и уж точно ни одна политическая организация... Мы только что стали свидетелями того, что может сделать мотивированный мир, когда он решит это сделать»¹⁹.

¹⁵ 2020 Edelman Trust Barometer. Spring Update: Trust and the Coronavirus // Edelman [Электронный ресурс]. URL: <https://www.edelman.com/research/trust-2020-spring-update> (дата обращения: 06.02.2023).

¹⁶ Там же.

¹⁷ 3rd Wave of the Gallup International Survey on the Corona Crisis. Covid-19 and the World Afterwards // Gallup [Электронный ресурс]. URL: https://gallup-international.com/fileadmin/user_upload/surveys_and_news/2020/Covid-19Wave-3-1.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁸ 2020 Edelman Trust Barometer. Spring Update: Trust and the Coronavirus // Edelman [Электронный ресурс]. URL: <https://www.edelman.com/research/trust-2020-spring-update> (дата обращения: 06.02.2023).

¹⁹ Darrell Bricker. During a Pandemic, Public Opinion Is Powerful // Center for International Governance Innovations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cigionline.org/articles/during-pandemic-public-opinion-powerful/> (дата обращения: 20.02.2023).

«Цикл недоверия»

Всего за полгода ситуация принципиально изменилась. Полученный от общества кредит доверия властью был быстро растрочен. Опросы ведущих социологических служб мира показали, что повышение доверия к правительствам почти во всем мире оказалось только временным, ситуационным. Новая тенденция была зафиксирована всеми социологическими службами на всех используемых ими выборках государств.

Опрос «Барометр доверия Edelman — 2021»²⁰, проведенный в конце 2020 года, показал, что правительство фактически вернулось к предкризисному уровню доверия (-12%, 53%) и утратило завоеванные лидирующие позиции в трастовой иерархии. Теперь бизнес, не растеряв, но и не прирастив «набранные» баллы (-1%, 61%), превратился в институт, пользующийся наибольшим доверием респондентов. Через год в ежегодном исследовании конца года «Барометр доверия Edelman — 2022»²¹, проведенном в конце 2021 года, бизнес продолжал оцениваться как самый надежный институт. «Барометр доверия Edelman — 2022» получил символическое название «Цикл недоверия». Почти 6 из 10 респондентов отметили, что недоверие теперь является стандартной эмоцией общества и это препятствует конструктивным гражданским дебатам по вопросам, по которым существуют разногласия. Причем почти каждый второй респондент рассматривал как главные «раскольнические» силы в обществе правительство и СМИ (48% и 46% соответственно). И более половины респондентов утверждают, что люди не знают, куда и к кому обратиться за достоверной информацией, поскольку считают, что руководители правительства, бизнес-лидеры и журналисты намеренно пытаются ввести людей в заблуждение (57%, 56% и 59% соответственно).

Европейские социологи, изучая отношение населения к противоэпидемической стратегии правительств европейских государств²², выделили три группы респондентов: «доверчивые», считающие, что главной мотивацией власти была общественная безопасность и прекращение распространения вируса; «подозрительные», считающие, что главной мотивацией было прикрыть бессилие и некомпетентность правительства симулякром действий; «обвинители», обвиняющие правительства в использовании COVID-19 в качестве прикрытия для усиления контроля над жизнями людей. Распределение по всей Европе (ЕС) выглядело следующим образом: 64% — доверчивые, 19% — подозрительные, 17% — обвинители. При этом страновые различия весьма существенны: Болгария, Польша и Франция оказались странами с наибольшим количеством обвинителей — около четверти опрошенных. В возрастной группе до 30 лет доверчивые составляют 57%, соответственно, почти половина входит в группы подозрительных и обвинителей. Среди респондентов старше 60 лет эти показатели намного ниже (по 14%, то есть в совокупности около трети). Характерные для молодежи распределения аналитики назвали «всплеском цинизма» в оценке намерений правительства и сделали вывод, что COVID-19 дополнительно подорвал доверие молодых европейцев к политической системе, что может иметь долгосрочные последствия. Во избежание таких последствий в июне 2021 г. Европейский союз принял дорогостоящий план восстановления с многозначительным названием [NextGenerationEU](#) («Следующее поколение ЕС») для выхода ЕС из кризиса COVID-19 и модернизации экономики.

²⁰ 2021 Edelman Trust Barometer // Edelman [Электронный ресурс]. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer> (дата обращения: 20.02.2023).

²¹ 2022 Edelman Trust Barometer // Edelman [Электронный ресурс]. URL: <https://www.edelman.com/trust/2022-trust-barometer> (дата обращения: 20.02.2023).

²² Europe's invisible divides: How covid-19 is polarising European politics // European Council of Foreign Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfr.eu/publication/europes-invisible-divides-how-covid-19-is-polarising-european-politics/> (дата обращения 20.02.2023). Опрос проводился в конце мая-начале июня 2021 года (то есть уже после второй волны пандемии) в 12 странах ЕС (Австрия, Дания, Франция, Германия, Италия, Польша, Португалия, Испания, Швеция, Нидерланды, Болгария и Венгрия (N = 16 267)).

Уже упоминавшееся европейское исследование 2020 года выявило еще один фактор, подрывающий доверие общества государству и его стратегии борьбы с пандемией. Это оценка роли экспертов в проводимой европейскими государствами противопандемической стратегии. Как главное открытие опроса был квалифицирован вывод, к которому пришли исследователи: многие граждане (27%, то есть более четверти) считают, что эксперты «встроены в политический процесс», скрывают информацию от общественности, а «правительства используют экспертов для оправдания уже принятых решений вместо того, чтобы принимать решения на базе научной экспертизы»²³. Фактически власти было предъявлено обвинение в манипуляции медицинскими экспертами и политизации борьбы с пандемией. Обрушилось и второе основание доверия противовозпидемической стратегии государства — доверие науке, научной экспертизе.

Эти изменения связывают с быстро происходившими процессами коммерциализации и политизации борьбы с пандемией. Шокированное возникшей ситуацией общество ослабило контроль над бизнесом и властью. В результате фактически без общественного контроля началось форсированное формирование инфраструктур дистанционного образования, телемедицины, электронной торговли, услуг и т.д. и т.п. Огромный общественный резонанс получило создание городских инфраструктур наблюдения в качестве якобы необходимой меры реагирования на чрезвычайные угрозы. Особенно насторожил население массовый переход к дистанционному образованию, особенно школьному и особенно в его дальнейшей перспективе. Общество довольно быстро осознало несоразмерность этих ускоренных и масштабных преобразований реальным угрозам и постепенно стало отвоевывать свои позиции. Началась борьба вокруг информационных технологий и далее, с появлением вакцин, вокруг биотехнологий.

Почти год спустя после объявления ВОЗ пандемии Ipsos обнаружила, что в большинстве обследованных стран снизилась уверенность населения в способности правительства эффективно бороться с коронавирусом. Самое резкое падение уверенности в ответных мерах своих национальных правительств на COVID-19 произошло в Японии (-39 п.п.), Великобритании (-28), США (-21) и Франции (-20)²⁴. Не оправдали ожиданий населения не только национальные правительства, но и чиновники (и органы) национального и глобального здравоохранения. Спустя год после начала пандемии COVID-19 завоевывают доверие людей врачи и местные медицинские работники: во всех опрошенных странах большинство людей уверены («очень» или «в некоторой степени») в том, что местные медицинские работники могут справиться с COVID-19 в своих сообществах, причем они оказались единственной группой, которой стали доверять больше, чем в начале кризиса.

На Рисунке 1 визуализирована та кратковременная уникальная ситуация во взаимодействии общества и власти, которая сложилась на начальном этапе пандемии COVID-19.

²³ Europe's pandemic politics: How the virus has changed the public's worldview // European Council of Foreign Relations [Электронный ресурс]. URL: https://ecfr.eu/publication/europes_pandemic_politics_how_the_virus_has_changed_the_publics_worldview/ (дата обращения: 20.02.2023).

²⁴ Covid-19 one year on: Global public loses confidence in institutions // Ipsos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/en/covid-19-one-year-global-public-loses-confidence-institutions> (дата обращения: 05.02.2023).

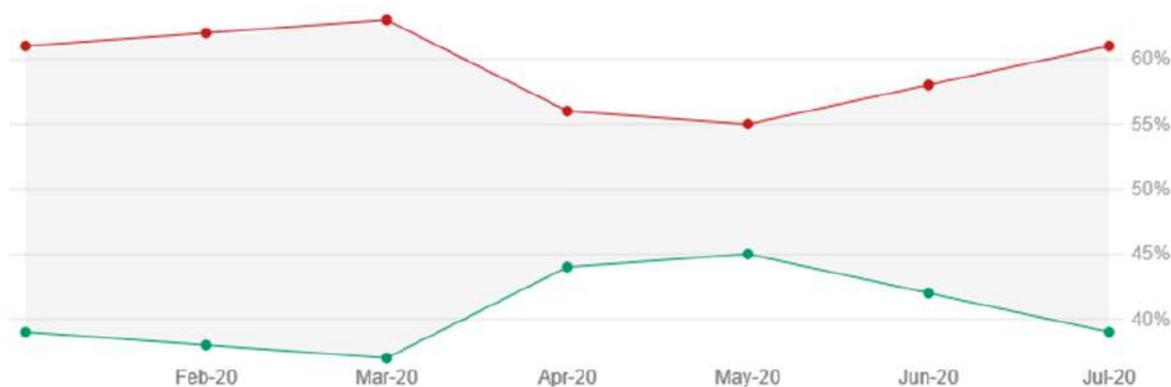

Рисунок 1. Правильное направление vs неправильное направление²⁵

В период с марта по май 2020 года, период максимальной консолидации и мобилизации общества вокруг власти, произошло резкое увеличение доли респондентов, заявивших, что дела в их стране идут в правильном направлении, и, наоборот, резко сократилась доля тех, кто считает, что страна идет по ложному пути. Однако уже к июлю 2020 года этап консолидации общества вокруг власти, проводившей одобряемую обществом стратегию, завершился, восстановилась прежняя пропорция, и далее доля респондентов, которые заявляют, что их страна находится на неверном пути, продолжила расти. В сентябре 2022 года 64% считали, что их страна движется в неправильном направлении²⁶, в марте 2023 года — 62%²⁷.

Между «no one safe until everyone safe» и «вакцинным национализмом»

На этапе вакцинации миру уже не удалось достичь такого универсального уровня мобилизованности и консолидации, как на начальном этапе пандемии. Еще перед тем, как были получены и официально признаны первые вакцины, опять встал тот же вопрос — «Кого вакцинировать в первую очередь?». Начался поиск оптимальной стратегии вакцинации. ВОЗ провозгласила принцип глобального равноправного доступа, рассматривая вакцину как «глобальное общественное благо», доступное для всех, и заявила о необходимости широкого взаимодействия на основе принципов многосторонности, солидарности и сотрудничества. «Никто не в безопасности, пока все не в безопасности» («No one save until everyone safe») — в этой широко известной формуле доктора Гебрейесуса была отражена принципиальная позиция ВОЗ. Организация активно формировала глобальный эгалитарный антипандемический дискурс, отмечая каждый этап борьбы с пандемией определенной «вешкой» — слоганом, формулируя, по сути, этический императив каждого этапа и этическую платформу антипандемической стратегии в целом.

Для реализации сформулированных принципов и подходов в условиях дефицита вакцин была принята международная программа и создан специальный экстраординарный уникальный механизм ее реализации — COVAX, поддерживаемый ВОЗ. COVAX использовал модель «коллективного финансирования», в соответствии с которой страны с высоким уровнем доходов оплачивают приобретение вакцин, субсидируя тем самым 92 так называемых финансируемых государства, что должно обеспечить

²⁵ Источник: Что волнует мир, и достиг ли коронавирус своего пика? // Ipsos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/what-worries-world-july-2020> (дата обращения: 15.02.2023). Вопрос: Могли бы вы сказать, что дела в вашей стране идут по правильному пути, или они движутся в неправильном направлении? Примечание: красная линия — неправильное направление; зеленая — правильное направление.

²⁶ What worries the world — September 2022 // Ipsos [Электронный ресурс] URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-september-2022> (дата обращения: 20.02.2023).

²⁷ What worries the world — March 2023 // Ipsos [Электронный ресурс] URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-march-2023> (дата обращения: 20.02.2023).

своевременное/синхронное поступление вакцины в страны с разным уровнем дохода (LMIC — страны с низким и средним доходом, low-middle-income countries, HIC — страны с высоким доходом, high-income countries), необходимое для того, чтобы остановить пандемию. Планировалось, что к концу 2021 года будет поставлено 2 млрд доз одобренной вакцины, пропорционально численности населения стран.

ВОЗ разработала этическую основу программы вакцинации, сформулировала принципы приоритизации в вакцинации населения, на их основе определила приоритетные группы населения для вакцинации²⁸.

Опросы общественного мнения показали, что принципы разработанной ВОЗ этической основы программы вакцинации и предпочтительные для общества стратегии вакцинации в принципе совпадают. Более того, опросами общественного мнения был выявлен широкий общественный консенсус по принципиальным вопросам.

Широкую известность получило проведенное в Бельгии еще до начала вакцинации исследование предпочтений людей в отношении распределения дефицитной вакцины (репрезентативная выборка N=2060, возраст 18–80 лет) [Luyten et al. 2020]. Респондентам было предложено оценить 8 альтернативных стратегий вакцинации против COVID-19 с приоритетностью для (1) хронических больных, (2) людей в возрасте старше 60 лет, (3) крупнейших распространителей вирусов, (4) работающих людей, (5) необходимых обществу профессий, (6) в соответствии с принципом «first come, first served», (7) предложивших самую высокую цену (как на рынке) или (8) никому не отдавать приоритет (с использованием случайного распределения, как в лотерее). Ни одна из восьми стратегий не была выбрана подавляющим большинством. Но от 20 до 30% респондентов на первое место поставили три стратегии: с приоритетом необходимых обществу работников (профессий), хронических больных и пожилых людей. На последние 7–8 места не менее 80% респондентов поставили стратегии максимальной готовности платить, «первым пришел — первым обслужен» и строгий эгалитарный подход (например, лотерея). Наконец, стратегии, нацеленные на распространителей или защиту экономики, оказались в середине. Таким образом, население не смогло определить одну предпочтительную стратегию вакцинации, но принципиальные этические решения при распределении вакцин обществом уже были определены.

Международный интернет-опрос по проблеме приоритетности распределения вакцины [Clarke et al. 2021] был проведен «Оксфордским центром биомедицинских исследований» при широкой международной поддержке с 24 ноября по 28 декабря 2020 года — в то время, когда распределение вакцин против COVID-19 уже больше не было гипотетическим вопросом. В исследовании приняли участие 15 536 человек из 13 стран, в том числе из семи стран HIC (Австралия, Канада, Франция, Италия, Испания, Великобритания и США, всего 8 209 чел.). Тестировались три принципа приоритета для глобального распределения лечения и вакцин против COVID-19: должны ли они быть предоставлены в первую очередь (1) «тем, кто в них больше всего нуждается»; (2) «тем, кто не может позволить себе их купить»; (3) «тем, кто живет в стране, в которой они впервые появились». Кроме того, респондентам из стран HIC (high-income countries) был задан специальный вопрос: поддерживают ли они передачу некоторых доз вакцины против COVID-19 для распространения в бедных странах, у которых недостаточно ресурсов для покупки собственных вакцин. В вопросе о глобальных критериях распределения вакцин наивысший средний уровень согласия (в диапазоне от 70 до 80%) был основан на потребности, затем следует

²⁸ WHO SAGE values framework for the allocation and prioritization of COVID-19 vaccination COVID-19 // WHO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/who-sage-values-framework-for-the-allocation-and-prioritization-of-covid-19-vaccination> (дата обращения: 22.02.2023).

доступность (от 62 до 70%) и, наконец, разработала ли страна вакцину (от 28 до 58%). Этот рейтинг был одинаковым для всех стран. Доля людей, поддерживающих безвозмездное пожертвование вакцины против COVID-19, более чем вдвое превышала долю тех, кто не поддерживал такое пожертвование.

В сложившейся реально ситуации стратегия ВОЗ столкнулась с другой стратегией национальных государств, настаивающих на получении преференциального доступа к вакцине, которая получила название «вакцинного национализма». В ситуации ограниченных поставок вакцины США зарезервировали для себя более 1,2 млрд доз, Канада — более девяти доз на человека и т.д. Сложившаяся в Европе на начальной стадии вакцинирования ситуация была критической и получила название «Vaccine-gate». По расчетам специалистов, экономические издержки «вакцинного национализма» для мировой экономики могли составить до 1,2 трлн долларов США в год [Ibid.].

Альтернативные глобальные стратегии распределения вакцин нуждались в этическом обосновании. Взаимодействующим группам интересов нужны четкие рамки, общие этические основы для согласования конкурирующих ценностей — соображений справедливости и прибыльности в глобальном ценообразовании на вакцины, которые они сами и окружающие справедливо примут как этические, а не просто как установления власти [Emanuel et al. 2020].

Еще во время пандемии гриппа H1N1 2009 года, когда ВОЗ не сумела решить проблему доступности вакцин для беднейших стран, в качестве одного из инструментов преодоления «вакцинного национализма», позволяющего повысить доступность вакцин, рассматривалось пожертвование НИС части доз вакцины для стран с низкими доходами. И такая возможность получила общественную поддержку. Об этом эпизоде подробно говорится в известной статье [Kumar et al. 2012]. Однако пожертвования — это крайний и ненадежный путь к решению проблемы справедливого глобального распределения вакцин. Поэтому, настаивая на более устойчивом механизме производства и распределения вакцин, более 100 стран, включая Индию, ЮАР, Бразилию, обратились в ВТО с требованием в целях устранения глобального неравенства в отношении вакцин временно освободить вакцину от COVID-19 от средств защиты интеллектуальной собственности в рамках соглашения ВТО о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (TRIPS) и получить возможность производить дженерические вакцины против коронавируса. Добиться этого не удалось. Несмотря на призывы к ведущим фармацевтическим компаниям разрешить странам глобального юга производить у себя их вакцины и лекарства, они под всякими предлогами согласия на это не дали. Вместе с тем, признавая важность учета соображений как справедливости, так и прибыльности при установлении глобальных цен на вакцины, ведущие фармацевтические компании использовали другой компромиссный не чисто рыночный подход — многоуровневое ценообразование на вакцину против COVID-19 [Chan et al. 2022]. Смысл этого варианта альтернативного ценообразования — установление более низких цен для более бедных стран, которые испытывают недостаток экономических ресурсов и в то же время имеют высокое бремя заболеваний, и более высоких цен для более богатых стран на ту же вакцину, чтобы обеспечить прибыльность производителей. Компромисс, предложенный фармацевтическими компаниями, вызвал серьезную критику. Однако представители Big Pharma (Pfizer, Moderna, AstraZeneca) отвергли обвинения в том, что они ставят прибыль выше здоровья людей, и настаивали, что компании предлагают многоуровневые цены и эта стратегия ценообразования вполне справедлива.

Парадоксы вакцинации

У вакцинации есть и другая сторона, которая не связана с дефицитом вакцин, но также связана с ценностями солидарности и сотрудничества. Это нежелание людей вакцинироваться — *indecision about vaccination* — нерешительность в отношении вакцинации, признанная ВОЗ еще в 2019 году одной из десяти основных угроз глобальному здоровью. По опросам американцев, большинство свою нерешительность или явно выражаемое нежелание вакцинироваться связывали со скоростью, с которой вакцины были изобретены, с лицензированием по нестандартному протоколу, с отсутствием доказательств того, что вакцины работают, то есть с политикой, а не наукой. Уже в октябрьском опросе 2020 года PEW Research Center 86% взрослых респондентов США заявили, что главным среди уроков, которые человечество должно извлечь из пандемии, является необходимость всеобщего здравоохранения. Еще один урок, который, по мнению американских респондентов, необходимо извлечь из пандемии, — необходимость отказа от политизации борьбы с пандемией и здравоохранения в целом²⁹.

Дискуссии о вакцинации ведутся уже давно. Политика вакцинации с самого начала ее существования вызывала идеологические и политические дебаты о соотношении прав человека и общественного здоровья. Развитие этой проблемы в течение десятилетий исследовала Хайди Дж. Ларсон, профессор антропологии и директор известного проекта Лондонской школы гигиены и тропической медицины [Vaccine Confidence Project](#), в рамках которого была создана система информационного надзора для раннего выявления обеспокоенности общественности по поводу вакцин, в основном в HICs. В своей книге [Larson 2020], написанной еще до пандемии COVID-19, профессор Ларсон рассматривает развитие этих дебатов на протяжении десятилетий и отмечает, что качество жизни, которым сегодня наслаждается большинство из нас, зависит от вакцин, а вакцинация — это один из крупнейших мировых социальных экспериментов в области коллективизма и сотрудничества.

Вакцины против COVID-19 могут, как в прошлом другие вакцины, служить формой мягкой дипломатии для поддержания фундаментального уровня глобального сотрудничества. Но для этого нужно доверие, причем на всех этапах — разработки, лицензирования и производства, доставки и хранения, что особенно важно именно для этой вакцины, требующей для хранения низких (и даже экстремально низких) температур; на всех уровнях — доверие к политикам и чиновникам, которые устанавливают рекомендации по вакцинации, к системе здравоохранения — врачам, медсестрам, которые вводят вакцины, к организации процесса вакцинирования и т.д. Все больше внимания уделяется качеству услуг вакцинации и «последнему дюйму последней мили»: итоговому решению принять решение о вакцинации или отказаться от вакцины, которая доступна и предлагается. Без такого системного доверия и доверие к вакцинам невозможно.

Доверие — это также основа решения проблемы «инфодемии» эпохи ковида — фальшивых новостей, которые «распространяются быстрее и легче, чем этот вирус». Вывод профессора Ларсон заключается в следующем: у нас нет проблемы дезинформации, у нас есть проблема взаимоотношений. Дезинформацию можно удалить, но основание недоверия, которое вызвало ее и позволило ей закрепиться, останется. Поэтому вместо борьбы со слухами, их разоблачения и опровержения, нужно строить новые, более доверительные отношения с людьми, выявлять и понимать их глубинные истоки, те проблемы, которые лежат в их основании в современном мире, — чувства бесправия и неучастия.

²⁹ What Lessons Do Americans See for Humanity in the Pandemic? // PEW Research Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewforum.org/essay/what-lessons-do-americans-see-for-humanity-in-the-pandemic/> (дата обращения: 20.02.2023).

Политизация и коммерциализация борьбы с пандемией, нарастающее недоверие власти и получаемой от нее информации затрудняют доверительный диалог власти и общества по поводу вакцинации. На этом фоне люди хотят иметь право на выбор собственной позиции. В связи с этим на этапе вакцинации резко возрастает субъектность общества. Снижаются возможности манипулирования общественным мнением. Общество становится более решительным и требовательным, быстро накапливает свой политический капитал, что приводит к снижению того допустимого уровня насилия со стороны власти, который общество готово терпеть. В свою очередь, со стороны власти возникает опасность стигматизации, а затем, возможно, криминализации противников вакцинации и общественного протеста, если он возникает, что в итоге ведет к лишению общества легальной возможности влиять на политику государства, которому «достаётся» вся полнота ответственности за ситуацию с вакцинацией и в целом в борьбе с пандемией.

Заключение

Каким будет завершение пандемии COVID-19? Ученые с недостижимой ранее точностью наблюдают эпидемический процесс. Значительная часть мира по-прежнему охвачена инфекцией. На середину 2022 года 2,7 млрд оставались невакцинированными. Это дает вирусу множество шансов на репликацию и порождение новых мутаций. Придет ли из Китая новый «тревожный» вариант?³⁰ Будет ли он вовремя обнаружен? Будет продолжен или свернут глобальный мониторинг по генетическому секвенированию образцов вируса? К чему приведут эти тревожные тенденции — спрогнозировать невозможно.

Группа ученых смоделировала три возможных сценария завершения пандемии COVID-19 [Mukaigawara et al. 2022]. Самый оптимистичный сценарий предполагает скорый и одновременный конец пандемии в HICs и LMICs. Второй сценарий, менее оптимистичный, но более вероятный, заключается в том, что пандемия закончится не одновременно — быстрее и с менее разрушительными последствиями в HICs, чем в LMICs. И третий, наиболее пессимистичный / наихудший сценарий, обещает появление нового варианта вируса, который более заразен, более смертоносен и обладает значительной способностью «ускользнуть» от иммунитета, что продлевает пандемию.

Ю.Н. Харари еще в самом начале пандемии сформулировал две дилеммы, перед которыми оказалось человечество, два особенно важных выбора. Первый — между тоталитарным надзором и расширением прав и возможностей граждан. Второй — между националистической изоляцией и глобальной солидарностью. «Человечеству нужно сделать выбор. Пойдем ли мы по пути разобщенности или встанем на путь глобальной солидарности? Если мы выберем разобщенность, это не только продлит кризис, но, вероятно, приведет к еще более серьезным катастрофам в будущем. Если мы выберем глобальную солидарность, это будет победа не только против коронавируса, но и против всех будущих эпидемий и кризисов, которые могут поразить человечество в XXI веке»³¹.

По состоянию на 5 февраля 2023 года во всем мире было зарегистрировано более 754 млн подтвержденных случаев COVID-19 и более 6,8 млн смертей³². В конечном счете вопрос завершения пандемии заключается в том, с каким уровнем неравенства, уровнем смертности

³⁰ ВОЗ называет тревожным вариант вируса в случае более высоких характеристик по трем признакам: уклоняется от существующей защиты иммунной системы, вызывает более тяжелое заболевание, гораздо более заразен, чем циркулирующий вирус.

³¹ Yuval Noah Harari: the world after coronavirus // Financial Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> (дата обращения: 09.02.2023).

³² Мир может положить конец пандемии COVID-19 в этом году, считает глава ВОЗ // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230215/covid-1852250475.html> (дата обращения: 16.02.2023).

от COVID-19 согласится мир, в котором треть населения (2,7 млрд) не получила ни одной прививки. Какую морально-этическую цену готово заплатить человечество в борьбе с COVID-19? На какой компромисс согласен мир? Как долго человечество будет «нащупывать» приемлемый уровень потерь — жизней и благосостояния?

Ученые выделяют три направления, на которых необходимо сосредоточиться, чтобы избежать худшего сценария и покончить с пандемией во всех странах. Приоритетом остается справедливое производство, поставка и распределение вакцин против COVID-19 для расширения охвата вакциной и укрепления иммунитета во всех странах. Проблему вакцинации предлагается решать более радикально, чем она решается сейчас, — путем экстренного отказа от прав интеллектуальной собственности и лицензий и развития производства вакцин в странах с низким и средним уровнем дохода. Задача — сделать вакцины доступными во всем мире. Другое направление — развитие общественного здравоохранения и восстановление общественного доверия правительству. И третье направление — защита наиболее уязвимых. В этой приоритизации должны быть как те, кто наиболее уязвим к тяжелой инфекции, так и медицинские работники. Сформулированные приоритеты необходимо рассматривать одновременно как этические императивы и как необходимые условия прекращения этой пандемии во всем мире.

Человечество «увязло» в ковидном кризисе, не сумев или не успев выстроить моральную и институциональную основу, необходимую для выхода из него, его завершения. В борьбе с COVID-19, периодически оказываясь на грани глобальной катастрофы, в поисках моральной опоры человечество вынужденно «дрейфует» в сторону гуманистических ценностей. «No one save until everyone safe». Смысл этого слогана понимают уже все. Пока мы не можем увидеть / оценить, насколько соразмерным вызовам COVID-19 и другим глобальным вызовам окажется масштаб этого сдвига. Однако мы видим, как возрастает субъектность общества, как мир находит новые формы солидарности, коллективные ответы на вызовы времени, в том числе при помощи новых технологий. Как с общественным мнением (глобальным и национальным) вынуждены считаться и BIG Pharma, и власть, и технологичные компании. Как начинается осторожный переход от простого ситуативного реагирования на текущие проблемы к фундаментальным изменениям. Закладываются правовые основы и изменяется архитектура международных организаций (ВОЗ, ВТО); вопреки опасениям поднимается новая демократическая волна, вызванная ростом субъектности общества и усложнением взаимодействия общества и власти³³, предпринимаются усилия по возвращению науки в публичное пространство и в контур управления³⁴. В важнейших и наиболее авторитетных документах, в которых мир пытается извлечь главные уроки пандемии COVID-19 [Collins et al. 2023], место приоритета устойчиво занимают солидарность и сотрудничество, а «многочисленные неудачи международного сотрудничества» оцениваются как один из «глобальных провалов на многих уровнях» в борьбе с ковидом [Sachs et al. 2022].

³³ What is the Conference on the Future of Europe? // Conference on the future of EU [Электронный ресурс]. URL: <https://futureu.europa.eu/en/pages/about> (дата обращения: 20.02.2023).

³⁴ В США уже три года обсуждается «план» защиты американской науки от вмешательства Президента Трампа в связи с трагическими событиями пандемии и его последствий. 12 января 2023 года представлены «Основы федеральной политики и практики в области научной честности»: OSTP Releases Framework for Strengthening Federal Scientific Integrity Policies and Practices // The White House [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2023/01/12/ostp-releases-framework-for-strengthening-federal-scientific-integrity-policies-and-practices/> (дата обращения: 20.02.2023).

Список литературы:

Милехин А.В. Глобальные опросы Gallup International: как мировые медиа интерпретируют результаты исследований // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 54–60.

Chan Y., Datt G., Islam A., Rai B., Wang L.C. Public Support in the United States for Global Equity in Vaccine Pricing // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. DOI: [10.1038/s41598-022-13172-7](https://doi.org/10.1038/s41598-022-13172-7)

Clarke P.M., Roope L.S. J., Loewen P.J., Bonnefon J-F, Melegaro A., Friedman J., Violato M., Barnett A., Duch R. Public Opinion on Global Rollout of COVID-19 Vaccines // *Nature Medicine*. 2021. Vol. 27. P. 935–936. DOI: [10.1038/s41591-021-01322-9](https://doi.org/10.1038/s41591-021-01322-9)

Collins F., Adam S., Colvis Ch., Desrosiers E. et al. The NIH-led Research Response to COVID-19. Investment, Collaboration, and Coordination Have Been Key // *Science*. 2023. Vol. 379. Is. 6631. P. 441–444. DOI: [10.1126/science.adf5167](https://doi.org/10.1126/science.adf5167)

Emanuel E.J., Persad G., Kern A., Buchanan A. et al. An Ethical Framework for Global Vaccine Allocation // *Science*. 2020. Vol. 369(6509). P. 1309–1312. DOI: [10.1126/science.abe2803](https://doi.org/10.1126/science.abe2803)

Krastev I. *Is It Tomorrow Yet? Paradoxes of Pandemic*. London: Penguin, 2020.

Kumar S., Quinn S.C., Kim K.H., Hilyard K.M. US Public Support for Vaccine Donation to Poorer Countries in the 2009 H1N1 Pandemic // *PlosOne*. 2012. DOI: [10.1371/journal.pone.0033025](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0033025)

Larson H. *Stuck: How Vaccine Rumors Start — and Why They Don't Go Away*. New York: Oxford University Press, 2020.

Luyten J., Kessels R., Tubeuf S. Who Should Get It First? Public Preferences for Distributing a COVID-19 Vaccine // *Covid Economics*. 2020. Is. 57. URL: https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal%3A238015/datastream/PDF_01/view

Mukaigawara M., Hassan I., Fernandes G., King L., Patel J., Sridhar D. An Equitable Roadmap for Ending the COVID-19 Pandemic // *Nature Medicine*. 2022. Vol. 28. P. 893–896. DOI: [10.1038/s41591-022-01787-2](https://doi.org/10.1038/s41591-022-01787-2)

Riccioni L., Bertolini G., Giannini A., Vergano M., Gristina G., Livigni S., Mistraletti G., Petrini F. Raccomandazioni di etica clinica per l'ammissione a trattamenti intensivi e per la loro sospensione, in condizioni eccezionali di squilibrio tra necessità e risorse disponibili // *Recenti Progressi in Medicina*. 2020. Vol. 111. Is. 4. P. 207–211. DOI: [10.1701/3347.33183](https://doi.org/10.1701/3347.33183)

Sachs J.D., Karim S.A.S., Akinin L., Allen J. et al. The Lancet Commission on Lessons for the Future from the COVID-19 Pandemic // *Lancet*. 2022. Vol. 400. Is 10359. DOI: [10.1016/S0140-6736\(22\)01585-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(22)01585-9)

The Pandemic Divide. *How COVID Increased Inequality in America* /ed.by G.L. Wright, L. Hubbard, W.A. Darity. Durham, London: Duke University Press, 2022.

References:

Chan Y., Datt G., Islam A., Rai B., Wang L.C. (2022) Public Support in the United States for Global Equity in Vaccine Pricing. *Scientific Reports*. Vol. 12. DOI: [10.1038/s41598-022-13172-7](https://doi.org/10.1038/s41598-022-13172-7)

Clarke P.M., Roope L.S. J., Loewen P.J., Bonnefon J-F, Melegaro A., Friedman J., Violato M., Barnett A., Duch R. (2021) Public Opinion on Global Rollout of COVID-19 Vaccines. *Nature Medicine*. Vol. 27. P. 935–936. DOI: [10.1038/s41591-021-01322-9](https://doi.org/10.1038/s41591-021-01322-9)

Collins F., Adam S., Colvis Ch., Desrosiers E. et al. (2023) The NIH-led Research Response to COVID-19. Investment, Collaboration, and Coordination Have Been Key. *Science*. Vol. 379. Is. 6631. P. 441–444. DOI: [10.1126/science.adf5167](https://doi.org/10.1126/science.adf5167)

Emanuel E.J., Persad G., Kern A., Buchanan A. et al. (2020) An Ethical Framework for Global Vaccine Allocation. *Science*. Vol. 369(6509). P. 1309–1312. DOI: [10.1126/science.abe2803](https://doi.org/10.1126/science.abe2803)

- Krastev I. (2020) *Is It Tomorrow Yet? Paradoxes of Pandemic*. London: Penguin.
- Kumar S., Quinn S.C., Kim K.H., Hilyard K.M. (2012) US Public Support for Vaccine Donation to Poorer Countries in the 2009 H1N1 Pandemic. *PlosOne*. DOI: [10.1371/journal.pone.0033025](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0033025)
- Larson H. (2020) *Stuck: How Vaccine Rumors Start — and Why They Don't Go Away*. New York: Oxford University Press.
- Luyten J., Kessels R., Tubeuf S. Who Should Get It First? Public Preferences for Distributing a COVID-19 Vaccine. *Covid Economics*. Is. 57. Available: https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal%3A238015/datastream/PDF_01/view
- Milekhin A.V. (2016) Gallup International Global Polls: How the World Media Interpret the Research Results. *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 11. P. 54–60.
- Mukaigawara M., Hassan I., Fernandes G., King L., Patel J., Sridhar D. An Equitable Roadmap for Ending the COVID-19 Pandemic. *Nature Medicine*. Vol. 28. P. 893–896. DOI: [10.1038/s41591-022-01787-2](https://doi.org/10.1038/s41591-022-01787-2)
- Riccioni L., Bertolini G., Giannini A., Vergano M., Gristina G., Livigni S., Mistraretti G., Petrini F. (2020) Raccomandazioni di etica clinica per l'ammissione a trattamenti intensivi e per la loro sospensione, in condizioni eccezionali di squilibrio tra necessità e risorse disponibili. *Recenti Progressi in Medicina*. Vol. 111. Is. 4. P. 207–211. DOI: [10.1701/3347.33183](https://doi.org/10.1701/3347.33183)
- Sachs J.D., Karim S.A.S., Akinin L., Allen J. et al. (2022) The Lancet Commission on Lessons for the Future from the COVID-19 Pandemic. *Lancet*. Is. 10359. DOI: [10.1016/S0140-6736\(22\)01585-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(22)01585-9)
- Wright G.L., Hubbard L., Darity W.A. (eds.) (2022) *The Pandemic Divide. How COVID Increased Inequality in America*. Durham, London: Duke University Press.

Дата поступления/Received: 23.02.2023

Участие СССР в строительстве металлургических заводов в Индии

Штода Анна Евгеньевна

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: antropovskaia@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [8082-5973](https://elibrary.ru/8082-5973)

Аннотация

В статье рассматривается помощь, которую Советский Союз оказывал Индии в строительстве металлургических заводов. Экономические связи между двумя государствами стали активно развиваться с 1953 года: в основу сотрудничества двух стран легло межправительственное торговое соглашение, заключенное 2 декабря 1953 года; подписано оно было на пять лет, затем лидеры двух стран приняли решение его продлить, поскольку они были довольны результатом взаимодействия. Советское руководство неоднократно выделяло кредиты на выгодных для Индии условиях, а Индия закупала у СССР многие товары; при этом Советский Союз помогал Индии развивать разные отрасли, но самым тесным было сотрудничество в сфере металлургии. В задачу данной статьи входит исследование модели сотрудничества СССР и Индии в реализации проектов по строительству металлургических заводов на территории Индии. Заводы, построенные при участии Советского Союза, сыграли важную роль в развитии экономического потенциала Республики Индии. Актуальность исследования обусловлена тем, что российско-индийские отношения сейчас активно развиваются, а основа двусторонних отношений была заложена еще в 1950–1960-е годы, когда руководство Индии старалось уделять особое внимание развитию тяжелой промышленности. Это было отражено в первом, втором и третьем пятилетнем плане. Именно в этот период началось строительство крупнейшего металлургического завода в Бхилаи: Советский Союз, в соответствии с соглашением, брал на себя обязательство обеспечить проектирование завода, предоставить необходимое оборудование, а также обучить индийских специалистов. Методологическую основу исследования составляют документальный и конкретно-исторический анализ. Ряд архивных документов впервые вводится в научный оборот. Результатом исследования стало определение механизмов взаимодействия Советского Союза и Индии в сфере металлургии, а также оценка значимости данного сотрудничества.

Ключевые слова

Советско-индийские отношения, металлургический завод, Бхилаи, экономические отношения, сотрудничество.

Soviet Participation in Construction of Indian Metallurgical Plants

Anna E. Shtoda

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: antropovskaia@gmail.com

Abstract

The article analyses the assistance provided by the USSR to India in construction of metallurgical plants. Strengthening of Soviet-Indian relations began immediately after India's independence in 1947. 1953 was pivotal for strengthening of economic ties between the two countries. The intergovernmental trade agreement signed on the 2nd of December became the basis for Soviet-Indian economic cooperation; it was signed for five years but later it was decided to extend the agreement because the parties were satisfied with the result of the cooperation. Partnership was mutually beneficial. Soviet leadership allocated financial aid for India on more than one occasion. Soviet Union helped India develop various industries, however the closest cooperation was in the field of metallurgy. The purpose of the article is to study the model of cooperation between the USSR and India in the construction of metallurgical plants in India. Plants built with the Soviet assistance played an important role in the development of Indian economic capacity. The current intensive development of relations between Russia and India particularly in the field of economy highlights the relevance of the research. The Indian leadership tried to pay more attention to the development of heavy industry in 1950s and 1960s. It was reflected in the first, second and third five-year plans. Construction of the largest metallurgical plant in Bhilai started in this period. The USSR was obliged to ensure the design of the plant, provide the necessary equipment and train Indian specialist in accordance with the agreement. The research is based on documentary and historical analysis. A number of archival documents used in the article has not been studied before. The result of the study allowed describing the Soviet-Indian interaction in the field of metallurgy and assessing the significance of cooperation.

Keywords

Soviet-Indian relations, metallurgical plant, Bhilai, economic relations, cooperation.

Введение

Советско-индийские экономические отношения начали развиваться практически сразу после обретения Индией независимости. Страны были заинтересованы в усилении сотрудничества, о чем свидетельствует и быстрое установление дипломатических отношений, и открытие торговых представительств, и заключение ряда важных соглашений. Изначально сотрудничество строилось на основе взаимного уважения и доверия [Галищева 2012]. Такой фундамент позволил на протяжении многих лет успешно взаимодействовать и реализовывать масштабные проекты

[Bindra 2018]. Отношения между СССР и Индией развивались гармонично: изначально акцент был сделан на развитии экономической составляющей, но вскоре руководители двух стран начали отмечать важность развития отношений в сфере науки, техники и культуры [Hilger 2021].

Экономические связи между СССР и Индией имели прочный фундамент: советское правительство изначально обозначило готовность оказывать необходимую техническую поддержку, связанную с оборудованием, которое должно было поставляться из СССР в Индию¹ (отметим, что Индия богата железными и марганцевыми рудами).

Обзор литературы

Советский Союз оказывал Индии помощь в строительстве металлургических заводов и других инфраструктурных объектов. Для того, чтобы оценить значимость двустороннего сотрудничества и ознакомиться с экономической ситуацией в СССР и Индии в период реализации проектов по строительству заводов, в статье были рассмотрены некоторые архивные документы, посвященные экономике Индии и развитию советско-индийских экономических отношений. Материалы, используемые в ходе данного исследования, хранятся в Российском государственном архиве экономики, в частности в фонде 413, а также в Национальном архиве Индии.

Известные индологи, такие как С.И. Лунёв [Лунёв 2017] и Н.В. Галищева [Галищева 2012], в своих трудах делают акцент на развитии экономических отношений СССР и Индии в целом, а также уделяют особое внимание развитию торговых связей. Вопросы, касающиеся конкретных отраслей, затрагиваются в более узких исследованиях, например в книге Н. Родионова и В. Сенина [Rodionov, Senin 1981], которая посвящена советско-индийским экономическим отношениям и торговому обмену. Данное исследование было подготовлено к десятилетию индо-советского договора о мире, дружбе и сотрудничестве, заключенного в августе 1971 года. Книга была напечатана в Индии специально для информационного департамента Посольства СССР в Индии (на данный момент один из экземпляров хранится в библиотеке Посольства России в Индии). В 1981 году, когда исследование было опубликовано, Н. Родионов занимал должность экономического советника СССР в Индии, а В. Сенин — торгового. Авторы провели детальный анализ основных сфер взаимодействия СССР и Индии, в частности металлургии.

Еще одно исследование, посвященное советско-индийским экономическим и торговым связям, было опубликовано в 1986 году в Индии. Одним из авторов данной книги является В.П. Морозов, работавший сначала переводчиком, а затем - пресс-секретарем в Посольстве СССР в Индии. Он получил историческое образование в Московском государственном университете, а затем несколько лет работал в журнале «Новости». Во время работы в посольстве активно изучал развитие советско-индийских отношений. Соавтором В.П. Морозова стал М.С.Н. Менон, который к моменту написания данного труда занимался журналистикой на протяжении 25 лет и являлся автором нескольких книг. В данном исследовании рассматривается советско-индийское сотрудничество в ключевых отраслях, в том числе металлургии [Menon, Morozov 1986].

Исследования, в которых акцент был сделан на конкретных отраслях, помогают понять, насколько эффективным было экономическое сотрудничество между СССР и Индией в целом, а также оценить, какую роль в развитии двусторонних отношений играло совместное строительство металлургических заводов на территории Индии. В середине XX века и в СССР, и в Индии руководство уделяло особое внимание развитию тяжелой промышленности, поэтому есть основания полагать, что сотрудничество в данной сфере имело не только экономическое, но и политическое значение [Singh 2019]. Рассмотрение процесса выстраивания двусторонних

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413 Оп. 13 Д. 6724. С. 45.

отношений и анализ реализации проектов по строительству заводов поможет оценить значимость развития кооперации в металлургической отрасли и понять, чем был обоснован интерес каждой стороны в данном сотрудничестве.

Развитие индийской металлургической промышленности

Металлургическая промышленность начала развиваться в Индии в начале XX века. В 1911 году предприниматель Джамшед Тата стал основателем первого индийского металлургического завода, получившего название «Тата Айрон энд Стил Компани» [Облянцев 1979]. В успех данного проекта почти никто не верил — англичане скептически относились к строительству данного завода, индийцы тоже считали, что у их соотечественника нет необходимого для проектирования и строительства завода опыта, знаний и ресурсов. Однако Джамшед Тата смог добиться успеха, и завод стал успешно работать².

Англичане были удивлены тем, что индийским специалистам удалось успешно создать металлургический завод. Во многом по этой причине Англия стала проявлять интерес к развитию данной отрасли. С 1918 года началось активное строительство металлургических заводов на территории Индии [Engerman 2018]. Металлургия развивалась, но темпы были довольно низкие. После обретения независимости руководство Индии обозначило свою заинтересованность в развитии металлургической промышленности. Важную роль сыграл Джавахарлал Неру, занимавший пост премьер-министра Республики Индии. Он подчеркивал важность развития данной отрасли [Logan 2022]. По его инициативе были построены три крупных завода: в Бхилаи, Роуркеле и Дургапуре; в 1955 году было специально открыто отраслевое министерство — Министерство сталелитейной промышленности Индии³. Руководство Республики Индии было настроено на сотрудничество с Советским Союзом, поскольку, во-первых, условия, предлагаемые СССР, были выгодны для Республики, особенно по сравнению с теми, которые предлагали западные страны: Советский Союз выделял кредиты под более низкий процент, а также не ставил условие, что в руководстве инфраструктурного объекта обязательно должен быть представитель СССР; во-вторых, с начала 1950-х годов советско-индийские отношения в целом активно развивались, сотрудничество усиливалось не только в экономической сфере⁴.

Начало развития советско-индийских экономических отношений

Первым значимым договором между СССР и Индией стало Торговое соглашение, подписанное 2 декабря 1953 года. В тот же день было согласовано и открытие Торгового представительства СССР в Индии, что существенно облегчило дальнейшее сотрудничество двух стран в сфере экономики.

Первый крупный кредит был выделен советским руководством 2 февраля 1955 года. В соответствии с межправительственным соглашением, СССР предоставлял Индии кредит в размере 1019,3 млн рупий для строительства завода в Бхилаи [Лунёв 2017]. В соглашении было обозначено, что кредит рассчитан на первый этап строительства, то есть изначально предполагалось, что кредитов будет несколько. Индия должна была погасить кредит в течение

² Refund of excess profits tax deposit in respect of two annas commission in the Tata Iron and Steel company to H.H. the Naharaja of Gwalior (Madhya Pradesh) // National Archives of India, Progs. Nos. 31(6)-PB. 1954. P. 1.–11

³ Creation of a new Ministry known as the Ministry of Iron and steel and reallocation of business as between the production of C and I as Ministries. Appointment of Prof Mahalanobis as a member of the planning commission and of Shri S.K. Dey as a member of central committee for community projects // National Archives of India. Repository-2, 93/55. P. 6–23.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413 Оп. 13. Д. 6724. С. 4.

12 лет, годовой процент был 2,5. Условия, предлагаемые западными странами, были менее выгодны [Pradhan 2019, 244]: например, Великобритания и ФРГ были согласны предоставить кредит только при условии, что ставка кредитования составит 6% [Скачков и др. 1982, 188].

Металлургический завод в Бхилаи

Металлургический завод в Бхилаи строился с нуля. Советский Союз пообещал индийскому руководству спроектировать его и направить специалистов для строительства. Стоит отметить, что ранее Советский Союз не участвовал в столь масштабных инфраструктурных проектах за рубежом. Для того, чтобы обеспечить реализацию соглашения, в СССР было задействовано 400 заводов. В Индию необходимое оборудование было доставлено на 188 пароходах. Такая помощь была необходима Индии в исследуемый период, поскольку в стране был очень низкий уровень развития промышленности [Dash, Rath 2021]. В 1950-е годы на долю промышленности приходилось всего около 17% национального дохода⁵: в те годы Индия отставала не только от развитых, но и от многих развивающихся стран.

Индийское руководство должно было начать погашение кредита через год после завершения строительства завода и получения необходимого для ввода в эксплуатацию оборудования [Rodionov, Senin 1981, 21].

Последующие кредиты выделялись на схожих условиях, но уже на строительство других промышленных объектов на территории Индии. Для увеличения производственной мощности завода в Бхилаи до 2,5 млн тонн стали в год и ряда других заводов Советским Союзом был выделен четвертый кредит в размере 2811,4 млн рупий. Соглашение было подписано 12 сентября 1959 года. Увеличение производительности ряда заводов и строительство нескольких новых объектов входили в третий пятилетний план Индии⁶. Руководство Индии считало, что в тот период необходимо было сделать акцент на развитии тяжелой промышленности⁷. Условия погашения четвертого советского кредита были такими же, как и первого.

Металлургический завод в Бокаро

Седьмой кредит, выделенный советским руководством 25 января 1965 года, тоже был выделен на развитие металлургии. Стороны договорились, что он будет использован для строительства завода в Бокаро. Изначально завод должен был строиться при помощи США, однако условия, которые были предложены Советским Союзом, оказались более привлекательными для Индии. Американская сторона настаивала на том, что в руководстве завода обязательно должны быть представители США, а СССР поддерживал стремление Индии развивать национальную экономику.

Переговоры с США начались в 1959 году, в 1961 году американская сторона начала выражать сомнения по поводу того, хватит ли сырья для успешной реализации данного проекта. Лидеры США выступали против создания завода, который станет важным элементом государственного сектора. В 1965 году индийское руководство приняло решение обратиться за помощью к СССР, соглашение вскоре было подписано, а в 1968 году Индира Ганди, занимавшая в тот период должность премьер-министра, заложила первый камень, что символизировало начало строительства.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413 Оп. 13 Д. 7430. С. 11.

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413 Оп. 13 Д. 7430. С. 157.

⁷ The Third Five Year Plan, 1960 // National Archives of India. Repository-2, MISC/R/33.

Завод в Бокаро является одним из крупнейших заводов комплекса черной металлургии Индии. Расположен он в штате Бихар, который богат полезными ископаемыми. Близость месторождений коксующегося угля, железной руды и центров производства огнеупорных материалов в Калькутте, являющейся крупнейшим индийским портом, существенно облегчает и ускоряет производственный процесс. В 1973 году Индира Ганди заявила о том, что завод в Бокаро является символом укрепления советско-индийских отношений [Menon, Mогоzov 1986, 44]. Проект действительно был масштабным: в строительстве принимало участие более 70 000 человек, советские специалисты строили завод совместно с индийскими коллегами. На начальном этапе строительства Индия поставляла всего 10% оборудования, затем, на втором этапе, процент вырос до 24. Советский Союз поставлял только то оборудование, которого не было на тот момент в Индии. Параллельно со строительством завода в Индии активно развивалось и машиностроение — СССР оказывал помощь и в этой сфере.

Советская помощь Индии в строительстве металлургических заводов

В 1971 году началось проектирование третьего металлургического завода, который строился при содействии СССР. Расположен он был в Вишакхапатнаме⁸. Во время строительства завода были использованы новейшие технологии, которых еще не существовало в период, когда создавались заводы в Бхилаи и Бокаро. Металлургический завод в Вишакхапатнаме сыграл важную роль в индустриализации страны в целом и штата Андхра-Прадеш в частности, который традиционно являлся аграрным.

Еще один металлургический завод был построен в Мадрасе. Арконамский завод строился при помощи СССР, работы начались в конце 1960-х гг., а в эксплуатацию он был введен уже в 1971 году. Пятнадцать индийских инженеров прошли обучение на Новолипецком металлургическом комбинате в Советском Союзе, получив знания, необходимые для того, чтобы обеспечивать техническое обслуживание завода.

Наиболее значимым событием в развитии советско-индийских экономических отношений все же принято считать строительство завода в Бхилаи. Главным инженером был назначен В.Э. Дымшиц (изначально возглавить строительные работы должен был Н.П. Протенко, но он трагически погиб во время выполнения работы в Индии). В.Э. Дымшиц был управляющим трестом «Магнитострой», а затем стал заместителем председателя Совета Министров СССР. Имея нужный опыт, он смог успешно организовать работу по проектированию и строительству металлургического завода.

Советские специалисты должны были подготовить проект завода и предоставить его Правительству Индии для рассмотрения. Предусматривалась возможность внесения правок и доработки данного проекта. Затем необходимо было начать строительство, а также организовать подготовку индийских специалистов, которые впоследствии должны были самостоятельно обеспечивать работу завода и знать все необходимые детали. Более 400 советских предприятий было задействовано в реализации данного проекта.

Соглашение о строительстве металлургического завода в Бхилаи укрепило советско-индийские отношения и дало возможность развивать их еще в одном направлении: важной особенностью советско-индийского сотрудничества было использование имеющихся в Индии ресурсов. При реализации проекта по созданию завода в Бхилаи старались прибегать к индийским ресурсам, особенно на первом этапе строительства. Для запуска завода, мощность которого

⁸The Visakhapatnam Steel Project (Acquisition of lands) bill 1972 – For assent, 1972 // National Archives of India. Repository-4, 17/77/72-JUDL. P. 3-7.

на тот момент составляла 1 млн тонн, было использовано около 10% индийского оборудования, 23% металлических конструкций и 7% огнеупорного материала. При увеличении мощности завода до 2,5 млн тонн указанные показатели увеличились до 23%, 43% и 64% соответственно. После повышения мощности до 4 млн тонн доля индийского оборудования возросла до 60%, а огнеупорного материала — до 90%. К этому моменту Индия смогла полностью обеспечивать завод металлоконструкциями [Rodionov, Senin 1981, 31]. Аналогичная тенденция наблюдалась и при строительстве завода в Бокаро. Стоит отметить, что за период создания металлургических заводов уровень индийской промышленности существенно вырос, у Индии появилось гораздо больше возможностей обеспечивать их функционирование.

В 1957 году премьер-министр Индии Джавахарлал Неру впервые посетил металлургический завод в Бхилаи. Он уже тогда говорил о значимости данного проекта не только для укрепления советско-индийских отношений, но и для экономического развития Индии. В феврале 1959 года состоялась церемония открытия завода, на которой присутствовал президент Индии Раджендра Прасад. На церемонию был приглашен и советский посол П.К. Пономаренко. Мероприятие было тщательно подготовлено, была предусмотрена и культурная программа⁹. Через год завод должен был посетить Н.С. Хрущев. Незадолго до его визита на заводе началась забастовка, и индийские рабочие просили советских коллег поддержать их, однако главный инженер призвал советских специалистов продолжать работать и приложить все усилия для того, чтобы не было диверсии. Забастовка вскоре закончилась — индийское руководство заявило, что в случае продолжения будет применена сила. Сам визит Н.С. Хрущева прошел уже в спокойной обстановке.

Заключение

Советско-индийское сотрудничество в строительстве металлургических заводов повлияло на развитие двусторонних отношений, а также имело международное значение: впервые развивающейся стране были предложены столь выгодные условия. Советский Союз был заинтересован в экономическом развитии Индии, индийское руководство это замечало и ценило. В 1950–1960-е годы руководство СССР и Индии уделяло особое внимание развитию тяжелой промышленности. Именно по этой причине строительство заводов имело отчасти и политическое значение. Взаимная заинтересованность в развитии металлургии способствовала сближению двух стран и свидетельствовала о близости взглядов лидеров Советского Союза и Республики Индии. Советско-индийское сотрудничество в сфере металлургии можно охарактеризовать как взаимовыгодное: Индия получала кредиты на более выгодных условиях, а заводы, построенные при содействии СССР, становились ключевыми индустриальными предприятиями страны, что благоприятно сказывалось на экономическом развитии страны; для Советского Союза сотрудничество было важно в основном из-за того, что реализация подобных проектов способствовала укреплению двусторонних отношений, что было чрезвычайно важно в условиях холодной войны. Присутствовал и экономический интерес СССР — в соответствии с условиями многие кредиты выделялись непосредственно для закупок необходимого для строительства металлургических заводов оборудования, что способствовало развитию советской экономики.

О международной значимости проекта СССР и Индии по строительству завода профессор О.П. Мехротра писал: «Строительство Бхилайского металлургического завода знаменовало конец фактической монополии западных стран на поставку технологии и комплектного оборудования.

⁹ President's visit to Bhilai (MP) for opening the Steel Plant February, 1959 // National Archives of India. Repository-2, 84/TS/MP/B. P. 5-6.

Подписание соглашения о Бхилайском заводе означало для западных стран, что прошло то время, когда они могли тормозить экономическое развитие молодых независимых государств, отказывая им в поставке промышленного оборудования и передаче технологии» [Mehrotra 1970, 28].

Список литературы:

Галиева Н.В. Внешняя торговля Индии в 1950-2000-х гг. // Вестник МГИМО. 2012. № 1(22). С. 181–186. DOI: [10.24833/2071-8160-2012-1-22-181-186](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-1-22-181-186)

Лунёв С.И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы // Вестник МГИМО. 2017. № 2(53). С. 24.–51. DOI: [10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51)

Облянцев М.И. Индия глазами советских друзей. Москва: Наука, 1979.

Скачков С.А., Морозов В.Г., Завивалов Е.Д. Построено при экономическом и техническом содействии Советского Союза. Москва: Международные отношения, 1982.

Bindra S.S. Foreign Aid and Foreign Policy: An Implementation Process // *World Affairs: The Journal of International Issues*. 2018. Vol. 22. Is. 3. P. 126–141.

Dash S., Rath S.S. Knowledge Management Practices in Steel Industries of India: A Comparative Analysis of Public and Private Steel Industries // *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education*. 2021. Vol. 12. Is. 2. P. 2032–2041. DOI: [10.17762/turcomat.v12i2.1807](https://doi.org/10.17762/turcomat.v12i2.1807)

Engerman D.C. *The Price of Aid: The Economic Cold War in India*. Cambridge (Massachusetts), London (England): Harvard University Press, 2018.

Hilger A. Socialist Internationalism, World Capitalism, and the Global South: Soviet Foreign Economic Policy and India in Times of Cold War and Decolonization, 1950s–1960s // *Journal of World History*. 2021. Vol. 32. Is. 3. P. 439–464.

Logan W.A. *India and the Cold War // A Technological History of Cold-War India, 1947–1969*. Palgrave Studies in the History of Science and Technology. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 43–72. DOI: [10.1007/978-3-030-78767-7_3](https://doi.org/10.1007/978-3-030-78767-7_3)

Mehrotra O.P. Soviet Economic Aid to India: Some Facts // *Soviet Review*. 1970. Vol. VII. Is. 8. P. 26–32.

Menon M.S.N., Morozov V.P. *Indo-Soviet Trade and Economic Ties*. New Delhi: Allied, 1986.

Pradhan M. Role of Soviet Union in India's Industrialization: A Comparative Assessment with the West // *International Journal of Research and Analytical Reviews*. 2019. Vol. 6. Is. 1. P. 243–248.

Rodionov N., Senin V. *Soviet-Indian Economic and Trade Exchanges*. New Delhi: Soviet Land Booklets, 1981.

Singh Z.D. *Power and Diplomacy: India's Foreign Policies during the Cold War*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

References:

Bindra S.S. (2018) Foreign Aid and Foreign Policy: An Implementation Process. *World Affairs: The Journal of International Issues*. Vol. 22. Is. 3, P. 126–141.

Dash S., Rath S.S. (2021) Knowledge anagement Practices in Steel Industries of India: A Comparative Analysis of Public and Private Steel Industries. *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education*. Vol. 12. Is. 2. P. 2032–2041. DOI: [10.17762/turcomat.v12i2.1807](https://doi.org/10.17762/turcomat.v12i2.1807)

Engerman D.C. (2018) *The Price of Aid: The Economic Cold War in India*. Cambridge (Massachusetts), London (England): Harvard University Press.

- Galishtseva N.V. (2012) India's Foreign Trade in 1950–2000 Years. *Vestnik MGIMO*. No. 1(22). P. 181–186. DOI: [10.24833/2071-8160-2012-1-22-181-186](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-1-22-181-186)
- Hilger A. (2021) Socialist Internationalism, World Capitalism, and the Global South: Soviet Foreign Economic Policy and India in Times of Cold War and Decolonization, 1950s–1960s. *Journal of World History*. Vol. 32. Is. 3. P. 439–464.
- Logan W.A. (2022) India and the Cold War. In: A Technological History of Cold-War India, 1947–1969. *Palgrave Studies in the History of Science and Technology*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 43–72. DOI: [10.1007/978-3-030-78767-7_3](https://doi.org/10.1007/978-3-030-78767-7_3)
- Lounev S.I. (2017) Soviet-Indian Relations (1955–1971): The Birth of a Friendship. *Vestnik MGIMO*. No. 2(53). P. 24–51. DOI: [10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51)
- Mehrotra O.P. (1970) Soviet Economic Aid to India: Some Facts. *Soviet Review*. Vol. VII. Is. 8. P. 26–32.
- Menon M.S.N., Morozov V.P. (1986) *Indo-Soviet Trade and Economic Ties*. New Delhi: Allied.
- Obolyantsev M.I. (1979) *Indiya glazami sovetskikh druzey* [India through the eyes of Soviet friends]. Moscow: Nauka.
- Pradhan M. (2019) Role of Soviet Union in India's Industrialization: A Comparative Assessment with the West. *International Journal of research and Analytical Reviews*. Vol. 6. Is. 1. P. 243–248.
- Rodionov N., Senin V. (1981) *Soviet-Indian Economic and Trade Exchanges*. New Delhi: Soviet Land Booklets.
- Singh Z.D. (2019) *Power and Diplomacy: India's Foreign Policies during the Cold War*. Oxford: Oxford University Press.
- Skachkov S.A., Morozov V.G., Zavivalov E.D. (1982) *Postroyeno pri ekonomicheskom i tekhnicheskoy sodeystvii Sovetskogo Soyuz* [Built with the economic and technical assistance of the Soviet Union]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.

Дата поступления/Received: 28.12.2022

Подготовка управленческих кадров
Administration personnel training

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-214-230

Тренинговые инструменты в современной HR-аналитике

Батоврина Екатерина Викторовна

Кандидат социологических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: batovrinaev@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [3046-8588](#)

ORCID ID: [0000-0001-8415-9104](#)

Черняева Галина Владимировна

Кандидат философских наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: chernyaevagv@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [5725-3242](#)

ORCID ID: [0000-0003-2539-2111](#)

Аннотация

Разработка и отбор новых тренинговых инструментов являются важнейшими слагаемыми успешного тренинга. Разработчикам программ тренингов необходимо определить и неукоснительно следовать заранее сформулированным критериям их отбора в соответствии с десятком ориентиров. Актуальность глубокого исследования и сравнительного анализа возможностей, преимуществ и ограничений наиболее популярных, а также оригинальных тренинговых инструментов связана, во-первых, с широким распространением тренингов в процессе привлечения, обучения, мотивации персонала в современных организациях. Во-вторых, именно в процессе реального взаимодействия персонала и руководителей в рамках тренинга возможно оперативное выявление скрытых противоречий, напряженных ситуаций и конфликтов. В-третьих, тренинговые инструменты весьма многообразны, хорошо зарекомендовали себя в современной практике работы с персоналом и прекрасно встраиваются в комплексы HR-аналитических мероприятий. Цели исследования — определить возможности и ограничения использования современных тренинговых инструментов в процессе HR-аналитики; на основе сравнительного анализа современных тренинговых инструментов выявить критерии их отбора для решения задач HR-аналитики. Метод исследования: сравнительный анализ; в исследовании были применены системный и междисциплинарный подходы. Исследование позволило получить следующие основные результаты: в процессе анализа роли HR-аналитики в управлении персоналом показано, что применение современных инструментов HR-аналитики создает прочную платформу для проведения изменений в организации; в процессе сравнительного анализа традиционных инструментов HR-аналитики выявлены наиболее востребованные, апробированные и оригинальные методы и методики; при исследовании роли тренингов в HR-аналитике продемонстрированы высокие возможности тренингов в HR-аналитической диагностике, в том числе в выявлении зон неустойчивости, противоречий и латентных конфликтов, а также необходимость их применения в решении других задач HR-аналитики. Новизна результата исследования заключается в следующем: введен термин «HR-аналитический тренинг» и предложено его определение; уточнены возможности и ограничения использования современных тренинговых инструментов в процессе HR-аналитики; по-новому обоснован выбор критериев отбора тренинговых инструментов HR-аналитики; дана научно-практическая оценка ряда новых оригинальных HR-аналитических тренинговых методик. В заключении показаны направления дальнейшего развития тренинговых инструментов HR-аналитики и актуальная проблематика исследований в данной области.

Ключевые слова

HR-аналитический тренинг, функции HR-аналитики, задачи HR-аналитики, направления развития HR-аналитики, критерии отбора тренинговых инструментов HR-аналитики, шеринг, процессинг, фасилитация, психометрическое и социометрическое моделирование.

Training and Its Instrumentals in Modern HR analytics

Ekaterina V. Batovrina

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: batovrinaev@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0001-8415-9104](#)

Galina V. Cherniaeva

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: chernyaevagv@mail.ru

ORCID ID: [0000-0003-2539-2111](#)

Abstract

The development and selection of new training tools are the significant components of successful training. The designers of training programs need to define and strictly follow the pre-defined criteria for their selection in accordance with a dozen guidelines. The relevance of in-depth research and comparative analysis of the opportunities, advantages and limitations of using the most popular, as well as original training tools, is associated, firstly, with the widespread implementation of training in the process

of attracting, developing, motivating personnel in modern organizations. Secondly, it is possible to promptly reveal hidden contradictions, tense situations and conflicts in the process of real interaction between staff and managers within the framework of training. Thirdly, the training tools are very diverse, they have proven themselves in modern practice of working with personnel and are perfectly integrated into complexes of HR-analytical activities. The research aims are to determine the possibilities and limitations of using modern training tools in the process of HR analytics; on the basis of a comparative analysis of modern training tools, to identify the criteria for their selection for solving the problems of HR analytics. The research methods include comparative analysis, the systematic and interdisciplinary approaches. In the main part of the study the following results were obtained. In the process of analyzing the role of HR analytics in HR management it is shown that the implementation of modern HR analytics tools creates a solid platform for making changes in the organization. In the process of a comparative analysis of traditional HR analytics tools, the most popular, proven and original methods and techniques were identified. When studying the role of training in HR analytics, the high potential of training in HR analytical diagnostics was demonstrated, including identification of areas of instability, contradictions and latent conflicts, as well as the need for their application in solving other problems of HR analytics. The novelty of the research result is defined by the fact that the term 'HR analytical training' is introduced and its definition is proposed; the possibilities and limitations of using modern training tools in the process of HR analytics are clarified; the choice of criteria for selecting training tools for HR analytics is justified in a new way; a scientific and practical assessment of a number of new original HR analytical training methods is given. In conclusion, the directions for further development of HR analytics training tools and the current research issues in this area are shown.

Keywords

HR analytical training, functions of HR analytics, tasks of HR analytics, directions of HR analytics development, criteria for selection of HR analytics training tools, sharing, processing, facilitation, psychometric and sociometric modeling.

Введение

За модным понятием «HR-аналитика», относительно недавно вошедшим в профессиональный лексикон специалистов по управлению персоналом, кроется использование различных инструментов сбора и анализа данных, необходимых для принятия решений в сфере управления персоналом, оценки экономической и социальной эффективности системы управления сотрудниками и определения направлений и способов ее совершенствования. Весьма распространено заблуждение, что круг инструментов HR-аналитики ограничен и включает исключительно количественные, прежде всего экономические, инструменты измерения показателей деятельности отдельных сотрудников, подразделений организации и компании в целом. Популярность инструментов HR-аналитики, действительно, высока. Так, многие руководители и специалисты по управлению персоналом регулярно прибегают к экономическим HR-метрикам, вычисляя затраты на HR-функцию на одного работника, отдачу от инвестиций в персонал, выручку в расчете на одного работника, общие затраты на персонал, стоимость подбора персонала и др. Такие данные необходимы для того, чтобы:

- выявить проблемные зоны в применении финансово-экономических инструментов в управлении организацией и сотрудниками;
- наметить стратегические экономические меры и конкретные шаги по корректировке экономического регулирования HR-процессов;
- выработать пакеты программ экономии ресурсов и увеличения прибыли организации.

Вместе с тем далеко не все аспекты работы с персоналом и функционирования системы управления сотрудниками подлежат «жесткому» экономическому анализу и регулированию. При реализации значительного большинства функций управления и работы с персоналом более полезным и информативным является использование социологических и психологических оперативных инструментов получения значимой и актуальной информации — анкетных опросов, интервью, наблюдения, фокус-групп, тестов и др. Благодаря применению таких более мягких методов удастся не только собрать необходимую «живую» информацию, но и качественно, разносторонне, ситуативно интерпретировать ее, определяя скрытые глубинные причины возникновения организационных проблем и ключевые факторы, влияющие на результаты работы персонала.

Большим, но пока слабо задействованным потенциалом по сбору и анализу HR-данных, необходимых для корректировки управленческой деятельности, принятия решений в сфере управления персоналом и оценки эффективности системы управления сотрудниками, обладают тренинги персонала и используемые при их проведении инструменты. Групповой характер взаимодействия в процессе тренинга, позитивная социальная ориентированность и организационная направленность, непринужденный динамичный стиль проведения тренингов способствуют повышению активности его участников, располагают их к открытому общению и обсуждению вопросов, актуальных для целей HR-аналитики.

Цели статьи — определить возможности и ограничения использования в процессе HR-аналитики современных тренинговых инструментов; на основе сравнительного анализа тренинговых инструментов выявить критерии их отбора для решения задач HR-аналитики.

HR-аналитика в управлении персоналом

В отличие от многих инструментов управления персоналом, применимых лишь в узкой области, инструменты HR-аналитики широко используются почти на всех участках работы с сотрудниками в современной организации. Их применение актуально как для сбора общей информации о функционировании системы управления персоналом, так и для получения актуальных сведений об эффективности реализации конкретных направлений работы с сотрудниками: например, подбора и отбора, стимулирования и мотивации, обучения и развития персонала, управления организационной культурой и брендом организации как работодателя. Возможности инструментов HR-аналитики столь широки, что многие специалисты отражают этот факт в определении понятия «HR-аналитика». Ссылки на универсальный характер инструментов HR-аналитики и ее проникновение во все сферы работы с персоналом присутствуют в большинстве публикаций российских и особенно зарубежных авторов. Например, М. Эдвардс и К. Эдвардс считают, что HR-аналитика — это «систематическое использование статистических данных для выявления факторов, оказывающих влияние на ключевые показатели управления персоналом, и подготовки более или менее точных прогнозов о результатах работы персонала и функционирования системы управления персоналом в целом» [Edwards, Edwards 2019, 3]. А. Мохаммед отмечает, что HR-аналитика способствует повышению эффективности управления персоналом и что за этим понятием скрывается «использование инструментов статистики, метрик и оценочных процедур в практике управления персоналом и при принятии стратегически значимых решений» [Mohammed 2019, 52]. Д. Мэдсон и К. Слэттен трактуют HR-аналитику еще шире — как «систематический анализ данных о человеческих ресурсах организации для принятия лучших управленческих решений» [Madsen, Slatten 2017, 148].

В числе основных функций HR-аналитики чаще всего упоминают дескриптивную (определение существующих проблем, направленности поведения персонала, текущая оценка полученных результатов), предиктивную (прогнозирование) и оптимизационную (разработка предложений по сокращению затрат на отдельные направления управления персоналом, повышению результативности работы сотрудников и др.) функции. Более выпукло содержание функций HR-аналитики отражено в описаниях решаемых с ее помощью задач.

Как отмечает Я. Фитценц, в самом общем виде HR-аналитика позволяет решать следующие задачи:

- «сканировать» то, что происходит с человеческими ресурсами и системой управления персоналом организации здесь и сейчас;
- планировать мероприятия по управлению персоналом;

- делать прогнозы;
- предлагать решения по оптимизации, интеграции, синхронизации работы с персоналом [Fitz-enz 2010, 16–17].

Б. Басенс, С. де Вине и Л. Селз видят задачи HR-аналитики несколько иначе, это:

- моделирование и оценка особенностей взаимодействия между сотрудниками и анализ организационного поведения персонала;
- получение оперативных данных по ключевым показателям работы персонала и функционирования системы управления персоналом;
- получение данных, необходимых для принятия стратегических решений и определения новых направлений развития организации [Baesens et al. 2017, 20–21].

Более того, эти авторы видят результат использования инструментов HR-аналитики как нечто большее, чем просто получение набора статистических данных, например новых идей, инсайтов для бизнеса [Ibid.]. Действительно, комплексный, системный HR-аналитический подход к исследованию процессов управления персоналом имеет высокий инновационный потенциал и порождает новые ракурсы видения организационных задач и задач управления персоналом.

Круг задач и возможностей HR-аналитики расширяется за счет использования ее инструментов при реализации конкретных направлений работы с персоналом — привлечения персонала, мотивации, обучения и развития сотрудников, управления организационной культурой (Таблица 1).

Таблица 1. Возможности использования инструментов HR-аналитики при реализации основных направлений работы с персоналом¹

Направления работы с персоналом	Возможности использования инструментов HR-аналитики
Привлечение персонала	Оценка привлекательности бренда организации как работодателя; оценка узнаваемости организации как работодателя; оценка привлекательности ценностного предложения работодателя; оценка лояльности соискателей вакансий; оценка востребованности вакансий работодателя на рынке труда; оценка количественного и качественного состава соискателей; оценка качества и своевременности закрытия вакансий организации и др.
Мотивация персонала	Оценка лояльности, вовлеченности персонала; оценка удовлетворенности персонала трудом; оценка динамики потребностей / мотивов сотрудников; оценка привлекательности компенсационного пакета, предлагаемого работодателем, и др.
Обучение и развитие персонала	Оценка актуализированных потребностей персонала в обучении и развитии; определение перспективных направлений обучения и развития персонала; прогнозирование результатов обучения и развития персонала; оценка эффективности программ обучения сотрудников и др.
Управление организационной культурой	Диагностика силы и типа организационной культуры; оценка уровня приверженности сотрудников корпоративным ценностям; прогнозирование конфликтов в коллективе; определение перспективных направлений изменения организационной культуры и др.

Обширные возможности использования HR-аналитики в управлении персоналом во многом обусловлены разнообразием используемых ею инструментов.

Современные инструменты HR-аналитики

Набор современных инструментов HR-аналитики крайне широк и разнороден. Он включает инструменты сбора и анализа количественных и качественных данных о персонале, его поведении, результатах труда, системе управления персоналом и реализации отдельных

¹ Составлено авторами.

направлений управления сотрудниками. Чаще всего HR-аналитика опирается на использование HR-метрик — количественных показателей эффективности работы персонала, службы персонала и системы управления персоналом в целом. Примерами HR-метрик могут служить такие показатели, как текучесть персонала, производительность труда, стоимость закрытия вакансии, коэффициент закрытия вакансий, средний стаж работы в компании, доля сотрудников, получивших повышение, и многие другие. Для их расчета требуются прежде всего количественные данные — их агрегация осуществляется из внутренних корпоративных источников (например, отчетов), а также с помощью проведения количественных исследований (например, анкетных опросов с преобладанием в анкетах закрытых и полузакрытых вопросов). При анализе полученных данных часто используются корреляционный и регрессионный анализ и методы моделирования.

Визуализация количественных показателей осуществляется с помощью особых инструментов представления сводных данных — дашбордов, «позволяющих в краткой, удобной для восприятия форме выразить всю совокупность необходимых данных для обеспечения контроля за предприятием и принятия управленческих решений» [Веретенникова и др. 2021, 458]. Многие крупные компании (SAP, IBM, Oracle, Microsoft), известные своими продуктами для бизнеса, предлагают специальные программные решения для агрегирования, интеграции и анализа количественных данных, визуализации HR-метрик и построения дашбордов.

Помимо количественных данных, особое значение для HR-аналитики приобретают качественные данные, получение которых возможно с помощью использования социологических, социально-психологических и психодиагностических методов исследования — интервью, фокус-групп, анкетных опросов с преобладанием в анкетах открытых вопросов, проективных техник, тестов-опросников и др. Продуктом их использования является как формирование целостной картины организационных взаимодействий, включая их эмоциональные составляющие, так и более глубокое понимание уникальных потребностей, мотивов, настроений, конкретных эмоциональных состояний, взаимоотношений сотрудников, их восприятия работодателя, коллег, руководства, оценок выполняемой работы и перспектив своего пребывания в организации. Подобная информация позволяет понять причины и объяснить те или иные сбои в поведении и работе сотрудников, функционировании системы управления персоналом, а также обнаружить скрытые факторы, влияющие на работу персонала, раскрыть тенденции и спрогнозировать развитие организационных взаимодействий в будущем.

Несмотря на все преимущества, использование социологических, социально-психологических и психодиагностических методов для получения данных о работе персонала и функционировании системы управления персоналом имеет ряд ограничений в применении:

- зачастую заметно предвзятое отношение сотрудников к участию в анкетных опросах, интервью и тестировании, связанное как со страхом показать себя в невыгодном свете перед работодателем и потерять работу, так и с недоверием к надежности этих методов исследования;
- нередко в организациях имеет место дефицит временных и других ресурсов, необходимых для подготовки, запуска, проведения и обработки результатов исследований;
- во многих организациях налицо отсутствие специалистов, готовых взять на себя подготовку и проведение исследования.

Способом преодоления части из перечисленных ограничений стал поиск новых инструментов получения качественных данных о персонале и функционировании системы управления персоналом организации. Одним из многофункциональных, гибких в использовании, потенциально перспективных инструментов современной HR-аналитики видится тренинг. Учитывая современные тенденции и задачи HR-аналитики, а также исключительно разнообразные возможности тренингового инструментария, целесообразно обосновать необходимость разработки методологии особого вида тренингов — *HR-аналитического тренинга*, который представляет собой специально конструируемый комплекс последовательно применяемых интерактивных инструментов сбора и группового анализа данных, построения прогнозов развития и повышения эффективности системы управления персоналом организации.

Возможность проведения HR-аналитического тренинга в группах, возможность его ориентации на удовлетворение потребностей сотрудников в обучении и развитии, их активное взаимодействие и коммуникацию в процессе выполнения тренинговых упражнений способствуют решению сразу нескольких управленческих задач: обеспечивают лояльное отношение персонала к исследованию (оно воспринимается не так остро), экономию времени (исследование идет параллельно с обучением, дополнительные временные ресурсы не требуются) и раскрепощенность и активность участников (благодаря особой атмосфере, как правило, складывающейся или специально создаваемой модератором в тренинговой группе). Кроме того, тренинг открывает широкие возможности для сбора аналитических данных с помощью сразу нескольких методик и инструментов: например, оценочных шкал, портретирования персонала и др.

В современной HR-аналитике применяются разнообразные *оценочные шкалы*, позволяющие исследовать самую разнообразную проблематику управления персоналом: например, диагностические оценочные шкалы MMPI², 5-балльная оценочная шкала для диагностики инновационного потенциала организации [Новичкова 2015а, 60–62] и др. Многомерные оценочные шкалы могут не только выполнять функции детализированной диагностики, но и помогают составлять целостную картину, целостное видение организации, например подсказывать, насколько равномерно развивается персонал, насколько он удовлетворен организацией работы и в целом коллективом, своим пребыванием в организации. Разработка и применение оценочных шкал в процессе HR-аналитического тренинга прежде всего ориентированы на оценку и сравнение количественных характеристик процессов и результатов управления персоналом, но методики оценочных шкал в принципе применимы и для оценки качественных состояний исследуемых объектов, хорошо сочетаются с качественными методами и могут работать вместе с ними в рамках единого инструмента измерения (например, в опросах).

В современной аналитике также находит применение *методика портретирования* персонала и других участников деятельности организации [Зонин и др. 2015, 42–44]. Составление портретов позволяет выявить не только рационально описываемые характеристики сотрудников, но и не поддающиеся прямой фиксации, значительно влияющие на восприятие персоналом своего подразделения и организации в целом, интуитивные и эмоциональные оценки сотрудников, уловить характерные черты корпоративного духа организации. К тому же она может необычайно оживить, «украсить» как тренинг, так и результаты HR-исследования.

Так, применение в процессе тренинга методики портретирования позволяет подобрать упражнения, ориентированные на раскрытие образного мышления, художественных навыков и умений участников тренинга, и презентовать в организации имеющиеся уникальные компетенции

² Миннесотский многоаспектный личностный опросник (Minnesota Multiphasic Personality Inventory). См.: MMPI. Основные оценочные шкалы // LiveJournal [Электронный ресурс]. URL: <https://nlpt.livejournal.com/231408.html> (дата обращения: 22.10.2022).

и таланты. Следует заметить, что, несмотря на старания разработчиков официальных сайтов многих организаций, в целом российские компании уделяют мало внимания широкоформатной презентации уникальных способностей и талантов персонала даже на своих внутренних сайтах. А между тем раскрытие талантов сотрудников имеет значение не только для выявления потенциала развития профессиональной деятельности, но и для демонстрации разносторонности и звездности созданного коллектива, для формирования позитивного взаимообмена достижениями и актуализации чувства причастности к значимому, высшему, лучшему, для запуска в организации процессов развития креативности и «заражения достижениями».

Большое значение для получения точных результатов и построения прогнозов динамики развития имеет применение *корреляционного анализа*, который порой просто пугает специалистов по управлению персоналом, особенно тех из них, кто имеет не очень солидную математическую или информационно-статистическую подготовку. Организация тренингов применения корреляционного анализа процессов, связанных с управлением персоналом, позволяет выявить взаимосвязи и взаимовлияние различных факторов управления персоналом, например влияние стажа работы в организации на рост заработной платы персонала, влияние обеспеченности организации рабочими кадрами на структуру трудовых ресурсов, оценить динамику и эффективность использования трудовых ресурсов организации [Карапетян и др. 2015, 84–85].

Для обеспечения эффективности тренинговой составляющей HR-аналитики в целях подготовки посттренингового сопровождения можно предложить использовать тренинги развития экспертных навыков и умений (экспертной оценки), ABC-анализа, анализа макро- и микросреды персонала, таблиц SWOT-анализа. Хорошие результаты можно получить при применении *тренингов построения матриц*. Так, например, в целях HR-аналитики можно рекомендовать тренинги вариантов построения матрицы Бостонской консалтинговой группы (матрицы БКГ) и матрицы И. Ансоффа, матриц стратегий персонального роста и роста значимых для компании характеристик персонала [Новичкова 2015b, 58–59].

Аналитические таблицы позволяют в краткой форме обобщить и упорядочить имеющиеся данные, корректно выполнить сравнительный анализ по четко выделенным критериям, сформулировать конкретные рекомендации. Выполняя в процессе тренинга эти и иные задачи вместе с сотрудниками, HR-аналитик, помимо выявления и анализа необходимой информации, в определенном смысле может реализовывать дополнительные функции: обучать участников тренинга приемам аналитического мышления и применению конкретных методик в работе с данными о персонале, помогать аргументировать принимаемые управленческие решения и квалифицированно решать задачи управления персоналом организации. При всей простоте подобных построений их результаты не только убедительны и более наглядно отражают процессы в управлении персоналом, но и позволяют точнее выстраивать прогнозы развития персонала и оценивать рост человеческого капитала организации.

Как инструменты выявления организационных отношений и формирования различных микрогрупп и микроструктур, микрополитических взаимосвязей и социально-психологических преград коммуникации в организации хорошо зарекомендовали себя *методы психометрического и социометрического моделирования*. Их применение в качестве самостоятельных методов исследования или в качестве методик HR-аналитического тренинга позволяет определять лидеров и аутсайдеров, составлять рейтинги, выявлять устойчивые микрогруппы, оценивать «температуру» эмоциональных отношений в организации, что важно при разработке практических рекомендаций по формированию команд, управлению проектами, принятию управленческих решений.

Роль тренингов в системе HR-аналитических мероприятий

В большинстве источников понятие «тренинг» трактуется прежде всего как метод активного обучения, инструмент развития способностей, навыков и умений. Эта трактовка крайне устойчива и встречается как в классических работах по психологии тренинга, опубликованных в 1980–1990-е годы, так и в современных изданиях. Например, Ю.Н. Емельянов определяет тренинг как «метод активного социально-психологического обучения, в ходе которого формируется коммуникативная компетентность личности» [Емельянов 1985, 4]; С.И. Макшанов склонен считать, что это «многофункциональный метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы и организации с целью гармонизации профессионального и личностного бытия человека» [Макшанов 1997, 75]; С.А. Сикирин, опираясь на большой практический опыт проведения тренингов для сотрудников организаций, отмечает, что эта форма обучения ориентирована не только на формирование умений и развитие навыков, но и на мотивацию его участников к последующему совершенствованию [Сикирин 2021].

Поскольку, как правило, тренинги базируются на проведении целого комплекса упражнений, раскрывающих различные стороны личности и типичные формы поведения участников, при конструировании программы тренинга предусматривается активное взаимодействие участников между собой и с тренером. Для этого в тренинги активно включаются проблемные вопросы, разнообразные примеры и ситуации из организационной практики. Важно, что тренинги могут способствовать развитию у сотрудников, участвующих в тренингах, корректных оценочных суждений за счет специально конструируемых практических заданий по оценке типичных для организации событий либо, наоборот, возможных экстраординарных ситуаций.

Профессионально и качественно подготовленный и проведенный тренинг может стать своего рода исследовательской лабораторией, полем для проведения организационных мини-экспериментов, в ходе которых открываются широкие возможности по социально-психологической и организационной диагностике, получению целого пласта данных об особенностях профессионального и организационного поведения сотрудников, их восприятия профессиональной деятельности и отношения к работодателю, их вовлеченности в дела коллектива, удовлетворенности трудом и перспективами карьерного развития, психологического и социального благополучия в организации. В некоторых случаях для получения необходимой информации бывает достаточно пристального наблюдения за поведением и коммуникациями участников в тренинге.

Ускорению сбора данных и повышению информативности получаемых в процессе тренинга сведений может способствовать использование специальных современных тренинговых инструментов — прежде всего, шеринга, процессинга и фасилитации.

Под *шерингом* (от англ. to share — делиться) чаще всего понимают обсуждение с участниками тренинга эмоций, чувств, впечатлений, вызванных выполнением упражнений или предложенными тренером примерами. В процессе коллективных обсуждений участники зачастую ссылаются на свой предшествующий опыт, приводят аналогичные примеры из собственной практики, рассказывают о страхах, неудобствах, сложностях, с которыми они столкнулись в похожих организационных ситуациях. Благодаря этому, эмоциональный контекст обсуждения значительно расширяется, у тренера появляется возможность узнать, что именно, какие ценности, установки, коллективные предположения и организационные ограничения стоят за выбором участниками того или иного подхода к выполнению упражнения, что привело к получению или, напротив, неполучению ими желаемого результата в тренинге или в реальной жизни.

Процессинг (от англ. to process — обрабатывать) — это, как правило, следующий за шерингом этап обсуждения и осмысления участниками тренинга содержания, порядка и конкретных форм результатов выполнения того или иного задания или упражнения. Его задачи — помочь участникам интерпретировать полученный в упражнении опыт и определить возможности и направления его использования на практике. Распространенными инструментами процессинга являются открытые фокусированные и уточняющие вопросы, усиливающие рефлексии участников и обеспечивающие их более глубокое погружение в рассматриваемую тему. Так, например, начав с вопроса, все ли получилось у участников тренинга при выполнении упражнения, тренер может специально дополнительно поинтересоваться, что именно вызвало затруднения, какие способы их преодоления нашли участники, какие из них могут найти применение в организационной среде, как часто подобные затруднения возникают в реальной практике и препятствуют эффективному решению задач. Для усиления инсайта могут быть разобраны практические примеры, приведенные в подтверждение своих слов участниками тренинга. Очевидно, что подобный сценарный прием позволяет не только добиться выработки и усвоения участниками наиболее эффективных и конструктивных моделей поведения, но и служит эффективным инструментом социально-психологической диагностики, получения сведений о ценностях, установках, целях участников тренинга, приемлемых / неприемлемых для них моделях поведения, подходах к принятию решений в сложных, непредвиденных обстоятельствах.

Наконец, *фасилитация* (от англ. to facilitate — облегчать, помогать, способствовать) — это специальный прием активизации совместной работы и коммуникаций участников тренинга и вовлечения их в энергичное выполнение тренинговых упражнений и заданий. В набор инструментов фасилитации входят разнообразные и достаточно эффективные методики и современные тренинговые практики:

- мозговой штурм, обеспечивающий интенсификацию как коллективной, так и индивидуальной работы участников тренинговой группы;
- «поляризация мнений», при применении которой «фасилитатор делит участников на две группы — одна группа думает о негативных аспектах обсуждаемого вопроса, другая — о позитивных аспектах» [Чуланова 2019, 192];
- «всемирное кафе» («сбор мнений членов команды на протяжении 1,5–2 часов относительно важного вопроса или проблемы стратегического характера, касающейся как отдельного направления работы компании, так и организации в целом», который «способствует генерации большого числа идей, решений», которые затем подвергаются критике и отвергаются либо принимаются к реализации [Там же, 193]);
- голосование, способствующее повышению индивидуальной ответственности при принятии коллективных решений;
- метафорический прием (создание участниками тренинга различных вербальных или графических образов анализируемых организационных процессов или явлений в целях осмысления, а в определенных случаях и демонстрации эмоционального отношения к ним);
- критериальный анализ (рассмотрение участниками тренинга предложенной тренером проблемы / ситуации на основе заранее заданных критериев), развивающий навыки рационально аргументированного системного мышления;
- моделирование, например переговорные модели [Солдатова, Шаламов 2015, 70–73].

В формате фасилитации может быть обсуждено множество вопросов, касающихся результативности работы персонала и функционирования системы управления сотрудниками организации, состояние отдельных направлений работы с персоналом, причин удовлетворенности или, напротив, недовольства сотрудников положением дел в организации. Интересно, что встречающиеся в научной литературе определения практически всех приемов фасилитации могут быть сведены к отражению одной из необходимых функций HR-аналитики — сбору достоверной исходной информации и экспертных мнений, что подчеркивает их высокий диагностический потенциал и практическую значимость применения в HR-аналитических исследованиях.

Совместная работа HR-аналитика с сотрудниками — участниками HR-аналитического тренинга, помимо приобретения ими конкретных практических навыков и умений, позволяет получить ряд важных сверхэффектов, таких как:

- рост доверия к методикам HR-аналитики и специалистам, работающим в данной области;
- повышение уверенности сотрудников – участников тренинга в себе и своих аналитических и прогностических способностях и возможностях;
- уточнение сотрудниками своих представлений о коллегах, их компетентности и готовности оказывать поддержку;
- рост лояльности участников тренинга к организации за счет вложения средств в развитие персонала и тем самым подтверждения их значимости для организации.

Организаторы и разработчики программ тренингов сталкиваются с проблемой выбора среди достаточно разнообразного множества современных тренинговых инструментов, поэтому вопрос о критериях выбора/отбора и наполнения инструментальной части тренинга зачастую актуален не только на начальных этапах аналитического исследования, но и в процессе его, например, в случаях, когда выбранные ранее методы по каким-либо причинам оказались неэффективными, либо на завершающем этапе исследования, когда необходимо выработать рекомендации для посттренингового сопровождения.

Широко известные и применяемые критерии отбора инструментов (оценка стоимости, анализ комментариев и отзывов о тренинге; прямые звонки в компании, где проводился данный тренинг; оценка эффективности дотренингового взаимодействия с тренерами³) далеко не всегда эффективны в целях проведения HR-аналитики.

Во-первых, к критериям отбора тренинговых инструментов HR-аналитики целесообразно отнести соответствие оцениваемого тренингового инструмента:

- требованиям нормативных документов к образовательным стандартам и технологиям;
- подходам, нормам, правилам, требованиям, ценностям и традициям, сложившимся в тренинговой практике;
- ценностям и иным составляющим корпоративной культуры;
- требованиям государственных стандартов.

Обеспечение соответствия тренингового инструмента требованиям международных и государственных стандартов связано как с необходимостью обеспечения высокого качества, эффективности и результативности тренинга, так и с необходимостью следовать стандартам

³ Железные критерии выбора бизнес-тренинга // HR-академия [Электронный ресурс]. URL: <https://hr-academy.ru/hrarticle/jeleznyie-kriterii-vyibora-biznes-treninga.html> (дата обращения: 27.09.2022).

деятельности организации, в которой проводится HR-тренинг. Особенное внимание к данному критерию необходимо уделить в случае работы с персоналом компаний – лидеров отраслей производства и высоко рейтинговых организаций.

В частности, в положениях ныне действующих российских стандартов достаточно подробно описываются необходимые знания и навыки, личные качества, компетентности, главные параметры оценки деятельности, связанной с управлением персоналом, аудиторской работой, психологическим консультированием⁴. О важности использования стандартов в тренинговой работе свидетельствует активная разработка на государственном уровне некоторых нормативных актов и профессиональных стандартов⁵. Можно согласиться с мнением М.А Тозиковой, которая подчеркивает, что пересмотр требований и стандартов необходим вследствие изменений в мировой практике менеджмента, появления новых направлений менеджмента и новых стандартов качества, совершенствования практики применения системы менеджмента качества, важности согласования меняющейся терминологии [Тозикова 2018, 65].

При отборе тренинговых инструментов для HR-аналитики также важно учитывать:

- меру полезности тренинга, его функции в структуре HR-аналитического проекта и возможность оперативного получения в процессе тренинга актуальной, «горячей» информации о проблемных аспектах управления персоналом в организации;
- возможность обеспечения формирования заявленных в программе тренинга конкретных навыков и умений;
- возможности реализации тренинговых упражнений и концепции тренинга в целом в организационных условиях «места и времени» (компетентность приглашенных на тренинг сотрудников, предоставляемые помещения и техническое оборудование, продолжительность тренинга);
- оригинальность и новизна тренинговых упражнений;
- использование методик проектного менеджмента (project management) и дизайн-мышления;
- актуальность, новационность форматов работы участников тренинга, включая стиль презентаций, возможность работы на новых информационно-цифровых платформах, использование облачных сервисов (например, Zoom-life) и QR-технологий, программ автоматического генерирования контента и автоматизации HR-dashboard (BI), геймификации и ботов для интервью при увольнении (exit interview);
- возможность придать инновационный поисковый вектор тренинговым заданиям и использования методик внедрения изменений (change management).

Благодаря применению перечисленных выше критериев при отборе тренинговых инструментов HR-аналитики возможно по результатам проведения тренинга сформулировать ценные для организации предложения и практические рекомендации, а возможно, и оказать существенную помощь в формировании будущих команд и проектных групп, высоко мотивированных на реализацию совместно проработанных в ходе тренинга задач организации.

⁴ ГОСТ Р ИСО 19011–2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Оценка соответствия. Руководящие указания по проведению аудита систем менеджмента (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 21.04.2021 № 261-ст) // Е-досье [Электронный ресурс]. URL: https://e-ecolog.ru/docs/_3keVu8--msV7xfCBAzD8 (дата обращения: 27.09.2022); ГОСТ Р ИСО 9001–2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Требования // Меганорм [Электронный ресурс]. URL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4293759/4293759338.htm> (дата обращения: 27.09.2022); Профессиональный стандарт «Психолог-консультант» // СПК-СТС [Электронный ресурс]. URL: <https://spk-sts.ru/upload/iblock/b23/b23ea92857b81b4158af6ae41d14993d.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).

⁵ Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере бизнес-обучения (бизнес-тренер)»» (подготовлен Минтрудом России 17.01.2022) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/56907695/> (дата обращения: 28.10.2022). Предположительно, должен вступить в силу в марте 2023 года.

Направления и перспективы развития применения современных тренинговых инструментов в HR-аналитических исследованиях

С учетом анализа исследований российских и зарубежных авторов можно сделать выводы относительно необходимости и полезности определения главных направлений работы над созданием новых тренинговых инструментов для применения в HR-аналитических исследованиях и диагностике персонала. Важным направлением является разработка стандартов, вариативных типовых форм, накопление рекомендуемых эталонных программ тренинга для HR-управления, так как царящая в российском рекламном пространстве информационная какофония существенно затрудняет поиск и отбор HR-специалистами тренингов, четко ориентированных на развитие конкретных навыков и умений. Зачастую в программах тренингов указываются задачи, которые невозможно решить за отведенное на тренинг время; чрезмерно поверхностно излагается концепция тренинга; не указаны планируемые к изменению компетенции персонала. Поэтому HR-аналитикам приходится разрабатывать уникальные тренинговые инструменты, что, во-первых, удлиняет процесс, а во-вторых, повышает стоимость исследования персонала.

Вторым по важности направлением развития тренинговых инструментов для HR-аналитики является разработка как минимум 30–40 (с учетом основных функций управления персоналом в современных организациях) базовых пакетов детализированных тренинговых программ с избыточными вариантами используемых инструментов (несколько тестов, несколько упражнений на развитие одного навыка, несколько стилей презентаций тренинга и т.д.).

Наконец, третьим важным и актуальным направлением развития тренинговых инструментов для HR-аналитики следует считать организацию и проведение научно-практических семинаров, вебинаров, круглых столов, ориентированных на широкий обмен информацией, тренинговыми инструментами, новациями, опытом работы в сфере HR-аналитики. Такие мероприятия уже проводятся, вызывают большой интерес участников⁶, но вместе с тем в целях повышения культуры работы с персоналом и качества результатов HR-аналитики необходимо формирование нескольких высокостатусных, мобильных, постоянно действующих интернет-площадок (межуниверситетских, с участием специалистов служб персонала крупных компаний, на базе интернет-ресурсов транснациональных объединений и многопрофильных холдингов и т.д.). Высокий статус такого оперативного интернет-ресурса необходим для взвешенной «перекрестной» экспертной оценки публикуемых материалов, ответов и рекомендаций специалистам, которые зачастую не вполне уверены в своей компетентности и не всегда убедительны в аргументации предлагаемых ими управленческих решений. Подобная ресурсная поддержка HR-специалистов может способствовать переводу систем управления персоналом в российских организациях на новый, более высокий уровень, помогая избавляться от «ручных» методов управления персоналом, повсеместно применяемых аутсайдерских ориентаций на выживание организации, стратегий «управления последствиями», тем самым способствуя социально-экономическому подъему страны.

Многие из упомянутых выше направлений и целей развития инструментов HR-аналитики успешно выполняют научные интернет-издания, но многие HR-аналитики и эксперты, консультанты и менеджеры по персоналу зачастую опасаются необычайно высоких требований современных научных и научно-популярных журналов по оформлению публикаций, не готовы к подготовке солидных публикаций и не заинтересованы в них. Поэтому обмен

⁶ Например, исключительно полезным, по мнению участников, стало проведение круглого стола «HR-аналитика в России: тенденции и перспективы», состоявшегося в июне 2022 г. на кафедре управления персоналом факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова со слушателями и выпускниками программ дополнительного образования, преподавателями и менеджерами по персоналу российских компаний.

информацией через научные интернет-издания, по сути, превращается в односторонний процесс изучения HR-специалистами содержания того контента, который одобрен редакционным советом издания и прошел сквозь барьеры требований по размеру шрифта, количеству печатных знаков, через аннотации, транслитерации, нормы иноязычных источников и проч. Эффективный обмен остро необходимой информацией, как правило, под сверхсрочные задачи управления персоналом HR-специалисты могут осуществлять лишь в более оперативной форме.

Что касается перспектив применения современных тренинговых инструментов в HR-аналитических исследованиях, то можно с высокой уверенностью констатировать, что проведение тренингов позволяет решать многие задачи HR-аналитики. Тренинги динамичны, вариативны, сравнительно малозатратны, их легко организовать, они привлекательны для персонала, пользуются доверием среди менеджеров различных уровней управления, легко комбинируются и встраиваются в другие инструменты HR-аналитики, характеризуются высокой наглядностью и практической обоснованностью выводов. По сравнению с экспериментальными наблюдениями, научными включенными и невключенными наблюдениями тренинги имеют множество преимуществ, главным из которых является важнейший и невосполнимый организационный ресурс — экономичность по времени.

Перспективы широкого применения тренингов также связаны с тем, что в России в разноуровневых управленческих подразделениях организаций неукоснительно растет процент высоко профессиональных, компетентных специалистов – выпускников кафедр управления персоналом и смежных направлений профессиональной подготовки управленцев. Еще одним важным аргументом в пользу грядущего неизбежного расширения сфер применения тренингов в современных организациях является тот факт, что тематика тренингов может охватывать практически все процессы и все проблемы деятельности персонала организаций, может обеспечивать в специфической свободной форме практически все виды диагностики и оценки персонала на любых этапах реализации управленческих функций — от поиска, подбора и отбора персонала до аттестации и управления карьерным ростом сотрудников. Уже сегодня широко востребованы тренинги по тематике управления рабочим временем, развития инновационного мышления и различных профессиональных компетенций, повышения коммуникативной компетентности; тест-тренинги языковой и IT-подготовленности, креативности и критического мышления, формирования сплоченности и личностного роста. Востребованы также тренинги для руководителей, нацеленные на оценку и развитие лидерских качеств, делегирование полномочий, мотивирование персонала, «нахождению работающих схем и форм для управления»⁷.

В связи с нарастанием кризисных процессов в российской и мировой практике управления организациями, необычайными осложнениями в мировой политике и экономике, динамичными информационно-технологическими преобразованиями в современном обществе тренинговые инструменты, вследствие их очевидных преимуществ в ряду других инструментов аналитики, будут все чаще задействованы для решения организационных проблем.

Заключение

В современной HR-аналитике как области научно-практического знания о человеческих ресурсах организаций, наряду с применением экономических методов исследования, целесообразно использовать социологические и социально-психологические методы, а также

⁷Графский М., Каадзе А.Г. Тренинги для руководителей: выбор курсов и оценка результативности // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/guide/treningi-dlja-rukovoditelei.html> (дата обращения: 28.09.2022).

методы психологической диагностики, обеспечивающие оперативное получение актуальной, уникальной и высоко достоверной информации о персонале и сложившихся паттернах межличностных и деловых организационных взаимодействий.

Среди множества традиционно и успешно используемых неэкономических методов HR-аналитики (анкетные опросы, интервьюирование, наблюдение, фокус-группы, метод Дельфа, тестирование и др.) особо выделяются тренинги, так как информация, полученная в ходе тренинга, позволяет успешно решать многие виды задач управления персоналом:

- сбор общей информации о функционировании системы управления персоналом;
- определение ключевых показателей управления персоналом, повышение эффективности управления персоналом, оптимизация и синхронизация работы с персоналом;
- оценка функционирования системы управления персоналом в целом, привлечения, подбора и отбора, адаптации и мотивации, а также анализ методов обучения, развития и оценки персонала;
- управление нововведениями; определение инновационных направлений развития организации, обучения и деятельности персонала;
- определение тенденций развития, разработка стратегий, планов и прогнозов работы персонала;
- моделирование организационного поведения персонала, формирование желаемого имиджа персонала и руководителей организации; управление организационной культурой и брендом организации как работодателя.

Необходимо специально отметить высокие возможности тренингов в HR-аналитической диагностике персонала, в том числе в выявлении зон неустойчивости развития, напряженных ситуаций, организационных противоречий и латентных конфликтов в организации. Важно при этом подчеркнуть, что тренинги являются наиболее востребованным, апробированным, достаточно разнообразным и оригинальным, а также весьма привлекательным методом работы с персоналом в современных организациях и прекрасно встраиваются в комплексы HR-аналитических мероприятий. HR-аналитический тренинг — это специально конструируемый комплекс последовательно применяемых интерактивных инструментов сбора и группового анализа данных, построения прогнозов развития и повышения эффективности системы управления персоналом организации.

К современным тренинговым инструментам HR-аналитики можно отнести ряд методов, методик, приемов и практик: оценочные шкалы; методики портретирования персонала; корреляционный и матричный анализ; SWOT-анализ; психометрическое и социометрическое моделирование; шеринг, процессинг и фасилитацию; мозговой штурм, «поляризацию мнений», «всемирное кафе», голосование, метафорический прием, критериальный анализ. Сравнительный анализ новых тренинговых инструментов позволяет сделать вывод о высокой продуктивности и перспективности их применения в целях HR-аналитики.

Перед проведением HR-аналитических тренингов необходимо четко сформулировать критерии отбора тренинговых инструментов. Традиционные и широко применяемые критерии отбора инструментов (оценка стоимости, анализ комментариев и отзывов о тренинге; прямые звонки в компании, где проводился данный тренинг; оценка эффективности дотренингового взаимодействия с тренерами) необходимо дополнять оценкой соответствия оцениваемого тренингового инструмента требованиям нормативных документов к образовательным стандартам и технологиям; сложившимся в тренинговой практике подходам, нормам, правилам,

требованиям, ценностям и традициям; ценностям и иным составляющим корпоративной культуры; требованиям государственных стандартов. Эти критерии отбора следует дополнить оценкой полезности тренинга, его функций в структуре HR-аналитического проекта и возможности оперативного получения в процессе тренинга актуальной, «горячей» информации о проблемных аспектах управления персоналом в организации; возможности обеспечить формирование заявленных в программе тренинга конкретных навыков и умений; возможности реализации тренинговых упражнений и концепции тренинга в целом в организационных условиях «места и времени»; оригинальности и новизны тренинговых упражнений; использования методик проектного менеджмента и дизайн-мышления; актуальности, новационности форматов работы участников тренинга.

Главными направлениями работы над созданием новых тренинговых инструментов для применения в HR-аналитических исследованиях и диагностике персонала можно считать разработку стандартов, вариативных типовых форм, накопление рекомендуемых эталонных программ тренинга для HR-управления; разработку как минимум 30–40 (с учетом основных функций управления персоналом в современных организациях) пакетов детализированных тренинговых программ с многообразными вариантами используемых инструментов; организацию и проведение научно-практических интерактивных мероприятий (семинаров, вебинаров, круглых столов и проч.), ориентированных на широкий оперативный обмен информацией, тренинговыми инструментами, новациями, опытом работы в сфере HR-аналитики.

Список литературы:

Веретенникова Е.Г., Мирошниченко И.И., Калугян К.Х. Анализ достижения KPI подразделениями организации с использованием Microsoft Power BI // Системный анализ в проектировании и управлении. 2021. Т. XXV. № 1. С. 455–463. DOI: [10.18720/SPBPU/2/id21-93](https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id21-93)

Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.

Зонин Н.А., Климова Н.В., Лунин В.Е. Составление портрета потребителя (на примере рынка образовательных услуг) // Молодой ученый. 2015. Спецвыпуск. № 21.1. С. 42–45.

Карапетян А.Г., Щепкова И.В. Исследование трудовых ресурсов предприятия (на примере детского развлекательного центра «Империя Инков») // Молодой ученый. 2015. Спецвыпуск. № 21.1. С. 83–86.

Макшанов С.И. Психология тренинга: Теория. Методология. Практика. СПб.: Образование, 1997.

Новичкова Л.М. Оценка состояния инновационного потенциала организации // Молодой ученый. 2015а. Спецвыпуск. № 21.1. С. 60–63.

Новичкова Л.М. Инструменты стратегического анализа компании // Молодой ученый. 2015б. Спецвыпуск. № 21.1. С. 56–60.

Сикирин С. #PRO Тренинг для тренеров. М.: Издательские решения, 2021.

Солдатова С.Э., Шаламов Г.Г. Перспективы и возможности использования теорий и методов менеджмента в подготовке специалистов по глобальному управлению // Молодой ученый. 2015. Спецвыпуск. № 21.1. С. 69–73.

Тозикова М.А. Новая версия стандарта ISO 9001: 2015: новые акценты в управлении персоналом // Интеграция науки, образования и бизнеса — основа модернизации экономики: материалы научной конференции аспирантов СПбГЭУ: Материалы научной конференции аспирантов СПбГЭУ. Санкт-Петербург: Изд-во: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 61–65.

Чуланова О.Л. Коучинг и фасилитация как инструменты повышения групповой эффективности в управлении проектными командами // Вестник НГУЭУ. 2019. № 4. С. 184–196. DOI: [10.34020/2073-6495-2019-4-184-196](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-4-184-196)

Baesens B., De Winne S., Sels L. Is Your Company Ready for HR Analytics? // MIT SLOAN Management Review. 2017. Vol. 58. № 2. P. 20–21.

Edwards M., Edwards K. Predictive HR Analytics. Mastering the HR Metric. New York: Kogan Page Limited, 2019.

Fitz-enz J. The New HR Analytics: Predicting the Economic Value of Your Company's Human Capital Investments. New York: AMACOM, 2010.

Madsen D., Slatten K. The Rise of HR Analytics: A Preliminary Exploration // Global Conference on Business and Finance Proceedings. 2017. Vol. 12. № 1. P. 148–159.

Mohammed A. HR Analytics: A Modern Tool in HR for Predictive Decision Making // Journal of Management. 2019. Vol. 6. Is. 3. P. 51–63. DOI: [10.34218/JOM.6.3.2019.007](https://doi.org/10.34218/JOM.6.3.2019.007)

References:

Baesens B., De Winne S., Sels L. (2017) Is Your Company Ready for HR Analytics? *MIT SLOAN Management Review*. Vol. 58. No. 2. P. 20–21.

Chulanova O.L. (2019) Coaching and Facilitation as Tools to Increase Group Effectiveness in Managing Project Teams. *Vestnik NGUEU*. No. 4. P. 184–196. DOI: [10.34020/2073-6495-2019-4-184-196](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-4-184-196)

Edwards M., Edwards K. (2019) *Predictive HR Analytics*. Mastering the HR Metric. New York: Kogan Page Limited.

Emelyanov U.N. (1985) *Aktivnoye sotsial'no-psikhologicheskoye obucheniye* [Active socio-psychological learning]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU.

Fitz-enz J. (2010) *The New HR Analytics: Predicting the Economic Value of Your Company's Human Capital Investments*. New York: AMACOM.

Karapetyan A.G., Shchepkova I.V. (2015) Issledovaniye trudovykh resursov predpriyatiya (na primere detskogo razvlekatel'nogo tsentra «ImperiyaInkov») [Study of the labor resources of the enterprise (on the example of the children's entertainment center 'Empire of the Incas')]. *Molodoy uchenyy. Special Issue*. No. 21.1. P. 83–86.

Madsen D., Slatten K. (2017) The Rise of HR Analytics: A Preliminary Exploration. *Global Conference on Business and Finance Proceedings*. Vol. 12. No. 1. P. 148–159.

Makshanov S.I. (1997) *Psikhologiya treninga: Teoriya. Metodologiya. Praktika* [Psychology of training: Theory. Methodology. Practice]. Saint Petersburg: Obrazovaniye.

Mohammed A. (2019) HR Analytics: A Modern Tool in HR for Predictive Decision Making. *Journal of Management*. Vol. 6. Is. 3. P. 51–63. DOI: [10.34218/JOM.6.3.2019.007](https://doi.org/10.34218/JOM.6.3.2019.007)

Novichkova L.M. (2015) Otsenka sostoyaniya innovatsionnogo potentsiala organizatsii [Assessment of the innovative potential of organization]. *Molodoy uchenyy. Special Issue*. No. 21.1. P. 60–63.

Novichkova L.M. (2015) Instrumenty strategicheskogo analiza kompanii [Tools of company strategic analysis]. *Molodoy uchenyy. Special Issue*. No. 21.1. P. 56–60.

Sikirin S. (2021) *#PRO Trening dlya trenerov* [About training for trainers]. Moscow: Izdatel'skiye resheniya.

Soldatova S.E., Shalamov G.G. (2015) Perspektivy i vozmozhnosti ispol'zovaniya teoriy i metodov menedzhmenta v podgotovke spetsialistov po global'nomu upravleniyu [Prospects and opportunities for using theories and methods of management in the training of specialists in global management]. *Molodoy uchenyy. Special Issue*. No. 21.1. P. 69–73.

Tozikova M.A. (2018) *Novaya versiya standart ISO 9001: 2015: novye aktsenty v upravlenii personalom* [New version of ISO 9001: 2015: New aspects in personnel management]. Integratsiya nauki, obrazovaniya i biznesa — osnova modernizatsii ekonomiki: materialy nauchnoy konferentsii aspirantov SPbG·EU. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. P. 61–65.

Veretennikova E., Miroshnichenko I., Kalugyan K. (2021) Analysis of KPI Achievement by Organizational Units Using Microsoft Power BI. *Sistemnyy analiz v proyektirovanii i upravlenii*. Vol. XXV. No. 1. P. 455–463. DOI: [10.18720/SPBPU/2/id21-93](https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/id21-93)

Zonin N.A., Klimova N.V., Lunin V.E. (2015) Sostavleniye portreta potrebitelya (na primere rynka obrazovatel'nykh uslug) [Drawing up a portrait of the consumer (on the example of the educational services market)]. *Molodoy uchenyy. Special Issue*. No. 21.1. P. 42–45.

Дата поступления / Received: 21.12.2022

Кадровая обеспеченность в сфере информационных технологий в России: проблемы и перспективы

Швыряев Павел Сергеевич

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: ShvyryaevPS@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6531-8970](https://elibrary.ru/6531-8970)

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблемы кадровой обеспеченности ИТ-специалистами в России в 2022 году; проанализированы характер и масштаб данного процесса. В течение 2022 года страну покинули наиболее квалифицированные и востребованные кадры — лидеры цифровой трансформации настоящего и будущего. В российских организациях уехавшие высококвалифицированные специалисты замещаются кадрами более низкой квалификации с меньшим опытом, более скромным набором навыков и умений. Причем сам поиск новых кадров может растягиваться на несколько месяцев, что оказывает негативное влияние на производственные процессы. За 2022 год среди российских специалистов сформировался высокий потенциал для отъезда и переориентации на иностранные компании. Долгосрочный негативный вклад в отток квалифицированных кадров из России вносят введенные в отношении сфер науки и образования санкции. Предпринимаемые российскими властями меры по решению проблемы имеют ограниченную эффективность: можно говорить о перспективе стабилизации или заморозке проблемы, но не о ее решении. Подчеркивается, что при отсутствии действенных тактических и стратегических мер по решению данной проблемы в перспективе ближайших лет российское государство может столкнуться с новой проблемой: технологической деградацией и застоём в цифровом развитии на фоне дефицита высококвалифицированных кадров. Данная проблема требует незамедлительных мер по ее устранению, прежде всего через понимание причин отъезда специалистов, а также их целей и мотивов, жизненных установок. Принимаемые государством меры поддержки должны учитывать два уровня причин: во-первых, это минимизация влияния тех факторов, которые побудили специалистов покинуть страну; во-вторых, создание долгосрочных комфортных и привлекательных условий для развития ИТ-специалистов внутри страны.

Ключевые слова

«Утечка мозгов», цифровое развитие, кадровый потенциал, санкции, государственная политика.

Staffing in the Field of Information Technology in Russia: Problems and Prospects

Pavel S. Shvyriaev

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ShvyryaevPS@spa.msu.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the problem of staffing in the field of information technology in Russia in 2022; the nature and scale of this process are analyzed. During 2022, the most qualified and sought-after personnel left the country — the leaders of the digital transformation of the present and future. In Russian organizations, highly qualified specialists who have left are being replaced by lower-skilled personnel with less experience and a more modest set of skills and abilities. Moreover, the process of searching for new personnel can stretch for several months, which has a negative impact on production processes. In 2022, a high potential for departure and reorientation to foreign companies has formed among Russian specialists. The long-term negative contribution to the outflow of qualified personnel from Russia is made by the sanctions imposed on the fields of science and education. The measures taken by the Russian authorities to solve the problem are of limited effectiveness: one can talk about the prospect of stabilizing or freezing the problem, but not about its solution. It is emphasized that in the absence of effective tactical and strategic measures to solve this problem, in the coming years, the Russian state may face a new problem: technological degradation and stagnation in digital development against the backdrop of a shortage of highly qualified personnel. This problem requires immediate measures to eliminate it, primarily through an understanding of the reasons for the departure of specialists, as well as their goals and motives, life attitudes. Support measures taken by the state should take into account two levels of reasons: firstly, it is the minimization of the influence of those factors that prompted specialists to leave the country; secondly, the creation of long-term comfortable and attractive conditions for the development of IT specialists within the country.

Keywords

“Brain drain”, digital development, human resources, sanctions, public policy.

Введение

Достижения эпохи цифровизации существенно расширили возможности трудовой мобильности, прежде всего среди работников интеллектуального труда, занятых в креативной индустрии. Особенно это касается сотрудников ИТ-отрасли. Молодой и перспективный ИТ-специалист со знанием иностранных языков сегодня уже может быть не привязан к какому-то конкретному месту или государству. Работники цифровых профессий легко адаптируются к новым условиям: климату, часовым поясам, корпоративной и языковой

культуре, менталитету. За поиск и удержание наиболее перспективных сотрудников развивается высокая конкуренция на всех уровнях: среди государств, корпораций, образовательных и исследовательских центров. На рынке найма ИТ-специалистов в последние годы можно наблюдать необычную картину, которая получила название «рынок соискателя»: именно опытный и квалифицированный сотрудник выбирает место работы, своего нового работодателя, а не наоборот, что характерно для других сфер занятости. Количество предложений от потенциальных работодателей у таких специалистов может достигать десятков в месяц и больше, а привлечение в компанию таких талантов рассматривается как одна из ключевых задач менеджеров по персоналу [Banerjee, Gupta 2019]. В последние годы набирает популярность и практика One Day Offer, когда у талантливых специалистов есть возможность найти новое место работы за один день. Такие возможности открывают для ИТ-специалистов большие перспективы для поиска нового работодателя, а развитие программ поощрения и удержания сотрудников становятся важной задачей для руководства компаний.

Причины такой серьезной борьбы за привлечение самых талантливых специалистов очевидны: представители креативной технологической отрасли сегодня — основа и опора экономического роста и процветания как организации, так и государства, на экономику которого трудится сотрудник. Это подтверждают и результаты научных исследований: иммигранты, особенно высококвалифицированные, оказывают статистически значимое и положительное влияние на рост региональной экономики, а также на производительность труда [Tirayalai 2020]. Цифровой продукт — мощный инструмент оптимизации и масштабирования бизнес-процессов, важный фактор в технологической гонке. Данное утверждение особенно актуально для России как развивающейся экономики: дальнейшее развитие экономики сегодня находится в прямой зависимости от развития информационных технологий [Харламова, Сорокина 2017, 53]. Технологическое развитие является важным фактором, повышающим темпы роста экономики на макроуровне, прибыль и рыночное положение компаний на микроуровне [Çalışkan 2015, 649]. Таким образом, для долгосрочного экономического и технологического развития задача возвращения и удержания наиболее квалифицированных кадров, особенно в области информационных технологий, остается одной из важных задач для государства.

Несмотря на реализацию масштабных проектов в области развития цифровой экономики России и кадрового потенциала страны¹, проблема кадровой обеспеченности ИТ-специалистами на текущий момент не только сохраняется, но и обостряется. По данным Росстата, России требуется больше миллиона ИТ-специалистов². Отъезд квалифицированных кадров, или так называемая «утечка мозгов», — проблема далеко не новая для нашего государства, имеет глубокие корни и остается актуальной по настоящее время. В истории современной России можно выделить несколько волн отъезда специалистов в области информационных технологий, последняя из которых пришлась на 2022 год.

Рассмотрим ключевые характеристики данного процесса: какие специалисты уезжают и в каком количестве, кто приходит им на замену. Такие изменения заслуживают особого внимания, поскольку имеют долгосрочные последствия для цифрового развития страны.

¹ Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 13.02.2023).

² Росстат: России дополнительно требуется больше миллиона ИТ-специалистов // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/04/27/rosstat-rossii-dopolnitelno-trebuetsia-bolshe-milliona-it-specialistov.html> (дата обращения: 06.02.2023).

В ответ на массовый отток специалистов российские власти предпринимают ряд мер по возвращению уехавших сотрудников. Каковы эти меры, их эффективность и перспективы? Эти вопросы также будут рассмотрены в статье.

Отток ИТ-специалистов из России: риски и последствия для цифрового развития страны

В чем главная опасность «утечки мозгов» с точки зрения экономического и цифрового развития государства? Чаще всего страну покидают наиболее квалифицированные специалисты с высокой степенью адаптации, которые имеют возможность без особых усилий найти новое место работы в иных языковых и культурных условиях. Благодаря глобальному тренду на цифровизацию сегодня такими специалистами являются прежде всего сотрудники в сфере информационных технологий, представители цифровых профессий. В силу возможностей удаленной работы такие специалисты могут работать из любой точки мира или без особых сложностей найти работу в иностранных компаниях: сегодня барьеры при приеме на работу представителей цифровых профессий снижаются, постоянно совершенствуются программы привлечения талантливых ИТ-специалистов со всего мира.

В сложившейся ситуации темпы и объемы трудовой миграции высококвалифицированных человеческих ресурсов — важный индикатор происходящих в государстве процессов. Возможности для подготовки и удержания талантливых человеческих ресурсов можно охарактеризовать как одно из ключевых конкурентных преимуществ в технологической гонке. Это один из самых фундаментальных факторов экономического роста, который во многом определяет разницу в доходах между странами [Булина и др. 2020, 163]. Приток перспективных сотрудников из-за рубежа, международный обмен опытом, создание экспертного сообщества и совместных инициатив свидетельствуют о положительной динамике в вопросах обеспечения экономического и цифрового роста. Отток квалифицированных человеческих ресурсов из страны сигнализирует о том, что данному процессу стоит уделить особое внимание: определить причины и принять комплексные меры по улучшению ситуации. В особых случаях масштабного, ускоренного оттока человеческих ресурсов можно говорить о возникновении социальной проблемы. Без должного внимания такая проблема может перерасти в социальное бедствие государственного масштаба, что приведет к ухудшению состояния всех сфер общественной жизни.

С точки зрения миграционного оттока 2022 год оказался одним из наиболее заметных в истории современной России. По заявлениям российских властей, в 2022 году страну могло покинуть до 10% сотрудников ИТ-компаний, или порядка 100 тысяч человек³. Несмотря на высокие абсолютные и относительные величины, по мнению главы Министерства цифрового развития М. Шадаева, данный отъезд не нанес непоправимого ущерба отрасли и не приобрел глобальный характер⁴.

Действительно, несмотря на некоторые сложности, российский частный и государственный секторы быстро приспособились к новым условиям. Одна из важных особенностей бизнеса — высокая степень адаптивности к быстро меняющимся условиям окружающей действительности. Данная характеристика применима и к процессу поиска и найма новых специалистов взамен уехавшим и уволившимся. Особенно заметны процессы обновления кадрового состава в тех

³ Глава Минцифры сообщил, что порядка 100 тыс. айтишников покинули РФ в этом году // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/877771> (дата обращения: 12.02.2023).

⁴ Глава Минцифры не считает глобальным отъезд ИТ-специалистов из России // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/874226> (дата обращения: 12.02.2023).

сферах, которые не допускают работы из-за рубежа: банковский сектор, государственные системообразующие организации, органы власти. К примеру, по заявлению главы «Сбербанка» Г. Грефа, к марту 2023 года «почти компенсирован» недостаток ИТ-специалистов, вызванный двумя волнами отъездов в 2022 году⁵. Из этого можно сделать вывод о том, что на решение проблемы замены уехавших сотрудников банку потребовался как минимум год, поскольку начало первой волны отъезда специалистов пришлось на конец февраля 2022 года.

Если предположить, что на замену примерно 10% уехавших сотрудников банку потребовался один год, то каковы варианты дальнейшего развития ситуации в случае ее ухудшения? Опросы представителей ИТ-отрасли в 2022 году показывают, что около трети специалистов планируют покинуть Россию в ближайший год⁶ или занимаются поиском работы в иностранных компаниях с возможностью релокации⁷. Несмотря на действия, предпринимаемые властями по удержанию оставшихся и возвращению уехавших специалистов, серьезное ухудшение ситуации может спровоцировать очередную, третью, волну оттока ИТ-сотрудников. Новая волна может оказать более серьезное влияние на технологическое развитие страны.

Прежде всего это будет более ожидаемый, спланированный и подготовленный отъезд. Если в 2022 году происходил стихийный, массовый отъезд из страны сотрудников, которые преимущественно продолжали работать на российскую экономику⁸, то в будущем мы можем наблюдать усиление тренда на долгосрочную переориентацию специалистов на западные компании. В таких условиях рассчитывать на возврат уехавших, подобно тому, что было в 2022 году⁹, не приходится: здесь мы имеем дело не с эмоциональным и импульсивным, а рациональным и просчитанным решением, которое постепенно претворяется в жизнь. Результаты упоминавшегося выше исследования показывают, что немалая часть ИТ-специалистов готовится к отъезду и работе в зарубежных компаниях: больше половины опрошенных планируют вложиться в самообразование, половина — заняться иностранным языком, а треть искали работу в иностранных компаниях в 2022 году. Сотрудники ощущают напряженность ситуации и рассматривают варианты с релокацией и сменой места работы, что и подтверждают результаты опроса.

Кроме того, потенциал и возможности человеческих ресурсов внутри страны не безграничны. На смену уехавшим специалистам с опытом и высокой квалификацией приходят специалисты более низкого уровня, которые требуют дополнительного обучения. Это отмечают как представители бизнеса в лице Г. Грефа, который подчеркивает необходимость восстановления «квалификационной составляющей» новых сотрудников¹⁰, так и представители власти в лице министра цифрового развития М. Шаддаева, который заявил, что уезжают, наверное, одни из самых компетентных, профессиональных сотрудников, которые точно востребованы на международном рынке¹¹.

⁵ Греф рассказал о двух волнах оттока ИТ-специалистов из «Сбера» в 2022-м // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/09/03/2023/6409af299a79470d6115e3a7> (дата обращения: 12.03.2023).

⁶ Более 30% ИТ-специалистов уехали из России или планируют релокацию // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/477957-bolee-30-it-specialistov-uehali-iz-rossii-ili-planiruyut-relokaciu> (дата обращения: 12.02.2023).

⁷ Утечка умов: треть айтишников планируют уехать из России // РБК Тренды [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/623b3de09a794766e19c7e14> (дата обращения: 12.02.2023).

⁸ 80% уехавших ИТ-специалистов продолжают работать на Россию, ограничения для них преждевременны // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5734701> (дата обращения: 14.02.2023).

⁹ Мишустин сообщил о возвращении 85% ИТ-специалистов, уехавших за рубеж // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/05/2022/6290b8009a7947311d9f42c7> (дата обращения: 18.02.2023).

¹⁰ Греф рассказал о двух волнах оттока ИТ-специалистов из «Сбера» в 2022-м // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/09/03/2023/6409af299a79470d6115e3a7> (дата обращения: 12.03.2023).

¹¹ Глава Минцифры не считает глобальным отъезд ИТ-специалистов из России // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/874226> (дата обращения: 12.02.2023).

Сложившаяся ситуация не привела к технологическому коллапсу в России в 2022 году: продукция уходящих западных ИТ-компаний активно заменяется отечественными аналогами, а российские власти заявляют о достижении «цифрового суверенитета»¹². В этой связи важно отметить, что в процессе импортозамещения в ИТ показал себя флагманом государственный сектор, в то время как коммерческий занял скорее выжидательную позицию¹³. Среди основных недостатков отечественных решений представители отрасли отмечали отсутствие альтернатив зарубежной продукции на российском рынке и неудовлетворенность по результатам использования. Тем не менее последовательный переход на российские аналоги происходит. Это может свидетельствовать о долгосрочной ориентации на российские решения и продукцию «дружественных стран»: технологический переход на новые цифровые системы, как правило, сложный и длительный процесс, особенно в крупных государственных и коммерческих организациях. Такие решения обычно не предпринимаются на коротком временном промежутке.

Безусловно, события 2022 года подстегнули интерес внутреннего потребителя к отечественным цифровым решениям. Это может стать мощным импульсом для развития российского сектора информационных технологий как для внутреннего рынка, так и рынков «дружественных стран». Тем не менее такой интерес нельзя назвать добровольным: это вынужденная мера в условиях мощных санкций, наложенных на российский технологический сектор. Факт введения значительных ограничений в области высоких технологий является серьезным неблагоприятным событием и с высокой вероятностью окажет негативное влияние на цифровое развитие страны в долгосрочной перспективе. Данные ограничения, а также геополитические события могут негативно повлиять и на уровень образовательной экспертизы в российской технологической отрасли. На формирование данного негативного тренда может повлиять сразу несколько событий, которые рассмотрим подробнее.

Это прежде всего уход экспертизы международных ИТ-компаний. Причем не только с российского рынка с релокацией своих сотрудников за рубеж¹⁴, но и сворачивание деятельности в российской системе образования¹⁵. На смену образовательным программам ушедших зарубежных компаний приходят российские. Однако, как отмечают эксперты, в сложившейся ситуации неопределенности эффективность и объем финансирования будут значительно ниже. Как итог, уровень экспертизы и подготовленности новых кадров может оказаться значительно хуже, чем раньше.

Помимо частного сектора, масштабные санкции в немалой степени затронули сферу науки и образования [Фомкин 2022, 106]. Современная эффективная научная деятельность невозможна в условиях серьезной изоляции и международных ограничений. Безусловно, введение ограничений на научные связи зарубежных и российских научных организаций и коллективов и особенно ограничение возможностей приобретения научного оборудования создают серьезные препятствия для развития российской науки [Ханин 2022, 71]. Разрыв международных проектов и прекращение обмена опытом между исследователями негативно отразятся на развитии российской науки и образования на горизонте ближайших лет. Предпринятые санкции — это прежде всего ставка на долгосрочное ухудшение ситуации в российской экономике, различных

¹² Минцифры объяснили цифровой суверенитет России уходом западных компаний // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/11/2022/638099cd9a79473b281ae819> (дата обращения: 12.02.2023).

¹³ Импортозамещение в ИТ: разные тактики, общие проблемы // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/12/22/importozameschenie-v-it-raznie-taktiki-obschie-problemi (дата обращения: 12.02.2023).

¹⁴ ИТ-компании экспортируют сотрудников // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5237954> (дата обращения: 12.02.2023).

¹⁵ Вузы перепрограммируются // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5583822> (дата обращения: 12.02.2023).

областях науки и образования. Несмотря на «достаточно удачную адаптацию»¹⁶ всей системы исследований и разработок к новым вызовам, перспективы российской науки в ближайшие годы вызывают опасения, в том числе и с точки зрения усугубления проблемы «утечки мозгов». Как удержать молодые и перспективные научные кадры в условиях работы под санкциями: ограничений на публикации в ведущих мировых журналах, импорта зарубежного оборудования и реагентов и даже сложностей с доступом к западным научным изданиям?

Нельзя не отметить риск усугубления проблемы «ползучей» деградации экспертизы в разных областях, в том числе и области информационных технологий. Сотрудники, которые в последние месяцы активно переориентируются на западные компании, — это штучный дорогостоящий ресурс. Подготовка хорошего ИТ-специалиста, деятельность которого будет направлена на обеспечение экономического роста страны, на которую он работает, — это длительный процесс, который занимает как минимум несколько лет. Талантливый разработчик, тестировщик или системный архитектор — это симбиоз задатков и стремлений, которые подкрепляются любознательностью, упорством и желанием развиваться, а также практическим опытом в условиях корпоративного мира. Кто же сегодня приходит на смену этим опытным специалистам? В российской сфере образования нельзя не отметить тренд на все большую коммерциализацию области подготовки ИТ-специалистов. Перед человеком, принявшим решение освоить цифровую профессию, сегодня часто встает выбор: получить фундаментальное образование в течение 4–6 лет в классическом университете или же освоить экспресс-курсы в онлайн-школе за несколько месяцев. В условиях агрессивной повсеместной рекламы образовательных экспресс-курсов выбор все чаще падает в пользу онлайн-школ. Большинство таких курсов — низкокачественный продукт из-за невозможности найти достаточное количество хороших преподавателей, а зачастую и отсутствия цели сделать обучение более качественным¹⁷. Вместе с тем проблемы с подготовкой востребованных ИТ-специалистов существуют и в университетской среде: российская система высшего образования в сфере подготовки ИТ-кадров остается консервативной, недостаточно мобильной и гибкой, работает не на рынок труда [Климова 2020, 102].

В чем опасность описанных выше событий для технологического развития страны? Прежде всего это разрыв международных связей, прекращение обмена опытом между ведущими представителями отрасли, нарушение преемственности экспертизы между поколениями сотрудников. Даже уход одного опытного высококвалифицированного специалиста — это большая потеря для компании, на восполнение которой потребуются не только большие денежные, но и временные ресурсы. Уход таких сотрудников способен если не парализовать, то сильно затруднить поддержку имеющихся и развитие новых технологических продуктов организации. Нарушается обмен опытом между сотрудниками и командами как внутри организаций, так и в пределах всего экспертного сообщества. Несмотря на популярность онлайн-образования и цифровых средств коммуникации, доступности профессионального контента в интернете, совместную работу в реальных бизнес-условиях с профессионалом сложно переоценить. Именно такой опыт наиболее ценен для компаний и на его наличие делается упор при поиске новых кандидатов. Даже при наличии продвинутых цифровых тренажеров и симуляторов, портфолио из десятков «домашних»

¹⁶ Валерий Фальков: санкции не остановили развитие российской науки // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/16988115> (дата обращения: 12.02.2023).

¹⁷ «Отсрочка от реальной работы»: можно ли заработать в IT после онлайн-курсов // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/07/31/13815866/it_courses.shtml (дата обращения: 12.02.2023).

и «тестовых» проектов наиболее важным показателем экспертизы для работодателя выступает реальный опыт и достижения в рамках коммерческих проектов. Такой послужной список у выпускников онлайн-курсов или вчерашних студентов, как правило, отсутствует.

Зародившиеся в 2022 году тенденции имеют отложенный эффект и проявляются на длинной дистанции. В этом их относительная безболезненность на краткосрочном промежутке времени и опасность на дистанции лет и десятилетий. Действительно, в моменте российская инфраструктура не испытала коллапса, поскольку масштаб оттока человеческих ресурсов не превысил критической отметки. Однако по результатам произошедшего замещения уехавших сотрудников наблюдается устойчивый тренд на снижение общего уровня экспертизы: квалификация уехавших специалистов выше тех, кто пришел им на замену. В случае ухудшения общей ситуации в стране и мире риск дальнейшего отъезда оставшихся в России специалистов еще больше усугубит ситуацию. Причем, как уже отмечалось ранее¹⁸, новая волна отъезда может иметь более масштабный характер, что приведет к новым, еще более серьезным последствиям для цифрового развития страны.

Российские власти понимают сложность ситуации, в которой оказалась страна. В 2022 году развернулась дискуссия по поводу того, стоит ли применять санкции к уезжающим россиянам¹⁹. Призыв Министерства цифрового развития не применять «драконовских мер» против уехавших сотрудников²⁰ можно приветствовать и поддержать. Несмотря на то, что подавляющее большинство уехавших (80%) продолжают работать на российские компании²¹, принятие санкций в их отношении может подстегнуть к поиску работы на зарубежные компании. Тем не менее оставшиеся 20%, то есть порядка 20 тысяч ИТ-специалистов, продолжают работать на экономики других стран. Как стало известно в начале 2023 года, властями разрабатывается целый комплекс мер по возвращению уехавших россиян²². Среди мер поощрительного характера отмечается гарантированная бронь от призыва в армию и оплата перелета в Россию. Действительно, события 2022 года оказали негативное влияние на морально-психологическое состояние части населения, в том числе и ИТ-специалистов. Такое состояние выливалось в том числе в спонтанные, эмоциональные решения покинуть страну. Как итог, наблюдались резкие скачки цен на авиабилеты²³, а на границах образовывались многочасовые пробки²⁴. Такие панические действия — ожидаемое поведение человека в условиях критической ситуации, которая воспринимается как опасная для его настоящего и будущего. В случае стабилизации ситуации в будущем мы можем не наблюдать подобных событий, которые случились в 2022 году. Однако это может не означать улучшения ситуации в целом. Как уже отмечалось выше, потенциал отъезда квалифицированных ИТ-кадров из России по-прежнему высок. И в будущем процесс отъезда из страны может принять более цивилизованную и растянутую во времени форму: это будет не паническое бегство, а хорошо обдуманное решение.

¹⁸ Утечка умов: треть айтишников планируют уехать из России // РБК Тренды [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/623b3de09a794766e19c7e14> (дата обращения: 12.02.2023).

¹⁹ Клишас допустил ограничения для уехавших после начала мобилизации россиян // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2022/638d2ce19a79479f6ed38f92> (дата обращения: 12.02.2023).

²⁰ Минцифры выступило против мер в отношении уехавших ИТ-сотрудников // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/42184/> (дата обращения: 12.02.2023).

²¹ Минцифры: 80% уехавших ИТ-специалистов продолжают работать на Россию, ограничения для них преждевременны // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5734701> (дата обращения: 12.02.2023).

²² Родина-мать не призвет // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5759974> (дата обращения: 12.02.2023).

²³ Подорожание на подлете // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5582683> (дата обращения: 13.02.2023).

²⁴ «Поток людей огромный»: что происходит на границе Казахстана и России // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/photo/situation-on-the-border-of-kazakhstan-and-russia.shtml> (дата обращения: 13.02.2023).

Способны ли транслируемые властями предложения изменить сложившуюся ситуацию? Только частично и преимущественно в краткосрочной перспективе. Тренд на отток квалифицированных специалистов, отчетливо наметившийся в России за последние годы, резко ускорился в течение 2022 года. Обсуждаемые и предпринимаемые на текущий момент меры носят несистемный, фрагментарный характер как первая ответная реакция на резкое обострение ситуации. При этом политика государства в вопросах решения данной проблемы должна быть направлена на выстраивание долгосрочных доверительных отношений с гражданами. Важно не запретить или ограничить возможности релокации, не «купить» лояльность уезжающих, а на деле показать и доказать, в чем преимущества работы на отечественную экономику относительно предложений из-за границы. Необходимо создание благоприятного социального климата в результате сочетания финансовой и культурно-гуманитарной поддержки высококвалифицированных специалистов, возвращающихся или впервые приезжающих для работы в Россию [Казанцев, Боришполец 2013, 212]. В более глобальном смысле можно говорить о развитии международного бренда России как перспективной экономики, открытой для новых специалистов с профессиями будущего: преподавателей, ученых-исследователей, ИТ-специалистов. Имидж государства представляет собой средство для решения широкого круга задач, стоящих перед страной: достижения стратегических целей, защиты национальных интересов, а также формирования благоприятной и перспективной среды для реализации собственного потенциала [Сагалаева 2020, 51]. Это длительная работа на десятилетия вперед, результатом которой будет формирование позитивного имиджа не только в глазах уехавших россиян, но и иностранных специалистов, всего мирового сообщества.

Заключение

В 2022 году российское государство столкнулось с масштабной, серьезной волной отъезда квалифицированных кадров, в том числе и ИТ-специалистов. Данный процесс приобрел массовый характер и затронул все сферы общественной жизни. Ключевая опасность этого процесса — это его долгосрочные последствия для цифрового и экономического развития страны. В случае отсутствия эффективных антикризисных мер и ухудшения ситуации в стране российское государство может столкнуться с новой долгосрочной социальной проблемой, а при особо негативном развитии ситуации — и с социальным бедствием. Сложившаяся ситуация требует незамедлительных и эффективных мер по ее решению по трем ключевым направлениям: во-первых, это возвращение уже уехавших специалистов; во-вторых, снижение потенциала оттока у тех, кто пока остается в стране; в-третьих, работа над имиджевой составляющей российского государства как для российских, так и зарубежных специалистов. Решение сложившейся проблемы требует глубокого понимания ожиданий, мотивов, целей и настроений высококвалифицированных сотрудников. Попытки использования метода «кнута и пряника» в вопросах удержания специалистов малоэффективны. Вместо этого фокус внимания российского руководства должен быть направлен на создание комфортных и конкурентных условий для специалистов для их долгосрочной и плодотворной работы внутри страны на благо ее экономическому и цифровому развитию.

Сложность и опасность данной проблемы уже неоднократно отмечалась на всех государственных уровнях, включая Правительство, Государственную Думу и Президента. Однако по состоянию на март 2023 года можно констатировать, что комплексный пакет мер по возвращению уехавших ИТ-специалистов все еще находится на этапе обсуждения и разработки.

Список литературы:

Булина А.О., Мозговая К.А., Пахнин М.А. Человеческий капитал в теории экономического роста: классические модели и новые подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. № 2. С. 163–188. DOI: [10.21638/spbu05.2020.201](https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.201)

Казанцев А.А., Боришполец К.П. «Утечка мозгов» из России как политико-управленческая проблема // Вестник МГИМО. 2013. № 6(33). С. 206–214. DOI: [10.24833/2071-8160-2013-6-33-206-214](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-6-33-206-214)

Климова Ю.О. Проблемы подготовки кадров в сфере информационных технологий // Проблемы развития территории. 2020. № 6(110). С. 86–105. DOI: [10.15838/ptd.2020.6.110.6](https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.6)

Сагалаева С.С. Имидж государства: сущность и подходы к определению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 2(839). С. 43–54.

Фомкин Ф.С. Российская наука в период санкций // Respublica Literaria. 2022. Т. 3. № 3. С. 106–117. DOI: [10.47850/RL.2022.3.3.106-117](https://doi.org/10.47850/RL.2022.3.3.106-117)

Ханин Г.И. Российская наука в период санкций в свете проблемы модернизации российской экономики // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 3. С. 69–84. DOI: [10.19181/sntp.2022.4.3.6](https://doi.org/10.19181/sntp.2022.4.3.6)

Харламова Т.Л., Сорокина Ю.А. Информационные технологии как фактор экономического развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 2(23). С. 53–59.

Banerjee P., Gupta R. Talent Attraction through Online Recruitment Websites: Application of Web 2.0 Technologies // Australasian Journal of Information Systems. 2019. Vol. 23. DOI: <https://doi.org/10.3127/ajis.v23i0.1762>

Tipayalai K. Impact of International Labor Migration on Regional Economic Growth in Thailand // Economic Structures. 2020. Vol. 9. DOI: [10.1186/s40008-020-00192-7](https://doi.org/10.1186/s40008-020-00192-7)

Çalışkan H. Technological Change and Economic Growth // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 195. P. 649–654. DOI: [10.1016/j.sbspro.2015.06.174](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.06.174)

References:

Banerjee P., Gupta R. (2019) Talent Attraction through Online Recruitment Websites: Application of Web 2.0 Technologies. *Australasian Journal of Information Systems*. Vol. 23. DOI: <https://doi.org/10.3127/ajis.v23i0.1762>

Bulina A.O., Mozgovaya K.A., Pakhnin M.A. (2020) Human Capital in Economic Growth Theory: Classical Models and New Approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. Vol. 36. No. 2. P. 163–188. DOI: [10.21638/spbu05.2020.201](https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.201)

Çalışkan H. (2015) Technological Change and Economic Growth. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 195. P. 649–654. DOI: [10.1016/j.sbspro.2015.06.174](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.06.174)

Fomkin F.S. (2022) Russian Science during the Sanctions. *Respublica Literaria*. Vol. 3. No. 3. P. 106–117. DOI: [10.47850/RL.2022.3.3.106-117](https://doi.org/10.47850/RL.2022.3.3.106-117)

Kazantsev A.A., Borishpolets K.P. (2013) “Brain Drain” from Russia as Problem of Political Governance. *Vestnik MGIMO*. No. 6(33). P. 206–214. DOI: [10.24833/2071-8160-2013-6-33-206-214](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-6-33-206-214)

Khanin G.I. (2022) The Russian Science during the Period of Sanctions in Relation to the Problem of Modernization of the Russian Economy. *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika*. Vol. 4. No. 3. P. 69–84. DOI: [10.19181/sntp.2022.4.3.6](https://doi.org/10.19181/sntp.2022.4.3.6)

Kharlamova T.L., Sorokina Yu.A. (2017) Information Technologies as a Factor of Economic Development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. Vol. 7. No. 2(23). P. 53–59.

Klimova Yu.O. (2020) The Problem of Training Personnel in Information Technology. *Problemy razvitiya territorii*. No. 6(110). P. 86–105. DOI: [10.15838/ptd.2020.6.110.6](https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.6)

Sagalaeva S.S. (2020) Image of the State: The Content and Approaches to Defining. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*. No. 2(839). P. 43–54.

Tipayalai K. (2020) Impact of International Labor Migration on Regional Economic Growth in Thailand. *Economic Structures*. Vol. 9. DOI: [10.1186/s40008-020-00192-7](https://doi.org/10.1186/s40008-020-00192-7)

Дата поступления/Received: 26.02.2023